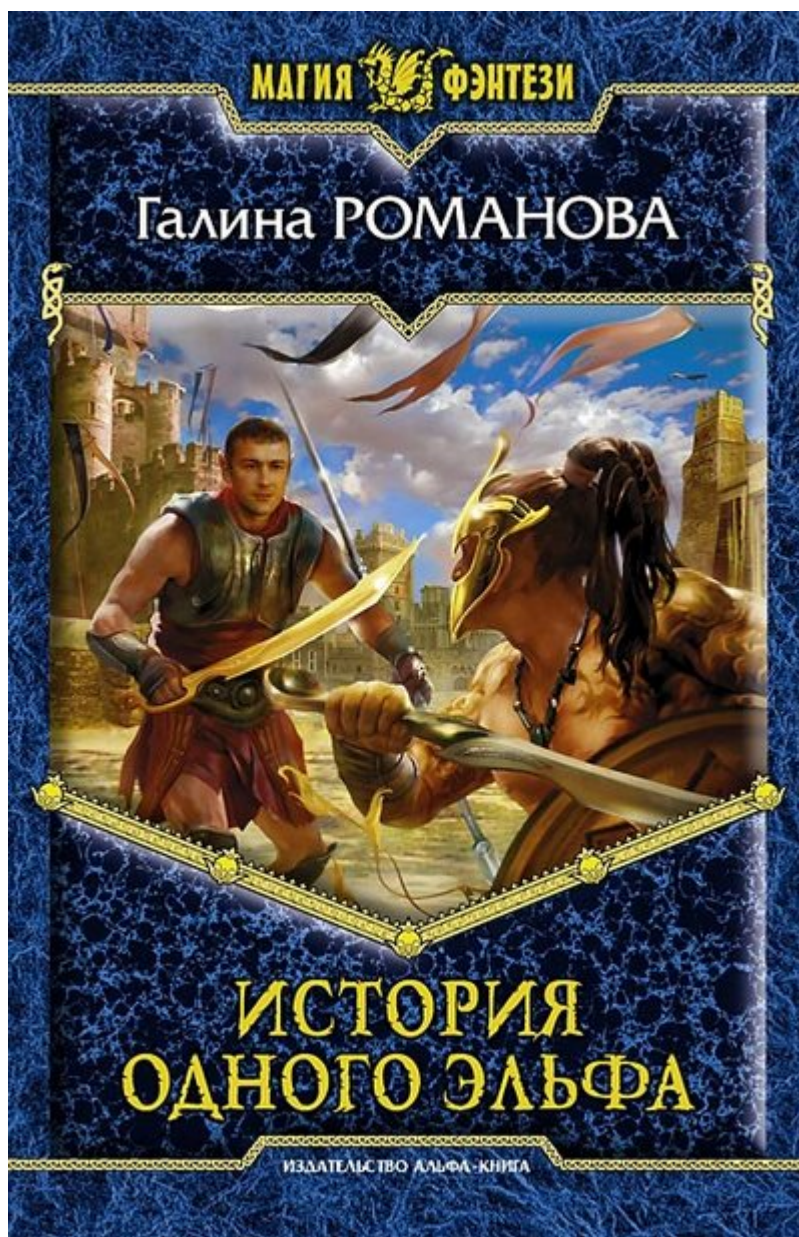

Галина Львовна Романова
История одного эльфа

«Галина Романова. История одного эльфа»: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0680-7

Аннотация

Высокий жребий предсказала Видящая юному Данкору из древнего, но ничем не примечательного Дома Дармира. Пройдя множество испытаний, вознесется он так высоко, как только возможно. Но пока лишь его удел — изгнание, разлука с любимой женщиной, война, плен и рабство. Что еще суждено пережить Данкору? Не ошиблась ли Видящая в своем предсказании?

Галина Романова
История одного эльфа

Пролог

— Экземпляр номер четыре! Молодой мужчина! «Экземпляр» был очень хорош — высокий, стройный, мускулистый. Даже со связанными за спиной руками он производил впечатление сильного бойца. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам. Пленника натерли маслом, придающим коже слабый ореховый оттенок — известно, что эльфы не загорают. Из одежды на мужчине была только полоса набедренной повязки, позволяющая оценить фигуру будущего раба.

— Вы только на него посмотрите! — старался торговец. — Какой красавец! Он еще молод и годится для всего — и для обучения новому ремеслу, и для тяжелой работы, и для охраны! Ничего личного, — он снисходительно потрепал пленника по плечу, словно показывая, что к своему «товару» относится с теплотой любящего отца, — это только моя работа. Надеюсь, ты на меня не в обиде?

Эльф посмотрел на него сверху вниз спокойным, ничего не выражающим взглядом. Он понимал человеческий язык с пятого на десятое, знал всего около сотни слов, да и те так или иначе вертелись вокруг торговли.

Торговец взял пленника за плечо, заставил повернуться одним боком, потом другим. Затем и вовсе развернул спиной, чуть коснувшись ее хлыстом — именно коснувшись, портить товар нельзя! — привлек внимание покупателей к мускулатуре.

— Вы только на него посмотрите! Какой красавец! Оставил бы себе, да жалко огорчать вас, господа! Товар без изъяна! Начальная цена — пятьдесят серебренников!

Нашлись покупатели, покачавшие головами — эльфами в последнее время рынок был прямо-таки завален, на торги шли юные девы и совсем еще дети, взрослые красавицы и юноши с оленьими глазами и грацией, заставлявшей даже почтенных отцов семейств обнаруживать у себя тягу к мальчикам. Попадались и мужчины. Так что некоторые посчитали, что цена несколько завышена. Тем более на третий день торгов, когда по традиции либо сплавляют залежалый товар по половинной стоимости, либо открывают закрытые аукционы, на которых продают нечто совсем уж оригинальное. Но тем не менее из задних рядов кто-то крикнул:

— Пятьдесят пять!

— Пятьдесят семь! — тут же откликнулся голос поближе.

— Пятьдесят семь! Прекрасная цена! — обрадовался торговец. — Кто даст больше?

— Шестьдесят! — Вверх взлетела рука с перстнем, поймавшим слепящий луч солнца.

— Шестьдесят пять! — крикнул первый.

— Семьдесят! — не сдавался обладатель перстня.

— Семьдесят пять! — включился второй голос.

— Восемьдесят. — Помедлив, перстень поднялся снова.

— Господа, господа, прошу обратить ваше внимание на его исключительную силу и ловкость! — вклинился торговец. — Вы желаете испытать его? А ну-ка...

Двое слуг подволокли по помосту несколько чугунных болванок. Торговец подскочил к эльфу и быстро снял с его запястий петлю.

— Давай, покажи, на что ты способен! Ну?

К чугунным болванкам для удобства были приделаны ручки. Схватившись за ближайшую, эльф легко поднял гирю до уровня груди, потом резко выдохнул и вздернул ее над головой, постоял немного и опустил назад. Не грохнул об пол, а именно опустил, чуть-чуть подержав на весу.

— Видите, как силен? — Торговец подскочил белкой к эльфу, завел руки назад и возвратил петлю на место. — А как послушен! Другой бы воспользовался случаем, чтобы удрать, а этот... Хм, пожалуй, я не стану его связывать. Он и так не убежит.

Эльф и правда остался стоять на краю помоста.

— Хорошо. — Обладатель перстня протиснулся вперед. — Восемьдесят пять.

— Даю девяносто! — тут же выкрикнул первый голос. Дородный мужчина с густой бородой тоже рванулся поближе к помосту.

— Девяносто пять! — не сдавался «перстень».

— Сто! — прогудел новый голос. Вмешавшийся в спор человек стоял чуть в стороне и не принимал участия в торгах. Два главных соперника даже переглянулись, мигом объединившись против новичка.

— Сто... э-э... один, — предложил бородач.

— Сто десять, — тут же перебил цену новичок.

— Ст-то десять? От-лично! — Торговец начал заикаться. — Вижу, вы настоящий ценитель! Посмотрите сами, каков...

— Сто пятнадцать, — выдал обладатель перстня с таким кислым лицом, что все сразу поняли — это предел его возможностей.

— Сто двадцать. — Новичок выглядел таким спокойным, словно речь шла о горсти медяков.

Обладатель перстня покачал головой и стал протискиваться к выходу. Торговец следил за ним таким взглядом, каким голодная акула провожает ускользающую добычу.

Бородач и новый покупатель посмотрели друг на друга.

— Господа, — торговец вздохнул и обратился к ним, — была предложена цена в сто двадцать серебряников. Кто-нибудь даст больше?

Он обращался к бородачу, и тот, вздохнув, произнес:

— Сто двадцать два.

— Сто пятьдесят, — бухнул оппонент. — Это — моя последняя цена! Сто пятьдесят серебряников и ни медяком больше!

Вокруг уважительно загудели, закачали головами.

Бородач неожиданно обратил на эльфа взгляд, от которого у пленника дрожь прошла по телу. Горечь поражения и просьба о прощении слились в нем.

Колотушка тем временем трижды ударила в медный гонг, символизируя окончание торгов и конец свободной жизни для еще одного эльфа.

— Благодарю вас, господин, — раскланялся перед покупателем продавец. — И от души завидую. Вы не могли вложить деньги в более выгодное предприятие. Рад за вас! Очень рад!

Полторы сотни серебряных монет переключались из рук в руки. Пока шел подсчет денег, раба свели с помоста, надели ошейник с поводком и передали охранникам нового хозяина. Тот, видимо завершив на сегодня дела, сразу направился к выходу.

Край полосатого полога, отделявшего помост от мира, отдернулся, и они вышли на большую площадь. Всюду, сколько хватало глаз, шла бойкая торговля. Любопытные зрители бродили от шатра к шатру, толпились перед открытыми помостами, на которые выводили одного раба за другим.

Продавали в основном нелюдей — с торгов шли урюки и орки, тролли и альфары, гоблины, экзотические, привезенные издалека, змеелюды, ну и, конечно, эльфы. Людей закон продавать запрещал, но торговцы издавна наловчились обходить препятствия. Соплеменников проводили на торги под видом «учеников» и «путешественников издалека», продавали из-под полы или сразу сдавали оптом перекупщикам, которые увозили их на нейтральную территорию. Кроме людей в числе покупателей встречались и нелюди, и никто не запрещал, например, оркам скинуться и выкупить сородича, волей случая оказавшегося проданным в рабство. Тем более что в Ирматуле к оркам издавна относились с уважением. Но только что проданный эльф проводил случайно прошедшего мимо орка ненавидящим взглядом. Презренная раса! Бывшие рабы! Это они виноваты в том, что он попал сначала в плен, а теперь — в рабство.

— Предмет семнадцать! — послышался пронзительный голос еще одного торговца. — Настоящая эльфийская дева!

Рядом мелькнул тот самый бородач, несолидным для человека его возраста галопом устремившийся к открытому помосту, на который только что вывели...

Невольно обернувшись на голос, эльф внезапно увидел женщину в сопровождении двух детей — маленького мальчика и девочки постарше.

Увидел — и узнал.

И не смог устоять.

История первая Коралловый Зуб

Солнечный луч коснулся моего лица, и я открыл глаза. В распахнутое окно спальни ворвался свежий ветер, несущий запахи цветов и трав. В чистом воздухе плыл слабый перезвон, и я невольно улыбнулся, сразу все вспомнив. Да и как я мог забыть о событии, которого так долго ждал!

Тихо распахнулись двери, впуская мою мать и старшую сестру. Вместе с ними в комнату ворвались усилившиеся ароматы цветов и трав. Двумя другими молодыми женщинами, вошедшими в спальню, были сестра отца, специально прибывшая на праздник, и одна из дам матери. Все вместе они приблизились к моему ложу.

— Данкор! О Данкор! — позвала мать. — Просыпайся, мой жеребенок!

Я, следивший за женщинами сквозь ресницы, тут же распахнул глаза.

— Тебе пора! — Мать коснулась губами моего лба. — Мы пришли проводить тебя.

Я сел на постели. Тетка тут же потянула на себя одеяло, и я невольно покраснел. Теперь мне стало понятно, почему в комнату пришли только замужние женщины. Я спал нагишом.

— Вставай! — Мать и тетка с двух сторон протянули руки. — Тебя ждут великие дела.

Сестра уже развернула длинную просторную рубашку. Тетка и дама матери достали новые штаны и сапоги. Последним мне на плечи лег шелковый плащ.

— Ты прекрасен, — прошептала мать, закрепляя шнурок, стягивающий плащ на горле.

Сестра распахнула двери, звонким голосом прокричала:

— Он идет! Смотрите! Он идет!

Сердце мое забилося часто-часто, когда я переступил порог своей спальни. В коридоре выстроились все обитатели нашего замка и гости, приехавшие на праздник. В первых рядах стояли мой отец, три незамужние сестры, жених одной из них, муж старшей сестры, муж и два сына моих старших кузин. Один из них в позапрошлом году прошел тот же обряд, который сегодня проходил я, а другому до этого знаменательного события было еще далеко.

Глаза отца светились торжеством, когда я, высоко держа голову, прошествовал мимо. Я понимал его гордость — как-никак я был единственным сыном. Сестры же веселились с непосредственностью девчонок — когда я проходил мимо них, они и еще несколько молодых девушек со смехом осыпали меня лепестками цветов.

— Данкор! Данкор идет! — раздавались голоса. Кроме эльфов в замке находились наши слуги, светлые альфары. У многих ради праздника сегодня был выходной, и они, одевшись в праздничные одежды, присоединились к моей семье и гостям.

— Данкор! Данкор, — из уст в уста передавалось мое имя, пока я шел к распахнутым настежь дверям и дальше, через залитые утренним солнцем двор и парк, к часовне.

Где-то на полпути мою мать, сестер и тетку оттеснили отец, дядя, зятья и кузены, так что порог часовни я переступил в окружении мужчин. Единственной женщиной тут была наша Видящая, которая ждала возле алтаря.

— Что привело вас сюда в такой ранний час? — спросила волшебница, впериw в нас тяжелый взгляд.

— Юный рыцарь, который горит желанием вступить в наши ряды, — промолвил отец.

— Где он?

— Вот он. — Я сделал шаг вперед.

— Ты? — Видящая как-то очень быстро оказалась прямо передо мной, снизу вверх просверлила меня пристальным взглядом. — Чего ты ищешь здесь?

— Этот юноша прошел все испытания, он достоин того, чтобы получить шпоры и встать в наши ряды, — промолвил за моей спиной отец.

— Кто поручится за это?

— Я. — Мой зять сделал шаг вперед. Я невольно поежился, вспомнив, с какими пылом и энергией он гонял меня по учебному плацу еще несколько дней назад.

— Знаю тебя, — кивнула Видящая. — Что ж, если он готов... Прошу!

Эльфийка чуть посторонилась, повела рукой в воздухе, словно сдерживая невидимый полог, и я увидел возле алтаря купель, изваянную в виде большой мраморной чаши, доверху наполненной водой. На поверхности плавали лепестки цветов, в воздухе разливался пряный аромат свежескошенной зелени.

Сразу несколько пар мужских рук вцепились в мою одежду. Я попытался сопротивляться, но тщетно. В один миг меня раздели, и я предстал перед Видящей в чем мать родила. Женщина спокойно скользнула по моему телу глазами, слегка задержала взгляд на чреслах и кивнула:

— Да, внешне он сложен безупречно. Иди! Сопровождающие мужчины уже выстроились в два ряда, обозначив мой путь к купели. Когда я сделал первый шаг, их мечи с тихим шелестом покинули ножны, так что я оказался перед настоящим коридором из стали. Сделал еще шаг — и ближайший рыцарь, один из воинов моего отца, плашмя опустил меч на мое плечо. Сделал второй шаг — и стоящий напротив него дядя сделал то же самое. Каждый мой шаг был отмечен ударом. Били по плечам, по спине, по груди. Некоторые удары были столь сильны, что я невольно пошатывался, но не пытался защититься. Еще накануне меня предупредили, что я должен с честью выдержать это испытание — последнее из числа всех, которыми меня мучили в последние дни. Некоторые испытания казались глупыми и наивными, но за ними скрывались наша история, наши традиции, а они обязательно должны жить. И если когда-нибудь у меня самого будет сын, то и я однажды совершу над ним точно такой же обряд.

Последний, самый сильный удар достался мне от отца, и я остановился у купели. Видящая сделала приглашающий жест.

— Войди и смой с себя прошлую жизнь, — произнесла она. — Восстань чистым для жизни новой!

Вода в купели была ледяной, но тем не менее приторно-пряный аромат трав и цветов был настолько силен, что я невольно задержал дыхание. Избитые плечи горели — я читал, что раньше новичков не щадили и били мечами или палками всерьез, так что вода в купели окрашивалась кровью из многочисленных порезов.

Не успел переступить край мраморной чаши, как рука Видящей легла на мою голову, волшебница силой заставила меня окунуться в воду с головой. Бормоча себе под нос заклинания, она трижды погрузила меня в купель, а потом подхватила ведро и окатила с головы до ног.

— Готово! — воскликнула эльфийка и взмахом руки зажгла свечи на алтаре. — Берите его. Он — ваш!

Отец и дядя подхватили меня под руки, помогая вылезти, но не отпустили, когда мои босые ноги коснулись плит пола, а подтащили к алтарю. Свечи ярко горели на жертвеннике, похожем на цветок с девятью лепестками — по числу Покровителей.

Меня подвели к той его части, где находился алтарь Меа-на-Огня, покровителя воинов. Видящая развела руки и начала читать заклинание, а меня отец с дядей заставили лечь на алтарь, раскинув руки и ноги. Запястья и лодыжки кто-то крепко сжал. Отец двумя руками обхватил мою голову, мешая вертеть ею во все стороны и смотреть, что сейчас делают с моим телом.

Я видел только высокий сводчатый потолок часовни и внутреннюю часть купола из разноцветной слюды, но понял все, почувствовав боль на груди.

Мне наносили татуировку.

Это тоже было традицией. Когда-то татуировки накалывали всем эльфам, достигшим

определенного возраста или статуса. Но потом презренные темноволосые переняли и, как водится, извратили искусство татуировок, и мы, эльфы, отказались от подобного украшения. Сохранились только знаки, которые наносились далеко не всем. Я, единственный сын старшего в роду сына, в честь посвящения в рыцари получил право носить татуировку — герб своего Дома, а также рисунок, обозначающий, что у меня нет родных братьев.

Этот последний наносился на висок у самого уха и, насколько я мог судить по ощущениям, представлял собой простой завиток. Он же был единственным рисунком, который я не мог увидеть своими глазами — в знак того, что я точно так же не могу увидеть своего брата. Брата, которого у меня нет, не было и никогда не будет.

Пока на мое тело ставили знаки рода, Видящая не прекращала молебна, и в такт ее словам свечи на алтаре то гасли, то разгорались снова, а воздух то нагревался, то холодел так, что изо рта вылетали облачка пара. Завершив чтение заклинаний, волшебница заставила меня протянуть руку вперед. Тонкая игла мелькнула в ее пальцах. Последовал быстрый короткий укол — и капля крови упала на алтарь, мгновенно впитавшись в пористый камень.

— Покровители приняли жертву! — провозгласила эльфийка. — Запечатление свершилось.

С этими словами Видящая отступила в сторону и сложила руки на груди, как бы показывая, что больше ни во что не вмешивается. А отец, зять, дядя и кузены стали облачать меня в новые, чистые одежды.

Тонкая шелковая нижняя туника, штаны, носки, сапоги с мягкими голенищами, верхняя туника, плащ... Последним отец преподнес мне наборный пояс из металлических чеканных пластин, соединенных между собой цепочками. К нему крепились ножны для меча. Меч был тут же, увидев его на руках моего зятя, я ненадолго забыл обо всем.

Это был мой меч.

Так уж получилось, что до сегодняшнего дня я не имел своего оружия. Тренировался либо на деревянных мечах, либо на простых заготовках, а в последнее время мне давали попробовать силы на чужом оружии. Наставник и отец тоже иногда разрешали подержать свои мечи, но собственного, повторяю, у меня не было. До сегодняшнего дня.

Я опустился на колени, склонив голову перед мечом, и отец, приняв из рук зятя драгоценное оружие, несколько раз коснулся им моих плеч и головы.

— Встань, благородный рыцарь Данкор из Дома Дарми-ра, — промолвил он. — Встань и прими меч, который отныне — часть тебя.

Я протянул руки, ощутил на ладонях холод лезвия.

— Прежде мои руки отсохнут и падут, отсеченные, нежели выпущу меч, сражаясь против сил Тьмы, — промолвил я. — И да падет на мою голову гнев всех моих предков и самих Покровителей, если запятнаю свое оружие несправедным деянием!

Отец кивнул, принимая мою клятву.

— Имя ему давать будешь? — поинтересовался он.

— А... э... Нет. То есть пока не знаю, — слегка смутился я. У героев древности и персонажей рыцарских романов все мечи, копыя, луки и прочее оружие имело собственные имена. В наше время этой традиции не следовали так буквально. Например, меч моего отца звался просто — меч, а мой зять называл свой клинок Голубой молнией.

На этом церемония закончилась. Мне помогли подняться и повели прочь.

По всем статьям моя судьба должна была быть необыкновенной. Ибо как можно объяснить, что буквально на следующий день после того, как я прошел посвящение в рыцари, в ворота нашего замка постучал гонец из поместья-столицы. Гости еще не все разъехались, и указ Наместника Кораллового был зачитан в большом зале при скоплении народа.

Наместник Дейтемир Коралловый устраивал большой турнир и приглашал всех молодых рыцарей, еще не определившихся с местом службы, прибыть и сразиться друг с

другом. В качестве награды победитель получал право без очереди вступить в элитную гвардию нашего Острова — Коралловые Зубы, личный легион Наместника Дейтемира.

— Это великолепно, Данкор! — Моя старшая сестра, Дайнериль, обняла меня за плечи. — Это такая удача!

— Да уж. — Отец переглянулся с матерью. — Не каждый день Наместник объявляет дополнительный набор Коралловых Зубов. На моей памяти это происходит всего третий раз. До этого были два набора во времена Наместника Дамиелора, и все.

— Я не понимаю, чему тут радоваться? — Мать единственная выглядела грустной. — Идет война, и Наместнику понадобились новые Коралловые Зубы!

— Не грусти, сестренка. — Мой дядя, мамин брат, обнял ее за плечи. — Предыдущий набор Зубов как раз пришелся на окончание очередной войны.

— Все равно. — Мама покачала головой. — У тебя, Лоримир, три сына и скоро появится внук. А у меня Данкор — единственный. Мне будет намного больнее потерять моего мальчика!

Сестры ревниво засопели, придвинулись к матери поближе. Их было четверо, и во всем, что касалось родительской любви, я стоял как бы особняком — в чем-то одинокий, но вознесенный на вершину и ни с кем не деливший ласку и нежность.

— Вот увидишь, дорогая, — отец, наоборот, был весел и оживлен, — Данкор непременно станет одним из Коралловых Зубов и прославит наше имя, добившись невероятных успехов! Ты помнишь, что про него говорила Видящая, когда он родился?

— Помню, — кивнула мать. — Она предсказывала Данкору очень необычную судьбу... Только мне все равно как-то тревожно.

Что же до меня, то мысленно я уже был там, в поместье-столице.

Мой зять, Этирир, живший с нами, тоже еще не определился, что делать и чем заниматься, поэтому так получилось, что отец взял на турнир и его. Остальные родственники уже были пристроены в легионы к богатым лордам Коралловым и не могли принимать участия в турнире.

Ночь перед отъездом я совсем не спал. Сон бежал от меня, и я полночи просидел на окне, глядя на светло-желтый лик луны. По легенде, луна — лик знаменитой Эниссель Объединительницы, единственной из нашего народа, не ушедшей к Покровителям, когда настала ее пора, а живой вознесшейся на небо, дабы не спускать глаз со своих потомков. Не знаю, насколько это правда — альфары, например, считают, что луна — глаз одного из Покровителей, Эля, который имеет больше прав следить за ныне живущими народами, ибо все мы — суть его дети.

Кстати об альфах. Тихий стук в дверь напомнил мне об одном из представителей этого народа.

— Мой господин? — В щелке возникли темно-рыжая прядь и внимательный глаз. — Вы не спите?

Нет, Горо. Проходи. — Я подвинулся на подоконнике, хотя вошедший вовсе не собирался присоединяться ко мне.

Горо был моим личным слугой. Его подарили мне в тот день, когда я впервые заночевал в этой комнате — до того я, как и все маленькие дети, спал вместе с родителями. Горо тоже впервые был отделен от родителей, так что в ту ночь двое мальчишек боялись темноты вместе. Когда-то мы были ровесниками, но светлые альфары взрослеют раньше, так что со временем Горо стал выглядеть немного старше. Завтра важный день, — сказал слуга, застыв у порога. Да. — Я запрокинул голову, глядя на луну. — Завтра моя жизнь изменится раз и навсегда.

— Вам стоит как следует подготовиться к этому событию, — заметил альфар.

— Не могу спать! — воскликнул я. — Знаешь, Горо, мне кажется, Покровители всю жизнь вели меня к этому дню.

— Возможно, господин...

— Ничего не «возможно»! — оборвал я. — Нельзя мне тут оставаться! Я —

единственный продолжатель рода! На меня вся надежда Дома Дармира. Как можно подвести отца, деда и всех остальных предков? Я обязан прожить жизнь долгую и... и...

— Счастливую? — подсказал Горо.

— Красивую, дурень! Этот замок слишком тесен для меня! Пусть Этирир или кто-нибудь еще всю жизнь сиднем сидят на одном месте — я так не могу!

— Ваш отец сидел...

— Мой отец? — Я невольно запнулся. Отец действительно почти никуда не выезжал, и даже наш лорд, вассалом которого был Дом Дармира, очень редко видел его в своем поместье, да и то по важным праздникам.

— Мы с отцом — разные! — нашелся я. — Сын не обязан повторять судьбу родителя. Наоборот, я всеми силами хочу устроить дело так, чтобы моя стезя была иной. Ты слышал, что говорила обо мне Видящая? Хотя где тебе! Так вот, когда я родился, Видящая предсказала, что у меня будет необычная судьба!

Горо вздохнул, и я догадался о причине его вздохов.

— Не бойся, обязательно возьму тебя с собой! Настоящий рыцарь не может обойтись без своего слуги и оруженосца!

— Но для этого вам сначала надо лечь спать, господин, — заметил альфар.

— Не могу сомкнуть глаз, — в который раз повторил я.

— Надо попытаться! Иначе вы проспите или будете выглядеть на турнире не лучшим образом.

— Ладно, ложусь, — смирился я и слез с подоконника. Слуга помог раздеться, сложил одежду на скамье и направился к дверям.

— Я разбужу вас завтра на рассвете, господин, — сказал он на прощание, прикрывая за собой двери. — Спокойной ночи!

Какое там! Едва он ушел, я сел на постели, обхватил колени руками. Счастье просто переполняло меня, и еще долго мечты о будущем не давали закрыть глаза.

Сборы были недолгими. Буквально через час после того, как Горо пришел меня будить, мы все выехали со двора. Мать немного всплакнула, как и сестренка Дайнериль, которая провожала Этирира, но ни я, ни отец не обратили внимания на женские слезы. Если бы каждый мужчина оставался дома, чтобы не огорчать женщин, история давно прекратилась бы. Так заведено — женщины плачут, провожая мужчин, а мужчины кивают и обещают вернуться. Я тоже обещал и махал рукой. Бедная моя мама! Она уже тогда знала, что домой я буду идти практически всю жизнь!

День был солнечный, тихий ветерок шевелил ветки растущих вдоль дороги деревьев, и наш небольшой караван — три рыцаря, три оруженосца и несколько слуг — растянулся по дороге, двигаясь легкой рысцой. Я, едва ли не впервые покинувший родной дом, вертелся в седле, жадно пожирая глазами проплывающие мимо пейзажи.

Эта часть Кораллового Острова была густо заселена. Еще до полудня нам попались четыре замка и десятка три ферм, на которых жили светлые альфары. Они обычно селились небольшими группами, ставили длинные дома, число входов в которых соответствовало числу проживающих в них семей. Вокруг домов строились клетки, кладовые, конюшни, хлевы для скота и прочие надворные постройки. Заборов у ферм не было, и по закону любой лорд-эльф мог приехать в дом фермера и забрать все, что хотел. Официально альфары были свободными, но на деле это значило, что они как бы принадлежат всем эльфам. Просто лорд, живущий рядом, мог взимать с них дань чаще, нежели те эльфы, которые обитали на другом конце Острова. А чтобы не возникало ссор, эльфы договорились считать своей собственностью тех альфаров, чьи фермы стояли в непосредственной близости от замка лорда.

Что же до альфаров, живущих в замках на правах слуг, то здесь все было гораздо сложнее. Они целиком и полностью принадлежали своим хозяевам, и от настоящих рабов их отличали две вещи — они не носили ошейников, и их нельзя было продать. Вот подарить, как мне был подарен Горо, — другое дело.

В полдень мы остановились возле фермы, расположившейся ближе других к дороге. Женщины-альфары вынесли нам хлеб и молоко, а также свежие фрукты и нарезанный полосками солоноватый козий сыр.

Мы еще трапезничали, устроившись под сенью деревьев на обочине, когда на поле показалось несколько всадников, скачущих в сторону дороги.

— Отец! — Этирир вскочил на ноги. — Там кто-то едет.

— Несомненно, наш сосед. — Отец тоже поднялся на ноги.

Ваш покорный слуга поспешил присоединиться к нему и выхватил меч из ножен.

Впереди скакали три лорда, похожие друг на друга до такой степени, что сразу становилось понятно — перед нами отец и двое его сыновей. Парни были близнецами, что довольно-таки редко встречается у эльфов. Обычно если рождаются двойняшки, то это всегда брат и сестра, а близнецов одного пола можно пересчитать по пальцам. Неудивительно, что их, как правило, знают в лицо или хотя бы по имени.

— Лорд Аремир! — воскликнул отец, выходя вперед. — Вот приятная встреча! Мы проезжали по вашим землям и решили воспользоваться гостеприимством!

— Рад встрече! — Лорд осадил коня и спешил. — Надеюсь, вас хорошо приняли?

— О да, вполне. Не хотите ли присоединиться к нашей трапезе?

— Благодарю, мы только что из замка и не успели проголодаться, но подождем, пока вы закончите полдник, чтобы продолжить путь вместе! Это ваш сын, милорд?

— Да. — Отец хлопнул меня по плечу. — Данкор только вчера был посвящен в рыцари, и мы хотим попытать счастья на турнире.

— Мои сорванцы тоже мечтают о турнире, — улыбнулся лорд Аремир, покосившись на близнецов. — Посмотрим, кому улыбнется удача.

Конечно, и речи быть не могло о том, чтобы дальше мы ехали порознь. Этирир, выросший в обществе братьев, быстро сошелся с близнецами, а я, не имевший опыта общения с братьями — кузены не в счет, мы виделись с ними только по праздникам, — больше отмалчивался.

К вечеру следующего дня добрались до поместья-столицы. Сказать, что она меня поразила, значит промолчать. До этого я наивно полагал, что замок нашего сюзерена — самое большое обиталище эльфов, которое существует на земле. Но здесь неожиданно выяснилось, что он может считаться лишь частью поместья-столицы. Здесь я насчитал, по меньшей мере, двенадцать замков. Наш собственный родовой замок, где жили девять знатных эльфов и тридцать шесть простых рыцарей со своими семьями, казался по сравнению с ними жалкой фермерской лачугой.

Многие замки были обнесены стенами, но попадались и такие, которые их хозяева сочли нужным отгородить лишь живой изгородью, садом или вовсе поляной, удобной для игры в мяч или пикника. Сейчас на полянах стояли палатки — те, кто не мог рассчитывать на прием в одном из замков, устраивались на ночлег под открытым небом. Сновали слуги, от такого количества светлых альфаров, одетых в цвета своих хозяев, у меня зарябило в глазах.

Гости стекались не первый день, так что нам пришлось поволноваться, пока слуги искали для нас свободное местечко. Таковое нашлось на поляне, вплотную примыкающей к самому большому замку, над надвратной башней которого колыхалось знамя с гербом Наместника Кораллового. От нашей палатки до ворот было всего несколько шагов, то я счел добрым знаком. Оставив слуг суетиться и устраивать жилье, я не преминул подойти поближе.

Наместник Коралловый для нас, вассалов одного из его собственных вассалов, был фигурой высокой и недоступной. Хотя знатностью рода я тоже мог бы похвастаться, перечислив своих предков на протяжении дюжины поколений вплоть до самой Эниссель Объединительницы, но лорды Коралловые стояли настолько выше нас, насколько мы сами возвышались над самыми бедными из наших слуг-альфаров. Но в тот вечер ничто не могло мне помешать мечтать, и, стоя в двух шагах от распахнутых ворот замка Наместника, я мечтал о том, как однажды пройду в эти ворота, причем пройду не как проситель, а как лорд,

достойный ого, чтобы не кланяться ни перед кем.

— Эй, чего встал, деревенщина?

Голос, срывающийся на визг, мог принадлежать подростку, но, оглянувшись, я заметил юношу ненамного младше себя. Хотя молодость незнакомца явно бросалась в глаза даже мне, его тонкую талию стягивал наборный пояс, на котором крепились ножны, отделанные инкрустацией, а на сапогах поблескивали шпоры.

Юноша был не один — рядом с ним толпилась кучка подростков. Их взгляды мне очень не понравились — так ведут себя парни, намеренные созорничать, но не понимающие, как задеть соперника. Это я знал по себе — сам одно время был таким.

— Я просто смотрел на замок высокородного лорда-Наместника, — ответил я. — Мы только что прибыли в столицу и...

— Ах ты только что прибыл? — Юнец выступил вперед. — И зачем, изволь спросить?

Его спутники тихо захихикали.

— Принять участие в турнире, — честно ответил я. Смех стал громче.

— В турни-ре, — протянул юнец и обернулся к своим спутникам, подмигивая им. — А ты уверен, что тебя допустят?

— Как это? — удивился я. — Наместник прислал моему отцу приглашение и...

— Твоему отцу! Но не тебе!

Я задержал дыхание. Неужели он прав? Что, если это действительно так? Если участвовать в турнире могут лишь отцы семейств? Но это же несправедливо!

Наверное, мои сомнения отразились у меня на лице, потому что юнцы хором заржали, радуясь удачной шутке.

— Так что вали отсюда, пока я добрый! Прочь с дороги! — Отсмеявшись, юноша похлопал меня по плечу, отодвинул в сторону и спокойно проследовал в распахнутые ворота замка Наместника. Кое-кто из его спутников тоже попытался меня толкнуть, но я уже сообразил, что эти парни — всего лишь свита богатенького лордика, и увернулся от их шлепков и тычков.

На душе сразу стало так мерзко, что я пошел прочь.

Спускался вечер, последний перед началом турнира, всюду царило оживление. Загорались костры и факелы, звучали веселые голоса, раздавались смех и музыка. Где-то звенели мечи — рыцари давали выход своей энергии. Все веселились, но от вида чужого праздника становилось тошно. Казалось бы, какая мелочь — столкнуться с кучкой зазнавшихся юнцов, но в этой встрече мне виделось явное знамение грядущего. Меня здесь не ждут. Я — чужой этому миру, и нечего пытаться изменить существующий порядок вещей.

Нашу палатку уже разбили, альфары занимались лошадьми и костром. Я, ни на кого не глядя, прошел внутрь и рухнул на разложенную постель лицом вниз.

В таком положении меня несколько минут спустя отыскал отец.

— Ужин готов, Данкор, — позвал он.

— Я не хочу, ешьте сами, — пробормотал, не поднимая головы.

— Что-то случилось? — Отец присел рядом, погладил меня по волосам.

Я помотал головой, стряхивая с себя его руку.

— Ничего.

— У тебя такой вид, словно кто-то умер.

— Кто умер? Мои надежды. — Я резко поднял голову. — Отец, мне кажется, не стоило ехать!

— Почему?

Изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и беспристрастно, я рассказал о встрече с молодыми эльфами у замка Наместника.

— И ты решил, что они правы? — догадался отец. — Да, что мы с тобой не так богаты, как многие. Мы можем похвастаться только древностью рода, а это, поверь, не самое главное, когда речь заходит о власти. Гордость и чванство — порок. Ни один эльф не должен быть гордым и заносчивым. Незнакомый юноша моложе тебя, и это его извиняет. Но вот

прав ли он? Я очень сомневаюсь!

— Он живет в замке Наместника! — вспомнилось мне. — Возможно, он один из его приближенных...

— Одним из приближенных Наместника может быть только отец юноши. Видимо, он достаточно властен и даже несколько, я бы сказал, суров по отношению к своему сыну, вот юнец и пытается утвердиться за счет других. Его нужно пожалеть за то, что он вырос таким. В будущем Покровители строго с него взыщут. А тебе не стоит расслабляться. Видящая предсказала тебе высокую судьбу. Ты станешь известен и знаменит, пройдя через множество испытаний. Я поверил ее предсказанию сразу, хотя понимал, что нам с тобой трудно чего-то достичь. Но я ни за что не поверю, что ты спасовал перед первым в своей жизни испытанием! Что тебе этот юнец, если завтра на тебя будет смотреть Наместник?

Простая речь отца произвела на меня впечатление. Я выпрямился и сел.

— Ты прав. Я должен доказать, что ничем не хуже остальных!

— Тогда пошли ужинать. — Отец встал. — Завтра тебе понадобятся силы!

Турнирное поле располагалось за стенами поместья-столицы, напротив парадных ворот. За ночь справа и слева от них выросли скамьи для зрителей с навесами от солнца. Видящие постарались — облака, которые натянуло на небо вчера вечером, за ночь пролились дождиком, так что трава сверкала от росы, и дышалось свободно и легко.

Кроме скамей и навесов рядом с турнирным полем был устроен большой помост для Наместника и его приближенных. Затянутый в розово-малиновые цвета Дома Кораллового, он ярко выделялся на фоне светло-серых с розовыми прожилками крепостных стен, яркой зелени травы и синевы безоблачного неба.

Напротив, в поле, шелестели листвой две небольшие рощицы. Вместе со скамьями для зрителей и помостом Наместника они образовывали кольцо, огораживая площадку для турнира.

Меня, Этирира и близнецов собирали вместе. На щитах братьев красовались оскаленные морды жутких тварей — в честь Покровителя Рирена-Зверя. У меня на щите был изображен факел — я считал своим покровителем Меана-Огня. Чем-то средним был знак на щите Этирира — так как он тоже называл своим покровителем Рирена, звериная морда красовалась и на его щите, но, поскольку зять вошел в род Дармира и считался одним из наследников замка, в пасти его зверь держал факел.

На простую льняную тунику надели стеганный доспех, поверх которого натянули кольчугу, доходящую до колен и имеющую разрезы спереди и сзади, чтобы было удобнее сидеть на лошади. Поверх сапог прикрепили наколенники, а на предплечья — наручи. У кольчуги имелся капюшон, который защищал шею, уши, частично скулы, подбородок и затылок, поскольку шлем был лишен защиты с боков и сзади. Впереди мое лицо закрывала полумаска. Этир и близнецы оделись практически так же — отличались разве что полумаски на лицах да, как я уже говорил, знаки на щитах.

Мы еще не закончили облачаться, когда к нам подлетел альфар-распорядитель.

— Маршал турнира, высокий лорд Моринор, интересуется, сколько вы выставите участников, — промолвил он, поклонившись моему отцу.

— Четверых. — Отец указал на нас с Этириром и близнецов.

— Это хорошо. — Альфар окинул нас взглядом. — Вы двое — за мной, а вы оставайтесь пока тут. За вами пришлют.

Близнецы подхватились и, вскочив на коней, устремились за альфаром, который уже спешил к соседней палатке, проворный, как кузнечик.

— Что это означает, отец? — Этир стянул с головы шлем и огляделся по сторонам с таким видом, словно уже стоял на поле боя. — Мы что, не подходим по каким-то параметрам?

Он придирчиво осмотрел свой доспех, после чего обратил взгляд на меня. Я от души порадовался, что не снял шлем: совсем не хотелось, чтобы сейчас кто-то видел выражение

моего лица.

— Я уверен, что скоро все разъяснится, — попытался успокоить нас отец. — В конце концов, нам прислали приглашение, значит, мы имеем право участвовать в турнире.

Ждать пришлось еще некоторое время. Наконец появился еще один альфар и, заметив, что мы топчемся возле палатки, всплеснул руками.

— Да скорее же! — воскликнул он, кидаясь к нам. — Если не хотите опоздать на построение, следуйте за мной!

Переглянувшись с Этириром, мы вскочили на лошадей и кинулись за альфаром. Мой зять так спешил, что забыл надеть шлем и тащил его в руке.

Нас привели к одной из двух рощиц. Здесь был прохладный тенек, чувствовался легкий ветерок, а сбоку обнаружился небольшой овражек, на дне которого, судя по запаху свежести, бил родничок.

Влившись в толпу таких же рыцарей в доспехах, я поискал глазами близнецов, но безрезультатно. Во-первых, мы все сейчас казались братьями — поскольку кольчуги у большинства были одинаковыми. Немного отличались только полумаски на шлемах да конструкции наручей и поножей — у кого-то цельнолитые, новенькие, а у кого-то старые, состоящие из нескольких пригнанных друг к другу полос. А во-вторых, на всех щитах, какие я видел, так или иначе присутствовал знак Меана-Огня, как у меня и Этирира.

Озираясь по сторонам, я едва не пропустил появление маршала турнира. Мне несколько раз доводилось видеть турниры в замке своего сюзерена, так что сразу стало понятно, кто этот рыцарь с непокрытой головой, подскакавший к нам с высоко поднятым над головой маршальским жезлом.

— Привет вам, воины! — гаркнул он так, что под некоторыми испуганно заплясали кони. — Сейчас вы отправитесь приветствовать Наместника Дейтемира Кораллового, но прежде хочу сказать пару слов. Надеюсь, среди вас нет зеленых новичков, которые взяли оружие впервые в жизни и никогда раньше не видели турнира, поэтому я не буду останавливаться на правилах. Ваш отряд — Огненосцы! Вам сейчас раздадут плащи красного цвета, по которым в бою вы станете отличать своих от чужих. Противники будут сражаться в пестрых плащах. Ваша задача — захватить как можно больше рыцарей врага. Использовать можно все приемы, которые вы знаете, кроме откровенно бесчестных. Нельзя также нападать на своих с целью отбить взятого в плен «пестряка» для себя, но можно попытаться отбить своего «огненосца», которого ведут в плен «пестряки». Запрещается убивать своих противников, как бы вам этого ни хотелось. Бой будет вестись до тех пор, пока Наместник Дейтемир не даст знак. Так, все! А теперь — получите плащи и вперед, к Наместнику!

Два оруженосца, следовавшие за маршалом, тут же бросились к нам. В руках у них были алые плащи из легкого шелка, которые они принялись ловко цеплять нам на плечи. Собственно, это были не плащи как таковые, а просто полосы ткани со шнурками, которыми они и крепились за звенья наших кольчуг.

Маршал тем временем строил рыцарей, которые уже получили знаки отличия, ровными колоннами, дабы мы подъехали к ложе Наместника не толпой, а отрядом, как и положено знатным воинам. Нас выстраивали по четверо в ряд. Рядом со мной оказались Этиир и еще двое рыцарей с одинаковыми щитами, шлемами и наручами.

— Э-э, простите, — я решил воспользоваться минутой, пока заканчивалось построение, — но, если глаза меня не обманывают, вы — близнецы?

Два шлема синхронно повернулись в мою сторону и так же синхронно кивнули.

— Вы первый раз участвуете в турнире? — продолжил я расспросы.

Снова последовали два кивка.

— Я тоже, — улыбнулся я. — Вы знаете правила?

— Угу, — на сей раз они сказали хоть что-то.

Я порадовался такому началу.

— А я только в общих чертах. Нет, я видел турниры и однажды даже участвовал в

таком же, только устроенном для оруженосцев... Понимаете, я только третьего дня получил рыцарские шпоры и еще не успел...

Чувствительный тычок локтем в бок от Этирира заставил меня прикусить язык.

— Всем-то не рассказывай, — прошипел зять, возясь со своим шлемом. Почему-то он не спешил одеваться.

— Предлагаю действовать сообща, — помолчав, решил я сменить тему. — Думаю, у нас вчетвером больше шансов остаться в седле и самим захватить хоть кого-то в плен.

Моя идея была признана удачной. Близнецы переглянулись, после чего мне были протянуты сразу две руки в кольчужных перчатках.

— Мориль, — сказал первый.

— Лариль, — произнес второй.

— Вы — девушки? — изумился я.

Из-под шлемов зазвенели колокольчики смеха.

— Да, а что тут такого? — хором спросили собеседницы. — Мы из Дома Моредара. Мориль и Лариль.

Я невольно улыбнулся. Не то чтобы я был неизбалован женским обществом — когда растешь в компании четырех сестер, в этом тебя никоим образом нельзя заподозрить, — просто уж больно заразительным оказалось веселье девушек.

— А как ваше имя? — промолвила правая собеседница.

— Меня зовут Данкор, я из Дома Дармира, — представился я. — А это — мой зять Этир из Дома Талинара.

— Зять? — переспросила левая из сестер. — А мы думали, что это ваш брат...

— К сожалению, у меня нет братьев. Есть только кузены, но они на турнире не представлены.

— Жаль. — Девушки переглянулись и вдруг хором прыснули со смеха.

Пронзительный звук трубы положил конец нашей беседе. Из передних рядов послышался голос маршала:

— Внимание! Благородные господа и леди! Встречайте участников турнира, доблестных из доблестных, благородных юношей и девушек, которые сегодня будут сражаться перед вами!

Мы подтянулись в седлах. Этир закончил наконец возню со шлемом. Сестры чуть ли не встали на стременах. Я почувствовал, как на висках выступил пот, и мысленно обругал себя за несдержанность в чувствах.

— Вперед!

Колонной по четыре мы не спеша двинулись вперед, мимо скамей, где сидели зрители. Мне ужасно хотелось увидеть отца, но приходилось сдерживаться. Все-таки я — надежда своего Дома. Хорошо же будет, если начну вертеться, как уж на сковороде! Близняшки, напротив, вели себя раскованно. Они обе подняли забрала шлемов, чтобы все видели их лица, улыбались, смеялись и приветственно махали руками. Под шлемом на солнце стало жарко, но я терпел. Впрочем, мои соратники «огненосцы» тоже большей частью махали кому-то руками и кричали приветствия. В ответ со скамей летели громкие крики, цветы, ленты, воздушные поцелуи, а иногда и кое-что покрепче. Какая-то девушка дошла до того, что метнула свою туфельку и взвизгнула от восторга, когда один из рыцарей поймал ее за каблук.

Сделав круг, мы двумя колоннами остановились перед розово-малиновой ложей, в которой на обитых бархатом креслах восседали сам лорд-Наместник и его приближенные.

Наместник Дейтемир Коралловый был очень хорош собою. Его лицо дышало такими силой и благородством, что я ничуть не удивился, когда близняшки Мориль и Лариль испустили хоровой вздох восторга. Я, в детстве зачитывавшийся балладами и сказаниями о рыцарях прошлого, решил, что именно так должны были выглядеть благородные герои нашей истории. И подумал, что готов на все, лишь бы войти в свиту такого эльфа, как Наместник Дейтемир.

Наместник был в ложе не один. Справа и слева стояли мужчина и женщина, очень похожие на него, разве что немного более молодые — как я потом узнал, сестра Наместника, леди Свирель, и его младший брат, пока еще неженатый. Подле леди Свирель находился ее супруг — только муж может так бережно поддерживать под руку беременную женщину. Пятой оказалась немолодая леди в белом траурном платье — мать Наместника. Шестой — Видящая в голубом платье-балахоне, с посохом в руках.

— Приветствую вас, доблестные воины! — Голосом, таким же красивым, как и его лицо, провозгласил Наместник Дейтемир. — Счастлив видеть здесь цвет нашей молодежи, нашу надежду и опору, наше прекрасное настоящее и не менее прекрасное будущее! Низко склоняюсь перед нашими девами, чья доблесть не меньше их красоты и грации...

Мориль и Лариль одновременно покраснели и поспешили опустить забрала шлемов.

— Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы увидеть вашу доблесть, благородные воины! — продолжал лорд Дейтемир. — Счастлив объявить, что те из вас, кто одержит победу в предстоящей схватке и потом не испугается выйти один на один в показательных боях, получат не только обычные призы. Победители удостоятся чести встать в ряды знаменитых Коралловых Зубов!

Громкие крики восторга были ему ответом. Все мы, как один, вскинули мечи и копья в салюте, разражаясь боевыми кличами.

— Ура! Дейтемир! Ура! — вопили рядом со мной близняшки.

— Зубы! Зубы! — кричал Этирир.

Я тоже кричал что-то восторженное, но видел лишь улыбку Наместника, который сверху вниз следил за нами.

— Рад слышать, что вы полны энергии и готовности доказать свою доблесть, — промолвил тот, едва волна криков схлынула. — Идите в бой! И да победят сильнейшие! Рад также сообщить, — добавил он чуть погодя, — что мой сын, наследник Наместника, сегодня решил принять участие в турнире и сейчас находится среди вас.

Это уже было интересно. Мы все, как по команде, завертели головами, пытаясь угадать, кто из нас этот пресловутый наследник, и вообще — в какой команде он находится. Но времени на раздумья нам не дали.

Снова взревели трубы. Видящая взмахнула рукой, и над ареной возникли две радуги, сквозь которые мы прошли, направляясь к кромке поля, где и перестроились плотной стеной. До начала боя оставалось еще несколько минут, которые мы решили потратить на переговоры. Возле ложи тем временем выступали жонглеры и музыканты.

— Значит, так, — из-под шлема гулко вещал Этирир, который дважды успел побывать на подобных турнирах, — главное — это заставить противника спешиться и обезоружить его. Лишившись оружия, противник должен сказать три слова: «Признаю тебя победителем». Запомните их на всякий случай — авось пригодятся.

— Я не собираюсь сдаваться в плен, — воскликнул я.

— Мы — тоже! — хором отозвались близняшки.

— Никто не собирается! — кивнул Этирир. — Тем более когда приз — членство в Коралловых Зубах! Один из нас, Данкор, должен туда попасть, что бы ни случилось!.. Идем дальше. Как сказано, разрешено все, кроме ударов по лошади и попыток избиения сдавшегося в плен. Кстати, иногда сдаться в плен — единственный шанс уцелеть и не получить травму. Вас будут вынуждать именно к этому, потому советую — лучше сдаться в плен, чем получить увечье или погибнуть.

— А такое бывает? — У близняшек почему-то сели голоса.

— К сожалению, да, — повесил голову Этирир. — Мой друг получил увечье на таком турнире. Я тогда сдался, а он не захотел. А ты, Данкор, единственный сын у отца, так что...

— Не учи меня, — огрызнулся я. — Сам решу, как мне себя вести!

— И последнее, — помолчав, добавил Этирир, — меч противника остается победителю до тех пор, пока его не выкупят. Можно схватить оружие, если его выронил кто-то другой, но только не в том случае, если ты сам остался без меча. Но можно отдать меч другу, если

тот лишился своего. И таким образом сдаться в плен вместо него...

— А можно отбивать своих пленных? — спросила одна из сестер.

— Можно, но только до тех пор, пока их не вывели за кромку поля.

Пауза затянулась — жонглеры никак не могли закончить представление. Противники начали бить мечами о щиты. Среди наших нашлось немало ответивших тем же. Постепенно все больше и больше эльфов принялись колотить мечами о щиты, так что, в конце концов, грохотали все.

— Феникс!

Яркая вспышка в виде огненной птицы взмыла в небо, знаменуя окончание представления. Я закричал, не в силах справиться со своими чувствами. Многие подхватили мой крик.

Едва феникс растаял в воздухе, два строя пришли в движение. Подгоняя коней, мы устремились навстречу друг другу.

Первые несколько секунд после столкновения стерлись из моей памяти. Впервые участвовавший в турнире, я несколько растерялся, оглушенный внезапно обрушившейся на меня лавиной звуков — топот и храп коней, гортанные боевые крики, стук мечей о щиты, звон клинков, скрип, скрежет. Казалось, все сражались против всех.

— Ага, попался! — рявкнул кто-то чуть ли не у меня над ухом. — Сдавайся в плен!

Я обернулся. Как-то так получилось, что справа от меня не оказалось Этирира — его место занял незнакомый рыцарь, на плечи которого был наброшен полосатый плащ из синих и черных полос.

— Сдавайся! — заорал он. — Отдавай свой меч и...

— Попробуй отними! — воскликнул я.

Наши клинки скрестились. Управляя конем с помощью коленей, я отчаянно оборонялся, пока на помощь не подоспели два рыцаря в алых плащах.

— В плен! В плен «пестряка»! — закричали они, и по звонким голосам я узнал близняшек. — Нападай! Рази!

Девчонки накинулись на «моего» рыцаря с таким пылом, что оттерли меня в мгновение ока. Рыцарь что-то сердито закричал, но девушки его не слышали. Напав с двух сторон, они заставили воина бросить меч, после чего одна из сестер стащила с головы противника шлем, а вторая, подобрав поводья его коня, увлекла сдавшегося эльфа к краю поля.

Я недолго оставался один — на меня сразу же налетел другой рыцарь в пестром плаще, только на сей раз полоски были черно-белыми. С яростным криком он напал на меня, я едва успел подставить щит под его тяжелые удары.

— Лови его! Хватай!

Мимо нас промчался какой-то всадник в алом плаще. За ним гналось сразу двое «пестряков» в черно-желтых плащах, которые делали их похожими на больших ос.

— Назад!

Я пришпорил коня, устремляясь следом за ними, и напал на преследователей в полосатых плащах со спины. Всадник в алом плаще, через плечо увидев, что погоня прекратилась, осадил коня и присоединился ко мне.

Бой был отчаянным. Каждый из нас не желал сдаваться в плен и хотел вынудить к тому же своего противника. Но мне повезло с самого начала — первым же ударом я выбил щит из рук своего врага, лишив его защиты. Потом быстро несколько раз ударил рыцаря в бок, по ноге и в плечо. Последний удар оказался удачным. Мой противник выронил меч, схватился за левое плечо правой рукой и накренился набок.

— Признаю... себя... побежденным, — простонал он, и я, схватив повод его коня, поскакал с поля боя.

Кругом кипели одиночные или групповые схватки. Все бились со всеми, время от времени кто-то спасался бегством, кого-то ловили, кто-то падал с коня, и яростная схватка зачастую продолжалась на земле.

Я со своим пленником вырвался за пределы поляны и поскакал в сторону ближайшей

рощи. Там под сенью деревьев мой пленник спешил, вынул ноги из стремян и просто сполз на траву.

— Вам помочь? — Я свесился с седла, наблюдая, как тот пытается одной рукой стащить с головы шлем.

— Благодарю, не стоит, — ответил он, справившись с доспехом. — Скажите ваше имя, чтобы знать, кому я должен заплатить выкуп.

— Данкор из Дома Дармира, — представился я. — Нахожусь здесь с отцом и зятем.

— Хо! Данкор?

Я резко обернулся — кто-то выкрикивал мое имя незнакомым голосом. К моему удивлению, это был тот самый «огненосец», которого я спас. Он тоже привел своего пленника и был доволен — в прорезях шлема можно было различить, как горят его глаза.

— Благодарю вас, милорд, — весело воскликнул он. — Если бы не вы... Признаюсь, я немного струсил.

— Вы — девушка?

Моя собеседница вместо ответа стянула с головы шлем, открыв миловидное лицо, обрамленное слегка вьющимися волосами.

— Мое имя Шаллорель из Дома Шаллора, — представилась она, протянув мне руку. — А вы только что назвались Данкором?

— Да, это мое имя.

— Ну что, продолжим? Что-то не терпится подраться! Вы согласны составить мне пару?

— Пару? Что ж... Вы нас подождете? — обратился я к нашим пленникам.

— А что нам еще остается делать? — философски заметил тот эльф, которого привела девушка. — Возвращаться на поле боя после того, как меня победила девчонка, я все равно не стану.

— А я и не смогу, — вздохнул мой пленник. — Боюсь, я еще долго не смогу нормально двигать рукой.

— Извините, — промолвил я и присоединился к Шаллорель.

Все началось сначала. Я потерял надежду отыскать Этирира и девчонок-близнецов, не говоря уже о сыновьях лорда Аремира, но зато рядом со мной была Шаллорель, которая сражалась с таким пылом, что я невольно любовался ею. Надо отдать девушке должное — если бы не она, ваш покорный слуга однажды непременно оказался бы в плену. Но мы действовали в паре, и нападать на нас мало кто решался.

Солнце тем временем заползло на самый верх небосвода. Жара была такая, что я чувствовал капли пота, стекающие по щекам на шею. Противники словно озверели. Я не буду подробно описывать сам бой — все равно не смогу подобрать слов. Для меня все слилось в одну бесконечную схватку. Шаллорель то исчезала куда-то, оставляя меня биться в одиночестве, то появлялась снова.

Иногда я видел пленных, которых или увозили с поля боя, схватив повод их коня и увлекая всадника за собой, или заставляли идти спешными возле коня их победителя, заложив руки за спину.

— Жарко, — в какой-то миг пожаловалась Шаллорель. — И пить охота.

— Может, отдохнем? — предложил я и тут же испугался своих слов. А ну как она сочтет меня слабаком и трусом? Одно дело, когда так считает мужчина старше и опытнее тебя, но совсем другое — выглядеть таковым в глазах девушки!

Однако Шаллорель кивнула:

— Хорошая идея!

Мы прорвались сквозь строй сражающихся и выскочили к рощице, возле которой несколькими часами ранее шло построение.

Здесь, под сенью деревьев, было прохладнее и дышалось гораздо легче. Я вспомнил, что с другой стороны рощи есть овражек с ручейком, и мы направились туда.

Какой-то подозрительный шорох заставил меня натянуть поводья, резко остановить

коня на небольшой полянке.

— Ты чего? — шепнула Шаллорель.

Я еле успел вскинуть руку, предупреждая ее — в следующий миг кусты справа и слева от нас раздались, и навстречу выскочили несколько рыцарей:

— Сдавайтесь!

— Засада! — взвизгнула девушка, хватаясь за меч, но боя не получилось. Один из нападавших взмахнул рукой:

— Стойте! Это свои!

На нападавших были красные опознавательные плащи.

— Что вы тут делаете? — напустился на нас командир маленького отряда.

— Там родник. Мы захотели пить, — объяснил я. — Нельзя?

— Можно, — хмыкнул он, — только к роднику и «пестряки» ходят. Вот мы и придумали их тут ловить. Уже четверых поймали, — гордо выпятил он обтянутую кольчугой грудь.

— У нас двое, — похвалилась Шаллорель.

— Ладно, — командир маленького отряда посмотрел на поблескивающее сквозь листву солнце и махнул рукой, — проезжайте к роднику, только назад возвращайтесь другой дорогой, чтобы нам все не испортить!

Возле родника на траве расположились вперемешку уставшие «огненосцы» и плененные «пестряки». Сняв перчатки, наручи и шлемы, они сидели и лежали, изредка поглядывая в сторону ристалища.

— Ну что? Там еще не все кончилось? — приветствовало нас сразу несколько голосов.

— Нет еще. — Шаллорель стащила шлем, черпнула им воды из родника и принялась жадно пить. — На всех хватит!

Я не рискнул повторить поступок девушки и напился, как обычно. После чего мы надели шлемы и направились к полю боя.

— У моего отца пять дочерей и ни одного сына, — по дороге объяснила девушка. — Поэтому я с детства училась владеть мечом, копьем и булавой, готовя себя к воинской карьере.

— А я у отца единственный сын, — в свой черед сказал я. — На меня — вся надежда семьи.

— Понятно. — Шаллорель вздохнула и надвинула шлем на глаза: — Приступим?

Сражение продолжалось еще около получаса и закончилось как-то само собой. Просто в один прекрасный момент мы с эльфийкой оглянулись и не заметили никого, с кем можно было сражаться. Нет, на поле тут и там еще кипели схватки, но большая часть рыцарей уже опустила оружие. На всех были красные плащи.

— Невероятно, — выдохнула девушка. — Мы что, победили?

— Похоже, что так, — испустил тяжелый вздох последний противник, за минуту до того отдавший нам свой меч. — Какой позор! Проиграть мальчишке и девчонке! И это после шести побед на предыдущих турнирах! Ладно, кому из вас нужно заплатить выкуп?

— Уступаю даме, — сказал я. — У меня уже есть два пленника, а мне много не надо.

— С таким отношением ты никогда не сделаешь карьеру, — фыркнула Шаллорель.

— Просто это для меня — не самоцель, — парировал я. — Зачем делать себе имя, сражаясь на турнирах? Меня ждет яркая судьба. Видящая при рождении предсказала, что я поднимусь так высоко, как только возможно в нашем мире!

— Выше лорда-Наместника? — усмехнулась девушка. Что возразить, я не нашел, так что последнее слово осталось за нею.

В небо взлетел ярко-красный феникс, знаменуя победу «огненосцев», и все вместе, победители и побежденные, направились к ложе Наместника. Проигравшие шли пешком возле лошадей победителей, взявших их в плен. К моему глубокому удивлению, одним из «пленников» был Этирир, несший свой погнутый шлем под мышкой.

— Молодец, — похвалил он меня, — а вот мне не повезло. Отец будет расстроен, если

мне придется заплатить слишком большой выкуп.

— Постараюсь чем-нибудь помочь, — пообещал я. — В конце концов, отдам свой приз...

В это время Наместник поднялся на ноги, и мы замолчали, уставившись на него.

— Благодарю вас, доблестные рыцари и прекрасные дамы, — промолвил лорд Дейтемир. — Вы потешили нас прекрасным зрелищем. Мы все получили несказанное удовольствие, наблюдая за вами. И я рад сообщить, что все, оставшиеся в седлах, пополнят ряды Коралловых Зубов!

Хор восторженных голосов был ответом на эти слова. Я чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Шаллорель визжала в восторге и, дотянувшись, от души расцеловала меня в обе щеки. Этирир, стоявший возле коня пленившего его рыцаря, грустно опустил голову.

— Сегодня ваш праздник! — продолжал Наместник. — Вечером вы все приглашены на пир, который я устраиваю в своем замке! Но я хочу сделать еще один подарок. Некоторые из вас смогут увезти домой дополнительные призы, если согласятся показать свое искусство в показательных поединках. Пусть желающие подойдут к помосту...

Я подмигнул поникшему Этириру, пришпорил коня.

— О выкупе договоритесь вон с ним, — кивнул своим пленникам. — Он мой родственник... Высокий лорд-Наместник! Я готов!

— И я! И я! — раздалось со всех сторон.

Еще несколько всадников — большинство в красных плащах — подъехали к помосту. Лорд Дейтемир смотрел на нас сверху вниз.

— Рад, что вы горите желанием показать свою силу и доблесть, — промолвил он. — Но вас слишком много, а это значит, что придется кинуть жребий. Отдыхайте пока, доблестные рыцари. Вас призовут через некоторое время!

Видящая снова взмахнула руками. Для нас засветились в воздухе две триумфальные арки в разных концах поля, и мы направились отдохнуть. Тем временем на поляну опять высыпали музыканты, акробаты и жонглеры.

Желающие сразиться в поединках собрались вместе. Нас ждала прислуга из числа светлых альфаров. Слуги бросились нам навстречу, помогли снять шлемы, кольчуги и промокшие от пота стеганные доспехи. Издалека доносились звуки музыки и аплодисменты зрителей.

— Господин! Господин! — послышался знакомый голос. Я обернулся — среди других слуг оказался Горо. Он бросился мне навстречу.

— Горо?

— Господин, вы были великолепны! — воскликнул тот. — Мы все видели!

— А отец?

— Он очень огорчен проигрышем Этирира, господин.

— Передай ему, — я наклонился, чтобы слуге было удобнее стаскивать с меня кольчугу, — я постараюсь выиграть приз, чтобы как-то компенсировать расходы на выкуп. И еще скажи, что Этирир возьмет вместо меня выкупы за двух моих пленников.

— Я обязательно это передам, — кивнул альфар. — Может быть, вам нужно что-то еще?

Освободившись от стеганого доспеха, я с наслаждением потянулся, разминая мышцы. Натруженные руки и плечи болели.

— Принеси мне сухую рубашку, — распорядился я. — И чего-нибудь перекусить. У меня с рассвета маковой росинки во рту не было.

— Как прикажете, господин. Извольте подождать! Стянув с меня промокшую от пота льняную рубашку, Горо стал протискиваться сквозь толпу рыцарей, оруженосцев и прислуги.

— Тварь косорукая! — послышался раздраженный возглас. — Вот я тебя!

Звонкий шлепок пощечины заставил меня вздрогнуть. Не то чтобы я был таким уж чувствительным, просто этот голос был мне знаком, как и голос, тут же покаянно

произнесший:

— Простите меня, господин!

Я успел перехватить руку рыцаря, который собирался второй раз ударить моего Горо.

— Как вы смеете, милорд? — возмутился я.

— Нет, как смеешь ты, деревенщина? — Вчерашний юнец, с которым я столкнулся у ворот замка Наместника, развернулся ко мне, пытаясь выдернуть руку из моих пальцев. — Что ты здесь делаешь?

— Я, как и вы, победил в схватке, — холодно ответил я. При ближайшем рассмотрении оказалось, что я выше юнца на две головы, что существенно укрепило мою решимость. — А вы, милорд, ведете себя просто ужасно. Что здесь происходит?

Замершие рядом альфары разом побледнели и переглянулись.

— Этот недоразвитый выродок меня толкнул, — фыркнул юнец.

— Я не хотел, — пробормотал Горо. — Простите...

— Простить тебя, урод? Где были твои глаза, недомерок?

Я сдвинул запястье юнца, привлекая его внимание.

— Он извинился, — сказал я. — Прекратите. А ты, Горо, ступай по своим делам.

— Как прикажете, господин, — кивнул слуга и попятился.

— Так этот выродок — твой раб? — прошипел юнец. — Да ты... ты сам...

— Горо — не раб, — отрезал я. — А даже если и так — кто вам дал повод оскорблять его?

— Кто? — Юноша приподнялся на цыпочки, стараясь стать выше ростом. — Да ты знаешь, кто я? Знаешь, кто мой отец?

— Не имею такой чести. — Мне стало крайне неприятно. — Но надеюсь впоследствии с ним познакомиться.

— Я тебя с ним обязательно познакомлю, — прошипел юнец.

— Надеюсь, ваш отец сумеет лучше меня объяснить вам, как стоит и как не стоит вести себя благородному лорду, — промолвил я напоследок.

Как ни странно, эти слова отрезвили собеседника. Он вырвал свою руку, что-то проворчал и отступил. Я запоздало заметил, что мы стали центром всеобщего внимания, причем смотрели на стычку как эльфы, так и альфары. Эти последние пялились на меня, будто у меня внезапно выросли рога и перепончатые крылья.

Горо еле успел принести мне сухую рубашку и кусок хлеба с сыром, как объявили новое построение. Нас поставили перед ложей Наместника, который с интересом поглядывал сверху вниз.

— Мы решили, благородные рыцари, — промолвил он, — что можем дать вам шанс самим выбрать себе противника для показательных боев. И, надеюсь...

— Да! — послышался пронзительный голос. Я не удивился, увидев, что вперед выскочил давешний юнец. — Мой лорд, я уже выбрал себе противника!

И не удивился, когда он ткнул пальцем именно в меня.

— Что ж, уважаю твой выбор, Дейтемир, — кивнул Наместник, бросив на меня пристальный взгляд. — Но согласен ли твой противник?

— Согласен, — ответил я. Пасовать и отступить перед каким-то юнцом только потому, что его зовут так же, как Наместника Кораллового, мне не хотелось.

На поединок меня собирали вдвоем — отец и Этирир, который завистливо вздыхал, помогая мне натянуть кольчугу, закрепить наручи и поножи, облачиться в шлем. Как оказалось, зять попал в плен после того, как боковой удар перекошил его шлем, он потерял ориентацию и позволил себя захватить.

— Не старайся обязательно выиграть этот поединок, — говорил Этирир. — Ты и так уже выиграл главный приз. Стать одним из Коралловых Зубов! Я о таком и мечтать не могу!

— Зато у тебя теперь есть замок, — улыбнулся я. — И я готов отдать тебе часть своего выкупа, чтобы компенсировать проигрыш.

— Замок должен стать твоим, Данкор, — напомнил отец. — Ты — мой единственный

наследник и...

— Отец, у меня своя дорога, — решительно ответил я. — Пусть замок остается Этириру и его детям. А меня ждет другая судьба.

Я старался выглядеть спокойным и уверенным в себе, хотя не чувствовал ни того, ни другого. Изо всех сил стиснул копьё, прижал его под мышкой и нацелил вперед. Как всех молодых рыцарей, меня обучали науке наносить удары копьём — на скаку нападать на щит, бить в него копьём, стараясь попасть точно в середину. Учились мы поражать и другие мишени, но вот так, чтобы выйти против другого эльфа — хм, признаюсь, до сего момента ничего подобного не делал. Впрочем, до сегодняшнего дня я и в турнирах не участвовал. Одна надежда — что у юнца окажется меньше опыта, чем у меня.

Пока готовились, вдоль ложи Наместника Видящая воздвигла невысокий барьер. Нас развели в разные стороны и поставили так, чтобы мы скакали вдоль заграждения.

Отец вышел проводить меня. Похлопывая по шее коня, он поглядывал то на меня, то на моего противника.

— Ты знаешь, что надо делать? — спросил он.

— В общих чертах.

— Твой противник наверняка тоже не имеет опыта, — улыбнулся отец, вглядываясь в противоположный край поля. — Так что успокойся и просто сделай, что должен. Лишний приз — это, конечно, хорошо...

— Но я не собираюсь делать себе имя победами на турнирах, — повторил я.

Мелодичный звук трубы прервал разговор. Я плотнее прижал копьё и, дождавшись, когда маршал турнира взмахнет жезлом, поскакал вперед.

Наш первый удар вряд ли можно было назвать удачным — мы оба промахнулись. Я слишком старался попасть точно в центр щита противника, а тот держал его чуть наискосок, так что мое копьё лишь скользнуло по твердой поверхности. Противник же целился не в щит, а прямо в меня и, если бы я не так сильно наклонился вперед, точно ранил бы меня в плечо.

Второй удар был удачнее. Я попал в цель, и мой противник покачнулся в седле, выронив копьё.

Громкие крики с трибун казались мне музыкой. Радужное настроение не испортило даже шипение юнца, раздавшееся в тот миг, когда мы проезжали мимо друг друга, направляясь за новыми копьями.

— Смотри, — прошипел он из-под забрала шлема, — не вздумай стоять у меня на пути!

— Не могу вам этого обещать, милорд, — ответил я. — В любом случае мне с вами не по пути!

Юнец зашипел, как змея, и ударил хлыстом своего коня, вымещая досаду на животном.

— Что ты ему сказал? — Отец и Этирир вытянули шеи.

— Всего лишь пару «ласковых», — ответил я, протягивая руку за новым копьём.

— Ты что? — У моего зятя округлились глаза. — Не знаешь, кто это такой?

— Не знаю и знать не хочу! — воскликнул я, направляясь на свое место.

Надо ли говорить, что в третий раз я помчался на своего противника, раздраженный и полный решимости всыпать ему как следует. Я воспитывался на почтительном отношении младших к старшим и не мог понять, как у юноши, который моложе меня, хватает наглости дерзить посторонним. Да еще и оскорблять слуг! Альфары не орки! Пусть их можно считать рабами, но по происхождению они намного выше и лучше темноволосых. Они вообще наша ближайшая родня, и относиться к альфарам так, как этот юнец!.. Нет, он...

Противник неожиданно откинулся назад, выронил щит и копьё и едва не рухнул с коня от моего удара. Самостоятельно выровняться рыцарь уже не мог, но, когда двое слуг-альфаров попытались помочь ему, от злости и досады принялся избивать их на глазах у зрителей.

Я смотрел на это зрелище с седла, отъехав к отцу и зятю.

— Ты понимаешь, что ты наделал? — покачал головой Этирир.

— Данкор! — послышался в этот миг пронзительный веселый голос. Ко мне проталкивалась Шаллорель. Она по-прежнему была в мужской одежде, но сняла кольчугу и шлем, и ее длинные вьющиеся волосы рассыпались по плечам. — Я все видела! Это было великолепно! Он непременно упал бы с седла, если бы не запутался ногой в стремя!

— Я победил? — Я спешился прямо перед девушкой.

— Все наши говорят, что да, — кивнула она. — Это было чудесно!

Наш разговор прервало появление герольда из числа светлых альфаров.

— Что же вы тут стоите? — Он всплеснул руками. — Идите скорее! Высокородный лорд-Наместник сейчас будет награждать победителя!

— Иди и получи свою награду — Шаллорель потрепала меня по плечу.

К высокому помосту мы с юнцом подошли одновременно. Я заметил, что мой противник слегка прихрамывает — очевидно, зацепившись ногой за стремя, он повредил лодыжку. Но, несмотря на это, юноша смерил меня заносчивым взглядом.

Лорд Дейтемир встал при нашем появлении. Его мать подала ему раскрытую шкатулку.

— Мы рады объявить, — заговорил лорд-Наместник, — что в первом бою победу одержал наш сын, Дейтемир-младший! Ему будет вручен приз — драгоценное ожерелье из кораллов!

Я онемел, оцепенел, застыл, как столб. Сын Наместника! Так вот кем был мальчишка, с которым я имел несчастье столкнуться еще вчера! Сын Наместника, который осмеливался оскорблять и избивать альфаров! Но ведь я его победил! Все видели, как он едва не свалился с коня, в то время как я даже не покачнулся! Сомневаюсь, что он вообще коснулся меня копьем! И вот — победу отдают ему!

Чье-то сильное рукопожатие вывело меня из оцепенения. Передо мной стояли Шаллорель и мой зять.

— Мы пытались тебе сказать, кто это, — вздохнул Этирир. — Но ты не захотел слушать.

— Все равно, я считаю, что ты был великолепен, — извиняющимся тоном добавила девушка и чмокнула меня в щеку. — Идем посмотрим другие поединки! И не расстраивайся так! В конце концов, мы — Коралловые Зубы!

Я послушно дал увлечь себя туда, где собрались мои будущие сослуживцы. Но настроение было безнадежно испорчено.

Несмотря на столь неожиданное окончание турнира, я оказался зачислен в Коралловые Зубы. А вот сын Наместника, лорд Дейтемир-младший, отказался вступать в наши ряды — то ли отец берег его для более важных дел, то ли сам юнец не желал подвергать себя тяготам военной службы. Но, так или иначе, от его общества я был избавлен.

Мы явились в казармы поздно вечером, уже после того, как на турнирном поле завершился пир в нашу честь, и рассмотреть ничего особенно не успели. Нас провели мимо серых в ночи зданий, распахнули двери и приказали занимать свободные койки.

Конечно, я не смог уснуть.

Здесь все было непривычно. Вместо широкой постели — узкая койка, вместо своей комнаты — одна большая зала, в которой койки стояли ровными рядами, для личных вещей — сундуки под каждой койкой, чтобы не перепутать, вместо прочей мебели — лавки, на которые предлагалось складывать все, что не поместилось под подушку или в сундучок. Узкие окошки, чем-то похожие на окна в конюшнях. И никаких штор, портьер или хотя бы шпалер вдоль стен. Ничего!

Справа и слева от меня на койках спали мои будущие сослуживцы. Казармы погрузились в ночной сон, и только я лежал, закинув руки за голову, и думал, думал, думал... Пока не уснул.

А разбудил меня звонкий удар колокола. Я резко сел, хлопая глазами.

— Ммм... Что это? — раздался сонный голос с соседней койки.

Послышался второй удар колокола.

— О Покровители, что происходит? Откуда этот звон? Что это? — Мы один за другим

поднимались с постелей.

Третий удар колокола...

— Подъе-о-ом! — Дверь распахнулась от резкого пинка. На пороге, подсвеченная факелом, замерла фигура незнакомого эльфа. — Живо! Кто задержится в постели после шестого удара колокола...

Четвертый удар заглушил конец его фразы. Мы кинулись одеваться.

— Подъем, подъем. — Эльф прошелся по ряду между койками туда и обратно, время от времени толкая тех, кто, по его мнению, мешался под ногами. — И строиться! На улицу! Живо! Если кто-нибудь...

Пятый удар колокола опять заглушил его слова.

— Шестой удар — знак построения! Живо! Живо!

Мы кинулись к выходу, толкая друг друга локтями — девушки и юноши вперемешку, некоторые на ходу поправляли туники.

Снаружи было еще темно — рассвет только-только начал окрашивать небо на востоке в розовый цвет.

— Смирно! — заставил нас замереть на месте голос командира. Держа факел над головой, он прошелся вдоль не слишком-то подтянутого и ровного строя. — Слушать меня! Мое имя — мастер Моррир. Запомните! Дважды повторять не буду. Вы еще должны заслужить право называться Коралловыми Зубами. Сразу скажу, что победа на турнире не означает того, что вы приняты в наши ряды. Примерно каждый третий из вас вскоре вернется домой, к родителям. Если хотите задержаться тут, советую запомнить несколько главных правил. Во-первых, слушать колокол. Подъем с первым ударом, общее построение — с шестым. Опоздавшие на сутки оказываются на положении прислуги. Завтрак, обед, ужин, отбой и все остальное — тоже по звуку колокола. Поэтому — слушать колокол!.. Во-вторых, самостоятельность. Я — не ваша матушка, чтобы возиться с вами с утра до ночи. Прислуги у нас нет, все делаем сами. Тот, кто не сможет обслуживать себя сам, кто не привык работать, будет отчислен. Вам, как новичкам, на первое время дается послабление — первые три дня вы имеете право задавать вопросы. Даже мне. — Он усмехнулся. — Третье — тренировки. Каждый день с утра до ночи, по крайней мере для вас! Того, кто не будет поспевать за товарищами, отчислят. По окончании курса тренировок — церемония посвящения. Тот, кто не пройдет все испытания, тоже будет отчислен... И последнее, — мастер Моррир остановился в нескольких шагах от меня, — среди вас есть девушки. Для них у нас нет послаблений, так что те из вас, кто не будет успевать за мужчинами, тоже будут отчислены. Пока все. Вопросы?

Мы переглянулись. У меня на языке вертелась целая куча вопросов, но я молчал по одной простой причине — не знал, какой задать первым.

— А спать мы тоже будем вместе с парнями? — послышался знакомый голос Шаллорель.

— Хм, — мастер качнул головой, — я думал, вы спросите о чем-то другом... Нет, для девушек у нас отдельные казармы. Сегодня вечером вас переведут туда. Но тренироваться вы все равно будете вместе.

— А вот я слышал, что Зубы делятся на несколько отрядов, — произнес кто-то из парней. — Разве нас не будут распределять?

— Самый умный, да? — Мастер безошибочно вычислил говорившего. — Что ж, отвечу. Зубы действительно делятся на отряды. А те действительно тренируются по собственным программам, но вы будете заниматься всем, пока не определитесь, к чему у вас большая склонность.

— А у нас будут выходные?

— Кто тут желает быть отчисленным? — Мастер шагнул на голос. — Пока вы не пройдете испытания, никаких выходных, отлучек и свиданий с родственниками и друзьями!

— А наши слуги?

Этот вопрос сорвался с моего языка. Я прикусил его, но мастер Моррир уже

остановился передо мной.

Повисла пауза. Нет, он не узнал во мне старого знакомого или дальнего родича. Просто уставился на меня снизу вверх. Ну что делать, если я оказался ростом выше всех новобранцев?

— Ого, — промолвил сотник. — Такой большой, и не умеешь обходиться без слуги?

Тут и там послышались смешки.

— Я рыцарь, милорд, — произнес я, — и мне положен оруженосец. Хотелось бы знать — стоит ли отослать его обратно, в поместье родителей? Дело в том, что Горо и я — выросли вместе, и мне нужно позаботиться о его судьбе.

— Горо?

— Он альфар. И принадлежит мне.

— Что ж, — мастер помолчал, — никто не запрещает вам иметь личные вещи...

— Горо — не вещь...

Смешки и перешептывание прекратились как по волшебству. Мастер Моррир посмотрел на меня очень внимательно.

— Я сам разрешил вам задавать вопросы, — медленно произнес он. — Сегодня — ваш первый день на плацу. Поэтому сегодня вас не накажут. Но если еще раз кто-то пытается меня перебить, он надолго запомнит этот день. Понятно?

Я вспомнил, как меня натаскивали в бытность оруженосцем, и ответил четко, как на учениях:

— Так точно, понятно, мастер Моррир!

— Отлично, — мигом подобрел тот. — Свою... своего альфара можешь оставить здесь. У нас имеется некоторое количество прислуги, так что ему будет чем заняться. А теперь... Побежали! Мы и так потеряли несколько минут на болтовню. Направо и вперед! Бегом!

Все дружно рванули с места.

Вот так началась моя новая жизнь. Каждый день был похож на предыдущий. Мы вскакивали с первым ударом колокола, наскоро одевшись и умывшись, выбегали на плац для построения, там нас уже ждал мастер. Иногда мастер приходил будить нас — но лишь для того, чтобы придираться к опоздавшим или тем, чей внешний вид не соответствовал идеалу. Потом начиналась утренняя разминка — бег, прыжки, борьба. После завтрака занимались метанием копий, топоров, ножей и рукопашным боем. Тренировали нас старшие Зубы — у каждого был свой наставник. Мне досталась женщина-Клык. Нет, это было не имя, а скорее звание среди Зубов — как мы узнали, Зубы делились на Резцы, Клыки и Коренные.

— Как ваше имя? — спросил я однажды, когда мы отдыхали после очередного спарринга.

— Клык, — повторила она, прищуренными глазами глядя на остальные пары. Одни еще тренировались, другие, как и мы, переводили дух перед тем, как возобновить занятия. — Для тебя — леди Клык.

— А все-таки? — настаивал я.

— Пока ты еще не вступил в наши ряды, — женщина смерила меня холодным взглядом, — я для тебя леди Клык. И ты для меня — только Зубок. Вот пройдешь испытание, станешь одним из нас, тогда и познакомимся.

— Я должен стать Клыком? — догадался я.

— Необязательно. Ты станешь тем, к чему у тебя есть способности. Ну, отдохнул, маленький Зубок?

Я кивнул, не сумев сдержать смешок — по сравнению с нею я был каким угодно, только не маленьким. Ну что поделаться, если я таким вырос? Дома родителям и сестрам даже нравилось, что я возвышаюсь над ними, как тополь над рябинами, но здесь мой рост поневоле вызывал всеобщие шутки. Например, леди Клык упорно именовала меня маленьким.

Тренировки продолжались до обеда, после которого у нас был один час свободного времени, его мы, как правило, проводили в блаженном ничегонеделании. Ибо час спустя

начинались конные тренировки.

Именно здесь, на тренировках, я и встретил наконец Горо. Прошел почти месяц с тех пор, как мы начали заниматься, но я только сейчас увидел альфара — вместе с другими слугами он проворно насаживал на колья свежие тыквы взамен разрубленных.

— Привет, Горо! — улучив минуту, окликнул я его. — Как жизнь?

— Все хорошо, мой господин, — кивнул альфар.

— Чем ты занимаешься?

— Обслуживаю всех понемногу.

— Не тяжело?

— Нет, мой господин. Простите, — альфар поклонился, прижав к животу тыкву, — я больше не могу разговаривать.

— Данкор! — раздался крик мастера, который видел все и сразу. — Что за болтовня? Желаете на своей шкуре узнать, какова жизнь слуги?

— Нет, мастер Моррир! Никак нет! — откликнулся я.

— Тогда марш вперед! У вас еще целый час тренировок!

Кивнув Горо, я поскакал туда, где тренировались лучники.

Другие народы почему-то считают эльфов непревзойденными стрелками из лука, но на деле все обстоит не совсем так. Просто у нас, эльфов, нет культа огромных мускулов, мы не привыкли побеждать с помощью грубой физической силы, а потому предпочитаем решать конфликты, так сказать, на расстоянии. То есть не сходитьсь с противником врукопашную, а расстреливать его на приличном расстоянии из луков. Эльфийские лучники действительно не знают себе равных, но только в отношении меткости и скорострельности. Во всем остальном с нами вполне могут потягаться люди и пресловутые орки, которые пустили слух, что мы сильны исключительно нашими стрелками.

Среди нас, эльфов, не все являются лучниками, хотя каждого учат стрелять, так, на всякий случай. Но вот я, например, всегда отдавал предпочтение мечу — может быть, потому, что сделать лук для моих длинных рук было трудно, а вот длинные полтораручные мечи встречались гораздо чаще. На тренировках Коралловых Зубов мне приходилось пользоваться обычным стандартным луком, который, повторяю, был для меня несколько неудобен. Я не мог как следует натянуть тетиву, и большая часть стрел не долетала до мишени. Зато хорошо рубился на мечах, так что однажды мастер Моррир сам подошел ко мне и сказал:

— Лук — это не для тебя, Данкор. Выбирай между мечом и копьем.

Тренировки заканчивались перед самым ужином, оставляя нам ровно столько времени, сколько нужно, чтобы поставить лошадей в конюшни и принять душ. Время после ужина и до отбоя считалось свободным, но первые недели мы уставали так, что едва добирались до своих кроватей. Лишь у некоторых находились силы на то, чтобы разговаривать, знакомиться с соседями по казарме — ведь до этого мы в первый раз увидели друг друга перед схваткой, когда было не до разговоров.

Девушки — из тридцати новобранцев их было лишь шестеро — жили с нами. Им не выделили отдельную казарму, но часть коек в общей комнате отгородили ширмой. Конечно, они не сидели за этой загородкой, а перебирались к нам, по-приятельски рассаживаясь на койках.

Я здорово удивился и даже немного испугался, когда в один прекрасный день Шаллорель сунула нос в нашу мужскую комнату для омовений, где мы после тренировок смывали с себя пыль и грязь в больших чанах с горячей водой.

— Привет! — сказала девушка, шлепнув меня по голому плечу.

— Привет. — Я быстро развернулся, ища, чем бы прикрыться, поскольку был совершенно голым, а мать приучила меня, что мужчина может предстать перед женщиной обнаженным только в трех случаях: если его только что вынули из пеленок, если он тяжело ранен и не в состоянии сам обработать свои раны и если он собирается заняться любовью. — Ты что тут делаешь?

— Видела тебя сегодня на тренировке, — уходя от ответа, промолвила Шаллорель. — Тебе явно мешает лук.

— Знаю, — кивнул я, набрасывая на чресла полотенце.

— Ему было бы проще кинуть стрелу, как копье, — откликнулся один из наших, Найлор. — С его длинными руками он бы точно дотянулся до мишени.

— А тебе вовсе было бы проще дать в руки дубину, — сказала девушка прежде, чем я открыл рот. — Таким образом ты бы хоть во что-то да попал!

Вокруг грянул хохот, незадачливый шутник насупился.

— А если серьезно, Данкор, — как ни в чем не бывало продолжила Шаллорель, — тебе стоит подумать о том, чтобы стать Коренным.

— Кем-кем? — Я заинтересованно придвинулся поближе.

— Ну мечником. — Девушка присела на одну из стоявших вдоль стены лавок, на которых мы разложили свою одежду. Кстати, на ней была только тонкая нижняя сорочка без рукавов, с глубокими разрезами по бокам, которые совершенно не скрывали ее ноги. Ткань кое-где прилипла к еще влажному телу, подчеркивая размеры груди.

— Мечником? А разве...

— Ты что, не знаешь? А вот я все у своего наставника вытянула, — улыбнулась Шаллорель. — Резцы — это конные лучники. Они всегда в любом бою идут первыми, осыпают врага градом стрел и отступают. Потом вступают в дело Клыки, то есть копейщики. Они налетают на строй врага... вернее, на тех, кто выжил после удара Резцов, и — бац! — девушка шлепнула ладонью о ладонь, — насаживают на копья тех, кто уцелел. А уже потом настает очередь Коренных. Это мечники, они добивают всех — и выживших после двух первых ударов, и раненых. С мечом у тебя ловко получается, так, может, пойдешь в Коренные?

— А куда пойдешь ты?

— Еще не знаю, — качнула влажными волосами Шаллорель. — Копье для меня тяжеловато, это точно.

— Смотря какое копье, — промолвил Найлор, все это время пожиривший ее глазами. — У нас тут есть разные...

Шаллорель обвела нас пристальным оценивающим взглядом, и я не без удовольствия отметил, что некоторые юноши покраснели, а кое-кто и вовсе поспешил спрятаться за спины товарищей.

— У меня, — улыбнулась Шаллорель, — дома есть четыре сестры. Выбирай любую! А мне больше нравится лорд Катиар.

— А кто это?

— Ну вы даете! — Девушка рассмеялась. — Это же наш тысячник! Первый среди Коралловых Зубов! Именно он будет решать, кто из нас прошел испытание, а кого отчислят! Говорят, у него на груди настоящая татуировка, — Шаллорель мечтательно вздохнула, — вот бы посмотреть поближе! Не то что у некоторых!

Не прибавив более ни слова, она, тряхнув на прощание непросохшими волосами, направилась прочь. Мы, затаив дыхание, смотрели ей вслед.

— Какая девушка, — вздохнул Картор, кровать которого стояла слева от моей.

— Просто слов нет, — согласно кивнул Найлор. — Кстати, что она там говорила о татуировках нашего командира?

Мы, не сговариваясь, придирчиво покосились друг на друга. Кроме знаков, которые повествовали о том, кто из нас в какой семье родился, ни у кого не было явных отличий.

— Скорее бы на войну, — вздохнул Картор. — Победить в бою, и тогда...

— А можно и без войны, — улыбнулся Найлор. — Я у своего наставника видел сегодня во время спарринга на груди и плечах вот такие знаки. — Он намочил палец и на сухом участке пола вывел несколько переплетающихся линий. — Спросил, что это означает, а он ответил, что это — знак отличия. Наставник кому-то спас жизнь!

— Я себе такой же хочу, — воскликнул Картор.

— Не терпится? — фыркнул еще один эльф. — Знаешь, как это делают? Иглой колют! Сумеешь вынести?

— Иголку-то? Легко!

— А я слышал, что орки себя ножами режут и в раны втирают краску...

— Сравнил! Темноволосые все дикари. Они себя режут потому, что хотят показать, какие они крутые.

— А мы что? Трусы? Да я, если надо, тоже вытерплю, если меня ножами резать будут!

Я вертел головой, прислушиваясь то к одному, то к другому собеседнику. Потом поднял руку, привлекая всеобщее внимание:

— А слабо себе такой знак нанести? Все сразу вытаращились на меня.

— Не струсил? — поинтересовался Найлор.

— А чего тут трусить? — пожал я плечами. — Краску бы достать и нож...

— Ножик есть. — Один из юношей протиснулся вперед, доставая небольшой кинжальчик. — А где взять краску?

— Альфаров можно послать в деревню, — предложил Картор. — В любом доме есть краска, чтобы красить ткани или расписывать посуду! Пусть принесут. А ты точно не испугаешься, Данкор?

— Нет. — Я встал и сразу оказался выше всех ростом. — Сам готов послать своего слугу в деревню. Встретимся перед отбоем!

Сказано — сделано. Рискуя опоздать на ужин, отправился искать Горо и обнаружил его возле кухни, где несколько альфаров кололи дрова и чистили овощи.

— Горо! — окликнул я, облокотившись на перегородку. — Иди сюда!

Альфар тут же отложил нож и поспешил ко мне:

— Мой господин?

— Сбегай немедленно в ближайшую деревню, пока еще не закрыли на ночь ворота, и принеси краску для ткани.

Если Горо и удивился, то никак не подал виду.

— А какого цвета? — поинтересовался спокойно.

— Неси все, что найдешь, — махнул я рукой. — Там разберемся! Живо!

Альфар поклонился, отступая. Поскольку слуга считался моей собственностью, он мог в любой момент прекратить заниматься другими делами и пойти выполнять мой приказ. Проследив взглядом за удаляющимся прислужником, я направился к столовой, в которой уже собрались все наши, и пристроился сбоку, на краю длинной скамьи, где обычно сидели мы, новички.

— Порядок, — шепнул оказавшемуся рядом Картору. — Краска будет.

— Какая краска? — прищурились близняшки Мориль и Лариль.

— Обыкновенная, — отрезали мы с Картором.

Каждый ужин был похож на маленький праздник — именно за ужином наша Видящая служила молебн, прося у Покровителей благословить трапезу и благодаря их за прошедший спокойный день. Мы, усталые, голодные, были вынуждены выслушивать молебны стоя, в глубине души тихо костеря Видящую и дурацкий обычай, из-за которого каждый день приходилось ужинать на полчаса позже. Ну что поделать! Не отличались мы истинным благочестием. Что бы сказала моя матушка, если бы узнала, что ее любимый сын, вместо того чтобы молиться, гадает о том, успел ли Горо достать краску?

Горо успел. Он явился к нам в казарму за полчаса до отбоя, неся что-то за пазухой. К этому моменту мы все уже начали волноваться. Особенно переживал я — ведь идея была моя. Потому и мой вздох облегчения оказался громче всех, когда в двери тихо постучали и послышался осторожный голос Горо:

— Господин Данкор? Вы спите?

— Нет! — Я подскочил к двери первым, распахнул ее и за локоть втащил альфара внутрь. — Принес?

— Да, господин. — Горо достал из-за пазухи несколько мешочков. — Вот. Их надо

развести с маслом... Масло тоже захватил, — быстро добавил он. — Правда, его тут немного, так что если вы захотите использовать всю краску, то...

— Нам хватит! — взвесил на ладони несколько тряпичных мешочков и бутылочку. — На сколько порций?

— Примерно на три.

— Отлично. — Кивнул альфару: — Можешь быть свободен. И смотри, молчи о том, куда и зачем бегал!

Горо отвесил почтительный поклон и ушел. А я вернулся к товарищам.

Мы сгрудились в углу вокруг лавки, и тот юноша, у которого был кинжал, Логар, развязал все мешочки.

— Синяя, зеленая, желтая, черная, — Найлор подбирал высыпавшийся порошок. — У моего наставника татуировка была красная.

— Есть еще коричневая. Ее можно развести побольше, чтобы стала светлее.

— Можно и коричневую, — кивнул Найлор. — Ну? Вопрос относился ко мне. Я вздохнул и стянул через голову рубашку:

— Готов!

— Тогда ложись!

Мне пришлось вытянуться на лавке и приготовиться терпеть боль. Найлор и Логар вдвоем склонились надо мной.

...Да, это было больно. Но я изо всех сил старался делать вид, что мне все равно.

Утром на построении мастер Моррир какое-то время молчал, обводя нас глазами, а потом резко скомандовал:

— Снять туники!

Команда была до того неожиданной, что мы все подчинились. Пройдясь вдоль нашего строя, сотник остановил свой взгляд на мне и кивнул:

— Два шага вперед!

Я беспрекословно подчинился. Заставив меня встать к строю лицом, сотник положил руку на мое плечо, которое находилось на целую ладонь выше его собственного.

— Вчера ночью кое-кто из вас решил отличиться, — заговорил он, не глядя на меня. — Похвальное решение, особенно если учесть, что было сделано. Вы хоть знаете, что означают символы, которые вы нанесли себе на плечи?

— Так точно, знаю, — не моргнув глазом, соврал я.

— Вот как? — На меня впервые обратили взгляд. — И наверное, это знает та девушка, ради которой вы прошли через довольно болезненную процедуру?

Я закусил губу. Шрамы здорово болели, кожа слегка покраснела и даже кое-где воспалилась. Плечи немилосердно чесались, а ныли так, что я полночи только и делал, что пытался улечься поудобнее.

— Она хоть оценила ваш подвиг? — со странной интонацией поинтересовался мастер.

Я покосился на замерших девушек и кивнул: — Да.

— Он не кричал? — этот вопрос был задан всему строю.

— Нет... Никак нет, — переглянувшись, ответили Найлор и Логар.

— Хорошо, — кивнул мастер. — Вы двое, два шага вперед! Всем троим наказание — сутки в обществе кухонных альфаров! — и добавил, глядя на наши поникшие физиономии: — В следующий раз будете думать, как присваивать себе чужие подвиги. А теперь — марш на кухню! И чтобы до завтрашнего утра я вас не видел! А тебе, — он поманил меня пальцем, — придется теперь ох как непросто — нужно будет претворить в жизнь все, что у тебя вытатуировано!

Мой личный слуга, Горо, был приписан именно к кухонным альфарам, он оторвался от чистки овощей, кинулся мне навстречу, когда я в сопровождении приятелей возник около столовой:

— Господин! Вы... — он запнулся и опустил голову, — простите меня!

— Так это из-за тебя? — догадался я.

— Он поймал меня с краской для вас, — тихим голосом промолвил альфар. — И отпустил только после того, как я все ему рассказал. Мне невозможно послушаться.

— Невозможно, — я почувствовал досаду. — Ты бы хоть меня предупредил!

— Простите. — Еле слышно прошептал Горо и крепко зажмурился, явно ожидая тумака. Он бы его получил, если бы у меня была привычка колотить своего слугу.

— Ладно уж, — отмахнулся я. — Сделанного не воротишь. Давай лучше покажи, как тут надо чистить эти ваши овощи!

Окончание учебы ознаменовалось небольшим отборочным турниром, на котором присутствовали лорд-Наместник Дейтемир Коралловый со своим сыном. Оказывается, Дейтемир-младший был с самого рождения приписан к гвардии. Перед их высокими лицами мы должны были показать все, чему нас научили. Мы стреляли, метали копья, бились на мечах и боролись, демонстрируя силу и ловкость, а тысячник Катиар зорко следил за нами. И те, кто по какой-то причине ему не понравился, сурово отчислялись прямо на плацу.

Как ни странно, среди таковых оказался и Картор.

Мы боролись друг с другом, не разделяясь на юношей и девушек, Картору в качестве противника досталась Шаллорель. Девушки, как и мы, выступали полуобнаженными, и эльф решил воспользоваться моментом, чтобы, проводя прием, немного потискать противницу. Шаллорель не стала краснеть и поднимать скандала — она просто врезала ему в челюсть изо всех сил, после чего добавила удар в живот и, повалив Картора лицом на землю, уселась на него верхом, заломив руку назад с такой силой, что все услышали хруст сустава. После этого у Картора не было шансов остаться в Коралловых Зубах.

После экзамена мы переселились из казарм новичков на новые места. Логар, чьим ножом мне наносили ритуальные шрамы, пошел в Клыки, а Найлор, Шаллорель и мы с Мориль и Лариль стали Коренными. На этом перемены в нашей жизни практически закончились — все по-прежнему вскакивали с первым ударом колокола, по-прежнему бежали на построение и большую часть дня посвящали тренировкам. Разве что теперь мы сами совершенствовали полученные навыки и особое внимание уделяли именно той науке, которую выбрали. Мы по полдня не слезали с коней, отрабатывая работу в строю, рубились друг с другом, сидя в седлах, тренировались запрыгивать на коня и спешиваться на скаку.

В один прекрасный день, вернее, в одно туманное осеннее утро привычный ход жизни был нарушен. К нам явился старый мастер Моррир, решительно отстранивший нового сотника Эльнара, и поднял руку, призывая к вниманию и молчанию.

— Вы все знаете, — начал он, — что уже много лет идет война, которую нам навязали темноволосые. Пять лет назад войска орков атаковали Мраморный Остров и вторглись на его территорию, убивая все живое на своем пути. А сейчас черед дошел до наших соседей. На Янтарном Острове объявлена мобилизация Янтарных Бус. Легионы Серебряного и Обсидианового Островов уже выдвинулись к границе. Через несколько недель мы выступим. Так что шутки и игры окончились, дети мои! Молитесь, чтобы эта война закончилась победой для тех, кто только недавно вступил в наши ряды!

Мы, новички, переглянулись. Так получилось, что из всех победителей недавнего турнира только шестеро вступили в Коренные — большинство предпочли стать Клыками или Резцами. И мы — кроме Найлора, Шаллорель, близняшек и меня Коренным был еще один юноша по имени Пандар — старалась держаться вместе.

— Наконец-то война, — прошептал Пандар. Как и я, он прибыл из далекого захолустья и горел желанием отличиться.

— Да уж, — поддержала его Шаллорель. — Мне надоели бесконечные тренировки. Скорее бы в дело!

Наши переговоры услышал сотник Эльнар и подошел ближе.

— Да, будет просто несправедливо, если вся слава достанется Серебряным Стрелам и Обсидиановым Клинкам, а мы останемся не у дел, — сказал он.

Старшие Коренные согласно заворчали. Между элитой войск каждого Острова издавна

существовало соперничество в условиях почти непрекращающихся войн то с орками, то с людьми это было немудрено. Почти на каждом Острове элита имела свое название — Коралловые Зубы, Серебряные Стрелы, Obsидиановые Клинки, Мраморные Столпы, Янтарные Бусы, Нефритовые Витязи и так далее. Считалось, что, пока жива эта элита, живо и все войско. Мраморные Столпы были практически уничтожены — уцелела одна десятая корпуса, — так что и моральный дух защитников Мраморного Острова был основательно подорван. Усугубляло ситуацию то, что Мраморными Столпами командовал наследник Наместника Мраморного, и в первом же бою он был убит. Произошло это еще в ту пору, когда ваш покорный слуга знать не знал о Коралловых Зубах.

Мы шли в наш первый поход в приподнятом настроении, каждый мечтал о подвигах и славе. Каждый видел себя во главе несметных полчищ, прогоняющих грязных орков обратно в горы. Сотники умело разжигали ярость, на привалах вечером рассказывали о зверствах, чинимых нашими бывшими рабами на захваченных землях. Из уст в уста, обрастая подробностями, передавались рассказы о том, как издевались орки над пленниками, как резали на куски девушек, как жгли на кострах детей и пытали пленных воинов. Говорили даже, что темноволосые поедают тела своих жертв — если кто-то попал в плен раненым, его обязательно зажарят и съедят. Причем иногда жертвы жарят живьем.

Сидевшая у костра рядом со мной Шаллорель при этих ловах прижималась ко мне боком.

— Я ничего не боюсь, — шептала девушка. — Ни смерти, ни ран, ни насилия. Но как представлю, что меня будут жарить живьем... Это так мерзко! Данкор, пообещай, что добьешь меня, если я буду тяжело ранена. Я не хочу попасть к темноволосым в плен живой!

Она двумя руками вцепилась в мой локоть, и я накрыл ее ладонь своею.

— Пообещай мне то же самое, — промолвил я. Девушка быстро закивала.

— Никто не должен попасть к темноволосым в плен живым, — подал голос сотник Эльнар, услышав наш тихий разговор, — поэтому мы все должны следить друг за другом. Участь тех, кто попал в плен к оркам, слишком ужасна. Они не щадят никого.

На шестой день похода, вступив на территорию Мраморного Острова, мы смогли убедиться в правдивости этих слов. Вернее сказать, вступив на территорию бывшего Мраморного Острова, ибо за два дня пути по этим землям мы не встретили никого живого.

Первой ласточкой — вестницей о происшедшем — оказалась небольшая застава, на которую мы наткнулись сразу после того, как наши Видящие (у каждого легиона была своя волшебница, которая колдовала, насылая на врага чары, а после боя лечила раненых) открыли проход между Островами. Некоторые из Островов имели общую границу — таковыми были Нефритовый и Изумрудный, а также Янтарный с Коралловым. Все остальные располагались на некотором отдалении друг от друга — от одного часа до нескольких дней пути. До Мраморного же — ой, простите, бывшего Мраморного Острова — надо было идти целый день на восток.

Застава — небольшой донжон, обнесенный крепостной стеной, — стояла на невысоком холме. Ворота отсутствовали, сквозь проломанные стены было видно, что часть донжона разрушена.

— Гандор, что там? — коротко бросил сотник. Десятник Гандор, позвав своих, поскакал к заставе. Наш собственный десятник, Тайлор, прикусил губу.

— Что-то там слишком тихо, — промолвил он, не сводя глаз с Гандора и его подчиненных. — Как бы не пришлось драться! А вдруг там засада?

Мы — я, Шаллорель, близняшки и Найлор, — не сговариваясь, потянули из ножен мечи.

— Спокойно, молодежь, — откликнулся Эльнар, — Видящая ничего не чувствует.

Тем временем десятник Гандор доскакал до заставы. Десять всадников один за другим проскользнули в пролом стены и исчезли. Мы замерли, задержали дыхание и синхронно выдохнули, когда из ворот выскочил воин и во весь опор поскакал к нам.

— Ну что? — хором воскликнуло сразу несколько голосов.

На эльфе не было лица. Осадив коня, он провел ладонью по лбу.

— Там... никого живого! — воскликнул товарищ, оглядываясь назад. — Темноволосые убили всех! Защитники заставы... мирные жители... три семьи альфаров-фермеров... даже домашний скот! Они убили всех, кто там находился! Даже кур!

Мы не поверили своим ушам, но это оказалось жестокой правдой. Орки уничтожали на своем пути все. В лесах исчезла дичь, на фермах перерезали скот. Огромная армия требовала огромных запасов пищи, а то, что не могли съесть, враги просто бросали где попало. Остановившись на привал у небольшого озера, на другом берегу которого виднелись развалины замка и двух ферм, мы увидели на траве дохлую рыбу. Видимо, кто-то из орков развлекался тем, что ловил рыбешек и бросал их.

Но хуже всего было то, что обнаружили на противоположном берегу.

На сей раз в дозор послали наш десяток. Тайлор, командир, ворчал всю дорогу:

— Навязали на мою шею детей... А если там что-то ужасное? Кто мне поручится...

Замок и две фермы были пусты. Ни одного тела не нашли ни во дворах, ни в домах, ни в хлевах.

— Посмотрите! — Звонкий голос Мориль дрожал. Девушка протянула руку и замерла на берегу озера.

— Я решила напоить коня, — промолвила она, старательно отводя взгляд от воды, — подъехала ближе и...

Они были там. Мужчины, женщины, дети. Эльфы и альфары вперемешку. Широко распахнутые глаза, разинутые в последнем крике рты. Мориль так и замерла с протянутой рукой, я взял повод ее коня и отвел в сторону. Помог спешиться, придерживал за плечи, пока ее рвало возле ближайших кустов.

— Это ужасно, — прохрипела девушка, вытирая лицо. — Такая смерть... Я их ненавижу! Детей-то за что?

— Это — орки, — произнес подошедший десятник Тайлор. — Они ненавидят все, что так или иначе связано с нами. Ведь когда-то они были нашими рабами.

— Я буду их убивать. — Мориль выпрямилась. Она еще была бледна, но глаза уже горели огнем. — Я клянусь, что буду убивать их всех. Где ни встречу! До тех пор, пока жива! И либо погибну, либо изведу их проклятое племя под корень!

— Молодец, девочка, — Тайлор похлопал ее по плечу, — правильно мыслишь. А теперь — по коням! Надо рассказать о случившемся остальным!

Гнев и ярость охватили Коралловые Зубы, когда они узнали, какой смерти орки подвергли обитателей замка и двух ферм. Неудивительно, что в свой первый бой мы пошли, горя ненавистью и жаждой мести.

Обычно лучше всего запоминается именно первая битва. Но только не в моем случае. Ибо нас, новичков, задвинули в самый конец строя, где мы и проторчали большую часть сражения. Мы не видели, как навстречу нашим легионам выскочили орки. Не видели, как устремились вперед лучники-Резцы. Не видели их согласованного залпа, от которого все первые ряды орков полегли, как подкошенные. Лишь умозрительно догадались, что потом вперед устремились копейщики-Клыки. А по их следам вперед ринулись мечники-Коренные.

Нас, повторяю, задвинули в самый конец строя, так что доскакали мы до смешавшихся полков темноволосых, когда всю шла сеча.

— Вперед! В бой! — кричал десятник, подбадривая нас. Но для новобранцев бой как таковой завершился, едва начавшись. Ибо старшие сделали всю работу. Нам осталось гнать бегущих и сечь их по головам. Лишь некоторые орки останавливались, чтобы защититься или подороже продать свою жизнь.

— Гони! Гони их! Не останавливайся! — кричал десятник. — Вперед! За мной!

Он гнал нас, заставлял мчаться сломя голову, но я только потом понял, почему он так торопился. Ибо кроме зрелища поверженных врагов, кроме отрубленных тобой рук, отсеченных голов, фонтанов крови и пронзенных животов на войне есть и более жуткое зрелище — убитые соратники. Тут и там на земле вместе с убитыми орками лежали

пронзенные копьями эльфы и лошади. Многие Клыки были убиты или ранены — у темноволосых нет своей конницы, ни всегда идут в бой пешими, а против нашей конной лавы них имеется свое оружие — длинные копья, которыми они загораживаются от эльфийских коней. Нас, новичков, милосердно избавили от кровавого зрелища столкновения двух войск, но ничто не могло избавить от созерцания поля боя, на котором рядом с убитыми стонали раненые. Темноволосые отступили, скрывшись в лесу, среди деревьев за ними трудно было гнаться верхом; и вынудили нас вернуться на место битвы.

Видящие уже бродили по полю, время от времени останавливаясь и наклоняясь над телами. Следовавшие за ними по пятам эльфы поднимали тех, на кого указали волшебницы, и уносили в лагерь. Эльфов, мимо которых Видящие проходили молча, уносили в другую сторону.

Как ни странно, Шаллорель, за которую я волновался, повела себя прекрасно. Она ни разу не дрогнула, пока мы проезжали мимо наших раненых и убитых, а когда один из орков пошевелился и тихо застонал, проворно спешила, вскинула меч и пригвоздила его к земле.

— Никакой пощады! — воскликнула девушка. — Как они к нам, так и мы к ним!

— Неужели ты стала бы убивать их женщин и детей? — удивился я.

— Их самок и детенышей! — с нажимом поправила Шаллорель, деловито направляясь к еще одному орку, неосторожно подавшему признаки жизни. — Они — животные!

Одичавшие, взбесившиеся животные! И относиться к ним надо, как к зверям, для которых нет ничего святого и светлого. Темноволосые недостойны иного отношения!

Я промолчал, но, вспомнив мать и представив ее на месте тех утопленников, подумал, что тоже вряд ли смогу сдержаться.

Лил дождь, настроение у нас было далеко не праздничное.

Война продолжалась уже три года. Все это время мы не вылезали из седел, ночевали зачастую на голой земле, подложив свернутый потник под голову и укрывшись плащом. За это время я несколько раз ловил себя на мысли, что вовсе не это — моя судьба. Как прежде мне не хотелось посвящать всего себя турнирам, так и сейчас чувствовалось, что служба рядовым — это не тот высокий жребий, который предсказала при рождении Видящая.

Мы сидели в распадке на склоне горы. Нависшая скала защищала от дождя и ветра маленький костерок, возле которого сгрудился наш десяток. Было довольно поздно, но никто не смыкал глаз.

Из темноты вынырнула стройная фигура, кутающаяся в плащ.

— Почему не спите? — поинтересовалась Шаллорель, останавливаясь на границе светлого пятна и темноты. — Завтра бой!

— Неохота, — негромко откликнулся Найлор.

— Завтра бой, — с нажимом повторила девушка. — Интересно, как ты будешь воевать с темноволосыми?

— Не беспокойся, Шалли, — улыбнулся Найлор. — Нам случалось не спать по двое-трое суток. И ничего!

— И все равно дисциплина должна быть! — стояла на своем Шаллорель. — Этот огонь нас демаскирует. Тушите костер и ложитесь! Да не забудьте выставить охрану! Я через час пройду еще раз, и смотрите у меня!..

Погрозив пальцем, девушка скрылась в темноте.

— С нею стало совершенно невозможно разговаривать после того, как она получила нашивки десятницы! — проворчал Найлор. — Власть ее испортила!

Я не мог не согласиться с приятелем. В одном из недавних боев десятник Тайлор получил тяжелую рану, что не позволило ему продолжить военную карьеру. Он вернулся домой, а его место заняла Шаллорель — одна из самых отважных мечниц. Девушка впрямь прославилась неукротимостью и даже какой-то жестокостью — во всяком случае, она не гнушалась собственноручно добивать раненых орков. Нам часто ставили ее в пример, как идеал воительницы, но в обычной жизни она здорово переменилась. И с каждым днем все

меньше и меньше вспоминала о том, что когда-то мы были друзьями.

— Вообще-то она права, — помолчав, сказал я. — Перед боем надо отдохнуть.

И, подавая пример, снял плащ, собираясь расстелить его на земле.

— Ты что? — тут же ошетинился Найлор. — Подлизываешься к ней?

— Она права. И к тому же она десятник, кто бы что ни говорил!

— Скажи уж, что ты в нее влюблен, — фыркнул Найлор. Я промолчал, не желая давать приятелям пищу для размышлений. Сказать честно, Шаллорель мне действительно нравилась, но не настолько, чтобы влюбиться всерьез. Для меня она была в первую очередь подругой. Я чувствовал — где-то есть та единственная, которой я отдам свое сердце. Она ждет меня. Просто я пока еще ее не встретил.

...И не встречу никогда, если завтра у меня будут чугунная голова и ватные ноги.

На мое счастье, только Найлор относился к Шаллорель без должного почтения. Остальные сослуживцы уважали девушку, не прошло и минуты после того, как она отошла от костра, — огонь был затоптан, а мы устраивались на ночлег.

Нас подняли до рассвета. Двигаться пришлось медленно и осторожно, сдерживая коней, выслав вперед дозоры. Как объяснила разбудившая нас десятница, разведчики обнаружили стан темноволосых на противоположном склоне горы, за долиной. Теперь многое зависело от того, сумеем ли мы подобраться к ним незамеченными.

— Их там целая орда, — шепотом сказала девушка. Ее глаза сверкали в ночной мгле, она трепетала от предвкушения битвы. — Говорят также, что там может быть сам Верховный Паладайн! Если это так, то... О-о! Это значит, конец войне!

— А тебе бы хотелось, чтобы она длилась вечно? — подначил ее один из рыцарей.

— Я женщина, — с достоинством ответила Шаллорель, — и не должна желать войны, потому что на поле боя гибнет слишком много народа. Эта война разорила Мраморный Остров. От него не осталось ничего!

Она была права. Армия темноволосых вдоль и поперек прошла по Мраморному и практически его уничтожила. Девять из десяти обитателей были убиты. Спаслись лишь те, кто волей случая оказались в то страшное время на соседних Островах и у кого хватило ума не возвращаться, чтобы узнать, что стало с родными и близкими. На Мраморном не осталось ни одного неразрушенного здания, ни одного невырубленного сада. Многие колодцы были отравлены — в них орки сбрасывали трупы. Мраморный Остров перестал существовать. Сейчас сражения переместились в горы к северу от него, какое-то время все наши легионы гонялись за армией орков, чтобы не дать ей обрушиться на соседние Обсидиановый и Серебряный Острова. Несколько раз нам казалось, что конец войне вот-вот настанет, но Паладайн каким-то образом всякий раз ухитрялся ускользнуть от наших легионов.

Мы шли долго и такими запутанными тропами, что лагерь темноволосых, раскинувшийся в низине, появившись перед глазами, стал для нас полной неожиданностью. Шаллорель ненадолго исчезла, а вернулась с сияющими глазами.

— Мы атакуем в лоб, — прошептала она. — Левый фланг берут Серебряные Стрелы, справа идут Обсидиановые Клинки, а Янтарные Бусы рассыплются воон там по склону, чтобы не дать темноволосым удрать. Мы должны окружить их и уничтожить. Будьте готовы. Как только в небо взвоется феникс...

Привстав на стременах, я во все глаза смотрел вперед. Мы остановились чуть выше на склоне, так что хорошо видели орочий лагерь. Он казался просто беспорядочным нагромождением шатров. Не то что наши лагеря, всегда огороженные, с особым местом, отведенным для каждой сотни. Потомки рабов! Что с них взять?

— Что это там? — Шаллорель поднялась на стременах. — О нет! Покровители, только не это!

На противоположном склоне, там, где должны были находиться Янтарные Бусы, замелькали огни. Словно в ответ, в орочьем лагере послышался звук рога, и вслед за этим быстро пробудившийся вражий стан пришел в движение.

— О нет! Только не это! — Шаллорель едва не плакала. — Где же наш феникс? Куда

смотрели Видящие Янтарных Бус?

Что-то в продуманном плане пошло не так, но, прежде чем орки окончательно проснулись и успели построиться для обороны, в небо все-таки взлетели фениксы, да не один, а целых три. Птицы взмыли в ночное небо с трех сторон, озарив магическим светом склоны и дно долины. На несколько долгих секунд стало видно как днем.

— Вперед! — закричали сотники. — Резцы, в бой!

Нам, Коренным, пришлось задержаться — в соответствии с порядком, нужно было ждать, пока на суетящихся внизу орков лавиной сойдут сначала конные лучники, осыпая врагов градом стрел, выпустят по три-четыре на скаку — на большее у них просто не хватит времени, — рассыпятся в стороны, давая дорогу Клыкам. Те ошестинятся копьями, ринутся за ними, как на конном ристалище, пронзая орков и погибая и вновь напарываясь на строй орочьей пехоты. Все-таки они пробивали бреши в обороне врага, и туда устремлялись мы, Коренные, конные мечники, рубящие орков с седел.

— Вперед! В бой! — закричали вокруг меня. — В бой! Ошестинившись мечами, наш строй ринулся вниз по склону.

Фениксы погасли, но рассветное небо озарилось, освещая нам путь.

Мы ворвались в лагерь врага, рубя всех без разбора. Управляя конем с помощью коленей, я рубил направо и налево, еле успевая ловить и принимать на щит ответные удары. Ворвавшись в лагерь, по которому метались орки, наш строй рассыпался, каждый был сам за себя, я потерял своих, но продолжал сражаться. Рядом рубились такие же одиночки. Нас было много — достаточно много для того, чтобы говорить о грядущей победе.

Внезапно впереди мелькнула знакомая фигура. Кто-то из наших! Прорвавшись к высокому шатру, один из Коренных напал на нескольких орков, но к ним со всех сторон спешило подкрепление, так что вскоре эльф начал обороняться.

— Найлор! — узнал я приятеля. — Держись, Найлор! Он не слышал моего крика, отчаянно орудовал мечом и щитом. Конь под воином вертелся как юла, но вынужден был остановиться, когда сразу две смуглые руки схватили его за уздечку.

— Найлор! — завопил я, спеша добраться до эльфа, окруженного орками.

Один из темноволосых обернулся. Я успел заметить оскаленную морду, грубой работы шлем с рогами. Орк был почти полностью обнажен, разве что вокруг бедер была намотана какая-то шкура, а на груди болтался массивный медальон.

Мы смотрели друг на друга краткий миг, настолько краткий, что я больше ничего не успел рассмотреть. Но зато прекрасно увидел взлетевший над головой топор на длинной рукояти.

И Найлора, покачнувшегося в седле, когда лезвие тяжело врубилось ему в ногу выше колена.

— Не-ет!

Не помня себя, я рванул вперед. Кто-то из темноволосых попытался меня остановить, но покатился по земле с разрубленным черепом. Не думая о том, что и меня могут убить, дотянулся и опустил свой меч на плечи орка в рогатом шлеме.

Выдернув топор из глубокой раны на бедре Найлора, тот начал разворачиваться...

Мой второй удар пришелся ему прямо в шею.

Сразу две стрелы впились в лицо ближайшего к нему орка. Выронив меч, из последних сил цепляясь за гриву коня непослушными пальцами, Найлор сполз с седла, но, прежде чем он исчез под ногами темноволосых, еще один враг с двумя стрелами в груди упал на землю, а потом подскочивший к нам незнакомый рыцарь срубил третьего. Оставшиеся в живых брызнули врассыпную.

Тот орк, которого я ударил в шею, был еще жив. Кровь хлестала из двух глубоких ран — на спине и на горле, — но он шевелился и пытался поползти до упавшего рядом Найлора. Однако его желаниям не суждено было сбыться. Спешившись, я наступил ему на грудь и одним ударом отделил голову от мощного тела.

— Вот так, — сказал охрипшим голосом, — будет с каждым.

— Молодец. — Тот рыцарь, который пришел ко мне на помощь, остался в седле и внимательно озирался по сторонам. — Но у нас еще много дел!

— Вы правы, — выпрямился я. — Но нельзя оставлять тут моего товарища.

Найлор с трудом приподнял голову. Он был бледен и еле дышал.

— Мне уже ничем не поможешь, — прохрипел друг, — прощай, Данкор.

— Погоди. — Я упал перед ним на колени. — Потерпи... Но было поздно.

Над моей головой хором всхлипнули подъехавшие близняшки. Я медленно закрыл Найлору глаза и выпрямился, поднимая меч. Кругом еще шел бой, останавливаться было нельзя. Сейчас я, потерявший товарища, шел убивать. И горе было тем оркам, которые пытались меня остановить.

Победа оказалась полной. Бой завершился разгромом орочьих орд. Уцелевшие бежали под покровом утреннего тумана, спешили укрыться в расщелинах скал, а наши конники догоняли и рубили бегущих. Некоторые, спасаясь от эльфийских мечей, прыгали с обрывов, ныряли в воды горной речки. Уйти удалось немногим.

Держа наготове меч, я бродил по полю боя и выискивал недобитых раненых. Вместе со мной шли еще несколько эльфов — одни искали своих друзей, другие добивали темноволосых. Шаллорель держалась рядом со мной — Найлор был из ее десятка, и она чувствовала ответственность за то, что не уберегла его. Пускай среди наших было трое раненых, никто из них не вызывал у девушки такого сочувствия, как погибший Найлор, хотя при жизни они постоянно цапались, к тому же павший юноша, пожалуй, единственный не воспринимал ее власть всерьез.

Недалеко от конусовидных палаток, рядом с которыми все случилось, столпились высокопоставленные эльфы. Я заметил тысячника Коралловых Зубов, лорда Катиара, нашего сотника Эльнара, кое-кого из начальства. Шаллорель вдруг прислушалась к их голосам и потянула меня за локоть.

Десятка полтора высших лордов-командующих, причем не только с нашего Острова, судя по всему представители Серебряных Стрел и Обсидиановых Клинков, столпились над несколькими телами. Рядом стояли две Видящие. Третья опустилась на колени и водила руками над обезглавленным трупом «моего» орка.

— Я не знаю, — когда мы подошли, промолвила волшебница, вставая с колен. — В смысле, я не имела чести знать его при жизни, но похоже, что это он. Во всяком случае, это отнюдь не рядовой орк. Скорее всего, кто-то из командиров.

— А теперь он мертв, — произнес знакомый голос. — Благодаря отважному рыцарю, пожертвовавшему собой.

— Нет, — промолвила одна из Видящих, — смертельный удар нанесен не этим мечом. — Она указала на клинок Найлора, лежащий рядом с телом моего приятеля. — Если мне позволят потратить немного времени, я отыщу воина, который убил этого орка.

— Да, — кивнул обладатель знакомого голоса, и я с некоторым удивлением узнал Наместника Дейтемира. — Я должен видеть героя, принесшего нам победу.

Вот оно! Мой шанс! Отстранив Шаллорель, я шагнул вперед:

— Это сделал я.

На меня уставились все — и командующие, и волшебницы, и Шаллорель.

— С ума сойти, — прошептала девушка. — Ты что, Данкор?

— Он говорит правду. — Одна из Видящих подошла вплотную и коснулась рукой моего лба. Я тотчас преклонил перед волшебницей колени. — В его душе смешались боль от потери друга и усталость...

— Хм, — промолвил Наместник Дейтемир, — странное сочетание чувств для того, кто своей рукой срубил самого Верховного Паладайна! Погоди, — он вдруг подошел ближе, — а ведь я тебя помню. Как твое имя?

— Данкор из Дома Дармира, — представился я, и Наместник улыбнулся, кивнув своим мыслям.

История вторая Пылкий влюбленный

Вот так моя судьба сделала резкий поворот. Еще недавно я был просто рядовым Коренным из Коралловых Зубов, а сейчас вдруг стал личным рыцарем охраны самого Наместника. Правда, военную кампанию мне все равно пришлось дослужить в том же десятке под командованием Шаллорель, но, едва война закончилась, пришел приказ перебраться в замок лорда Дейтемира.

Шаллорель проводила меня до ворот. Из ее десятка в строю осталось только шестеро, и он подлежал переформированию. Мы какое-то время стояли на пороге, глядя в землю.

— Прощай, Данкор, — наконец произнесла девушка. — Ты теперь высоко взлетишь. Личный охранник самого Наместника! Это ведь то, о чем ты говорил? Твой высокий жребий?

— Похоже, что так, — кивнул я. — Хотя мне предпочтительнее было бы знать, что это — не предел.

— Тогда почему ты медлишь? Подай прошение и возвращайся обратно!

— А смысл? — пожал я плечами. — Война закончилась, мы загнали темноволосых обратно в норы, из которых они вылезли. Орки теперь не скоро очухаются...

— Эта война закончилась, — поправила девушка, — но будут и другие.

— Вот когда начнется новая война, тогда и вернусь, — улыбнулся я. — А пока попытаюсь достичь чего-нибудь на мирном поприще.

— Я буду ждать, — кивнула Шаллорель, поднялась на цыпочки и чмокнула меня в щеку. Потом развернулась и бросилась бежать прочь, в казармы.

Глядя ей вслед, я невольно держался рукой за то место, где моей кожи коснулись губы девушки. Окруженный сестрами, я не рос робким, меня трудно было смутить одним поцелуем, но этот...

— Вы ей нравитесь, милорд, — подал голос Горо, который стоял чуть в сторонке, держа повод моего коня.

— Замолчи, — оборвал его я.

— Со стороны виднее, — вздохнул слуга.

Я промолчал. Прав был альфар или нет, сейчас выяснять было уже поздно. Я чувствовал, что наши с Шаллорель пути разошлись. Что-то подсказывало мне, что я уже никогда не переступлю порога казарм Коралловых Зубов.

Описать внутреннее убранство замка Наместника можно двумя словами — красота и роскошь. Мой родной замок по сравнению с этим казался просто старой развалиной. Повсюду здесь был мрамор, отделанный розовым кварцем и редкими в наших краях кораллами, которые привозили издалека, с Жемчужного моря, омывавшего берега Жемчужного Острова. Тут и там в просторных залах виднелись огромные кораллы — иные в рост человека; одни походили на огромные деревья, другие напоминали глубокие чаши или огромные шары. Разных форм, размеров и расцветок, они не просто поражали воображение — я не мог отвести от них глаз. Такие роскошь и великолепие не снились мне и в самых причудливых снах.

Сейчас просторные галереи, заполненные светом залы, широкие лестницы были украшены лентами, полотнищами и цветами. Празднества продолжались уже несколько дней, так что мое появление прошло незамеченным. Признаюсь, я был несколько разочарован этим обстоятельством. Мне-то казалось, что сразу по прибытии должен буду предстать перед лордом-Наместником, который примет мою клятву верности и скажет несколько напутственных слов. Я был не просто одним из рыцарей — три с половиной года прослужил в Коралловых Зубах. Когда уходил из гвардии, мне устроили торжественные проводы, сотник Эльнар сказал напутственную речь, а Шаллорель... ну вы знаете. Здесь все было не так...

Нижний зал убрали с пышностью и роскошью, которые сбили меня с толку. Мимо

туда-сюда сновали альфары и малютки-элле, обычная замковая прислуга. Последние едва доставали мне до колена. Горо, принеший мои вещи, тоже озирался по сторонам со здоровым любопытством.

— Интересно, здесь всегда такая суета? — спросил он вслух.

— Откуда мне знать... А ты что стоишь? — поинтересовался я. — Отыщи кого-нибудь и доложи, что прибыл Данкор из Дома Дармира для службы Наместнику Коралловому.

Горо кивнул, положил мои вещи и сделал шаг вперед. Но едва он чуть-чуть отошел, как его поймал за локоть пробежавший мимо альфар:

— Ты что тут прохлаждаешься? В розовом зале рук не хватает! Живо! Бегом!

— Но мой хозяин. — Горо, которого уже подталкивали в нужном направлении, бросил на меня вопросительный взгляд. — Он...

— ...не любит ждать, — закончил незнакомый альфар. — Бегом!

— Погодите, — вмешался я, — но Горо — мой слуга. Мы только что прибыли и...

— Ох!

Я никогда прежде не видел, чтобы выражение лица альфара так стремительно менялось с недовольно-делового на испуганно-пришибленное. Выпустив локоть моего слуги, он рухнул на колени, склонил голову и втянул ее в плечи.

— Простите меня, господин, — пролепетал слуга. — Я не знал... Просто праздник вот-вот начнется, а у нас еще ничего не готово! Господин будет разгневан... Простите меня!

— Хорошо, — кивнул я. — Но...

— Вы позволите мне следовать своим путем или доложите о проступке милорду Наместнику?

— Кто бы обо мне самом доложил, — пожал я плечами. — Мы стоим тут почти полчаса. Скажите, а где мне найти начальника местного гарнизона?

— Он, — альфар изменился в лице, словно я пообещал оторвать ему голову, — вы хотите...

— Мне приказали прибыть, чтобы начать службу при дворе Наместника. На последней войне я совершил подвиг, высокородный лорд-Наместник в качестве награды призвал меня служить ему.

— Понимаю, — слуга измученно смотрел по сторонам, — рад за вас, господин. Но... вы разрешите мне продолжить заниматься своими делами?

— Разрешаю, — кивнул я, и альфар, проворно вскочив на ноги, бросился прочь с такой скоростью, что еле вписался в поворот, расталкивая остальных слуг.

Мы с Горо посмотрели друг на друга.

— Кажется, застрянем тут надолго, — сказал я вслух.

— Если господину будет угодно подождать, я бы попробовал отыскать кого-нибудь, — промолвил Горо.

— Хорошо. Только смотри, не пропадай надолго. И помни, что пока еще ты принадлежишь мне!

— О, господин, — Горо отвесил поклон, — этого я не забуду никогда!

Кивнув, он убежал, мгновенно растворившись среди таких же, как он, альфаров.

Я остался совсем один, застыл у порога, чувствуя на себе косые взгляды двух рыцарей возле парадных дверей.

— Вон он!

Обернувшись, увидел быстрым шагом приближающегося ко мне эльфа в розовом мундире. Рядом с ним приплясывал Горо.

— Милорд. — Я шагнул навстречу. — Данкор из рода Дармира...

— Мне о вас докладывали. — Эльф остановился, не дойдя до меня пары шагов. Как и большинство моих соотечественников, он оказался немного ниже ростом. — Ветеран Коралловых Зубов, э?

— Так точно, милорд, — отрапортовал я.

— Отлично. Немного не вовремя, у нас тут праздник намечается, так что Наместник

тебя вряд ли примет в ближайшем будущем. До конца месяца лорд будет слишком занят, чтобы обратить на тебя внимание. Идем. А ты, — это относилось к Горо, скромно застывшему в отдалении, — возвращайся к своим обязанностям.

— Но простите, милорд, Горо принадлежит мне! — подал я голос.

— В свободное время! — Командир поднял палец. — А сейчас, в преддверии праздника, у нас каждая пара рук на счету! Вот закончатся торжества, и сможешь получить своего слугу обратно. Пошли, покажу тебе наши казармы.

С извиняющимся видом пожав плечами, Горо убежал, а я подхватил вещи и направился за новым командиром.

— Будешь звать меня лордом Бормидаром, — представился тот на ходу. — Пока станешь подчиняться непосредственно мне. Лорд-Наместник примет твою присягу позже, когда закончится череда праздников. Я доложу о тебе, но не думаю, что он вспомнит.

— Он сам пригласил меня, — напомнил я.

— Да, но сейчас ему некогда. Привыкай, Данкор! Казарма личных охранников лорда-Наместника мало чем отличалась от казармы Коралловых Зубов. То же низкое длинное здание, те же постели в два ряда. Только тут нас отделяли друг от друга витые колонны, а в стенах светились высокие стрельчатые окна, забранные витражами. Через одну дверь можно было попасть в круглый зал для тренировок и комнату для омовений, а через другую — в трапезный зал и оружейную. Здесь мне выдали новую форму — ярко-розовую с малиновыми вставками, с трудом подобрав нужную под мой рост.

Пока я располагался на одной из свободных коек, умывался и переодевался, праздник уже начался, и лорд Бормидар отвел меня на мой первый в жизни пост.

Всего личных рыцарей у Наместника Дейтемира было три сотни, и все они, словно демонстрируя мощь Кораллового Острова, стояли в почетном карауле тут и там. На широких лестницах, в просторных, залитых светом галереях, у дверей, ведущих в парадные залы, — везде виднелись рыцари в выкрашенных розовой краской доспехах с парадным оружием в руках. Я был одним из них.

Мне выпала честь нести дежурство у входа в зал, куда после праздничной трапезы высыпала пестрая толпа гостей. Я издали увидел лорда Дейтемира, блиставшего красотой и грацией. Возле него находились его сестра, леди Свирель и младший брат. Веселая толпа придворных окружала их со всех сторон. Как и четыре года назад, на турнире, я, затаив дыхание, следил за своим новым господином и чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Подумать только! Миновало четыре года с тех пор, как мне вручили рыцарские шпоры, а я уже стал одним из охранников самого Наместника! Что же будет через десять лет? Через двадцать? Через сто?

Веселые голоса заглушал шум музыки, и я напрягал слух, чтобы уловить хотя бы обрывки фраз. Мне было все любопытно, как ребенку, попавшему на первый в своей жизни праздник.

— О, нет-нет, помолвка моего младшего брата — дело решенное! Нам осталось лишь определиться с датой проведения. Думаем, что первый день зимы — самое подходящее для этого время!

— Да, зимой обычно так мало праздников...

— Можно устроить большой турнир в честь Солнцеворота...

— Но мы всегда устраиваем турнир в это время!

— Тогда, может быть, Большую охоту? Как насчет горных троллей?

— Нет, все охотятся на горных троллей. А если мы устроим рейд к темноволосым? Они то и дело совершают набеги на наши окраины, так почему бы нам не ответить тем же?

— Но война закончена!

— Смотря для кого! Я уверен, эти дикари используют передышку для того, чтобы собрать новую армию...

— Фи, господа! Нашли о чем говорить! Сейчас же праздник!

— Свирель, прости, дорогая. Мы больше не будем!

— Поговорите о чем-нибудь другом. Например, о Ленимирель. Почему ее нет с нами?
— Малышка опять болеет, и Ленимирель живет с нею в летнем поместье. Если девочка поправится к весне, она переедет сюда.

— О, значит, она не будет присутствовать на помолвке Дайнелира? Это так ужасно!
— Ничего, наверстает упущенное на его свадьбе! В конце концов, Ленимирель никогда не одобряла наши праздники!

— Какая глупость! Без праздников так тяжело жить... А твоя нареченная невеста, Дайнелир, она такая же тихоня и затворница, как Ленимирель?

— Нет, она обожает развлечения. Но она пока не моя нареченная. Только после помолвки мы с нею сможем считаться женихом и невестой и оставаться наедине.

Я держал уши и глаза открытыми, лишь осознание того, что нужно как можно лучше исполнять свой долг, чтобы сделать карьеру и прославиться, мешало мне сойти с места и присоединиться к празднующим гостям. Правда, я считался наследником имени и титула, но замок — а значит, и состояние — уже давно отошли моему зятю Этириру. Следовательно, я был беднее любого из присутствующих и должен был знать свое место. Но ведь это только начало!

— Ого, кого я вижу!

Вздрагнув от неожиданности, посмотрел на говорящего. Не думал, что ко мне могут обратиться в замке, где меня никто не знал. Впрочем, почему же «никто»? Этот юнец, с которым судьба в прошлом сталкивала меня уже дважды, был мне определенно знаком.

— Не ожидал тебя тут встретить. — Лорд Дейтемир-младший встал передо мной, упревая руки в бока. — Что ты здесь делаешь?

— Я служу вашему отцу, милорд, — счел нужным сразу пояснить я.

— Я не спрашиваю, чем ты занимаешься, — перебил юнец. — Меня интересует, почему ты торчишь тут?

— Это мой пост, милорд, — ответил я.

— Ага! — Красивое, явно в отца, лицо наследника Наместника перекошилось. — Даю слово, что я разберусь с тем, кто поставил тебя именно сюда!

— Дейтемир!

Громкий звучный голос заставил нас обоих вздрогнуть и обернуться. Лорд-Наместник смотрел в нашу сторону.

— Ты с кем там разговариваешь, Дейтемир? — промолвил он, оставив гостей и сделав шаг в нашу сторону.

— Отец, — наследник Наместника рванулся к нему, — я требую, чтобы этот рыцарь немедленно убрался отсюда и не показывался на глаза!

— Он успел досадить тебе, сын мой? — Яркие голубые глаза Наместника словно подернулись льдом.

Я не дал Дейтемиру-младшему шанса вставить хоть слово — кто бы ни был, он не имел права вставать между мной и моим будущим! — и преклонил колено перед Наместником коралловым.

— Прошу меня простить, мой лорд, — заговорил я, — но только сегодня прибыв в ваше поместье, я сразу был назначен на этот пост. Здесь нахожусь всего несколько минут и...

— погоди, — Наместник властным жестом прервал мой монолог, — кажется, я тебя знаю. Мы ведь встречались раньше?

Да, милорд, — ответил я. — Когда мы разгромили темноволосых...

— И это был ты! — воскликнул Наместник Дейтемир. — Господа! Господа! — Он несколько раз хлопнул в ладоши. — Прошу всех сюда! Посмотрите на одного из тех рыцарей, которые принесли нам победу! Он служит мне!

Последние слова Наместник произнес с гордостью, словно напрашиваясь на похвалы, которые тут же зазвучали со всех сторон. Отовсюду слышались восторженные голоса. На фоне улыбающихся лиц кислая физиономия наследника Наместника выделялась особенно

ярко. Дейтемир-младший явно не разделял восторгов, которые вызвали слова его отца.

— Мой лорд, — дождавшись, пока настанет небольшой перерыв в хвалебных восторженных речах, промолвил я, — позвольте принести вам клятву верности. Данкор из Дома Дармира, клянусь служить вам верой и правдой до тех пор, пока смерть не освободит меня от этого. Клянусь быть верным защитником вашего Дома и положить жизнь за то, чтобы Дом Наместников Коралловых процветал многие века.

— Сказано от души, Данкор из Дома Дармира, — кивнул лорд, поднимая меня с колен. Мы оказались одного роста, и я невольно обрадовался, встретив эльфа, на которого мог смотреть, не опуская глаз. — Я принимаю твою клятву. И надеюсь обрести в тебе верного защитника. Вот, — он приятельски обнял меня за плечи, — с такими витязями мы можем наконец загнать темноволосых обратно в их норы, а то и вовсе разгромить, чтобы снова надеть на них ошейники рабов! Побольше бы таких, как ты! Тогда эта война закончилась бы совсем по-другому!

Хор восторженных голосов тут же принялся воздавать хвалу Наместнику, а вместе с ним — и мне. Голова моя слегка кружилась от хвалебных речей, и лишь одно отравляло мою радость и гордость — наследник Наместника смотрел на меня, как на злейшего врага.

Чуть подавшись вперед, я напряженно прислушивался к лаю собак и крикам загонщиков, пытаюсь определить направление, в котором двигалась охота.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как я стал одним из рыцарей Наместника Дейтемира. Миновала осень, началась зима. Несколько дней назад шумно и пышно отпраздновали помолвку младшего брата моего господина, лорда Дайнелира. Вот уже неделю продолжались праздники, пиры и различные увеселительные мероприятия. Большой турнир, подобный тому, на котором ваш покорный слуга получил приглашение стать одним из Коралловых Зубов, сменился многочасовым пиром. Потом были выступления музыкантов и артистов. А теперь настал черед охоты.

Оба лорда Дейтемира, отец и сын, оказались страстными любителями охоты. Они были готовы по несколько дней не вылезать из седел, есть и спать верхом на лошадях, терпеть неудобства походной жизни ради возможности выследить, а потом и загнать зверя. Причем, как я узнал впоследствии, зверями на такой охоте именовались не только те, кто бегают по лесу на четырех лапах.

Наш Коралловый Остров сильно вытянут в длину — протяженность его с запада на восток в пять-шесть раз больше, чем с севера на юг. Личные охотничьи угодья Дома Наместников Коралловых располагались далеко на востоке, почти на самой окраине Острова. Здесь не было четкой границы — охотничьи домики, стоявшие там и тут, успешно совмещали две функции — собственно охотничьих домиков и пограничных застав.

Сейчас шла охота на табун лесных лошадей — невысоких коренастых животных с пятнисто-полосатой шкурой. Ростом они были раза в два меньше, чем верховые лошади, но именно от них и произошли наши кони — до сих пор многие жеребята рождались с полосками на ногах и пятнышками на крупе.

Причина, по которой я замер, напряженно прислушиваясь к гону, вместо того чтобы скакать вслед за всеми, была проста — я заблудился.

Обычно нас, рыцарей охраны, выставляли в лесу через равные промежутки, чтобы мы охраняли Наместника и его семейство от случайной опасности. Мы же должны были исполнять роль загонщиков, если дичь вздумает прорваться сквозь кольцо стражи. Я прекрасно знал, что в кольцо охраны еще на рассвете загнали табун диких лошадей. Моя задача, как и остальных рыцарей из оцепления, была проста — не дать испуганным животным прорваться сквозь кольцо, чтобы уйти в леса. Но проблема заключалась в том, что буквально полчаса назад воздух прорезал голос трубы — знак всем нам сниматься с места и скакать вслед за загонщиками.

Вот тут-то все и началось. Ибо я совершенно не ориентировался и не представлял, куда ехать. В результате — заблудился.

Зимний лес представлял собой великолепное зрелище. Он весь был выдержан в серо-черно-белой гамме с отдельными вкраплениями ярко-красных гроздьев рябины и темно-зеленых елей. Мой серый с полосками на ногах и пятнами на крупе конь совершенно растворялся в лесу. Сам я набросил поверх розового мундира серый полушубок из волчьего меха и таким образом практически слился с окружающим миром.

Жеребец вспахивал грудью снежную целину. Снег осыпался с ветвей, так что вскоре волчий мех полушубка стал совершенно белым. Скачка увлекла меня настолько, что на какое-то время я перестал воспринимать реальность, и соловый конь, выскочивший из-за деревьев, остался бы мною незамеченным... если бы не его всадник, с испуганным воплем осадивший своего скакуна прямо перед моим носом.

Кони взвились на дыбы, взметнули копыта, и всадник с коротким криком рухнул в сугроб. Я тотчас же осадил своего жеребца и, спешившись, кинулся на помощь незнакомке, чьи светло-зеленое платье и золотые растрепанные косы ярко выделялись в сугробе.

— Миледи! — Подав женщине руку, помог встать и принялся отряхивать ее одежду от снега. — Простите меня! Я был так неуклюж... я должен был заметить вас сразу!

— Нет-нет, ничего, — она крепко держалась за меня двумя руками, невольно мешая приводить в порядок ее наряд, — это я виновата. Совершенно не знаю здешнего леса...

— Я тоже, — улыбнулся я. — Всего несколько месяцев состою при Наместнике в его свите...

— Вы в свите Наместника Дейтемира? — Лицо незнакомки как-то странно исказилось, словно эти слова причинили ей боль.

— Один из рыцарей охраны, Данкор из Дома Дармира, — представился я.

Эльфийка несколько раз кивнула, не спеша называть свое имя, но не выпустила мою руку. Вежливость и воспитание не позволили просить представиться, но это не помешало мне обратить на нее внимательный взгляд.

Она была хороша, но ее красота носила отпечаток какой-то болезненной усталости, словно этой леди гораздо чаще приходилось плакать, чем улыбаться. Причем плакать не от боли или обиды, а просто сидя у окна долгими одинокими вечерами. Но сейчас ее усталое лицо было оживлено, а на дне голубых глаз горел огонь. Она продолжала держаться за мою руку, хотя давно уже могла отпустить ее.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, моя леди? — осмелился я нарушить затянувшуюся паузу.

— А... — Она вздрогнула и подняла на меня глаза. — Да, ты можете... мне помочь...

Наши глаза встретились... и я понял, что погиб. На меня смотрела самая прекрасная женщина в мире, женщина, отчаянно нуждающаяся в моей защите — ведь иначе она давно бы отпустила мою руку! — но вместе с тем женщина сильная и гордая.

— Мне нужно его увидеть, — просто сказала леди, не сводя с меня глаз.

— Кого?

— Лорда-Наместника Дейтемира Кораллового, — произнесла она так просто, что я невольно улыбнулся:

— Я готов проводить вас к нему. Вы слышали рог? Это сигнал общего сбора...

— Я знаю, — она слабо улыбнулась, и ее лицо словно озарилось изнутри каким-то странным светом, — я услышала сигнал и поспешила в ту сторону. Но, кажется, заблудилась...

— Забавно, — промолвил я. — Я тоже заблудился.

— Тогда давайте искать дорогу вместе, Данкор.

От того, как она легко и просто произнесла мое имя, бедное сердце подпрыгнуло куда-то в горло и застряло там, мешая вздохнуть.

Наши лошади стояли в сторонке, и мы направились к ним, держась за руки, как подростки. Я с сожалением выпустил руку леди, помогая ей сесть в седло. Руке сразу стало холодно, и, когда я увидел, что ее ладонь легла на тонкую шею солового коня, не выдержал и накрыл ее пальцы своими.

— Что вы делаете? — промолвила женщина, глядя на меня сверху вниз.

— Простите, госпожа. — Я тут же убрал руку.

Одним прыжком вскочив в седло своего коня, я прислушался. В лесу стояла тишина, нарушаемая только цвирканьем синиц, но вдалеке постепенно стихал шум. Донесся приглушенный расстоянием звук рога — он созывал отставших.

— Нам туда! — воскликнули мы едва ли не хором. Кругом лежал глубокий снег, но вскоре повезло отыскать следы охоты — кони промчались, оставив ясно видимые отметки. Звук рога донесся в третий раз, немного ближе.

Моя спутница начала волноваться. Ее тонкие пальцы беспричинно теребили повод коня, она нервничала и озиралась по сторонам. Я не мог понять причин ее волнения, но воспользовался случаем и поехал рядом. С каждым взглядом я все глубже увязал в странном, новом для меня чувстве, но не хотел с собой бороться. Это было так сладко и жутко, так... необычно. Сказочный лес, могучий соловый конь, похожий на божество из иных миров, и прекрасная незнакомка.

Она тоже несколько раз бросила в мою сторону взгляд, и, когда глаза наши встретились, я ответил ей улыбкой. Робость мешала начать разговор — вдруг леди не расположена болтать, а я не собирался ей навязываться.

— Простите, — промолвила она наконец, и сердце мое подпрыгнуло, опять переместившись куда-то в горло, — но ваше лицо мне незнакомо. Вы давно при дворе Наместника?

— Нет, — ответил я. — С осени. До этого четыре года послужил в Коралловых Зубах. А на войне мне удалось отличиться — я совершил подвиг, и высокородный лорд-Наместник взял меня в свою свиту!

— Была война? — ахнула собеседница.

— Да, миледи. Мы воевали с темноволосыми. Они уничтожили Мраморный Остров...

— А я ничего не знала! — воскликнула леди. — Со мной никто не общается! Я пять лет прожила безвылазно в своем поместье, и никто меня даже не навестил! Я ничего, совсем ничего не знаю!

В голосе ее прорезалась горечь, и незнакомая боль сжала горло. Мне едва удалось справиться с собой, чтобы не обнять и не начать утешать эту женщину. Останавливало в первую очередь то, что, сидя верхом на коне, сделать это было довольно трудно.

— Мне очень жаль, миледи, — промолвил я, стараясь, чтобы голос меня не выдал.

— Ах, вам-то что жалеть, — отмахнулась она. — Вы тут ни при чем! Рядовой рыцарь...

Я не осмелился ей возражать, только во все глаза глядел на собеседницу. Она была такая необыкновенная, такая незащитная и вместе с тем смелая и решительная!

— А далеко отсюда это ваше поместье? — осмелился я задать вопрос.

— За лесом. — Леди небрежно показала себе за спину. — Я совершенно случайно узнала, что сегодня здесь будет проходить охота, оседлала коня и поскакала через лес, чтобы его увидеть...

— Вы так хотели увидеть лорда-Наместника. — Мой голос все-таки дрогнул.

— Мне нужно хоть кого-нибудь увидеть! — воскликнула женщина. — Я так устала от одиночества! Согласна смотреть на кого угодно, только бы больше не быть одной! А ко мне не пускают даже мать! И он не отвечает на мои письма! Я словно в заточении! И за что? За то, что моя дочь родилась слабой и болезненной и нуждается в постоянном уходе? Но это не повод отсылать меня прочь!

Обида и досада звучали в ее голосе. Видно было, что эмоции накапливались слишком долго — пять лет, если не ошибаюсь, — и наконец прорвались при встрече с первым попавшимся слушателем.

— Миледи, — промолвил я, — уверен, все будет хорошо. Это недоразумение, и оно непременно разрешится! Лорд-Наместник в последнее время очень добр. А после помолвки своего брата...

— Что? — Эльфийка даже подпрыгнула в седле. — Дайнелир помолвлен? С кем? Ах

да! Вы же простой рыцарь и не можете знать некоторых вещей...

— Почему же, знаю, — выпятил грудь ваш покорный слуга, — ее имя — Ольдирель, она единственная наследница своего отца. Его замки стоят где-то на севере Острова, на самой границе.

— О Покровители, — прошептала незнакомка с затаенной горечью, — а я не знала даже этого... И когда была помолвка?

— Недавно, — вспомнил я. — В первый день зимы. Потом несколько дней шли турниры, а теперь...

Я осекся, заметив, как затуманилось лицо собеседницы, и мысленно дал себе подзатыльник.

Несколько минут мы ехали в молчании. Леди погрузилась в размышления, а я мучительно пытался придумать что-то, что могло бы загладить мою вину.

Деревья расступились, открыв большую поляну, в середине которой стоял охотничий домик, он же — пограничная застава. Возле домика на снегу горело несколько костров, у деревьев отдыхали лошади, между костров ходили эльфы из числа охотников и загонщиков. В креслах неподалеку от крыльца расположились лорд-Наместник Дейтемир Коралловый, его младший брат лорд Дайнелир и будущий тесть. Втроем они попивали вино и вели неторопливую беседу.

Увидев Наместника, моя спутница переменилась в лице и вдруг сама схватила меня за руку, крепко сжав запястье. Я ответил на пожатие, постаравшись вложить в это движение как можно больше уверенности.

Выпустив мою руку, леди спрыгнула с коня и, наскоро одернув подол платья, решительным шагом двинулась через поляну к Наместнику. Я увидел ее расправленные плечи и гордо вздернутую голову и поспешил присоединиться к женщине. Еще не зная, чем все закончится, я уже был готов защищать ее.

Лорд Дейтемир заметил женщину, когда та уже подошла достаточно близко, и замер, не донеся кубок с вином до рта.

— Миледи? — промолвил он. — Вы?

К моему удивлению, женщина, подойдя, опустилась перед ним на колени, прямо в утоптаный снег:

— Мой повелитель...

Я застыл, не дойдя до них нескольких шагов. Бедное сердце замерло, внезапный холод буквально сковал меня по рукам и ногам. Застывший, как столб, я мог только смотреть и слушать.

— Миледи? — Лорд Дейтемир отставил кубок с вином. — Что вы здесь делаете?

В его голосе было столько льда, что меня передернуло. Леди опустила голову.

— Простите меня, мой господин, — услышал я ее голос, — но я очень хотела вас увидеть... Едва я узнала, что неподалеку от моего поместья проходит охота, не смогла устоять и...

— Что вы здесь делаете? — повторил лорд-Наместник.

— Я хотела вас увидеть, — еще раз сказала женщина.

— Зачем?

— Чтобы сообщить новости о вашей дочери, милорд. Девочка поправилась и чувствует себя прекрасно. Она...

— Миледи, если бы я хотел узнать новости, я бы послал кого-нибудь в замок, — перебил лорд Дейтемир, снова поднося кубок к губам. — А вас следует примерно наказать за то, что вы оставили нашу дочь в замке одну. Это не поступок любящей матери...

— Но мой долг, как верной жены, — осмелилась возразить леди, — вас увидеть...

— Это я уже слышал. — Лорд Дейтемир допил вино и передал кубок виночерпию-эльфу. — Вы меня увидели?

— Да, мой повелитель. — Леди подняла голову.

— Ну и прекрасно. Что-нибудь еще? — Он не смотрел на женщину. Его красивое, но

какое-то холодное лицо было обращено в ту сторону, где на кострах готовили дичь.

— Я надеялась просить вас о милости присоединиться к вашему двору, — негромко промолвила леди, все еще стоя на коленях. — Как-никак я ваша законная супруга. Кроме того, мне бы хотелось увидеть моего сына...

— Дейтемир чувствует себя прекрасно, — сухо обронил лорд-Наместник. — Он здоров и не так давно стал одним из Коралловых Зубов.

— Я рада, мой повелитель...

— Если вам еще что-нибудь нужно...

— Я хотела вас просить...

— Да-да, о праве присутствовать при моем дворе, — кисло промолвил лорд. — Я подумаю над вашей просьбой, миледи. И обещаю, что в самое ближайшее время объявлю о своем решении. А теперь вам стоит вернуться в замок. Наша дочь нуждается во внимании и заботе. Эй, кто там? Проводите леди в замок!

С этими словами он поднялся и не спеша направился к кострам, куда уже понемногу стекались рыцари, привлеченные запахами жареного мяса. Его брат, лорд Дайнелир, вместе с будущим тестем тут же присоединились к нему.

Леди осталась стоять на коленях в снегу, и я осторожно подошел ближе:

— Миледи?

Она подняла голову. На мое счастье, глаза ее были сухими, и я почувствовал облегчение — совершенно не умею утешать плачущих женщин. Когда вижу слезы на их глазах, теряюсь.

— Что ж, — леди Наместница приняла протянутую руку, оперлась на нее и встала, — в конце концов, я добилась своего. Мне удалось увидеть моего супруга и поговорить с ним. На первый раз достаточно! Вы проводите меня немного?

Ее рука доверчиво лежала в моей ладони. Я обернулся на лорда-Наместника. Дейтемир Коралловый о чем-то беседовал с рыцарями и не обращал на нас внимания. Кажется, он бы не обернулся, если бы я сейчас обнял и поцеловал его жену. На нас вообще никто не смотрел. Мы были как бы невидимы для остального мира, и даже мои сослуживцы словно забыли о моем существовании.

Я довел леди до ожидавшей ее лошади, помог влезть в седло, и мы поехали прочь, углубившись в зимний лес.

Какое-то время молчали. Я изредка косился на спутницу, она настолько глубоко ушла в свои мысли, что не обращала на меня внимания. Я же одновременно и радовался этому, и огорчался.

Конечно, жаль, что эта прекрасная женщина не обращала на меня внимания, хотя я был готов отдать полжизни за один только ее благосклонный взгляд — чтобы вторую половину жизни провести у ее ног, преклоняясь перед нею и служа ей. Но с другой стороны, она же замужем, да еще и за моим господином, которому я принес клятву верности! Что же мне делать? Ох, Данкор, Данкор! Ну ты и влип!

— Вам совершенно не обязательно провожать меня дальше, — вдруг нарушила молчание леди. — Возвращайтесь к своим. Там ваше место...

«А ваше?» — хотел спросить я, но сдержался.

— Признайтесь, вы разочарованы, — промолвила леди. «Да, разочарован! — мысленно воскликнул я. — Разочарован тем, что женщина, которой я готов отдать свое сердце — да что там «готов», уже практически отдал! — эта женщина оказалась замужем за самым могущественным лордом Острова!» Но я опять промолчал, и моя собеседница поняла молчание по-своему.

— Конечно, мое поведение было недостойным, — размышляла она вслух. — У первой леди Острова должно быть чуть-чуть побольше гордости и уважения к самой себе... Но что мне делать? Понимаете, Данкор, я так хотела родить девочку... Я буквально настояла на том, чтобы супруг дал мне второго ребенка, и, когда малышка родилась слабой и болезненной, он разгневался на меня. Мол, это все из-за тебя! И отослал меня прочь, в один из

принадлежавших мне замков... Однако он не такой уж плохой. По-своему муж меня любит, ведь у нас есть сын! Вы видели Дейтемира-младшего?

В глазах и голосе ее прорезалась гордость матери своим ребенком, я кивнул, сглотнув комок в горле:

— Да, миледи. И даже говорил с ним... несколько раз.

— Он милый мальчик, не правда ли?

— Очень, — кивнул я. — И так похож на вас...

— Вы мне льстите, — эльфийка улыбнулась так светло и весело, что я мысленно застонал, любуясь ею, — он — вылитый отец. Не зря же их зовут одинаково!

Так, болтая, мы ехали прочь. Вернее, говорила только леди, чье имя я, к своему стыду, никак не мог вспомнить, а спросить стеснялся. Я помалкивал, лишь иногда кивал, поддакивая или вставляя короткие замечания. И все не сводил с нее глаз, чувствуя, что погибаю, что мне, дабы сохранить свою честь и честь своего лорда, стоит бежать отсюда со всех ног, что с каждым мигом я влюбляюсь в чужую жену больше и больше, но ничего не мог с собой поделать. Мне так хотелось смотреть на нее, слушать ее голос, касаться ее руки... Я совершенно не глядел на дорогу и, если бы подо мной не было коня, который сам выбирал, куда ступить, давно бы споткнулся и растянулся во весь свой немалый рост.

Когда леди остановила скакуна и выпрямилась, озираясь, я словно проснулся.

— Ну вот и все, — произнесла она с легким вздохом, — вот поворот к моему замку. Дальше мне можно ехать одной, а вы, Данкор, возвращайтесь к своим!

Я бросил взгляд на лес, из которого мы только что выехали, на тропу, убегающую вдаль, в перелески. Там, за деревьями, виднелось заледеневшее озеро, на берегу которого стоял замок моей леди.

— Не могу с вами расстаться! — вырвалось у меня.

— Вы... боитесь, что со мной что-то случится? — улыбнулась она.

«Я мечтаю о том, чтобы с вами что-то произошло! — мысленно промолвил я. — Мне бы удалось вас спасти и доказать вам мою любовь!» Но вслух я, взяв себя в руки, промолвил совсем другое:

— Хотелось бы убедиться в том, что с супругой моего господина все в порядке...

Улыбка погасла на ее лице так резко, словно порыв ветра задул свечу.

— Да, конечно, я не смею противиться воле повелителя... Вы перестанете уважать меня за это?

— Нет! Моя госпожа, я всегда буду уважать и... и... «И любить вас!»

На мое счастье, леди не стала продолжать спор, а молча кивнула и поехала по узкой тропе. Я следовал за нею, не сводя глаз с затылка и двух толстых кос, причудливым венцом уложенных вокруг головы под золотой сеточкой. Как бы мне хотелось распутать их, высвободить из плена золото ее волос, чтобы они рассыпались по плечам, окутали тело госпожи легким пушистым облаком... Я даже помотал головой, отгоняя непрощенные мысли. О чем я мечтаю? Чего хочу? Это же прямое нарушение всех клятв!

Наконец мы добрались до берега озера, и я увидел замок, обнесенный рвом и крепостной стеной. Две высокие башни возносились вверх, заснеженная тропа вела к распахнутым настежь воротам. Неподалеку находилась ферма светлых альфаров — три низких домика в окружении надворных построек.

— Вот тут я живу, — ровным голосом произнесла леди. — Мы приехали. Вам можно не провожать меня дальше. Возвращайтесь к своим, пока вас не хватились!

Я спешил, подошел к ее лошади.

— Прощайте, Данкор, — промолвила леди, протягивая мне руку для поцелуя. Я бережно коснулся губами ее кожи. О Покровители! В этот миг я был вне себя от счастья! И если бы госпожа промедлила еще миг, стащил бы женщину с седла и сжал в объятиях. Но тонкие пальцы выскользнули из моих рук, эльфийка слегка прищипорила коня и поскакала прочь, оставив мне незавидную участь — безмолвно смотреть ей вслед.

Только когда всадница миновала ворота и они начали закрываться за ее спиной, я смог

сдвинуться с места, влез в седло и шагом поехал прочь. На моих губах все еще жил вкус ее нежной кожи, а в ушах звучал самый прекрасный в мире голос: «Прощайте, Данкор!» Она была права, моя несостоявшаяся возлюбленная. Между нами лежала слишком глубокая пропасть — наше общественное положение, ее замужество, клятва верности, которую я принес ее супругу. Мне нужно было скорее задушить в себе вспыхнувшее чувство ради нее же, чтобы не мешать ей жить.

И потянулись дни, слагаясь в недели и месяцы. Каждый день я просыпался утром с твердым намерением забыть леди Ленимирель, и днем мне вполне хватало сил, чтобы заглушить в себе вспыхнувшее чувство, но приходил вечер, ложась в постель, я закрывал глаза — и тут же образ эльфийки вставал перед моим мысленным взором. Не было и ночи, чтобы она не снилась мне, иногда так смело, что я, просыпаясь, чувствовал боль в напряженных чреслах. Другой бы на моем месте кинулся удовлетворять свою страсть с помощью готовых на все служанок или придворных дам, но я, наоборот, отчаянно избегал женщин из опасения назвать какую-нибудь из них именем Ленимирель. Мой рост — а я был выше всех рыцарей охраны — привлекал ко мне дам, в том числе и замужних, но я шарахался от них, находя тысячи причин отказывать им в ласках. Они были мне не нужны. В мире существовала лишь одна женщина, которую я мог бы любить, — и именно она была для меня недоступной.

Миновала зима, за нею как-то незаметно промелькнула весна, наступило лето. На его макушку, в самые короткие ночи, была назначена свадьба лорда Дайнелира. Конечно, обычно между помолвкой и свадьбой может пройти от полугода до нескольких лет — как правило, пока жених не выполнит какого-либо обета, данного на алтаре Покровителей в честь возлюбленной. Но насколько я знал, лорд Дайнелир не брал на себя обетов, так что молодым ничто не мешало пожениться при первом же удобном случае.

Лорд-Наместник дал согласие на свадьбу младшего брата так внезапно и назначил такие короткие сроки, что у приближенных не хватало рук. Его мать и леди Свирель, младшая сестра обоих братьев, с энтузиазмом взялись за дело, но у леди Свирель был маленький ребенок, и она не могла сделать все, что запланировала. Тем более что родители невесты не имели права вмешиваться и предлагать свою помощь. По обычаю, они должны были готовить приданое и молиться, чтобы жених не передумал в самую последнюю минуту.

В один из суматошных дней меня и вызвал к себе лорд-Наместник. Все это время я разрывался между желаниями как-то выделиться или забиться подальше и не показываться ему на глаза, поэтому предстал перед лордом Дейтемиром со смешанными чувствами.

— Это ведь ты провожал мою жену зимой с охоты? — спросил он.

— Да, милорд. — Я склонил голову, чтобы глаза не выдали мои чувства, вспыхнувшие при воспоминании о том дне.

— Ты довез ее до самого замка?

— Да, милорд.

— В таком случае, знаешь, где он расположен? Я только кивнул.

— Вот и отлично! Возьмешь трех сопровождающих и привезешь леди сюда, — распорядился лорд-Наместник. — Мне желательно увидеть мою жену здесь. Леди Свирель нужна помощь в подготовке свадьбы нашего брата, и я хочу, чтобы леди Ленимирель приняла в этом участие. Ты все понял?

— Да, милорд.

До свадьбы оставалось несколько дней, так что в путь я пустился, не медля ни минуты. Сердце летело впереди меня, приходилось сдерживать бег коня, чтобы сопровождающие рыцари ни о чем не догадались. Впрочем, я всегда мог отговориться, что горю желанием как можно скорее и лучше выполнить приказ господина и заслужить его похвалу. Пусть считают меня карьеристом! Это так естественно для небогатого провинциала, случайно попавшего в число охранников самого Наместника!

Летом леса и перелески выглядели совсем не так, как зимой. Замок выделялся среди яркой зелени, отражался в водах озера. Как и в прошлый раз, мы подъехали с

противоположной стороны, так что я смог оценить и ровную голубую гладь озера, и возвышающиеся над ней башни и крепостные стены. Ворота были плотно закрыты, но отворились, едва сопровождающий меня горнист протрубил первые ноты гимна Кораллового Острова.

В маленьком дворе сразу стало тесно от коней. Выскочившие слуги-альфары приняли у нас лошадей, кто-то бросился в замок предупредить госпожу, а я пошел следом. Прошло более полугода с того единственного дня, когда я видел леди-Наместницу и говорил с нею. Любые чувства за это время должны были претерпеть изменения. Да она, наверное, меня и не помнит.

Леди встретила нас, сидя в кресле в большом пустом зале — кроме кресла и очага, в помещении ничего не было. Даже на стенах не висело гобеленов и цветных драпировок, и голые плоскости как-то странно давили на хрупкую женщину. Холодом веяло от прекрасного лица и стройной фигуры. Госпожа сидела такая спокойная и полная достоинства, что я сам поневоле успокоился.

— Моя леди, — я остановился, не дойдя до кресла нескольких шагов, — я привез вам радостную весть. Ваш супруг, высокородный лорд-Наместник, приглашает вас прибыть ко двору.

Маска спокойствия слетела с ее лица, так отлетает в сторону вуаль под порывом ветра. Вскочив с места, женщина всплеснула руками и с радостным криком бросилась мне на шею:

— О Данкор! Какое счастье!

Я не успел ни отстраниться, ни сделать какое-нибудь движение. Порывисто обхватив мою шею руками, леди Ленимирель расцеловала меня в обе щеки.

— Данкор, милый Данкор! Наконец-то!

Я застыл и не мог пошевелиться, слышал только медленный звон — это упало и разбилось мое бедное сердце.

Не буду описывать ни саму свадьбу, ни последовавшие за нею дни празднеств и увеселений. Не каждый день в семействе Наместника Кораллового происходило такое важное событие, как женитьба, и череда праздников, турниров, пышно обставленных охот, пиров, балов растянулась на несколько месяцев. До конца лета замок лорда Дейтемира служил центром всеобщего развлечения, а с наступлением осени празднества переместились на окраины. Многие приближенные Наместника устраивали пиры, на которые в обязательном порядке приглашалась и семья лорда.

Я в эти дни не находил себе места. Когда мне выпадала честь сопровождать чету Наместников на праздники, я не сводил глаз с моей возлюбленной и не находил себе места от боли и тоски. А когда оставался в казарме, метался по нашей спальне, как зверь по клетке. Чтобы как-то дать выход чувствам, как одержимый, занимался фехтованием, доводя технику владения мечом до совершенства. Тренировался так, что однажды наш сотник, лорд Бормидар, сделал мне замечание:

— Ты словно надеешься, что возобновится война и тебе придется блеснуть своим искусством. Смотри, не загони себя раньше времени. А не то мне придется отправить тебя на границу с Ничейной Землей!

Ничейной Землей именовали довольно широкую полосу земли между Радужным Архипелагом и Землей Ирч. Там не жили ни орки, ни эльфы, но туда часто забредали банды темноволосых. Кроме того, там селились светлые альфары, тролли и люди, бежавшие от человеческих правителей. Считалось, что на этих землях идет непрекращающаяся пограничная война, ибо людям всегда мало места, и они упрямо лезут в чужие владения в надежде урвать хотя бы клочок. Кроме того, люди часто поддерживают орков и во многих войнах они и темноволосые выступали единым фронтом. Я представил, что могло ожидать меня на границе, и ответил:

— По мне, так все равно! Хоть к троллям в горы, хоть к драконам в пасть...

— Эге, парень, — сотник, уже собиравшийся уходить, внезапно остановился и положил

мне руку на плечо, — что с тобой?

— Ничего, — ответил я, начиная жалеть о том, что вообще открыл рот.

— С тобой что-то происходит, — определил начальник.

— Ничего, — повторил я.

— Когда с таким видом говорят «ничего», значит, тут имеет место любовь, — глубокомысленно ответил лорд Бормидар. — Спрашивать, кто она, не буду.

— Почему? — слегка обиделся я.

— Все равно ты ведь не скажешь мне правду, — пожал лорд плечами. — Я живу на свете не первый век и прекрасно научился разбираться в эльфах. Этот блеск глаз и интонации невозможно ни с чем перепутать. Хочешь совет? Женись!

— На ком? — изумился я.

— Да на первой попавшейся женщине, которая взглянет на тебя с интересом, — ответил сотник. — Женись, попросись в отставку, уезжай в свое поместье и живи там с женой. И сделай ей как можно больше детей. По себе знаю: — жена и рыщущая по всему дому мелкота — это лучшее средство от неразделенной любви.

— А вы уверены, что...

— Что любовь неразделенная? — хмыкнул он. — А то нет? Иначе ты бы не вертел мечом с такой яростью, а использовал бы свое личное копьё по прямому назначению.

Я даже покраснел от такого откровенного заявления.

— Неужели так заметно? — спросил я.

— Еще бы! А не хочешь жениться, так заведи любовницу. Уверяю тебя, это тоже действенное средство.

Я хмыкнул. Не мог себе представить кого-то на месте возлюбленной. Да и ее тоже, если уж на то пошло... Чтобы такая леди, как Наместница Ленимирель, вдруг да оказалась в моей постели... Нет! Это невозможно! Для меня она была высока, далека и возвышенна, как будто уже входила в свиту Покровителей. Все, о чем мог мечтать бедный эльф, — это поцеловать ее тонкие нежные пальцы.

Видимо, мои мысли отразились на моем лице, потому что сотник покачал головой:

— М-да, парень, с тобой что-то надо делать... Иначе...

— Не беспокойтесь, — ответил я, снова берясь за меч, — я не подведу.

Но лорд Бормидар решил иначе.

С приходом холодов празднества закончились. До того дня, когда выпадет снег и можно будет развлекать себя охотой, жизнь на Острове как бы замерла. Осень и ранняя весна — традиционное время для отдыха. Все сидят по домам, занимаются домашним хозяйством.

Жизнь личных охранников лорда-Наместника отличалась особым своеобразием. Нас было три сотни, и ежедневно тридцать отправлялись нести службу в замок, в то время как остальные бесцельно мотались по поместью и окрестностям или занимали себя тренировками. Таким образом, из десяти дней только один мы посвящали службе. Только один день из десяти мы могли видеть нашего лорда и его приближенных.

Но у меня не было даже и этого. Заметив, с какой самоотдачей я занимаюсь фехтованием, лорд Бормидар сделал меня наставником для молодых рыцарей, так что я целыми днями гонял оруженосцев, натаскивая их. Мои сослуживцы хоть иногда, но все-таки могли переступать порог замка лорда-Наместника, а я за всю осень и большую часть зимы ни разу не видел леди Ленимирель.

Наша встреча произошла неожиданно, и именно тогда, когда я совершенно не был к этому готов.

Единственным плюсом моих тренировок было то, что я нарастил мускулатуру, что в сочетании с моим отнюдь не маленьким ростом привлекало ко мне многих женщин и девушек поместья. Стоило чуть-чуть прерваться и отойти к бортику, огораживающему поле для тренировок, как очередная воздыхательница тут же оказывалась поблизости. Мне приносили прохладительные напитки, фрукты, сухие полотенца, старались развлечь разговорами. Чтобы лорд Бормидар ни о чем не заподозрил, я по мере сил старался быть

любезен с девушками, но, слушая их веселый щебет, мечтал только об одном: чтобы они исчезли, провалились сквозь землю. Все эльфийки, сколько их ни было, не могли сравниться с одной-единственной женщиной... Женщиной, которая совершенно не обращала на меня внимания. И вдруг однажды я увидел ее.

Конечно, леди пришла не одна. Рядом с нею находились несколько девушек и четверо пажей для мелких услуг. Накануне прошел мелкий снежок, запорошивший все вокруг, и мальчишки торопливо счищали его и устанавливали на краю тренировочного поля складные стульчики для леди-Наместницы и ее приближенных.

Девушки взволнованно щебетали, бросали на меня двусмысленные взгляды. Мне было жарко после тренировки, я был в одной нижней рубашке, словно выставил себя напоказ.

Десять молодых оруженосцев, вверенных моему попечению, тяжело дышали, и я остановился, давая мальчишкам передохнуть. Они тут же подбодчились и принялись бросать на девушек пламенные взгляды, но те больше смотрели на меня, чем на моих подопечных. Это не могло не вызвать на моих губах улыбку. Как странно устроена жизнь! Эти мальчишки из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя внимание придворных дам, в то время как те интересовались исключительно мной — эльфом, кому их знаки внимания не были нужны.

Стараясь не встречаться взглядом с леди Ленимирель, я низко поклонился, ненадолго замер в этой позе, а когда наконец выпрямился, заметил, что мне делают знак приблизиться.

Негнушиеся ноги сами поднесли меня к стайке дам. Пажи, раскрыв рты, стояли в каком-то оцепенении.

— А я все гадала, о ком это мои девушки болтают без умолку, — промолвила леди Ленимирель, глядя на меня снизу вверх. — Послушать их, так у нас появился просто сказочный витязь, герой старинных баллад.

— Простите меня, госпожа, — промолвил я, снова поклонившись, а выпрямившись, заметил на ее губах улыбку.

— Вам не холодно без одежды? — поинтересовалась леди.

— Нет, госпожа.

— И все-таки советую вам одеться, — мягко промолвила она. — Вы можете простудиться...

— Как вам будет угодно, госпожа, — пробормотал я, ища взглядом свою куртку.

— И перестаньте смущать моих девушек, — добавила она с улыбкой, а я неожиданно почувствовал мальчишеское желание блеснуть перед этой женщиной своими талантами. Обернулся на молодых оруженосцев. Не скажу, что Покровители наделили меня особым даром фехтовальщика, но моим ученикам до меня далеко. Ни у кого из них нет шансов.

— Вы разрешите развлечь вас, леди? — поинтересовался я.

— А что вы можете мне предложить?

В ее голосе мелькнула заинтересованность, и я гордо выпрямился, окидывая учеников пристальным взглядом.

— Ты, ты, ты и вы двое, — выбрал я пятерку, — вперед. Остальные пока могут отдыхать.

Указанные оруженосцы вышли вперед, переглядываясь.

— Вы собираетесь разбить нас на пары, учитель? — спросил один.

— Зачем? Атакуйте меня все сразу. Впятером!

Они удивленно переглянулись, но я не дал им много времени на раздумья. Подхватив у одного из оставшихся не у дел оруженосца второй меч, бросился в атаку. Меня гнала вперед мысль, что самые прекрасные глаза в мире смотрят на этот поединок.

До сего дня я ни разу не выходил против стольких противников сразу. Нет, иногда приказывал атаковать меня сразу двум оруженосцам, но чтобы пятерым!.. Признаюсь, это было чересчур, поэтому я несколько увлекся, парируя и нанося удары. И ненадолго забыл обо всем на свете.

Когда же мы вшестером опустили мечи — и я, и молодые оруженосцы тяжело дышали,

еле переводя дыхание, — выяснилось, что судьба нанесла удар. Пока я сражался, демонстрируя силу и выносливость, леди Ленимирель ушла вместе со своими придворными дамами, оставив меня в безнадежном отчаянии пялиться на опустевшую лужайку.

В тот день все валилось у меня из рук, и на другое утро я впервые за долгое время не вышел на тренировочное поле, остался лежать на своей постели в казарме, запрокинув руки за голову и уставившись в потолок. Она ушла, даже не досмотрев представления, устроенного в ее честь! Ей все было безразлично. И я тоже был ей безразличен!

Естественно, я не вышел к завтраку, незадолго перед полуднем ко мне заглянул лорд Бормидар.

— Вот ты где, — воскликнул он, останавливаясь возле меня. — Я его везде ищу, а он тут... Встать, когда с тобой разговаривает старший по званию!

Я не спеша поднялся на ноги, кивком поприветствовав свое начальство.

— Что с тобой случилось? Опять во всем виновата женщина?

— Никак нет, милорд, — ответил я.

— Ты ее вчера видел, не так ли? — промолвил проникательный сотник.

— Откуда вы знаете? — похолодел я.

— Твои подопечные мне все рассказали, — хмыкнул он. — Вчера на тренировочное поле приходила леди-Наместница, и ты устроил молодняку такую гонку, что половина из них сейчас с трудом может ложку поднять, не говоря уже о мече! Захотел показать себя во всей красе, но она не оценила твоих стараний?

— Не понимаю, зачем вам это, — пробурчал я, пряча глаза. Не хватало еще, чтобы сотник понял, насколько он прав.

— А как же? — усмехнулся он. — Я же отвечаю за вас всех! Еще чуть-чуть — и начнется новая война, и к этой войне мы должны быть готовы. Мы ее проиграем, если все наши воины будут вести себя, как ты! А ты — один из лучших мечников отряда! Скажу больше — я намереваюсь рекомендовать тебя к званию десятника,... если ты выбросишь эту любовную дурь из головы!

— Вы прекрасно знаете, милорд, что это невозможно, — промолвил я.

— В мире нет ничего невозможного! — решительно заявил сотник. — Дай срок — и я что-нибудь придумаю! Мне не хочется, чтобы ты потерял себя из-за какой-то девчонки! Ты мне нужен, Данкор! И я возьмусь за дело!

С этими словами лорд Бормидар покинул меня.

Я сел на постели, с тоской посмотрел ему вслед. Если бы сотник знал, как я сам мечтал избавиться от этой любви и перестать наконец мучиться от безответного чувства!

Лорд Бормидар слов на ветер не бросал. Он явился несколько дней спустя, когда я уже нашел в себе силы возобновить работу с молодняком и, показавшись на поле, решительно остановил тренировку, приказав мне следовать за ним. Не говоря ни слова, мы направились напрямик во дворец.

Я мало бывал здесь — лорд Бормидар избавил меня от регулярных «стояний» в дверях, заставил целиком и полностью посвятить себя тренировкам оруженосцев. С того первого бала, когда я принес Наместнику клятву верности, я всего несколько раз переступал порог дворца лорда Дейтемира и сейчас шагал и вертел головой. Роскошь подавляла, красота поражала воображение, размеры дворца впечатляли. Здесь не то что тридцать — все триста охранников могли затеряться как в глухом лесу! Если бы не идущий впереди сотник, я бы ни за что не смог найти верную дорогу.

И все-таки это было место, где жила она. Мы шагали полутемными коридорами, эхо отражало наши шаги от сводчатых потолков, поднимались и спускались по лестницам, пересекали залитые светом залы, проходили мимо дверей, ведущих в неизвестные покои, а мне казалось, что вот-вот из-за поворота выплывет леди Ленимирель.

Остановились перед высокими створчатыми дверями, лорд Бормидар покосился на меня.

— Говорить буду я, — сказал он, — а ты только смотри и слушай. Понятно?

С этими словами распахнул двери, и, сделав первый же шаг, я понял, что попал в библиотеку.

В нашем замке библиотека занимала всего одну комнату, здесь же под нее был отведен целый зал, поделенный на несколько частей. Стеллажи и книжные шкафы стояли ровными рядами, на полках теснились книги от небольших, с ладонь, томиков, до огромных, высотой больше моего локтя. Среди них виднелись стопки исписанных листов и рулоны пергаментов. Многие книги были в отделанных серебром и листовым золотом обложках. Другие щеголяли переплетами из ярко-красной кожи, сверкали чешуей неведомых тварей. Стоили такие книги, наверное, столько, сколько вся наша домашняя библиотека.

Откуда-то из глубины зала раздавались голоса, сотник уверенно повел меня туда. Мы обогнули несколько стеллажей, и вышли к одному из высоких окон, возле которого стояли широкий стол и несколько кресел.

В креслах сидели лорд-Наместник собственной персоной, его младший брат лорд Дайнелир и еще два незнакомых мне эльфа. Третий стоял навтыжку перед столом.

— И мы пересекли хребет вдоль и поперек, составляя эту карту, — говорил он.

— Очень любопытно, — кивнул лорд Дейтемир. — Гама! Где ты там? Примерз, что ли?

— Нет, ваша милость, уже несу! — послышался тонкий голос, и два альфара проворно подбежали, таща охапки свернутых в трубку пергаментов. Все это они вывалили на стол и в четыре руки принялись разворачивать.

— Вот, извольте видеть, мой господин, — затараторил один, — здесь самые подробные карты северных гор, какие только...

— Понятно! — перебил лорд-Наместник. — А теперь — пошел вон! Оба пошли вон и не смей приближаться, если хотите остаться в живых!

Альфары бегом кинулись прочь. Красивое лицо лорда Дейтемира исказилось.

— Два придурка, — проворчал он. — Если бы можно было, давно бы заменил их кем-нибудь, но никто из эльфов не идет служить в библиотеку! Им же придется платить жалованье... Ну, чего встали? — Это относилось к замершему напротив него эльфу. — Разворачивайте карты и докладывайте, что вы там раскопали!

Эльф тут же кинулся перебирать карты, некоторые откладывал в сторону, пока не остановил выбор на одной из них. Лорд Бормидар тихо толкнул меня — мол, можно подойти.

Я встал над столом и с интересом уставился на карту. Горы я до этого видел только на картинках и смотрел очень внимательно.

— Извольте видеть, — докладчик расстелил поверх принесенной альфарами карты свою собственную и стал сравнивать их, делая пометки, — мы прошли до верховьев Янтарной, вот сюда, к этой скале, которую решили назвать вашим именем... Весь маршрут нанесен на карту. Здесь, здесь и вот здесь нашли места для привалов. Тут есть небольшие пещеры, так что...

— Нет, — перебил лорд Дейтемир, — никаких пещер. Мы не темноволосые, чтобы ютиться под землей. Настоящий эльф никогда не спускается в подземелья! Вы поработали очень плохо. Придется высылать вторую экспедицию.

— Но, милорд, мы дошли до самой цели, — возразил говоривший. — Нам удалось отыскать четыре поселения темных альфаров и один клан горных троллей...

— Которых вы, конечно, назвали моими подданными, — скривился Наместник. — Вы думаете, что я стану считать подданными каких-то вонючих тупых тварей?

— Но, милорд, именно темные альфары смогут обеспечить вас богатством, — осмелился возразить эльф. — Возле их поселений... вот, смотрите, я тут выделил цветом... мы нашли месторождение золота и даже драгоценные камни, а именно бериллы и хризолиты! Есть также горный хрусталь и сапфиры, которые можно реализовать с выгодой для Острова...

— Месторождение богатое? — сменил гнев на милость Наместник.

— Довольно богатое. Правда, темные альфары о нем уже разведали...

— И не позволят нам воспользоваться им! — снова скривился лорд Дейтемир. — А то я не знаю этих крохоборов! Они еще подземников подключат... Ладно, десяток-другой перережем, на остальных наденем ошейники — и пусть работают. Что тебе не нравится?

Этот вопрос относился к лорду Дайнелиру, который некоторое время морщился и качал головой.

— Далековато, — высказался младший брат Наместника. — И местное население... Нам придется постоянно держать там гарнизон, чтобы заставить их повиноваться. А где гарнизон, там и поселение. Неизвестно, сколько времени уйдет на строительство укреплений. И еще я сильно сомневаюсь, что там есть подходящие для возделывания участки! Придется доставлять в гарнизон продовольствие. А снежные бураны? А что, если в тех горах водятся драконы? Слишком много помех! Неужели нельзя найти богатые месторождения чуть-чуть поближе к дому?

— Найти-то можно, — ядовитым тоном ответил лорд Дейтемир, — но они все находятся на Ничейной Земле, которую еще надо отвоевать у темноволосых! А те почему-то считают предгорья своим родным домом, хотя всем известно, что у вырожденцев нет и не может быть родного дома! Ущербные создания, творения Тьмы, бывшие рабы, возмнившие о себе невесть что! Конечно, если желаешь, милый брат, я возложу на тебя почетную миссию по завоеванию восточных предгорий! Можешь даже попытаться основать свой Остров... Рискнешь?

— Нет, — лорд Дайнелир покачал головой. — Извини, брат. Я сказал это, не подумав...

— Вот то-то! За тебя давно уже все подумали и решили. Так! Весной, когда сойдут снега, мы отправим вторую экспедицию. Спешить ей некуда — пусть прокладывают дороги, строят укрепления, налаживают контакты с местным населением... Лорд Бормидар, вы, кажется, мне что-то обещали?

— Так точно, мой лорд! — Сотник сделал шаг вперед и хлопнул меня по плечу. — Позвольте представить вам Данкора из Дома Дармира. Это — один из лучших мечников нашего гарнизона, наставник молодых воинов! Рекомендован мною к званию десятника.

— Я тебя помню. — Наместник поднял на меня глаза. — Ты представлен к званию десятника? Хорошо! Сумеешь к весне натаскать молодняк — сделаю тебя десятником!

— Готов служить! — воскликнул я.

— А там, как знать, может быть, назначу тебя комендантом первого нашего гарнизона в северных горах!

Северные горы! Лиги и лиги пути будут отделять меня от моей любви. Темные альфары, которым надо ежедневно внушать, что они — рабы Наместника Кораллового, горные тролли, загадочные подземники, драконы и еще невесть какие странные существа... И наш небольшой гарнизон, в одиночку противостоящий всем напастьям. Да, поистине, нет лучшего лекарства от любви, чем горячее желание выжить!

Уже весной, буквально через два-три месяца, отправится вторая экспедиция, и, как знать, не поеду ли я вместе с нею в горы... Чтобы никогда не вернуться...

— Разрешите идти? — услышал я свой голос.

— Можешь возвращаться к своим обязанностям, десятник! — отмахнулся лорд-Наместник.

Я попятился. У окна высокородные эльфы возобновили разговор, и лорд Бормидар включился в обсуждение наравне со всеми.

Завернув за угол, неожиданно столкнулся с двумя альфарами-библиотекарями. Оба шарахнулись от меня с такими испуганными лицами, словно я был палачом и пришел их казнить. Чтобы они не начали кричать от страха, я извинился и быстрым шагом покинул библиотеку. Эта встреча напомнила мне о моем собственном слуге, Горо, который пропал, исчез, растворился среди толпы альфаров, день-деньской работающих в замке Наместника. Если мне выпадет судьба отправиться в северные горы, я должен буду взять его с собой. Как-никак он мой личный слуга, и никто не помешает мне его забрать!

Северные горы... Я знал о них только сказания и легенды — там, за горами, прародина

наших предков. Много поколений назад климат на планете был более благословенным, на севере цвели сады, и там жили эльфы. Но потом, после первого Прихода Тьмы, похолодало, и большая часть сородичей под предводительством Эннисель Объединительницы и двух ее мужей — то есть три племени из семи — покинули те места, чтобы основать тут новое государство. Об оставшихся слагали сказки, придумывая, как эльфы, прозванные «снежными», стали выживать в суровом климате за горами. У нас дома было несколько книг, повествующих об их жизни, и все они так резко отличались друг от друга, что даже сами авторы не знали, где правда, а где вымысел. А что, если мне суждено узнать об этом? Насколько я понимаю, никто из эльфов не отправлялся так далеко в горы, за исключением нескольких экспедиций, которые посылались Наместниками Серебряными и Обсидиановыми... Надо будет почитать что-нибудь перед тем, как отправляться в экспедицию...

Я резко затормозил, поймав себя на мысли, что думаю о своей собственной роли первооткрывателя с энтузиазмом, и остановился, качая головой. Все-таки лорд Бормидар был прав. Он нашел мне дело, которое поможет спастись от безответной любви. Через несколько месяцев я навсегда покину Коралловый Остров, чтобы отправиться в северные горы, к Скале Дейтемира — так, кажется, решили назвать новое поселение. И как знать, не сложу ли я там голову, сражаясь с горными троллями и другими местными племенами, о которых пока ничего не знаю. Или мне суждено первому встретить сородичей, «снежных» эльфов? Во всяком случае, это будет новая жизнь, в которой не отыщется места старым привязанностям. Но вот хочу ли я забыть свою любовь? Нужна ли мне новая жизнь? Не отправлюсь ли в дальние края затем, чтобы умереть в бою и перестать мучиться?

Размышляя таким образом, я шагал по дворцу, так глубоко уйдя в свои мысли, что едва ли не впервые в жизни потерял над собой контроль настолько, что, когда перед моим носом распахнулась дверь, не заметил этого и врезался в нее на полном ходу.

Выскочившая в коридор служанка-альфара побелела, как снег, и вскрикнула, прижимая руки ко рту:

— Г-господин?

— Что там случилось, Ларра? — раздался женский голос.

— Госпожа, — служанка опустила на колени, — здесь... простите меня, мой господин... Я не хотела... не нарочно... простите...

Она попеременно краснела и бледнела, из ее глаз брызнули слезы. Я осторожно потрогал лоб.

— Ничего особенного, милая. Можешь идти...

— Да, господин... простите, господин! — Служанка сорвалась с места с такой скоростью, что едва не споткнулась, зацепившись за подол своего платья.

— Кто там? — послышался голос, от которого мое сердце замерло. Я настолько не ожидал его услышать, что застыл, глупо хлопая глазами.

В дверном проеме показалась она. В легком домашнем платье с открытыми руками, поверх которого на плечах лежала короткая накидка, с распущенными волосами — передо мной стояла сама леди Ленимирель.

— Это вы? — просто спросила она.

— Простите меня, миледи. — Я попятился. — Я... я...

— Это Ларра вас ушибла дверью? — Она улыбнулась. — Извините ее. Она так торопилась... С вами все в порядке?

— Да, госпожа, — выдавил я. Мне было трудно говорить — сердце застряло в горле, дыхание перехватывало, кровь стучала в висках.

— Дайте все-таки я посмотрю. — Она потянулась к моему лбу, и я рухнул перед женщиной на колени.

Тонкие пальцы коснулись моего лба. Она прикоснулась ко мне! О Покровители! Она сама, своими руками...

— Что с вами? — вдруг вернул меня с небес на землю ее удивленный голос. — Вы так

на меня смотрите...

И тут меня словно прорвало.

— Умоляю вас, моя госпожа, не гоните меня! Простите, если мои слова... О Покровители... Я прошу вас, не гневайтесь на меня и не гоните меня прочь, потому что мне кажется... Я люблю вас!

Ее тонкие пальцы легли мне на губы, прерывая бессвязную речь.

— Вы не должны так говорить, — промолвила леди Ленимирель. — Я замужем...

— Но я люблю вас! — воскликнул я, ловя момент, пока она не опомнилась и не кликнула стражу. — С той самой первой минуты, как увидел там, в лесу, думаю о вас. Я ничего не могу с собой поделать. Я пытался бороться с собой, но это сильнее меня! Я уже больше года думаю только о вас, моя госпожа. А сегодня лорд Дейтемир сказал, что пошлет меня в северные горы... Через три месяца в путь отправится экспедиция, я поеду вместе с нею и больше никогда не увижу вас. Меня там непременно убьют, но до самой последней минуты я буду думать только о вас.

— Замолчите! — тихо воскликнула леди, пугливо обернувшись на дверь. — Что, если вас услышат? Вы подумали, что с вами сделает мой муж?

— Мне все равно, — покачал я головой. — Готов умереть. А в северных горах от дубин горных троллей или здесь от меча лорда Дейтемира — мне все равно.

— Не надо! — вскрикнула эльфийка, закрывая мне рот рукой. — Не надо так говорить! Вы молоды, Данкор. У вас впереди вся жизнь...

— Жизнь, в которой не будет вас...

— Есть вещи дороже и важнее любви, — мягко возразила леди. — Долг, честь...

Я опустил голову, умолкая. Ее последние слова сказали мне все. Если женщина так говорит, значит, она никого не любит и не готова полюбить.

— Встаньте, Данкор, — послышался мягкий голос. — Вы милый юноша. Мне будет жаль, если с вами что-то случится.

— Самое страшное со мной уже случилось, — прошептал я, не поднимая головы.

— И все-таки встаньте! Сюда могут войти. Если вы правда меня любите, вы должны соблюсти приличия.

Она была права. Я не имел права подвергать опасности ее жизнь. Пусть другие кипят от гнева и думают, чем отплатить гордячке, отказавшей во взаимности. Я слишком любил леди Ленимирель, чтобы портить ей жизнь. В конце концов, у меня осталось всего два месяца. Я их как-нибудь переживу, а потом... потом меня ждут северные горы и новая жизнь, в которой действительно не будет места для любви.

Я поднялся с колен. Видимо, на лице у меня отразились не слишком радостные мысли, потому что леди вдруг коснулась моих висков тонкими пальцами, потянула мою голову книзу, и я почувствовал на своем лбу прикосновение самых лучших в мире губ.

— А теперь идите, — прошептала она. — И постарайтесь не думать о смерти!

Повернувшись, я отправился прочь, ничего не видя перед собой.

Подготовка к экспедиции шла полным ходом. Как один из ее участников я получил доступ в замок и мог появляться там ежедневно, докладывая лорду-Наместнику о том, как продвигается обучение молодых оруженосцев. Тренировки, отчеты и обязательное сидение в библиотеке не оставляли мне ни одной свободной минуты, иногда я уставал так, что уже к обеду мечтал, как завалюсь спать.

А тем временем неожиданно подошла весна. Несмотря на то что повсюду еще лежал снег, в воздухе пахло свежестью, сыростью и особыми ароматами, а голоса птиц в парке звучали так нежно, так притягательно!.. С новой силой, несмотря на занятость, я ощутил тягу к любви. Больше, чем когда бы то ни было, сердце тосковало, именно потому, что моему чувству не было ответа.

Этому настроению способствовало то, что я почти ежедневно бывал во дворце. Изучив маршрут от дверей до делового кабинета лорда-Наместника и библиотеки, не мог отказать себе в том, чтобы на обратном пути не пройти мимо покоев моей возлюбленной. Леди

Ленимирель почти все время проводила в одной комнате, спускаясь к обеду в большой зал или отправляясь на прогулку по саду. Так что я в любое время мог, проходя мимо, задержаться возле заветной двери, чтобы прислушаться к доносящимся оттуда звукам и услышать голос миледи. В отдельные дни мне везло еще больше — если леди хотелось послать куда-либо свою любимую служанку Ларру, я мог ухитриться и увидеть ее прекрасный профиль. Потом, ночами лежа без сна, я вспоминал ее голос, ее лицо, руки, улыбку, тонкий стан...

Однажды, проходя мимо двери леди и привычно прислушиваясь к доносившимся оттуда звукам, я уловил громкий голос:

— Уродища косорукая! — Голос этот принадлежал наследнику Дейтемиру.

— Простите, господин, — пролепетала служанка. — Позвольте мне...

Ее слова прервал звук пощечины.

— Пошла вон! И не смей прикасаться ко мне своими лапами!

— Дейтемир! — удивленно и возмущенно воскликнула леди Ленимирель. — Что ты себе позволяешь?

— Не твое дело! Как? Ты еще здесь? Я сказал — пошла вон!

Быстро простучали легкие шаги, и из покоев леди-Наместницы выскочила заплаканная служанка. Она едва не налетела на меня, вскрикнула, испугавшись еще больше, и бросилась прочь. На щеке алело пятно пощечины.

— Только руку испачкал, — услышал я голос Дейтемира-младшего. — Ох уж эти грязные альфары!

— Сын, тебе не следует так говорить, — тихо, но твердо произнесла леди Ленимирель.

— Не твое дело! Как хочу, так и поступаю!

Любой другой на моем месте постарался бы уйти, пока его не заметили и не поняли, что он стал нежелательным свидетелем неприглядной сцены, но я словно примерз к полу, просто не поверив своим ушам. В моей семье никто ни разу не позволил себе подобного тона по отношению к леди.

— Да как вы смеете?

Дейтемир-младший круто развернулся. Наши взгляды встретились, я сделал шаг вперед.

— Что? — промолвил он.

— Немедленно извинитесь перед вашей матерью, — ледяным тоном промолвил я.

— А то что?

Он еще не понял серьезности моих намерений. Я и сам, сказать по правде, не верил в них... До тех пор, пока кончик моего меча не задрожал у самого его носа.

— Иначе я буду вынужден атаковать вас!

Тихо охнула леди Ленимирель. Она сидела в кресле у окна, прямая и стройная, как молодое деревце, и лишь сжатые кулаки и разлившаяся по лицу бледность говорили о том, как сильно она переживала.

— Может быть, не стоит... — промолвила она негромко, переводя взгляд с сына на меня и обратно. — Из-за служанки...

— Из-за никчемной рабыни, — фыркнул Дейтемир-младший. — Из-за поганой уродины, ошибки природы...

— Замолчите, — слегка повысил я голос. — Альфары — такие же ваши подданные, как и...

— Альфары — рабы! Но видимо, для вас они играют важную роль в жизни. Может быть, ваша матушка и сама была...

Если он рассчитывал оскорбить меня, то ему это вполне удалось. Я слишком любил и уважал собственную мать, чтобы допустить даже тень компрометирующей ее мысли.

— Защищайтесь! — Мой меч взвился вверх.

Надо отдать молодому наследнику должное — он знал, с какого конца братья за оружие. Юноша успел обнажить меч, с быстротой молнии отпрыгнул в сторону. Я

последовал за ним, мельком успев подумать, что мое искусство фехтовальщика наконец-то нашло реальное применение. Плохо только, что пришлось обнажить меч против своего сородича.

С первых же ударов стало заметно, что Дейтемир-младший хоть и проворен, но недостаточно искусен. Я превосходил его во всем — силе, точности ударов, скорости, мастерстве, умении владеть собой и ситуацией. Юнец сопел, пыхтел, рычал сквозь зубы, отчаянно размахивал мечом — и отступал, теснимый шаг за шагом. Противник из него был никакой — я успевал не только отражать отчаянные и горячие, но неумелые выпады, но и следить за тем, что происходит вокруг.

Леди Ленимирель замерла в кресле, прижав руки ко рту и боясь шевельнуться...

Два пажа и молоденькие девушки из ее свиты застыли на полпути к дверям, раздумав спастись бегством...

Служанка-альфара, из-за которой все и свершилось, тихо появилась на пороге...

За ее спиной возникли два эльфа-стражника из числа моих сослуживцев...

Торопясь, пока эти двое не сообразили, что к чему, и не позвали лорда-Наместника, я загнал Дейтемира-младшего в угол и мощным ударом по запястью выбил меч из его руки. Мальчишка всхлипнул, и леди Ленимирель наконец сорвалась с места:

— Не трогайте его!

— Моя госпожа, — я носком сапога отшвырнул оружие наследника подальше, прямо к порогу, и отсалютовал ей мечом, — ваше слово для меня — закон! Но ваш сын должен раз и навсегда запомнить, что нельзя оскорблять женщин, к какой бы расе они ни принадлежали! И тем более не стоит оскорблять свою мать. Он разговаривал с вами непочтительным тоном. Такое поведение недопустимо для наследника Наместника.

Забившийся в угол Дейтемир-младший что-то проворчал.

— Немедленно извинитесь перед матерью, — приказал я, концом меча повелевая ему выйти вперед. — Преклоните колено перед той, которая дала вам жизнь, и просите прощения у нее за тон, которым вы с нею разговаривали. Ну!

Бросив на меня взгляд, полный злобы, наследник Наместника сделал шаг вперед.

— Преклоните колено и извиняйтесь! — Я пригрозил ему мечом.

Все еще держа правое запястье левой рукой, Дейтемир-младший встал на одно колено и что-то пробормотал.

— Вашему носу все равно, каков вы, — безжалостно промолвил я. — Но ни леди, ни я ничего не слышали. Повторите громче, чтобы дошло до всех в этой комнате... и за ее пределами, — добавил, покосившись на бледную служанку.

— Извините, — сквозь зубы процедил мальчишка голосом, полным злобы и досады, — матушка...

Леди Ленимирель бросила на меня умоляющий взгляд, прижала руки к груди. Я не стал продолжать мучить сына на глазах у матери и отступил, убирая меч в ножны.

— Отлично, милорд. Можете быть свободны!

Дейтемир-младший сорвался с места с такой скоростью, что споткнулся о какую-то скамеечку и чуть не растянулся на полу. Наклонившись, чтобы подобрать меч, он обернулся через плечо и прошипел:

— Ты это запомнишь...

— Надеюсь, что запомните и вы, милорд, — ответил я. — Иначе придется преподать вам еще один урок... Как быть мужчиной.

В ответ раздалось совсем уж непереводимое шипение, и наследник Наместника покинул поле боя.

— Ос... оставьте нас, — слегка запнувшись, приказала леди-Наместница.

Напуганные придворные дамы и пажи, толкаясь и бросая на меня тревожно-любопытные взгляды, поспешили покинуть комнату и прикрыли за собой дверь.

Мы некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Зачем вы это сделали? — наконец произнесла леди Ленимирель.

— Я поступил так, как должен поступать каждый честный эльф. — Меня несколько озадачил ее вопрос. — Ваш сын вел себя непочтительно по отношению к вам, кроме того, он опустился до оскорблений. Неужели вы считаете, что звание наследника дает ему такое право?

Ее прекрасные глаза потухли. Миледи опустила голову, сжала руки на груди.

— Вы ничего не знаете, Данкор, — промолвила она еле слышно. — Мои муж и сын...

— Я все знаю, миледи, — осмелился перебить ее. — Если помните, именно я провожал вас до замка после той охоты. А потом — привез вам весть о том, что ваш супруг разрешает вам присутствовать при дворе. Я все вижу и все понимаю, миледи. Вы — узница в этих стенах. Вы несчастливы в браке, вы...

— А вы жестоки, — прошептала она, пряча глаза.

— Я люблю вас, — сорвалось с губ. — И мне безразлична ваша судьба...

— Моя судьба? — Эльфийка вскинула голову, и стало заметно, что в ее глазах блещут слезы. — Что вам моя судьба? Подумали бы лучше о своей судьбе! Зачем вы разозлили моего сына? Вы не знаете, какой у него мстительный характер!

— Не столько мстительный, сколько трусливый? — догадался я. — Подозреваю, что сам он ни на что не годен и в лучшем случае натравит на меня наемников. Не беспокойтесь, миледи, я сумею за себя постоять. Мне не страшно встретить свою судьбу. Страшно, что не сумею вас защитить.

— Вы сумасшедший. — Женщина всхлипнула, и мне пришлось сделать то, на что не решился бы в другой ситуации. Я шагнул к леди Ленимирель и обнял ее, прижал к себе. Я был намного выше ее ростом, и она спрятала лицо у меня на груди.

Но только на миг. В следующую секунду эльфийка вырвалась.

— Вы действительно ненормальный, Данкор, — промолвила она. — Вам стоит беспокоиться о своей судьбе, а вы думаете обо мне! Мой сын ни за что не простит сегодняшнего унижения, тем более что тут было столько свидетелей. Они промолчат о том, что предшествовало ссоре, но распишут в ярких красках и вашу дуэль, и то, как вы заставили наследника извиняться. Дейтемир отомстит!

— Я ничего не боюсь! И на казнь пойду ради вас с песней на устах!

— Сумасшедший, — опять вздохнула леди Ленимирель. — Ни одна женщина мира не стоит таких жертв!

— Любимая женщина стоит и не такого, — упрямо возразил я.

— Подите прочь, — прошептала она, отвернулась и прижала руки к щекам, — не могу вас слушать...

Спорить не хотелось. Поклонившись миледи, направился к выходу. В голову лезли непрошенные мысли. Отныне моя судьба действительно висела на волоске. Ведь если сын пожалуется отцу, гнев Наместника может быть страшен.

Ждать пришлось недолго. Буквально на другой день пришел приказ, подписанный лордом-Наместником. Я был разжалован из десятников в рядовые, отчислен из корпуса личной охраны лорда Дейтемира и должен был немедленно отправиться к новому месту службы — в один из небольших гарнизонов на границе с Ничейными Землями.

Я собирал вещи, когда меня навестил сотник Бормидар.

— Ну скажи на милость, зачем тебе это понадобилось? — приветствовал он меня, подходя к моей постели и разглядывая баул с вещами. — Чего ты добился, ткнув наследника носом в грязь?

— Я просто не мог спокойно стоять и смотреть, как на моих глазах унижают женщину, — ответил я.

— Эх, Данкор, как же ты еще молод и неопытен! — вздохнул лорд Бормидар. — Запомни, женщины — существа более крепкие, чем кажется на первый взгляд. Мы, мужчины, сделаны из другого теста. Мы тяжело переживаем обиды, готовы мстить обидчикам и карать виновных, а женщины... Они оправдывают тех, кто виноват в их несчастьях. Женщины гораздо легче переносят унижения и тяготы семейной жизни. Они, в

отличие от нас, способны прощать и забывать. У них есть то, что помогает мириться с любыми несправедливостью, ложью и предательством, — дети, долг, привычки, традиции, потребность любить и заботиться, не задумываясь о том, любят ли их и заботятся ли о них... Я сам женился без любви, то есть я не любил мою жену и не могу сказать, что она была в восторге оттого, что наш брачный союз состоялся. Но прошло несколько лет, у нас пятеро детей, и ты думаешь, она хочет от меня уйти? Да ни за что! И дело не только в детях! Наши сыновья достаточно взрослые, чтобы самим о себе позаботиться! Просто она привыкла! Женщины вообще легко привыкают, не то что мы, мужчины!

Я только вздохнул, услышав эту отповедь. Не знаю, кто как, но я никогда не смогу пройти мимо такой несправедливости. Мои родители всю жизнь любили друг друга и были счастливы в браке. Я сомневаюсь, что они просто привыкли друг к другу — и мне трудно поверить в то, что сказанное лордом Бормидаром — правда. Хотя, если вспомнить, как леди Ленимирель унижалась перед своим мужем, как стояла в снегу на коленях ради возможности просто с ним поговорить...

— До чего ты наивен, как всякий провинциал, — продолжал тем временем сотник. — А еще на войне был...

— Там все понятнее и проще, — возразил я.

— Тут ты прав, — вздохнул он. — В мирной жизни иной раз такие битвы кипят, что только держись! Что теперь будешь делать? Я возлагал на тебя такие надежды! Ты, Данкор, один из лучших фехтовальщиков, каких я знаю, а знал я немало мастеров меча и копья. Из-за твоего прямолинейного характера теперь будешь обязан до конца жизни прозябать на границе! В крошечном гарнизоне среди лесов и полей, где никогда ничего не происходит... Эх, не такой судьбы я желал для тебя, парень! Совсем не такой!

— Это была она, — сказал я вдруг.

— Кто — «она»? — выпучил глаза сотник. — Погоди-погоди... Так, значит, ты и леди-Наместница? Это ты в нее...

— Да.

— О Покровители. — Он сел на соседнюю постель и запустил пальцы в волосы. — Вот уж судьба! Да ты, считай, дешево отделался! Если бы лорд-Наместник узнал... Ох, уезжай отсюда как можно скорее!

Вот с этим я не мог спорить, хотя во мне все восставало против такой жестокой и внезапной разлуки.

Крошечная застава затерялась среди густых лесов на юго-восточной оконечности Кораллового Острова. Вытянутый в длину с запада на восток, Коралловый, кроме того, имел еще и далеко выдающийся «клин», глубоко врезающийся в Ничейную Землю. Наша застава стояла почти на самом «острие». Из-за близости Ничейной Земли тут содержался довольно внушительный гарнизон — сотня солдат и три Видящих волшебницы, в чьи обязанности входило поддерживать целостность границы и заранее предупреждать гарнизон о набегах, ибо совсем рядом лежали заболоченные луга, в которых обитали гоблины. Эти твари имели отдаленное сходство с драконами — раздвоенный язык, чешуя зелено-землистого цвета, хвосты, строение зубов — и являлись их дальними родичами. Как драконы, они были мало восприимчивы к магии, что позволяло беспрепятственно пересекать границу, несмотря на защиту, которую поставили волшебницы. Небольшие отряды гоблинов время от времени тревожили набегами Коралловый Остров, а поскольку среди них иногда можно было встретить людей, сбежавших от закона, опасность они представляли немалую.

Это мне рассказал сотник Годдар, новый начальник, когда я прибыл на заставу.

— Сейчас затишье, — сказал он в заключение, — вот когда слегка подсохнет земля и схлынет половодье, тогда и начнется. Если бы не Видящие, которые нас заранее предупреждают о нападениях, нам бы пришлось туго. Пока отдыхай, располагайся, знакомься с новыми сослуживцами... Надолго к нам?

— Навсегда, — вздохнул я. — Я прогневал Наместника Дейтемира.

— А, ну тогда твое «навсегда» не продлится дольше десятка-другого лет, —

отмахнулся сотник Годдар. — Нашего Наместника разгневать легче легкого. Если бы он «навсегда» изгонял всех, кто хотя бы раз вызвал его гнев, в поместье-столице уже давно бы никто не жил! Вот увидишь — через некоторое время он придет за тобой, а то и сам явится. Здесь его любимые охотничьи угодья, так что раз в год он к нам заглядывает. Не вешай носа, Данкор!

— У меня не тот случай, — я отвернулся, озираясь по сторонам, — Наместник разгневался на меня из-за своего сына. Я немного поучил наследника хорошим манерам...

— Да, это серьезнее, — кивнул сотник. — Дейтемир-младший не в пример злопамятнее отца. Даже хорошо, что мы живем в такой глуши, и до нас он не достанет!

Самому Годдару было хорошо говорить — он практически вырос в этих местах, здесь же женился и сейчас жил на заставе с женой и двумя детьми. Семьи имелись и у некоторых рядовых пограничников, так что тут образовалось хоть и маленькое, но вполне самостоятельное поселение.

Жили здесь, кстати, и альфары, причем некоторые имели право носить оружие и считались рыцарями. Не то чтобы рук не хватало, просто жизнь в этих краях была проще и на многие расовые различия смотрели сквозь пальцы. Я пожалел о своем Горо — мой личный слуга, однажды переступивший порог дворца, так в нем и пропал. Он наверняка даже не узнал, что его хозяин ныне в опале.

Месяц спустя я ехал во главе своего десятка, не спеша пробираясь вдоль границы. Сотник Годдар, вопреки присланной из поместья-столицы рекомендации, повысил меня в должности, потому что других опытных бойцов, тем более побывавших на настоящей войне, у него было не так уж и много.

Весна вступила в свои права, лес был просто прекрасен. Думаю, не родился еще тот эльф, который смог бы оставаться равнодушным к красоте природы. Снег почти весь растаял, сохранились лишь грязные островки в самой чаще леса, на припеке из земли всюду лезла молодая трава, в которой кое-где сверкали белые, желтые и синие звездочки первоцветов. На деревьях набухали почки, в воздухе пахло смолой и свежестью. Реки и ручьи почти все вернулись в свои берега, лишь в низинах под копытами коней чавкала грязь.

В эту пору передовые отряды гоблинов пытались пересечь границы Островов, поскольку зимние запасы подходили к концу, и они надеялись восполнить их за наш счет. Иногда к ним присоединялись и люди, за ними надо было следить в оба. Ибо в человеческой натуре заложена страсть к воровству, эти «разведчики» были не дураки стянуть то, что плохо лежит. Альфаров-пахарей они, например, обирали до нитки, оставляя им только жизнь.

Мы ехали не спеша, настороженно глядя по сторонам. Развиднелось — впереди темнела небольшая заболоченная речная долина, что делало ее уязвимой для нападений гоблинов, ибо эти твари прекрасно умели чувствовать воду и пересекали наши границы именно по воде.

До долины оставалось всего ничего, когда внезапно ожил амулет, который перед отправкой в рейд надела мне на шею Видящая. Волшебницы зорко следили за всем, что происходит в приграничье, направляя нас точно в то место, где произошел прорыв границы.

Сделав своему десятку знак остановиться, я вынул из-за пазухи амулет и крепко сжал в кулаке, показывая, что готов к связи.

«Всадники, — долетел до меня мысленный голос волшебницы, — трое альфаров и четверо эльфов. Из них — две женщины. Скачут с северо-запада. Ты ближе всех».

Именно на северо-западе располагалось большинство поселений, и если всадники скакали оттуда в сторону границы, значит, там стряслась большая беда.

— За мной! — скомандовал я, разворачивая коня. Долина и гоблины, если они есть, были забыты. Вброд перешли небольшой ручей, устремились навстречу неведомым всадникам.

Мы увидели их чуть-чуть раньше, чем они — нас. Путники хоть и мчались сломя голову, явно не знали, куда скакать, как раз в это время передний всадник осадил серого в яблоках коня и стал озираться по сторонам. Я пристально вгляделся в его лицо...

— Всем оставаться на месте, — прошептал своему десятку. Впереди был редкий березняк, пронизанный солнечным светом. Молодая трава поднималась сквозь войлок прошлогодней поросли. Соловый конь пропадал на фоне берез, чьи ветки только-только начали одеваться в зеленую вуаль молодой листвы, но ярко-розовое платье всадника, вернее, всадницы было видно издалека. Казалось, мои глаза различают даже оранжевые и красные строчки отделки и бусины, которыми была украшена ее прическа. Сердце мое забилося так сильно, что я невольно прижал его рукой, как пойманную птицу.

«Нашел?» — подала мысленный голос Видящая.

«Да, — ответил я также мысленно. — Благородная леди со свитой... Все в порядке».

И не просто «леди», а та единственная, на встречу с которой я уже перестал надеяться! Но как она оказалась здесь? Между поместьем-столицей и заставой были лиги и лиги пути.

Мы встретились среди берез — увидев и узнав меня, леди Ленимирель тоже сделала знак своим спутникам оставаться на месте. Не доехав друг до друга, мы одновременно спешились. Я смог сделать на негнувшихся ногах несколько шагов.

— Леди... — Это было все, что мой язык смог произнести.

— Я, — она выглядела смущенной, — просто больше не смогла... Все это время думала о тебе, вспоминала, как ты... Со мной давно никто так не разговаривал... Не знаю, что на меня нашло, но...

Она путалась в словах, теребя край темно-розовой накидки. Я чувствовал, что должен прийти на помощь, но слова застряли у меня в горле. Смотрел на эту женщину — и не мог отвести взгляд.

— За все это время мой муж и сын ни разу не сказали мне ни одного слова, я даже не видела их, — продолжала она. — А вчера утром я внезапно узнала, что они уже несколько дней как уехали куда-то и даже не поставили меня в известность... Тогда я поняла, что не могу больше оставаться на месте. Собралась и... Ехала сюда, думала, что знаю, зачем еду, а теперь вот... теперь не знаю... Ты, — она впервые подняла на меня глаза, — считаешь меня безнравственной?

— Моя госпожа. — Не зная, что делать, я опустился перед нею на колени. — Моя госпожа...

— Встань. — Ее руки легли мне на плечи.

Я повиновался, и женщина оказалась так близко от меня, что стали ощутимы тепло ее тела и слабый аромат, исходящий от платья и волос. Ее руки все еще лежали у меня на плечах, когда мои ладони осторожно коснулись тонкой талии. Она не сопротивлялась, позволила обнять себя. Запрокинув голову, смотрела прямо мне в глаза, и мне ужасно захотелось ее поцеловать.

Госпожа обо всем догадалась по моим глазам и попыталась отстраниться:

— На нас смотрят.

— Я знаю, — прошептали губы, а в сердце затаилась досада на судьбу. Впервые за долгое время я держал в объятиях любимую женщину — и не мог больше ничего себе позволить. А ведь она — это чувствовалось! — не станет сопротивляться.

— Я люблю вас, — произнес непослушный язык.

— Я знаю, — ответила она с легкой улыбкой. — Ты... далеко отсюда живешь?

— Да, застава в той стороне. — Я кивнул, не в силах оторваться от любимой. — Здесь мы на задании. Недалеко болото, через него на Остров могут проникнуть гоблины.

— Гоблины? — Она испуганно вздрогнула.

— Не бойтесь, моя госпожа. Мы здесь для того, чтобы защитить вас и мирных жителей...

— Да. — Миледи опять улыбнулась. — Я все время забываю, что ты — один из лучших бойцов на Острове... Проводи меня.

— Куда?

— Не знаю. — Легкая улыбка больше не сходила с ее губ. — Мне все равно. Хочу увидеть места, где ты теперь живешь.

Махнув рукой своим воинам, что можно спешиться и отдохнуть, я подал миледи руку, направляясь с нею через березняк. Спутники леди Ленимирель тоже спешили. Я бросил на них взгляд через плечо.

— О вас будут говорить. Честь вашего супруга может пострадать. И ваша честь...

— Моя честь — это моя честь, — перебила женщина. — Я готова повиноваться моему мужу, но... до тех пор, пока буду ему нужна. С тех пор как я вернулась в столицу, он ни разу не переступил порог супружеской спальни, ни разу не провел со мной больше одного часа в день, за исключением дня свадьбы своего брата. Я начинаю думать, что безразлична мужу...

— Не надо о нем говорить, — вырвалось у меня.

— Ты ревнуешь, Данкор? — Она подняла на меня глаза, и у меня опять перехватило дыхание.

Мы остановились и бросили взгляды по сторонам. Незаметно отошли довольно далеко от наших спутников и спустились в небольшую низинку, где журчал ручей. Здесь деревья росли гораздо реже и солнце нагрело склон, заставив траву подняться так высоко, что она практически скрыла прошлогодние поросли. Над цветами жужжали шмели. Порхала ярко-желтая бабочка.

— Здесь так чудесно, — улыбнулась леди Ленимирель. — Ты живешь в волшебном краю.

— Ничего в нем нет особенного, — решил возразить я. — Леса, болота, поля и перелески... То есть в нем не было ничего такого, пока не появились вы...

— Ты мне льстишь, — промолвила она. — Кто я такая, чтобы...

— Вы — самая прекрасная женщина в мире! — воскликнул я. — И я вас люблю!

Она стояла так близко, что до меня доносилось ее дыхание. Мы крепко держались за руки, как влюбленные подростки, я притянул ее свободной рукой к себе и, не в силах сдерживаться, прикоснулся губами к ее губам.

Леди тихо вздохнула, обняла меня второй рукой за шею, и я потерял над собой власть. Сорвав с себя теплый плащ, бросил его на землю, после чего осторожно опустил на него мою возлюбленную, вытянулся рядом с нею.

Два часа спустя мы возвращались к своим спутникам. Я не мог поверить своему счастью. То, что произошло между нами, не укладывалось у меня в голове. Казалось, я сплю, потому что наяву такого не могло быть... Или было? Ведь рядом со мной шло не призрачное видение, а женщина из плоти и крови.

На краю поляны, где нас уже могли видеть, Ленимирель остановилась, поправила растрепанные волосы. Я осторожно вынул у нее из косы травинку, помог закрепить край вуали и, не удержавшись, опять прижался губами к ее виску.

Она отстранилась с тихим вздохом, уперлась ладонями в мою грудь.

— Мы не сможем часто видеться, Данкор, — промолвила Ленимирель. — Я не могу бросить дочь. Да и мой долг, как Наместницы, не позволит мне... Впрочем, — тут же добавила она, взглянув мне в лицо и прочтя на нем разочарование, — постараюсь что-нибудь придумать.

— Верю тебе, — повторил я, чувствуя, что сердце замирает от боли и горечи. Только что у меня было несколько минут величайшего счастья обладания любимой женщиной — и вот она исчезает навсегда. Исчезает, чтобы оставить память о себе, ибо я теперь уже точно никогда не смогу ее забыть.

Ленимирель смотрела куда-то мне за спину.

— Ты запомнишь это место? — вдруг спросила она.

— Да. Мы уже несколько раз проезжали тут, патрулируя.

— Приезжай сюда еще. Туда, к ручью. Понимаешь?

Я почувствовал, что глупо улыбаюсь:

— Я буду приезжать сюда каждый день!

— И однажды я буду тебя ждать.

Приподнявшись на цыпочки, она быстро поцеловала меня в щеку и поспешила к своим

спутникам. Они, удобно расположившиеся на траве, повскакали с мест. Один из рыцарей помог леди взобраться на коня, и, на прощание махнув мне рукой, Ленимирель поскакала прочь.

Нагревшийся, как уголек, амулет связи привлек мое внимание. Я накрыл его ладонью и понял, что несколько минут стою, тупо глядя вдаль.

«Что случилось?»

«Где вы находитесь? — послышался голос Видящей. — Вы разобрались с незваными гостями?»

«Все в порядке. Гоблинов поблизости нет?» «Пока все тихо».

«Ну и отлично!» — Я отнял руку от амулета, прерывая разговор. Сказать по правде, сейчас мне ни с кем не хотелось бы драться. Наоборот, именно сейчас у меня в душе зародилось такое светлое чувство, что хотелось обнять весь мир.

Через день я был у того ручья. В одиночестве.

И еще через день, и еще... Нет, конечно, я знал, что Ленимирель не может явиться так скоро, но все равно каждый раз испытывал разочарование, когда понимал, что ее нет.

А потом однажды, приехав на условное место, обнаружил, что удача мне улыбнулась.

Она сидела на том самом камне. Не помня себя от восторга, я спрыгнул с коня, бросился к ней и упал перед Ленимирель, спрятав лицо у нее в коленях.

История третья Пограничник

Наступило волшебное время. Каждые два-три дня я отправлялся к «нашему» ручью, где меня ждала она, моя возлюбленная, лучшая женщина в мире, единственная и неповторимая. Как объяснила Ленимирель, она отпросилась пожить с дочерью в одном из своих замков, так что с некоторых пор находилась совсем рядом. Никто из обитателей заставы не знал в лицо Наместницу Ленимирель, так что про нас не болтали слишком много. Просто как-то так стало понятно, что у меня есть любовница из числа ближайших соседей, и на этом все успокоились. Разве что сотник Годдар время от времени спрашивал, намерен ли я жениться. Мне всякий раз приходилось отговариваться. И я, и моя возлюбленная, мы оба знали, что это невозможно. Лорд Дейтемир никогда не даст своей жене развод. Но даже если это и произойдет, нам с Ленимирель не будет места на Радужном Архипелаге. Придется покинуть родину эльфов и отправиться куда-нибудь в земли людей или в незаселенные места. Лишь вдовство давало бы нам какой-то шанс на семейное счастье, но, по обоюдному согласию, ни она, ни я не желали добиваться своего с помощью преступления. Нам оставались только эти короткие тайные встречи, наполненные страстью и нежностью.

Остальной мир жил своей жизнью. Пять раз границу переходили гоблины — трижды сами и дважды вместе с людьми. Я отличился в трех стычках из пяти, так что Годдар выделял меня из числа пограничников и сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки.

Но всему на свете приходит конец.

Как-то раз в трапезную, тяжело дыша, ворвалась Видящая и с порога крикнула:

— Ожидаются гости из столицы!

Я замер, не донеся до губ кубка с вином. Вот и все! Наместник Дейтемир каким-то образом прознал про измену жены. А ведь только вчера в последний раз мы встретились с Ленимирель и с рассвета жили ожиданием завтрашней встречи.

— Что за гости? — Сотник Годдар не заметил моего состояния.

— Видящая лорда-Наместника передала, что в нашу сторону движется большой обоз. — Волшебница перевела дух. — Лорд-Наместник приказал приготовить обозникам торжественную встречу и обеспечить сохранность груза. Лорд-Наместник собирается устроить Большую охоту.

Мне показалось, что я ослышался. Почему лорд Дейтемир тащит из столицы дичь, вместо того чтобы попытаться охотничье счастье в здешних местах? У нас водились олени,

кабаны, дикие лесные быки, болотные козлы и дикие лошади. Вполне достаточно, чтобы удовлетворить вкус любого охотника. Я уж не говорю про болотную дичь! Что же это за звери, которые не водятся в наших лесах?

— И когда ожидается обоз? — Командира волновали совсем другие мысли.

— Через два дня, — ответила Видящая.

— Хм, — сотник нахмурился, — у нас остается мало времени, для приготовлений. Что ж, мы сделаем все, что можно. Данкор, — обернулся он ко мне, — надеюсь, ты понимаешь, что во время присутствия Наместника запрещаются какие бы то ни было отлучки?

— Да, лорд Годдар, — кивнул я. У меня оставалось два дня. Я успею предупредить Ленимирель о приезде ее мужа. Несколько дней мы как-нибудь потерпим.

Обоз прибыл через два дня, ближе к вечеру. Я, дежуривший в этот день у ворот — сотник Годдар все-таки решил подстраховаться и дал ответственное поручение, чтобы я не улизнул на свидание, — вытаращил глаза, увидев четыре подводы под охраной двух десятков всадников. На каждой подводе стояло по клетке, в которых находились... светлые альфары.

Все четыре подводы не спеша проехали в ворота заставы мимо остолбеневшего меня. Сидевшие в них альфары не обратили на мою персону никакого внимания — они были слишком погружены в себя, чтобы смотреть по сторонам. Лица некоторых показались мне знакомыми. Я напряг память и вспомнил, что видел их во дворце Наместника Кораллового. Но что они тут делают? Неужели это и есть тот самый обоз с обещанной дичью?

Пока я стоял, как громом пораженный, к воротам подскочил сотник Годдар.

— Проезжайте-проезжайте, — заторопился он. — Ставьте их вон туда, под навес! А сами проходите в нижний зал. Там сейчас как раз накрывают столы... У нас почти все готово!

— Годдар, — поинтересовался я, — что это означает? Это что за обоз?

— Тот самый обоз с грузом, — ответил сотник. — Видящая предупреждала...

— Она что-то говорила об охоте...

— Да. Это и есть дичь... А ты не знал?

Я только помотал головой. Сотник похлопал меня по плечу и отошел, продолжая отдавать приказы и распоряжения.

Сам же Наместник Дейтемир Коралловый появился на другой день, прибыл практически в одиночку, если не считать сына, Дейтемира-младшего, и нескольких охранников. Я опять стоял у ворот и поспешил опустить голову, чтобы он меня не узнал, но высокородным лордам было не до незначительных личностей вроде часового у ворот.

Сотник Годдар выскочил навстречу, придержал стремя лошади Наместника.

— У нас все готово, — объявил, когда тот спешился. — Как только получил ваше послание, я сразу отправил одного из воинов в ближайшее поселение, но ответ придет только через два дня.

— Ничего, — промолвил лорд-Наместник. — Не стоит торопиться. Мы успеем и поохотиться, и отдохнуть после охоты. Тем более что совсем близко находится замок, где проводит лето моя жена. Если возникнет задержка, я просто потрачу время на то, чтобы навестить свою леди...

Я скрипнул зубами, изо всех сил стараясь, чтобы никто этого не заметил. Но сама мысль о том, чтобы Наместник обнимал мою возлюбленную, была невыносима. И пусть по закону она была его женой! Мне на это было решительно наплевать. Ленимирель моя, и только моя! Хотя... я знал, что наша любовь обречена на гибель. Но кто мог подумать, что развязка наступит так скоро?

— Что застыл? — Сотник, оказывается, уже дважды окликал меня, но я ничего не замечал. — На тебе лица нет, Данкор!

— Я... э-э... Я не знаю, — голова моя совсем опустилась, — я поражен... Не знаю, что происходит.

— Ты прожил в поместье-столице больше года и ни разу не слышал о Большой

охоте? — изумился Годдар. — Чем же ты занимался?

Вот так я узнал о Большой охоте. Лорд-Наместник устраивал ее время от времени. Большая охота могла состояться в разгар зимы, ранней весной или летом — все зависело от наличия необходимого количества «дичи».

Как я уже говорил, прогневить лорда Дейтемира было легче легкого. Слугам стоило не вовремя попасть ему на глаза или ответить на вопрос недостаточно почтительным тоном. Всех, кто вызвал его гнев, ждала подземная темница, построенная еще в те времена, когда рабами эльфов были орки. Там они сидели, иногда на цепи, как животные, пока их не набиралось достаточное количество — как правило, четыре или пять десятков. Тогда слуг отвозили на границу Острова и устраивали Большую охоту, на которой вместо дичи использовали именно светлых альфаров. Кроме них «дичью» считались лесные тролли, гоблины, овражные тролли-хамстеры и прочие живые существа, которые могли встретиться на пути.

— А в наши обязанности входит обеспечить высокородного лорда подходящей «дичью», — закончил свой рассказ сотник.

— Это... это гнусно, — воскликнул я. — И недостойно эльфа!

— Кто ты такой, чтобы осуждать лорда-Наместника? — осадил меня сотник. — Не ты ли сам недавно прибыл сюда как изгнанный? Если бы ты не был эльфом, наверняка оказался бы в обозе. Кстати, как ты думаешь, почему мы постоянно патрулируем окрестности? Только ли потому, что наша обязанность — защищать мирных жителей Острова от набегов гоблинов и людей?

— Неужели мы... — Я боялся договорить.

— Да, гоблины тоже дичь, и мы следили за миграцией, чтобы высокородному лорду не пришлось долго ездить по лесам туда-сюда в поисках их стай! Успокойся, Данкор, и иди-ка спать. Завтра все принимают участие в Большой охоте!

Легко сказать — «успокойся!» Я полночи проворочался на своей койке в казарме, не в силах сомкнуть глаз. Неужели завтра я буду принимать участие в охоте на разумных существ? Это не укладывалось в голове. Подумать только! И такому лорду я клялся служить до конца дней! Что же мне делать? Клятва, данная от чистого сердца, связала меня по рукам и ногам. Моя собственная честь не позволит бросить службу. Только смерть — моя или лорда Дейтемира — позволит нарушить клятву. И пусть Дейтемир-младший сменит отца — ему я не давал клятвы и смогу считать себя свободным. Но на Коралловом Острове мне тогда точно не жить. А примет ли меня какой-нибудь другой Остров? Вдруг у Наместников существует договоренность выдавать беглецов? Не придется ли покинуть Радужный Архипелаг?

Застава проснулась рано-рано. Пока я еще ворочался в постели, поднялись загонщики. Охранники отвезли двуногую «дичь» подальше в лес и выпустили ее там, чтобы альфары успели отбежать на некоторое расстояние.

— Ну скорее ты! — приветствовал меня сотник, когда я показался на пороге казармы. — Бери свой десяток и скачи к болотам. Там поднимешь гоблинов и погонишь их в сторону заставы.

— Почему я? — насупился ваш покорный слуга.

— Потому, что остальные уже заняты, — отрезал Годдар. — И потому, что я знаю твой характер. Пошел! — С этими словами он вручил мне амулет, с помощью которого мы могли связываться с Видящими. Волшебницы выступали координаторами Большой охоты, поскольку среди нас телепатов не было.

Вскочив на коня, подведенного перепуганным альфаром из числа местных слуг, я погнал свой десяток к болотам, спеша отыскать гоблинов. Не прошло и нескольких минут, как мы выехали к реке, которая вытекала из ближайшего болота на Ничейной земле.

В это время ожил амулет Видящей.

«Годдар просил сказать тебе пару слов, — начала волшебница. — Что ты переживаешь?»

«Это подло и гнусно! — ответил я мысленно. — Мы охотимся на разумных существ, как на диких животных!»

«И это мне говорит тот, кто четыре года сражался против других разумных существ!»

«Это не одно и то же! У нас с темноволосыми были равные шансы! Они убили моего друга и могли убить меня! А альфары... они безоружны. Они не смогут даже защитить себя, когда их начнут убивать!»

«Глупый, — даже в мысленном голосе волшебницы проскользнуло ласковое снисхождение, как в речах матери, обращающейся к капризному ребенку, — а кто тебе сказал, что речь идет об убийстве? Большая охота отличается от всех остальных тем, что тут «дичь» не убивают, а ловят. Ее цель — поймать всех, кого накануне выпустили из клеток, и загнать обратно, добавив кое-кого еще... Кстати, подсказать, где ты найдешь гоблинов?»

«Где?» — поинтересовался я после небольшой паузы.

«Следуй точно вдоль течения реки, никуда не сворачивая, и ищи маленький островок, заросший кустарником. Там их поселение. Поднимай всех, кого сможешь, и гони в сторону заставы. Где-то на полпути тебя будут ждать остальные загонщики, сдав им гоблинов, ты можешь быть свободен! В случае чего — вызывай, помогу!»

Связь прервалась. Я с раздражением стиснул амулет в кулаке, прежде чем убрать обратно за пазуху.

Впереди блестела лента реки, свернул туда, собираясь точно следовать всем указаниям волшебницы. Немного поразмыслив, пришел к решению честно выполнять свой долг — просто делать свое дело, ни во что не вмешиваясь и стараясь не выделяться из числа других пограничников.

Гоблины не относятся к племенам, приверженным определенному образу жизни. Они — кочевники и бродяги, нигде долго не задерживаются и даже в городах, где люди смотрят сквозь пальцы на присутствие этих двуногих ящериц, ведут бродячий образ жизни, ночуя вместе с самками и детенышами на голой земле или под забором. Говорят, когда-то у гоблинов были свои города, правители, законы, даже наука и искусство, но все это похоронено во мраке времен и забыто так прочно, что сами эти существа лишь пожимают плечами в ответ на такие заявления. Сейчас они — только охотники и грабители, ворующие все, что плохо лежит, и не брезгающие поедать разумных существ. На стоянках гоблинов находили обугленные черепа людей, альфаров, эльфов и даже троллей и орков — неудивительно, что их ненавидит большинство разумных рас.

Волшебница не подвела — мы заметили гоблина-часового среди высокой травы, хотя обычно эти существа такие мастера прятаться, что можно пройти в двух шагах от затаившегося гоблина-наблюдателя и не учуять его. Но этот замер, не прячась, среди камышин, его оливково-зеленая с кирпичными разводами шкура выделялась далеко. Ветер дул в нашу сторону, и гоблин заметил всадников, когда стало слишком поздно. Было ли это воздействием чар Видящей или просто такой попался часовой, но, обнаружив нас, он сначала застыл, выпучив без того большие глаза, а потом резко засвистел и, швырнув копье, кинулся бежать.

Лето стояло жаркое, речка обмелела, так что на остров мы ворвались галопом, разбрызгивая воду. Гоблины, застигнутые врасплох, успели только похватать оружие, самки переловили детенышей, и обитатели всей гурьбой кинулись бежать с острова. Мы дали им время форсировать противоположную, более глубокую половину реки, после чего неспешной рысью погнали в сторону границы, растянувшись цепью.

Гоблины осознанно стремились под защиту речной долины, где им легко было спрятаться среди прибрежной растительности, но мы не дали им даже приблизиться к берегу. Заметив, что их гонят прямоком в густой лес, гоблины вдруг развернулись, сбились в плотную кучу. Самцы пропустили самок в центр, те закрыли своими телами детенышей, и все дружно рванулись нам навстречу. У большинства из оружия были короткие копья, дубины и пращи, лишь последние представляли для нас какую-то угрозу. Я сообразил это, когда один камень просвистел мимо моего виска, а другой метко ударил по шлему

подчиненного, заставив того покачнуться в седле.

В ответ эльфы вскинули луки.

— Не стрелять! — крикнул я, но было поздно. Сразу пять или шесть стрел взвились в воздух, и несколько гоблинов упали, убитые или раненные.

— Не стрелять! — повторил я приказ. — Гнать в лес! Но уцелевшие решили дорого продать жизни. Камни из пращей замелькали в воздухе, заставив нас поднять щиты. Кони вертелись, взвизгивая от боли, когда камни попадали в них. Еще чуть-чуть — и восставшие твари прорвутся к реке.

Укрывшись щитом, я стиснул в кулаке амулет, лихорадочно вспоминая, как надо вызывать Видящую. Обычно волшебницы сами выходили на связь, нам оставалось лишь подчиняться их мысленному голосу, тем более, повторюсь, телепатов на заставе не было.

Но волшебница откликнулась.

«Что случилось?» — услышал я.

«Гоблины нас атакуют, они почти прорвались обратно к реке, — доложил я. — У них пращи. Кое-кто из наших уже легко ранен. Что делать?»

Несколько долгих секунд волшебница молчала, очевидно обдумывая ответ.

«Сделай-ка вот что...»

Подчиняясь ее указаниям, я поднял вверх правую руку, сложил пальцы щепотью и повел ими в воздухе, вычерчивая сложную фигуру. Моя рука налилась тяжестью, я с трудом ворочал ею, да и сам воздух словно уплотнился и стал ледяным. Все же мне удалось довести дело до конца, после чего громко и четко повторил те слова, которые мысленно надиктовала мне волшебница.

Вообще-то мужчины-эльфы — я имею в виду чистокровные эльфы — практически неспособны к магии. Есть так называемые медиумы, обладающие врожденным запасом магических сил — Видящие волшебницы развивают в них дар накапливать магию и используют в своих целях. В моем роду не было даже медиумов, не говоря уже о том, чтобы где-то когда-то в Доме Дармира рождались Видящие, но сейчас я колдовал. Волшебница как бы вселилась в мое тело, это она, а не я применяла сейчас магию.

Но гоблины-то этого не знали. Увидев огненный знак и услышав слова заклинания, они запаниковали и заметались туда-сюда, превратившись в напуганную толпу. Пращи, дубины и копья были забыты. Многие вообще побросали оружие и вопили от ужаса, закрывая лапами морды.

«Готово! — услышал я довольный голос волшебницы. — Теперь гоните их!»

— Вперед! — отдал я приказ, радуясь возможности опять владеть своим телом.

Мы, десять всадников — подтянулись даже раненые, — сомкнули ряды, оттесняя мечущихся созданий от реки и направляя в сторону леса. Но племя сильно рассеялось по побережью, и несколько самок с детенышами все-таки прорвались к зарослям. Я не стал их преследовать из опасения, что потеряю контроль над остальными, и махнул рукой, приказывая своему десятку гнать оставшихся в лес.

Сбившись плотной гурьбой, гоблины бежали, поддерживая друг друга. Иногда какая-нибудь из самок пыталась прорваться и скрыться, но мы легко возвращали их в строй. Все-таки двум-трем удалось зашвырнуть своих детенышей подальше в кусты. Верещащие гоблинята разбегались в разные стороны, но я решил не тратить на них времени. Выживут они или нет — сейчас мне было безразлично. Я мечтал только об одном — как можно скорее сдать племя загонщикам. Мне было противно воевать с самками и детенышами, даже если это — самки гоблинов. И когда одна метнулась прямо под копыта моего коня, прижимая к себе двух малышей, я вздыбил лошадь, позволив ей проскочить прямо между передними ногами коня и затеряться в кустарнике.

Далеко впереди запел рог — где-то там была цепь загонщиков. Я кивнул трубачу, и он выдул из своего рога ответную ноту. Это была наша обычная переключка.

Еще один рог пропел свою коротенькую песню слева от меня. Его сигнал означал, что там тоже гонят какую-то двуногую дичь. Мой трубач ответил ему, и некоторое время они

перекликались, координируя действия.

В чаще леса двигаться пришлось осторожно, чтобы не переломать лошадям ноги. Не привычные к такой спешке — им приходилось все время бежать — гоблины начали выдыхаться. Некоторые даже побросали оружие, потому что им было тяжело его тащить. Другие опирались на копья, как на палки во время ходьбы.

Рог пропел совсем близко, и буквально через пару минут навстречу нам выскочили два лесных тролля. Обычно эти существа живут небольшими семейными группами или поодиночке, и отыскать сразу двоих было удачей. Тролли распугали гоблинов, заставив меня потерять в кустах еще нескольких, но остальных мы собрали в плотную кучу и погнали вперед.

Постепенно шум Большой охоты стал ближе. Чаще звучали рога, несколько раз я слышал лай собак. Гоблины заволновались, переговариваясь на своем языке, их волнение достигло предела, когда бегущие впереди наткнулись на что-то в высокой траве между деревьями.

Отгнав подальше свою «дичь», я взглянул на то, что они обнаружили, — и чуть не свалился с седла.

Это был труп светлого альфара, одетого в одну набедренную повязку. Труп был еще свежий — кровь не успела свернуться. Я сразу определил причину смерти — в альфара выпустили несколько стрел. По крайней мере, две раны оказались смертельными — в грудь и в глаз. Но, судя по обильно натекающей крови, сначала он был просто ранен, и его добивали долго и упорно.

Будь я один, гоблины, воспользовавшись моим замешательством, непременно бы разбежались. Но мой десяток не дремал. Пока командир приходил в себя, рядовые собрали испуганных существ в кучу и погнали прочь, прямиком на звуки сигнальных рогов и собачий лай. Я не спеша последовал за ними, размышляя над увиденным.

Что означала эта бессмысленная жестокость? Может быть, кто-то случайно ранил альфара и потом решил его добить, чтобы он не мучился?... «Ага, — сказал мне внутренний голос, — пятью выстрелами в упор, из которых только два были смертельны». Неужели на заставе еще есть такие же косорукие лучники, как я? Или это «практиковался» в стрельбе кто-то, впервые взявший в руки оружие? Но кем же надо быть, чтобы, не имея опыта в убийстве, обладать такой жестокостью? Я корил себя, что не задержался и не осмотрел поляну повнимательнее — следы скольких эльфов там можно обнаружить? Но в конце концов пришел к выводу, что так оно и лучше. Меньше знаешь — крепче спишь. Будем считать, что выстрелы случайность, а добили альфара из милосердия.

Я опять стиснул амулет в кулаке, думая о Видящей. И она опять откликнулась, но теперь в ее мысленном голосе звучало недовольство:

«Что еще?»

Я в двух словах рассказал о находке.

«Что ты хочешь? Это же охота. Всякое бывает! Ты сам упустил несколько гоблинов, совершил, можно считать, ошибку... Не беспокойся. Если тебя так волнует судьба этого альфара, я потом помолюсь за его душу».

«Спасибо, — поблагодарил я. — А что мне делать теперь? Гоблинов я... э-э... сдал...»

«Откуда я знаю! Если делать нечего, присоединяйся к загонщикам. Посмотришь, как это бывает!»

«Что бывает? Убийства безоружных? У гоблинов были пращи, они оборонялись...»

«И тебе не хочется скрестить с ними оружие?»

«В честном бою — да. Но принимать участие в убийстве? Я, в конце концов, рыцарь!»

«Смотри не скажи этого лорду-Наместнику! Он ведь тоже рыцарь и к тому же твой господин!.. Хватит болтать. У меня много дел».

С этими словами Видящая отключилась. Амулет похолодел, превратившись в простой обломок драгоценного камня.

Я остался один, причем один в прямом смысле слова — я остановил коня, беседуя с

волшебницей, и, как ни коротка была беседа, за это время мой десяток ушел вперед, гоня гоблинов в сторону охотников. За деревьями я еще видел силуэты всадников, но почему-то не спешил к ним присоединяться. Вместо этого развернул коня, направляясь к знакомому ручью. Сегодня там меня никто не ждал, но на берегу, в том месте, где я познал любовь и счастье, мне хотелось снова обрести душевный покой.

Надо признать, что любовь к Ленимирель сделала меня слабым. Я четыре года провел на войне и, переступив порог дворца Наместника, горел желанием добиться славы и признания на новом поприще. Может быть, если бы в моей жизни не было этой женщины, я бы сейчас не сидел на пожухлой осенней траве возле холодного ручья, глядя на бегущую воду, а скакал вместе с остальными загонщиками и весело стрелял бы по удирающим гоблинам или спорил, удастся ли мне с первого раза попасть в глаз лесного тролля. Но леди Ленимирель изменила меня... или я с самого начала был такой?

«Ты слишком расклеился, Данкор, — сказал я себе. — Если ты хочешь остаться воином, нужно вернуться на заставу. В конце концов, ты мужчина. И если не хочешь всю жизнь проторчать на одном месте, придется заставить себя смотреть даже на такие жестокие вещи, как убийство невинных. Ибо война с орками может возобновиться в любой год. Тогда придется не только сражаться и убивать, но и мстить — за уничтоженный Мраморный Остров, за своих товарищей... Так что вставай и поехали!»

Полный желания быть твердым до конца, я вскочил на коня и помчался в сторону заставы, прислушиваясь к доносящимся издали звукам.

Пока я предавался самобичеванию у ручья, Большая охота подошла к концу, но то, что я увидел, заставило меня пожалеть о своем решении. В какой-то момент мне очень захотелось стать дезертиром — удержала только мысль о том, что в таком случае я лишусь чести и самоуважения.

На просторной поляне, на некотором расстоянии от стен заставы, были установлены походные кресла; тлели угли на жаровнях; высокородные лорды упражнялись в стрельбе.

Меня увидели, когда я спешил.

— Данкор! — окликнуло сразу несколько голосов. — Где ты был? Сотник уже хотел тебя искать... Иди сюда!

Я сделал шаг — и увидел мишени.

Почувствовал, как ноги приросли к земле.

Мишени оказались живыми — то есть еще живыми. К деревьям ремнями были прикручены светлый альфар и два гоблина, самец и самка. Всех троих утыкали стрелы, так, что оставалось удивляться, как они еще живы. Светлый альфар явно находился при последнем издыхании. Более живучие от природы, гоблины выглядели чуть-чуть лучше, хотя и им недолго осталось.

— Данкор? — Лорд-Наместник повернулся ко мне. Рядом с ним обнаружили его сын и сотник Годдар.

— Один из лучших моих воинов, — поспешил представить меня сотник. — Трижды отличился во время отражения атак гоблинов и людей. И этих гоблинов доставил именно он.

— Вот как? — Наместник вперил в меня пристальный холодный взгляд. Я не сомневался в том, что он меня узнал, но не опустил глаз. — Что ж, проходи и присоединяйся!

— Нет, — услышал я свой голос. — Я не убийца. Теперь на меня смотрели все — кроме живых мишеней, которым все было безразлично.

— Но ты же был на войне! Ты сражался с темноволосыми...

— Но не с безоружными, — отрезал я. — Тем более не издевался над беззащитными пленниками. Не могу допустить, чтобы кто-то другой поступал подобным образом, роняя свое достоинство.

С этими словами я вытащил кинжал, подошел к привязанным к деревьям пленникам и, стараясь не смотреть им в глаза, прервал их мучения.

— Ты понимаешь, что ты наделал? — нарушил молчание лорд Дейтемир.

— Спас вашу честь, милорд, — промолвил я, вытирая кинжал и убирая его обратно в ножны.

— Что ж, — лорд-Наместник смотрел на меня снизу вверх, — позволь поблагодарить тебя... Данкор.

Однако на сегодня мои испытания не кончились.

Когда мы некоторое время спустя вернулись к заставе, выяснилось, что там нас уже ждут. Это были люди. Небольшой вооруженный отряд остановился под крепостной стеной. Видимо, люди только что прибыли — они только успели спешиться и чуть-чуть ослабить подпруги у лошадей. Три десятка верховых охраняли несколько подвод, на которые были установлены пустые клетки, очень похожие на те, в которых на заставу доставили двуногую «дичь». Заметив нас, люди засуетились. Двое — один постарше, с окладистой рыжей бородой, и второй помоложе — вышли навстречу.

К моему удивлению, сотник Годдар отделился от нашего строя и приблизился к ним, о чем-то заговорив.

Человеческого языка я не знал. Светлые альфары общались на том же языке, что и мы, как и темноволосые, у которых вообще не было собственного наречия. Людей я видел вблизи практически первый раз в жизни — те два случая, когда мне пришлось отражать набеги грабителей, не в счет. Поэтому я внимательно прислушивался и приглядывался к ним. А потом природное любопытство дало о себе знать, потому что я спешился и подошел к людям поближе.

— Смотри и учись, Данкор, — приветствовал мой порыв сотник. — Это — наши компаньоны.

— Разве Наместник имеет дело с людьми? — удивился я. Обычно эльфы, особенно высокородные, не общались с «низшими расами», за исключением тех случаев, когда того требовала высокая политика. Краем уха я слышал, что в некоторых крупных странах имеются торгово-политические представительства, куда посылаются послы для решения спорных вопросов, но чтобы какой-нибудь Наместник напрямую имел дело с людьми?...

— Да, а что тут такого? — удивился Годдар. — Наш Остров торгует с людьми. Это взаимовыгодно... Слушай и учись — вдруг тебе придется однажды покинуть Архипелаг и оказаться среди них!

Моим вниманием завладел молодой человек, который принялся внимательно меня разглядывать. Годдар улучил минуту и что-то ему сказал. Человек коротко кивнул и уставился на меня с явным интересом.

— Родий, — показал он на себя пальцем. — Родий.

— Э-э... Данкор, — представился я.

— Ирматул, — указал человек куда-то вдаль. — Ир-ма-тул.

— Радужный Архипелаг, — подумав, ответил я, показывая на заставу за моей спиной.

Новый знакомый несколько раз кивнул и что-то спросил. Я не понял, покачал головой в знак отрицания.

— Он спросил, какого ты рода, — перевел мне Годдар.

— Не слишком высокого, — ответил я.

Сотник что-то произнес, человек кивнул — мол, понятно. После чего сам сказал несколько слов, указывая на повозки, собравшихся возле них всадников и своего пожилого спутника.

— Он сказал, что занимается торговлей и состоит приказчиком при своем отце, — объяснил сотник. — У них это семейное... Погоди пока. Давай товар! — крикнул он кому-то в задних рядах нашей кавалькады.

Всадники расступились, пропуская вперед колонну из светлых альфаров, гоблинов и троллей. Связанные длинной цепочкой, дрожащие от холода и усталости, многие с синяками и царапинами, они выстроились перед двумя людьми, которые, забыв про эльфов, стали прохаживаться перед ними, внимательно осматривая. Некоторых щупали, цепкими сильными пальцами хватая за плечи, пробуя, насколько крепки мускулы. Других заставляли

открыть рот, чтобы посмотреть зубы.

Я стоял, как парализованный. Годдар ходил вместе с людьми, иногда произносил на их языке два-три слова. Не требовалось перевода, чтобы понять, о чем шла речь.

Работоторговцы!

Конечно, я не был таким уж наивным мальчиком, как вам может показаться. Я прекрасно знал, что светлые альфары считаются рабами, отдельные лорды даже надевают своим слугам ошейники и периодически устраивают набеги на соседей с целью захвата их невольников. По закону живущие на фермах свободны, но если какой-нибудь альфар переступит порог замка — по своей воле или силой — он становится рабом. Многие знатные эльфы, охотясь на фермеров, увеличивают число своей прислуги. Горо, например, был моим личным рабом, разве что я не мог его продать, ибо у нас после восстания орков исчезли рабские рынки. Но чтобы высокородный лорд, да еще лорд-Наместник, за деньги сбывал светлых альфаров людям! О таком я слышал впервые.

Тем временем два торговца осмотрели весь строй и приступили к торгам. То есть торговались и спорили, иногда бросая взгляды на сидевшего в седле лорда Дейтемира, именно старший человек и сам сотник Годдар, а молодой помощник, представившийся Родиём, оказался не у дел. Он подошел ко мне, как к приятелю, посмотрел снизу вверх — я вам уже говорил, что мой рост был моей особой приметой? — и цокнул языком.

— Хорошо, — вдруг сказал он по-эльфийски и добавил несколько слов на своем языке.

Я решительно покачал головой:

— Нет, не хорошо. Торговать разумными существами — это... это мерзко!

— А ты, Данкор, кажется, собираешься учить меня, что хорошо, а что плохо? — раздался за моей спиной вкрадчивый голос лорда-Наместника.

Я обернулся и встретил прямой открытый взгляд.

— Я не собираюсь осуждать вас, милорд, — промолвил я, — тем более что я приносил вам клятву верности. Я готов и дальше вам служить... но только там и тогда, где не будет задета моя честь!

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Благодаря своему росту я мог не запрокидывать голову так, как сделал бы любой другой на моем месте, и, очевидно, со стороны это выглядело значительно. Во всяком случае, лорд Дейтемир внезапно хмыкнул, отводя глаза.

— Я подумаю над твоими словами, Данкор, — промолвил он. — Заканчивай здесь, Годдар. Жду тебя с вырубкой!

Лорд хлестнул коня и поскакал к заставе. Большая часть всадников отправилась следом.

Я тоже не стал досматривать до конца это представление — передачу из рук в руки денег и то, как рабов загоняли в клетки на повозках. Не попрощавшись с людьми, пешком, ведя коня в поводу, направился на заставу.

Лорд-Наместник не забыл нашего короткого разговора — не прошло и пары недель со дня Большой охоты, как через Видящую мне передали короткий категорический приказ: немедленно явиться в поместье-столицу.

Не представляя, что на сей раз готовит мне судьба, я тем не менее не спорил с нею. Коротко попрощался со своими сослуживцами и сотником Годдаром, в последний раз навестил ручей, на берегу которого мы с Ленимирель любили друг друга, и отправился в столицу.

Первое знакомое лицо, которое я увидел, был сотник, лорд Бормидар. Он шел куда-то по делам, но остановился, заметив меня, и махнул рукой:

— Данкор! Какими судьбами? Я верил, что ты не удержишься в изгнании надолго!

— Я не знаю, зачем меня призвал Наместник, — признался я, спешиваясь. — Мы встретились на границе во время его Большой охоты, и там он меня вспомнил.

— А, — протянул лорд Бормидар, — тогда понятно. Лорд Дейтемир не из тех, кто

страдает от кратковременной потери памяти. Советую не расслабляться — тебя скоро потребуют «наверх»!

Он оказался прав. Я не успел возобновить знакомство со своими прежними сослуживцами, как примчался запыхавшийся альфар — меня срочно требовал к себе Наместник.

Тот ждал меня в знакомой библиотеке, но был не один. Вместе с ним находились еще трое — немолодой уже эльф в кожаном доспехе, перетянута крест-накрест ремнями перевязей, на которых висело оружие, и две Видящие. Одну я знал — это была собственная Видящая Наместников Коралловых, Хозяйка Острова. Другую, помоложе, видел впервые. Она оказалась совсем юной, хотя о силе волшебниц не судят по их возрасту.

— Вот он, — просто сказал Наместник Дейтемир.

Хозяйка Острова встала и подошла ко мне. Я наклонился, чтобы она — как назло, небольшая ростом — могла дотянуться до моего лба тонкой ухоженной рукой. Ее прикосновение было ласковым и легким.

— Ты телепат?

Родиться телепатом считалось нормальным — ведь это означало всего лишь умение слушать чужие мысли. Совсем не то, что родиться медиумом. Видящие утверждали, что владеть магической силой — не просто позор, но нечто, недостойное мужчины, от сыновей-медиумов старались избавиться, едва ли не с младенчества отдавая их в Орден.

— Нет, госпожа, — ответил я. — В моем роду никогда не появлялось ни телепатов, ни медиумов, ни тем более Видящих. Правда, я на заставе мог общаться с нашей Видящей — но только посредством амулета.

— Хорошо, — кивнула волшебница. — А теперь закрой глаза и расслабься.

Я сделал все, как она велела, и встал на колено, чтобы ей было удобнее положить руки мне на лоб. Что она делала со мной, не знаю — как многие, я привык доверять Видящим.

— Что ж, — прозвучал некоторое время спустя ее негромкий голос, — вы правы, мой лорд, этот воин нам подходит. Он прямодушен, честен, но умеет быть твердым и трезво смотрит в лицо опасностям. И в то же время лишен некоторых предрассудков, что тоже может оказаться полезным в нашем деле.

— Слышал, Данкор? — окликнул меня лорд-Наместник. — Ты, кажется, говорил, что готов послужить мне в любом месте, где не будет урона твоей чести?

— Да, милорд. — Я открыл глаза, но остался стоять на одном колене. — Мой род не так богат и не так знатен, как некоторые. По сути дела, моя честь — вот все, что у меня есть. Кроме того, я — единственный сын своего отца и должен вдвойне оберегать честь семьи.

— Понятно, — кивнул Наместник. — Мастер Теор, я предлагаю вам взять этого рыцаря с собой на север. Ты уже распаковал вещи?

— Нет, милорд.

— И не распаковывай. Завтра на север отходит караван — я решил основать в горах, у истоков реки Янтарной, поселение, чтобы добывать золото и кое-какие драгоценные камни. Мастер Теор назначен комендантом. А ты, как один из лучших мечников, станешь его правой рукой и помощником. Тебе все понятно?

Я посмотрел на пожилого эльфа. Судя по простым, явно самодельным доспехам, которые представляли собой что-то вроде кожаной чешуи, и тому, что его при мне называли мастером, он не был лордом, то есть у него не имелось своего замка, и он, как его предки, всю жизнь служил другим. Вопреки тому, что о нас говорят люди, далеко не каждый эльф — лорд. Есть лорды, есть высокие лорды, есть высокородные, а есть простые эльфы, которые, как правило, служат рыцарями в войсках у лордов. Многие из них владеют каким-либо ремеслами, например, мастер Теор наверняка был отличным кожевником. Встречались мастера-портные, кузнецы, ювелиры, менестрели, целители и даже садоводы. Две трети из них не владели оружием, в то время как для лорда единственной приемлемой профессией была война. Наверняка для мастера Теора стать комендантом далекой северной крепости — был единственный шанс чего-то достичь в жизни, и то, что я, лорд, оказался всего лишь

помощником у простого эльфа, должно было унижить меня, но я ничем не выдал своих чувств.

— Располагайте мною, мастер Теор!

— Он превосходный мечник, мастер, — сообщил лорд-Наместник. — Думаю, вашему гарнизону этот воин принесет пользу.

— Осмелюсь поинтересоваться, — голос у нового коменданта был глухой, а не звучный, как опять-таки думают об эльфах люди, — на сколько лет этот юноша отправлен на север?

— До особого распоряжения. — Лорд Дейтемир взглянул на меня в упор: — Тебе понятно, Данкор?

Я поклонился, невольно сделав поклон глубже, чем полагалось, чтобы успеть справиться с нахлынувшими чувствами. «До особого распоряжения», скорее всего, означало «навсегда». А это значит, что я больше никогда не увижу...

— Мне все понятно, милорд, — промолвил я. — Разрешите идти?

— Иди. Но завтра на рассвете с вещами изволь выйти к воротам. Ты очень вовремя приехал. Если бы опоздал хотя бы на день, пришлось бы догонять караван в одиночку!.. А мы с вами, мастер, обсудим кое-какие тонкости...

На негнущихся ногах я покинул библиотеку и побрел прочь.

Через несколько часов мне придется покинуть этот дворец навсегда — в том, что лорд-Наместник не позволит больше своему подданному переступить порог поместья-столицы, я не сомневался. Вряд ли мне будет позволено вернуться на Остров и навестить родителей. Я никогда не увижу отца, мать, сестер... Дайнериль уже должна была кого-нибудь родить Этириру... У меня самого наверняка никогда не будет семьи — ведь мое сердце останется тут, заточенное в одной из комнат Кораллового дворца, вместе с той единственной женщиной, которую я готов любить до конца моих дней. Теперь она забудет обо мне, как и я должен буду выбросить из головы и сердца все воспоминания о Наместнице Ленимирель. Ибо там, на севере, в диком краю, где на первом плане окажется желание выжить, не будет места иным чувствам.

Погруженный в свои мысли, я вернулся в казарму. Мои вещи лежали на постели не распакованными. Слуга-альфар нерешительно топтался рядом, увидев мое недовольное лицо, опустил на колени и забормotal извинения. Я вспомнил, что за невыполнение приказа ему грозит участие в Большой охоте, и жестом отослал его прочь. После чего сбросил вещи на пол и, улегшись прямо в одежде на постель, уставился в потолок.

Вернувшиеся с тренировки бывшие товарищи обрадовались моему появлению и засыпали меня вопросами — где я был, почему и надолго ли вернулся, — но я не стал вступать в разговоры. Зачем налаживать отношения, которые никогда больше не возобновятся?

Ночью мне не спалось. Как обычно перед важными событиями, мучила бессонница. Я лежал на постели, слушая спокойное дыхание спящих воинов, и размышлял о будущем. Мало ли что меня ждет в северных горах! Там, кажется, обитают темные альфары и горные тролли. Если темные альфары хотя бы вполнину такие же, как их родичи светлые альфары, там можно будет нормально жить.

Без толку валяться в постели сил не было. Я уже мечтал о северных горах как о месте, где у меня начнется новая жизнь. Там я стану, хоть и формально, свободен от служения Наместнику Коралловому. И пусть самостоятельно не смогу покинуть северную крепость без того, чтобы считаться дезертиром, все-таки контролировать меня напрямую лорд не сможет. Что ж, прощай, старая жизнь! Здравствуй, жизнь новая!

Я встал и вышел из казармы.

Ночь еще не уступила свои права дню — до рассвета оставалось больше часа. Только через час начнутся сборы в дорогу, но проваляться это время в постели я не мог. Остановившись на пороге, глубоко вдохнул свежий ночной воздух полной грудью.

Едва различимая тень шевельнулась во мраке. Кто-то пробирался в сторону казармы,

прячась за деревьями и надворными постройками. Кто-то, явно не желающий быть узнанным.

— Кто здесь? — прошептал я. Проклиная свой высоченный рост, пригнулся и осторожно двинулся на перехват.

— Ох! — Тень отшатнулась, прижала руки к груди и спряталась в тени. — Я... я...

— Ленимирель?

— Данкор!

Гордая леди-Наместница всплеснула руками и бросилась мне на грудь. Обхватила мою шею, прижалась всем телом, вздрагивая и всхлипывая, как потерявшаяся девочка. Я обнял ее, с наслаждением вдохнул запах волос. Мы не виделись две недели, но мне казалось, что миновала целая вечность.

— Данкор, милый Данкор, — шептала она.

— Как ты пришла сюда?

— Я ничего не могла с собой поделать! — Она подняла голову, взглянув мне в глаза. — Когда я услышала, что ты приехал, я ничего, совсем ничего не смогла с собой поделать! Весь день не находила себе места и ночью не смогла сомкнуть глаз. Я должна была тебя увидеть, перед тем... как мы расстанемся навсегда!

Ленимирель всхлипнула и опять спрятала лицо у меня на груди. Я обнял ее, наслаждаясь близостью к самой красивой, самой лучшей, самой любимой женщине мира.

— Скоро я исчезну из твоей жизни, — промолвил я.

— Никогда! — горячо воскликнула она, снова подняла голову и жадно всмотрелась в мое лицо. — Ты никогда не исчезнешь из моей жизни! Пока жива, буду помнить о тебе, потому что ты оставил мне залог твоей любви.

— Что?

Я отстранил Ленимирель, посмотрел ей в глаза. В свое время мне достаточно часто приходилось слушать менестрелей, так что было понятно, что моя возлюбленная имела в виду.

— Да, да. — Ее лицо сияло. — У меня будет ребенок! Твой ребенок! Если бы Дейтемир не увез меня после Большой охоты, ты узнал бы об этом еще на берегу нашего ручья. О Покровители! Я такая счастливая! Мне кажется, я не была так счастлива с тех пор, как вышла замуж. Пусть мы расстанемся, но твой сын...

— Или дочь, — прошептал я.

— Сын! — горячо перебила меня Ленимирель. — Когда я хотела родить девочку, я посоветовалась с нашей Видящей, как мне сделать так, чтобы родился младенец определенного пола. Она кое-что мне рассказала... А сейчас я все делаю наоборот, не так, как говорила она. Значит, должен родиться мальчик! Я обязательно сохраню твоего сына! И всегда буду тебя любить!

— Ленимирель, — только и смог я произнести. Мой мир действительно рушился. Я покидал не просто прежнюю жизнь — я оставлял на Коралловом Острове свою семью. Моя женщина... мой ребенок...

— А как же лорд Дейтемир? — вспомнил я. — Он же...

— Не беспокойся за нас. — Ленимирель ласково провела ладонью по моей щеке, — он ничего не заподозрит. На днях я проведу с ним ночь, и он будет считать, что это — его сын. А даже если что-то и заподозрит, гордость не позволит ему не признать ребенка, тем более если мальчик родится крепким и здоровым. Муж еще будет гордиться... нашим малышом. А я буду смотреть на ребенка и вспоминать тебя.

— А мне не останется ничего, — промолвил я, чувствуя, как сердце опять сжимается в предчувствии боли.

— Я отдала тебе свое сердце. И люблю тебя!

С этими словами женщина поднялась на цыпочки и поцеловала меня. Я не мог не ответить на ее поцелуй. А потом осторожно приподнял любимую и опустился вместе с нею на влажную от росы траву.

Мы расстались через час, с усилием расплетя объятия. Ленимирель поправила сбившуюся сеточку на волосах.

— Ты сделал мне такой подарок, о котором я буду вспоминать всю оставшуюся жизнь, — промолвила она. — Теперь мне намного легче будет перенести разлуку.

— Сбереги моего ребенка, — промолвил я. — И когда он подрастет, расскажи ему обо мне!

— Он будет знать, что у него самый лучший отец в мире! — сказала Ленимирель на прощание. — Он будет... он...

Голос ее прервался. Я догадался, что женщина плачет. Ленимирель никогда не плакала в моем присутствии, и я совершенно не знал, что делать. Но когда попытался снова обнять и прижать ее к себе, она высвободилась из моих объятий и смахнула с ресниц слезу.

— Не надо, — прошептала срывающимся голосом. — Мне пора... Прощай!

Любимая выскользнула из моих рук и убежала, оставив меня одного. Проводив ее взглядом, я вернулся в казарму, взял мешок с вещами и направился к конюшням.

Полчаса спустя мастер Теор, ваш покорный слуга и еще десятка три эльфов покидали поместье-столицу. Рассвет только вступал в свои права, небо было серо-голубым, на востоке за деревьями розовела заря. Большая часть замков еще спала, лишь слуги-альфары сустились, да кое-где поднялись рачительные хозяйки — проверить, все ли в порядке. Я подозревал, что леди Ленимирель тоже не сомкнула глаз и сейчас бродит по сонному замку, делая вид, что поглощена делами, а сама чутко прислушивается к малейшему шороху, надеясь уловить топот копыт наших коней.

— Что не так? — окликнул Теор.

— Все в порядке, мастер, — отозвался я.

— Да нет! — фыркнул он. — За последние полчаса ты обернулся назад уже восемь раз! Что-то забыл? Смотри, парень, в северных горах будет не до лишних воспоминаний! Там идет постоянная война. И если ты надеешься когда-нибудь вернуться, тебе стоит уже сейчас задуматься о том, как ты будешь выживать!

— А вы были в северных горах? — проявил я любопытство.

— Да, недолго, — кивнул мастер Теор. — В одной из разведывательных экспедиций лорда-Наместника. Я добровольно вызвался остаться там, потому что здесь у меня в моем возрасте нет шансов чего-то добиться. А там... там новые возможности... Можно сказать, что это — совершенно другой мир!

— В старом мире я оставил самое дорогое для меня существо, — пробормотал я. — Даже двух самых дорогих существ.

— А я, — в разговор внезапно вступила наша Видящая, — я еще ничего не успела. Только-только покинула Обитель, и меня отправили на север. Первый раз куда-то еду! Скажите, — она обернулась к мастеру Теору, — а там, на севере, очень страшно?

Ее юное миловидное лицо побледнело, исказилось от волнения, и наш командир улыбнулся:

— Не настолько страшно, как может показаться на первый взгляд, госпожа. Там, правда, зимой бывает очень холодно и практически нет деревьев, но в остальном... Там вполне сносно можно жить! Конечно, если не распускаться...

Не прибавив более ни слова и предоставив нам самим додумывать, что хотел сказать этими словами, мастер Теор прищипил коня и вырвался в голову нашей небольшой колонны.

Так началась моя новая жизнь. Правда, тогда казалось, что впереди больше ничего не будет. Как же я ошибался! Впрочем, всему свое время. В те дни я был слишком подавлен расставанием с любимой женщиной, слишком поражен известием о том, что оставляю своего нерожденного ребенка, чтобы думать о чем-то еще.

Два дня наш небольшой отряд — десять всадников-эльфов и двадцать пехотинцев (в горах от лошадей мало толку), а также шесть подвод, на которых альфары-слуги везли припасы и оружие, — шел по Коралловому Острову. Потом, перейдя границу, мы вступили

на Янтарный Остров, второй из восточной группы Островов Радужного Архипелага, и через несколько дней миновали его.

Наша первая ночевка за пределами Архипелага (разоренный орками Мраморный Остров остался дальше на востоке, а западнее был Обсидиановый) вышла напряженной. Мы остановились недалеко от какой-то крепости, давно заброшенной и покинутой обитателями. Видящая некоторое время скользила взглядом по руинам, потом подняла посох и нацелила его на них.

— Странно, — промолвила она пару минут спустя, — эти места покинуты без видимой причины! Жителей не убили, они однажды просто собрали свои вещи и ушли!

— Наверняка они бежали от надвигающейся войны, — пожал плечами мастер Теор, не отрывая взгляда от пламени костра.

— Бежали? И даже не попытались защитить свой дом? — недоуменно воскликнула волшебница. — Но ведь это...

— Не все рождаются воинами, госпожа, — спокойно перебил мастер Теор и кивнул мне: — Иди-ка сюда, Данкор. Посмотрим, что ты за мечник!

С этими словами он встал, поднял с земли два своих меча. Я удивленно пожал плечами. Мы путешествовали вместе уже девять дней, но за это время мастер еще ни разу не вспомнил обо мне, не показал, что как-то выделяет из толпы.

Мы отошли на несколько шагов от костра. Он — с двумя мечами, я — со своим полутораручным мечом.

— И только-то? — Мастер Теор бросил взгляд на мое оружие. — Возьми защиту для левой руки!

Я пожал плечами и достал из-за пояса кинжал. До сих пор мне вполне хватало одного меча. Ну разве что в бою я использовал щит, да и то больше прикрывал им лошадь, чем себя.

— Приступим, — произнес мастер Теор и атаковал так быстро, что я еле успел поднять меч.

Два его клинка двигались легко и быстро, он порхал, как бабочка, и наносил быстрые, точные удары, которые в настоящем бою могли бы стоить мне жизни. Несмотря на небольшой рост и по сравнению со мной относительно хрупкое сложение, он скоро заставил меня вспотеть от напряжения. Я чувствовал, что могу проиграть, и так бы оно случилось, если бы у меня не было кое-какого опыта боев с двумя-тремя противниками одновременно. Только те противники не действовали так быстро и легко. Мечи мастера то летали независимо друг от друга, то дополняли друг друга, действуя как единое целое. Я отступал, кружил, подпрыгивал — и мало-помалу проигрывал бой.

— Достаточно. — Мастер Теор внезапно опустил оружие. Его отнюдь не широкая грудь вздымалась мерно и сильно, — У тебя есть все задатки отличного воина, Данкор, но есть и недостатки. Если бы мы бились всерьез, мне ничего бы не стоило трижды ранить тебя, причем дважды — смертельно. А знаешь почему?

— Вы одинаково хорошо действуете обеими руками, — сказал я. — А я — только правой.

— Молодец, но это еще не все. Дело в твоём росте. Тебе больше подходят боковые удары, а ты почему-то предпочитаешь все время бить сверху вниз.

— Привычка конного боя, — пожал я плечами. — С коня так и бьются.

— Вот именно! А в горах тебе придется отучаться сражаться на коне. Там лошадь иногда становится помехой. Горские племена — а там живут не только тролли и темные альфары, но и кое-кто из людей — вообще не признают конного строя. Их лошади больше используются для перевозки тяжестей. Садятся, чтобы воевать, на них крайне редко. Так что, пока ты будешь замахиваться, какой-нибудь проворный альфар поднырнет под твой меч и ударит тебя в ногу или в живот. По счастью, у нас есть немного времени. Мы будем заниматься каждый вечер. И надеюсь, ты успеешь что-нибудь усвоить.

— Надеюсь, — кивнул я.

— Тогда — в позицию, парень! — жестко промолвил новоявленный учитель, поднимая

оба клинка.

— Почему вы уделяете мне внимание? — поинтересовался я через некоторое время, когда мы остановились передохнуть.

Мастер Теор пожал плечами.

— Просто мне хочется, чтобы ты выжил, Данкор, — промолвил он после паузы.

— Но мы в пути не первый день. Почему вы только сейчас взялись за мое обучение?

— Скажем так — я присматривался к тебе. — Командир смерил меня долгим взглядом снизу вверх. — Тебя навязали мне в самый последний момент, причем сразу рекомендовали сделать своей правой рукой и помощником. То есть взвалить на тебя кучу обязанностей, от которых будет трудно сбежать. Просьба взять тебя на север была высказана тоном приказа, а приказы, как известно, не обсуждаются. Да и тебе тоже не дали времени на размышления. Все это говорило только об одном — от тебя хотели избавиться. Причем избавиться так, чтобы это выглядело как можно естественнее. Зная Наместника Дейтемира, могу предположить, что он изо всех сил старается сохранить лицо. Что такого ты натворил, парень?

«Соблазнил его жену и сделал ей ребенка!» — это была правда, но ее никто не должен был знать. Этого не знал даже сам обманутый муж, и нечего было об этом распространяться посторонним. Поэтому вслух я сказал кое-что другое:

— Я не знаю.

— А я догадываюсь, — ошарашил мастер Теор. — Ты сделал что-то такое, что идет вразрез с понятиями о чести...

— Скорее, это лорд-Наместник сделал кое-что, чего я не могу принять, — возразил я. — Мой род недостаточно богат и знатен, у меня нет ничего, кроме фамильной чести. Кроме того, я — единственный сын у отца и...

— Все понятно. — Командир отсалютовал мечом. — Ты еще скажи, что однажды сделал Наместнику замечание относительно того, что он поступает бесчестно!

— Да так, собственно, и было, — пожал я плечами. — На Большой охоте!

— Ого! — только и сказал мастер Теор, и больше мы к этому разговору не возвращались.

Но каждый вечер, стоило остановиться на привал, он отзывал меня в сторонку и час-полтора в обязательном порядке посвящал моему обучению. Под его строгим придирчивым взглядом я осваивал новые приемы и без конца, до онемения мышц, повторял старые. Каждую свободную минуту мне предлагалось посвящать тренировкам и учиться одинаково владеть обеими руками.

Сначала на наши ежедневные упражнения остальные всадники посматривали искоса, но потом кое-кто начал исподтишка повторять подсмотренные у нас приемы; десять дней спустя, когда мы наконец вступили в предгорья, тренировался весь отряд. Не скажу, что мастера Теора обрадовало такое количество учеников, но возражать против того, что мы начали пробовать его науку друг на друге, он не стал.

Мы, эльфы, жители равнин. Поэтому вставшие впереди предгорья нас неприятно поразили. Уж слишком они отличались от привычных лесов и полей и слишком напоминали любимые места ненавистных орков. Пещеры и вырытые в горных склонах норы — вот самое лучшее для них место обитания. Но никак не для нас. Самая сладкая музыка для эльфа — шелест листвы.

Здесь же лесов практически не было — так, отдельные могучие кедр, мрачные ели и корявые березы. Рощицы за три дня пути мы встретили всего дважды, а самой распространенной растительностью были заросли колючих кустарников, усыпанных синими и красными терпкими на вкус ягодами. Видящая попробовала некоторые из них и сообщила, что из ягод можно готовить отличные настойки, помогающие от расстройства желудка и способствующие усилению аппетита.

Здесь нечего было думать следовать по прямой, и мастер Теор повел нас вдоль берега реки, которая за века проточила в горах целую долину. Это были верховья знаменитой

Янтарной реки, одной из самых больших и полноводных рек Радужного Архипелага. Она пересекала три Острова — Янтарный, наш родной Коралловый и, пройдя через незаселенные участки в середине Архипелага, напоследок «задевала» Топазовый, один из трех западных Островов. Почти все более мелкие реки Архипелага либо были ее притоками, либо впадали в другую большую реку — Паран-Ту, которая потом уходила в Паннорию.

В предгорьях характер нашего движения изменился. Теперь мы почти все время шли пешком, ведя лошадей на поводу, за исключением Видящей, поскольку ни у кого не поднялся язык заставить волшебницу идти своими ногами. На лошадей мы частично навьючили припасы с подвод, таким образом разгрузив их. На каждом повороте мастер Теор пускал вперед разведчиков, приспособив для этого даже альфаров-возниц. Мы то и дело останавливались, дожидаясь, пока из-за камней появится фигура ушедшего вперед дозорного и махнет нам рукой — мол, путь свободен, можно двигаться дальше.

— Здесь уже можно встретить горцев, — говорил мастер Теор. — Недалеко пролегают их караванные и пастушьи тропы. Основные занятия этих племен — скотоводство и торговля, так что в основном это мирные народы, но очень гордые. Если их разозлить, они нам долго не дадут покоя.

Но первыми нас встретили не горцы, а горные тролли.

Есть несколько основных видов троллей — более мелкие и мирные лесные, болотные, ростом чуть выше человека, покрытые бородавчатой слизистой кожей, уродливые, но трусливые, любящие нападать исподтишка, овражные хамстеры, карлики с мерзким характером и, наконец, горные тролли, ростом намного выше человека, серо-зеленые, с чешуей на плечах. Живут эти существа кланами в пещерах и слывут самыми опасными из всех троллей. Они могут вызывать обвалы, туманы, сход снежных лавин. Но опаснее всего горные тролли считались тем, что их небольшие отряды бродили по горам в поисках добычи.

В тот день такой добычей стали мы.

То есть стали бы, если бы не наша Видящая.

Она ехала чуть впереди, немного обогнав нас, плетущихся пешком по горной тропе. Скалолазы из нас никудашные — все-таки выросли на равнинах, — и поэтому мы старались выбирать более гладкие склоны и сейчас двигались вдоль берега реки, выискивая тропу пошире.

Внезапно наша волшебница тихо охнула и схватилась за голову. В другое время мы бы не обратили на это внимания, но Видящая вдруг покачнулась в седле и прошептала:

— Не понимаю...

— Что? — Мастер Теор бросил коня и подошел к ее лошади. — Что вы сказали, госпожа?

— Я не понимаю, что происходит, — протянула она, озираясь по сторонам. — Мне кажется или горы шевелятся?

Мы встали, озираясь по сторонам. Впереди, там, куда ушли разведчики, скалы действительно казались какими-то не такими. Мне почудилось, что прежде у них не было таких острых граней, похожих на огромные зубы.

— Горы не шевелятся, госпожа. — Мастер Теор оглянулся вокруг. — Вам показалось!

— Может быть... Но... смотрите!

Волшебница показала куда-то вперед и вверх. Мы проследили взглядом за ее рукой — там, на склоне, виднелась хрупкая фигурка одного из наших альфаров. Он махал руками, желая, чтобы его заметили.

— Как он туда забрался? — подумал вслух мастер Теор. Свистом он подозвал коня, вскочил в седло и...

— Нет! Нет! Назад! — вдруг закричала волшебница. — Это иллюзия! Смотрите!

Она взмахнула руками, что-то негромко произнесла — и фигурка альфара пропала. Вместо него на скале возник...

— Горный тролль, — выдохнул командир, осаживая коня. — Сомкнуть ряды! К бою!

Быстро спешившись, Видящая снова взмахнула руками, пристукнула посохом о землю

— и иллюзия рассеялась. Три тролля обнаружили там, куда мы направлялись — под покровом тумана они таскали камни, спеша перегородить нам дорогу. Еще четверо застыли на склонах, приготовившись напасть на нас со спины.

Поняв, что их хитрость разгадана, тролли взревели и все вчетвером атаковали наш обоз — трое «строителей» и тот самый, которого мы заметили первым, остались на месте. «Первый» взревел, взмахнув дубиной, сделанной из кости какого-то крупного зверя.

— Луки! — крикнул мастер Теор.

Из пехотинцев половина были лучниками, и десяток стрел тут же взвился в воздух, ища мишени. Боевая эльфийская стрела пробивает орочий доспех, если, конечно, это не особо мощный доспех «хаук», сделанный из шкуры дракона, снятой вместе с чешуей. Но в упор, с близкого расстояния, эльфийские лучники смертоносны... Если их противники не тролли...

Нет, эти существа не носили доспехов, но их шкура от природы была настолько прочна, что стрелы застревали в ней, не доставая до внутренних органов. Все десять стрел вонзились в тела бегущих к нам троллей, но ни один из них не остановился. Лучники успели выпустить еще по паре стрел, прежде чем эта четверка достигла нас.

У копейщиков дела пошли лучше — из шести брошенных копий два не просто достигли цели, но воткнулись в животы бегущим тварям, замедлив их продвижение настолько, что компания достигла нашего обоза не одновременно, а порознь. Один из добежавших размахнулся костяной дубиной, но в это время еще два копья и один меч вонзились ему в живот.

Другой бы тут же скончался на месте от жутких ран, но тролли невероятно живучи. Несмотря на то что меч оставил на его животе глубокую борозду, а одно из копий, сломавшись, застряло в ране, он словно ничего не заметил. Дубина с треском опустилась на голову одного из эльфов, сминая шлем вместе с черепом.

Все это я увидел краем глаза — второму троллю приспичило выбрать противником именно меня. Не знаю почему. Может быть, из-за моего пресловутого роста? Как бы то ни было, на меня надвинулась огромная серо-зеленая масса, на которой из одежды было только нечто вроде коротенькой юбочки.

«Ты не учитываешь свой рост, — вспомнились слова мастера Теора. — Тебе больше подходят боковые удары, а ты почему-то предпочитаешь бить сверху вниз».

Сейчас не дубина, а каменный топор опускался на мою голову именно сверху вниз, и я, вспомнив недавние уроки, поднырнул под опускающееся лезвие. Тролль был выше меня — меня! — на полторы головы, так что этот маневр дался легко. Ударив снизу вбок, я вонзил свой меч ему в живот над «юбочкой» и успел повернуть в ране, расширяя ее, прежде чем удар швырнул меня наземь.

Кожа у тролля довольно плотная, не вдруг пробьешь, а потому я держал меч двумя руками. И, падая, не выпустил оружия, так что лезвие расширило рану и из разреза показались серо-сизые внутренности.

Ударившись о камни, я вскочил, по-прежнему сжимая меч в руках. Тролль, заревев, двинулся на меня, размахивая своим топором так, что я никак не мог подобраться к нему на расстояние удара. Ярость твари была так велика, что я стал отступать, время от времени делая обманные выпады. Противник шел следом за мной, и от каждого его резкого Движения края раны чуть-чуть расходились. Сизые кишки вовсю лезли наружу. Еще чуть-чуть — они поволочатся по камням, а тролль то ли не чувствовал боли, то ли не обращал на нее внимания. Мне ничего не оставалось, только увести его за собой как можно дальше от обоза.

Краем глаза я заметил, что наши дела не так уж и плохи. Разбившись на группы, эльфы атаковали трех троллей, из которых двое уже были ранены. Мастер Теор как раз в тот миг, когда я отвлекся, белкой вскочил на подводу и, держа в каждой руке по клинку, запрыгнул на спину одного из великанов. Задержался на плечах всего на миг, потом резко вонзил оба меча ему в спину чуть выше лопаток, проткнув до самых легких.

Отчаянный вой смертельно раненного существа слился с истошным визгом Видящей. Волшебница не принимала участия в схватке, но сейчас она, стоя на коленях, отчаянно

кричала, схватившись за голову. Думая, что ей грозит опасность, я, не помня себя, рванулся к ней. Мое движение было таким быстрым, что «ведомый» мною тролль резко повернулся и, поскользнувшись на своих собственных кишках, рухнул на камни. От удара рана разошлась еще больше, тролль наконец-то заметил, что с ним происходит, и завыл, двумя руками пытаясь запихнуть внутренности обратно в живот.

Я же бросился к волшебнице, схватил ее за плечи:

— Что, госпожа? Что случилось? Вы ранены?

— Не-э-эт! Нет, — простонала она, вырываясь из моих рук. — Он... колдует... Как больно!

Я поднял голову, озираясь. Взгляд сам собой натолкнулся на тролля, которого мы заметили первым. Тот стоял, сжав кулаки и вроде бы не обращая внимания на то, что внизу гибнут его воины. Вся его фигура излучала... я не маг и никогда им не буду, потому и не могу описать, что я почувствовал, глядя на него. Но внезапно земля под ногами чуть заметно дрогнула. И склоны гор пришли в движение — десятки, сотни камней, увлекая за собой все больше и больше валунов, покатались вниз, прямоком на нас.

— Камнепад!

— Вы должны остановить его, госпожа, — сказал я.

— Как? — Она снизу вверх посмотрела на меня больными глазами.

— Не знаю как, — отрезал я. — Но вы должны. Иначе мы все погибнем!

— Но я не... — Волшебница осеклась, прочтя что-то в моих глазах, и тихо потянула к себе посох.

Время растянулось, стало вязким, как древесный клей. Я знал это чувство — хоть и редко, оно посещало меня в бою на Мраморном Острове, когда, кажется, видишь и слышишь все сразу. Захлебывающийся кровью тролль, отчаянным усилием воли пытающийся встать на ноги... Его напарник, отбивающийся сразу от шестерых копейщиков и мечников... Мастер Теор, закрывающий собой раненого эльфа — каменный топор тролля опускается на скрещенные клинки, и металл жалобно звенит... «Мой» тролль, кое-как вставший на ноги, волоча за собой кишки, бредет ко мне, держа каменный топор вымазанными в крови и слизи руками... Четвертый тролль, привалившийся спиной к подводе под напором наших мечников — у его ног лежит раненый альфар... И катящиеся камни... И волшебница, скороговоркой начитывающая заклинание.

Надо было дать Видящей хотя бы несколько минут покоя, и я встал перед раненым троллем, держа оружие в двух руках. Потом бросился ему наперерез, обманным движением направляя меч снизу вверх.

Тролль поддался на мою уловку — видимо, он никогда не имел дела с мечами — мой клинок распорол ему бедро, оставил глубокую косую царапину. Для человека, эльфа или орка бой был бы окончен — враг должен был истечь кровью за считанные минуты, — но живучесть троллей вошла в поговорку. Мне понадобились еще несколько выпадов и две новые раны, прежде чем мой противник почувствовал себя неудобно. Иссеченные ноги с трудом держали его могучее тело, внутренности волочились по земле, но он еще стоял, покачиваясь, и прилагал огромные усилия для того, чтобы не упасть.

А за моей спиной грохотал, нарастая, камнепад. Я уже слышал грохот сталкивающихся друг с другом камней, земля ощутимо дрожала под моими ногами...

Отвлечшись от истекающего кровью тролля, я обернулся через плечо и замер, пораженный невиданным зрелищем.

Камни действительно летели вниз, но останавливались, достигнув некоей невидимой преграды. В нескольких шагах от подвод и окруживших их эльфов они словно налетали на какую-то стену и задерживались у ее подножия, постепенно насыпая настоящий каменный вал. Чуть присев, держа посох наперевес, Видящая замерла на месте и зажмурилась. Губы ее непрерывно двигались, бормоча заклинание. Лицо покраснело от напряжения, по щекам бежали слезы, но она держалась.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем поток камней иссяк. Подняв голову, я не

увидел тролля на прежнем месте. Когда он исчез, осталось загадкой. Ушли и трое его соплеменников, которые трудились над возведением преграды поперек долины.

— Молодцы. — К нам, прихрамывая и морщась от боли, подошел мастер Теор. Один меч его был сломан, командир кривил губы, словно боялся заплакать. — Чья была идея?

— Его. — Видящая пошевелилась и вытерла рукавом вспотевший лоб, указывая на меня.

— Но самое главное сделали все-таки вы, госпожа, — промолвил я.

— Молодец. — Мастер Теор посмотрел на меня в упор. — Кажется, я в тебе не ошибся. Но дел еще много! Тролли могут вернуться, а потому надо как можно скорее убираться отсюда... Слушай мою команду! — легко повысил он голос. — Раненых и убитых подобрать, сложить отдельно... Госпожа, — обратился он к волшебнице, — вы сможете помочь нашим воинам?

— Мне знакомо искусство исцеления, — кивнула та, — но я отдала так много сил... Мне нужно хоть чуть-чуть передохнуть...

— Нам надо спешить, — сухо промолвил мастер. — Отдохнете на привале... если он будет!

В одном отношении нам повезло — тролли не стали преследовать. То ли их предводитель боялся новых потерь, то ли смутило появление мощной магии, которая сумела перебить его колдовство, а может быть, он просто прощупывал нас и решил, что этот отряд ему не по зубам и проще оставить пришельцев в покое. Так волки, для разминки погнав зверя и найдя его достаточно сильным и выносливым, оставляют добычу в покое и отправляются на поиски более легкой жертвы. Впрочем, если бы они знали, как тяжело далась нам победа, они бы наверняка рискнули и предприняли вторую попытку.

Из трех десятков воинов одиннадцать оказались убиты или ранены. Правда, Видящая надеялась поставить всех раненых на ноги, так что наши потери обещали быть не такими уж великими. Гораздо больше беспокоило то, что из десяти ехавших с нами альфаров двое разведчиков погибли или были схвачены троллями, а из оставшихся слуг только половина могла исполнять свои обязанности. Более легкие и хрупкие, а также, естественно, не обученные искусству боя, светлые альфары сильно пострадали. У одного была сломана нога, у другого — проломлена грудная клетка, третий лишился руки и потерял так много крови, что молодая волшебница всерьез стала опасаться — он не выживет.

— Я ничего, совсем ничего не могу сделать, — плакала она на привале, подойдя к костру. — Тут нужно очень много сил и особые заклинания, а я почти все отдала другим раненым... И я не смогу вырастить ему новую руку, это невозможно!

— Про руку я согласен, госпожа, — кивнул мастер Теор. У него на коленях лежал сломанный меч, и это, кажется, причиняло нашему командиру гораздо больше боли, чем любые физические страдания, — тут ничего не поделаешь, но в остальном... Вы должны попробовать сделать так, чтобы он дотянул до крепости. Там ему помогут.

— Правда? — с детским восторгом воскликнула Видящая. — Помогут?

— Должны помочь.

— Я попытаюсь что-нибудь предпринять! — тут же воскликнула она, вскакивая. — Только... а скоро мы приедем в крепость?

— Послезавтра, если ничего не случится.

Последний день пути выдался самым тяжелым, ибо ночью в верховьях прошел сильный ливень. Узкая речка вздулась от воды, вышла из берегов. А сама низина, по которой мы шли, сузилась настолько, что места оставалось только для одной подводы. Идеальные условия для засады. Масла в огонь подливали мелкая изморось, зарядившая с полудня, и заявление мастера Теора о том, что такая погода — наверняка дело рук горных троллей.

— Главное — не отходить далеко от воды, — убеждал он. — Над реками у них нет власти, так что завести нас в тупик тролли не должны. Но все равно будьте настороже! Мне эта погода не нравится.

Мелкий противный дождь не нравился никому, даже волшебнице, которая, как выяснилось, совсем не умела влиять на погоду. В этом она меня слегка разочаровала — я как-то был уверен во всемогуществе Видящих.

Дождь не прекращался до ночи. К тому моменту, как остановились на привал, он вымочил все вокруг, так что мы не сумели найти подходящего сушняка для костра. И волшебница почти ничем не могла помочь — она весь день занималась ранеными, поддерживала угасающую жизнь в умирающем альфаре и так выдохлась, что еле-еле сумела «высушить» на нас промокшую одежду. На то, чтобы разжечь сырые дрова с помощью магии, не осталось сил.

Последняя ночевка в походе запомнилась мне странными звуками, время от времени доносившимися издалека. Эхо искажало завывания, так что даже мастер Теор не мог сказать, что за зверь их издает.

— В горах кроме троллей и драконов водится много разных тварей, — уклончиво сообщил он. — Большинство опасны для нас, но есть и вполне безобидные существа. Так орать может кто угодно, кроме каменного червя. Этот всегда нападает молча, — «успокоил» нас мастер.

Видящая, сгорбившись под накидкой из лошадиной попоны, медленно сползла с подводы и подняла посох.

— Я попробую что-нибудь сделать, — промолвила эльфийка и ушла в темноту, освещая дорогу загоревшимся в наверху посоха огоньком.

— Иди за нею, — распорядился мастер Теор, кивнув в мою сторону. — Ты достаточно силен и крепок, чтобы дотащить волшебницу на руках, госпожа вот-вот упадет от усталости. Но она должна замкнуть круг защиты... если я угадал, Видящая собирается сделать именно это. Кроме того, в любом случае не стоит оставлять ее там одну!

Обнажив меч, я пошел по пятам за волшебницей. Устало ссутулившись и то и дело спотыкаясь, она брела по камням, обходя лагерь по кругу. Я подобрался поближе, стараясь держаться с внутренней стороны, чтобы и меня завершенное заклятие не посчитало чужаком, и внимательно следил за молодой женщиной, чтобы успеть подхватить ее, если она ослабеет и не сумеет идти самостоятельно. Несколько раз она покачнулась и едва не упала, но, почувствовав мою руку на локте, сумела как-то выпрямиться и самостоятельно продолжить путь.

Волшебница упала, пройдя больше половины пути. Я успел подхватить ее на руки прежде, чем Видящая рухнула на камни.

— Мой посох, — прошептала она, — возьми его... и иди... я постараюсь закончить...

Пришлось подхватить и ее посох, сунуть его под мышку. Я пошел по камням, стараясь ступать как можно осторожнее. Склонив голову мне на плечо, эльфийка что-то тихо шептала, продолжая накладывать заклинание защиты, и замолчала, теряя сознание, как раз в тот миг, когда я завершил круг. На земле осталась тоненькая мерцающая дорожка, похожая на просыпанную муку. Я уложил обессиленную Видящую на лошадиную попону и закутал потеплее, используя свое собственное одеяло.

По ночам в горах довольно холодно. Не имея возможности развести нормальный костер, мы до рассвета сидели, прижавшись друг к другу, урывками подремывали и слушали странные вопли, доносившиеся с гор. Неведомые твари орали с перерывами всю ночь, но близко никто из них подойти не смог.

Утро для нас — перед рассветом я не выдержал и крепко уснул — началось с криков и плача. Выспавшись и во сне восстановив силы, Видящая перво-наперво поспешила к раненым, там ее настигла печальная новость — тяжелораненый альфар ночью умер. Прижавшись к мастеру Теору, волшебница рыдала взахлеб.

— Он умер... умер, — повторяла она. — А я не сумела... я его не спасла... На что я гожусь?

— Не реви, девочка. — Отбросив обычный почтительный тон, каким все эльфы обращаются к волшебницам, мастер Теор гладил ее по голове. — Зато ты спасла нас всех.

Лучше помолись за него перед Покровителями.

Видящая несколько раз всхлипнула, как обычная девчонка, и выпрямилась.

— Помолюсь, — пообещала она неизвестно кому. — И попрошу прощения за то, что не смогла спасти эту жизнь!

Я внимательно смотрел на нашу волшебницу. Она была одной из немногих, кто искренне считал, что и альфары — наши слуги и рабы — заслуживают уважительного отношения. Для себя я решил, что буду заботиться о ней как о еще одной своей сестре.

Несколько минут спустя мы тронулись в путь. Несмотря на печальное начало дня, настроение у всех было приподнятое — цель нашего долгого путешествия оказалась совсем близка. Мастер Теор снизошел до того, что на первом же повороте сам поехал в дозор.

Мы обнаружили его через несколько минут. Не отъехавший далеко командир смотрел на открывшуюся впереди долину.

По сравнению с ущельем она действительно была широка. Один ее склон, противоположный, оказался намного круче нашего. На нем почти не было растительности, кроме чудом закрепившихся кустов. Зато наш, ближний склон мог похвастаться даже несколькими кедрами, а на небольших террасах росла трава. В излучине реки, на скале, стояла небольшая крепость, у подножия которой было достаточно места для того, чтобы с комфортом расположиться на ночлег всему нашему отряду то есть поставить палатки и пустить пастись лошадей.

— Дошли, — негромко промолвил мастер Теор. — Наша крепость. А вон там дальше — поселение темных альфаров.

Я пригляделся, но ничего не увидел.

— Это на том конце долины, — объяснил мастер.

Нас заметили издалека. Обоз еще не успел въехать в долину, а на сторожевой вышке уже задымился сигнальный огонь. Когда мы преодолели полпути, ворота крепости распахнулись, и небольшой отряд конников числом пять или шесть всадников выехал нам навстречу.

— Мастер Теор! — воскликнул передний, осаживая коня прямо перед командиром. — Какая удача! Наконец-то вы вернулись!

— Хвала Покровителям! Слава Покровителям! — послышались голоса среди его сопровождающих. — Это мастер Теор с подкреплением...

— А что у вас случилось? — От приятной расслабленности нашего командира не осталось и следа.

— Бунт, — коротко ответил эльф и, поскольку мастер Теор вопросительно молчал, стал рассказывать, отрывисто бросая фразы: — Вскоре после того, как вы уехали, они как-то узнали, что нас осталось мало. Стали вести себя вызывающе, огрызались. Потом отказались выйти на работу. Нам пришлось применить силу, но нас было слишком мало. Да еще эти их боевые кирки... В общем, если бы не ливень, который наполнил реку водой, они бы давно взяли крепость штурмом, и без того... в подвалах иногда слышны какие-то шорохи. Думаем, они роют подземный ход.

Рассказывал эльф все это на ходу, сопровождая мастера Теора по узкой, едва-едва проехать двум всадникам, крутой тропе, ведущей к крепости, и я, не видя его лица, чувствовал, как мрачнеет командир.

— Да, вовремя мы явились, — промолвил он и обернулся на меня через плечо: — Готовь воинов, Данкор. Отдых отменяется! Сначала мы должны навести тут порядок! Госпожа, нам потребуется ваша помощь!

— Да, конечно, — кивнула волшебница, — только раненых устрою...

— Раненых? — забеспокоился встретивший нас эльф. — Среди вас есть раненые?

— Мы столкнулись с горными троллями, — коротко бросил командир.

Четверть часа спустя наш отряд, пополнившийся остававшимися в крепости рыцарями, спустился по узкой тропе и направился к противоположному склону долины. Я ехал рядом с мастером Теором, за мной по пятам двигалась Видящая, и это для нас двоих рассказывал

командир:

— Там, впереди, селение темных альфаров. Оно тут не единственное — разведка донесла, что в горах, за перевалом, есть еще парочка селений, а также выходы нор подземников. Те два селения мы собираемся взять под контроль чуть позже, что до цвергов, то с ними договориться проще простого — достаточно перекрыть поставки продовольствия, и они наши. Нам сначала удалось как-то объяснить этим тупоголовым гномам, кто здесь хозяин, но, видимо, они недостаточно хорошо все поняли, раз решились на бунт.

— Мы должны его подавить?

— Да. Сделаем вот что. Я беру пехотинцев и отправляюсь к шахтам, а ты с конниками поедешь в селение. Там наверняка остались женщины и дети. С тобой отправится мастер Дойр, — командир кивнул туда, где маячил встречавший нас эльф, — он до тебя был моим первым помощником, так что заодно познакомишься со своим коллегой. Ты здесь новичок, пока слушайся его. Госпожа, — это уже относилось к Видящей, — вас я прошу ехать со мной. И постарайтесь как можно точнее выполнять мои приказы.

Молодая волшебница кивнула, но ничего не сказала.

Двумя колоннами мы пересекли горную речку — пехотинцы шагали по камням, тут и там торчащим из воды, а всадники форсировали ее вброд — и разделились. Мастер Теор повел своих воинов к шахтам, а мастер Дойр заставил нас карабкаться вверх по склону, направляясь в сторону прилепившихся к горе домишек, сложенных из плотно пригнанных друг к другу камней.

Селение жило своей жизнью — двери многих домов были открыты, низкорослые женщины, одетые в грубые рубахи и меховые безрукавки, копошились на небольших огородах и во дворах, ребятня бегала туда-сюда. Заметили нас первыми, конечно, дети помладше, которые не помогали матерям по хозяйству. С громкими криками они устремились к домам.

— Самое главное — не дать им забиться в жилища, — сказал мне мастер Дойр. — Изнутри эти хибары крупнее, чем кажутся, и у каждого дома есть подземный ход в скалу. Если мы кого-то упустим, потом нипочем не достать. А лезть в подземелья... Хей! Хей! — громко крикнул он, вставая на стремянах и выхватывая меч. — Ату их!

Все следовавшие за ним конники закричали и поскакали к селению, в котором уже началась суeta. Женщины бросали дела и хватали детей, спеша укрыться в хижинах. Но всадники двигались быстрее. Склонив копья к земле, они оттесняли альфарок от домов, заставляли бежать в другую сторону, вниз по склону.

— За мной! — скомандовал и я, поскакав к другой половине селения.

Нам, неопытным новичкам, не повезло. Мы сумели изловить только нескольких ребятшек, да и то потому, что они, любопытные, как все дети, не послушались матерей и решили сперва посмотреть, что происходит. Сразу четверых подхватили мои рыцари, забросили себе в седла. Дети отбивались и вопили на разные голоса.

— А, проклятье! — воскликнул один эльф, сражаясь с орущим мальчишкой. — Кусается!

— Заверни его в плащ, — распорядился я. — Главное — не причинить ему лишнего вреда. Тогда...

Я не договорил. Откуда-то из-за низкого каменного загона, где, очевидно, был устроен огород, выскочила пожилая альфара с растрепанными седыми волосами. Заверещав что-то на своем языке, она кинулась на державшего малыша эльфа с рогатиной и, прежде чем всадник успел среагировать, изо всех сил ткнула рогатиной коня!

Раненый конь взвизгнул, взвился на дыбы и сбросил эльфа вместе с орущим что есть сил ребенком. Альфара, победно закричав, кинулась добивать упавшего.

— Ах, ты!

Я направил своего коня наперерез, метнул кинжал и попал ей в руку. Альфара выронила рогатину, схватилась за рану. Мой конь вздыбился. Упавший эльф вскочил, бросился ко мне, так и не выпустив ребенка. Я подхватил маленького альфара, освободив

таким образом воину руки, и тот быстро, выхватив меч, ударил им женщину.

— Ты что? — крикнул я. — Она же...

Камень, просвистевший возле моей головы, заставил умолкнуть. Укрываясь за углами хижин, в домах и за низкими каменными оградами, альфары обстреливали нас камнями. Отовсюду раздавались гневные визгливые крики. Даже не зная языка, я понимал, что нам желают отнюдь не счастья и процветания.

Хорошо, что мы все были в кольчугах и шлемах — иначе среди нас появились бы раненые. Укрывшись щитами, мои воины стали отвечать нападающим. Конечно, стрелять из луков они не могли, натянуть лук означало открыться для града летящих камней, но все же бойцы подняли копья и пошли в атаку. Некоторые нарочно посадили впереди себя визжащих альфарят.

Постепенно наш визит в горное поселение превращался в настоящее побоище. Альфары кидались камнями, бросались на всадников с охотничьими рогатинами, а эльфы отвечали копьями, мечами, стрелами. Спешившись, некоторые пытались разбить двери, за которыми укрывались женщины и дети. Громко командовал мастер Дойр, размахивая мечом. Поперек его седла висела, болтая ногами и отчаянно крича, девушка-альфара.

— Хватаем, кого можем! — командовал он. — Данкор?

— Что происходит? — подсказал я. — Это война с мирным населением...

— Любой из этих «мирных» альфаров с радостью воткнет вам нож в спину, — отрезал мастер. — Мы на войне! Или ты убьешь — или тебя убьют!.. Эй! Гоните всех вон из селения! Хватит!

Около полутора десятков женщин и девушек и почти три десятка детей наши воины сбили в кучу и погнали прочь под градом камней и летящих нам вдогонку проклятий.

Меня догнала отчаянно рыдающая альфара, которая, не обращая внимания на то, что творится вокруг, все прыгала возле моего коня, пытаясь выхватить ребенка. Недолго думая, я сунул ей малыша, и один из эльфов тупым концом копья тут же загнал ее к остальным.

— Данкор! — окликнул меня мастер Дойр. — Скачи к мастеру Теору и передай, что мы захватили столько женщин, сколько смогли. Пусть начинается!

Взятые в плен альфары со жмущимися к ним испуганными детьми сгрудились на камнях на берегу реки. Их подогнали к самой воде, и я потом понял, почему это было сделано — гномы совершенно не умели плавать и боялись зайти в воду. Даже ради спасения жизни они бы не прыгнули в холодные воды Янтарной — если только не хотели покончить с собой нам назло.

Со стороны селения больше не раздавалось криков и проклятий, но из группы пленных неслись стоны и восклицания. «Это война!» — сказал я себе и, чтобы не размякнуть, бросил взгляд на своих воинов. Несколько эльфов получили ссадины от метко брошенных камней. Ранены рогатинами были и некоторые лошади. Что ж, в конце концов, мое дело — выполнять приказы...

Пришпорив коня, я поскакал к шахтам, входы в которые располагались чуть в стороне от селения.

Там события были в самом разгаре. Мастер Теор и пехотинцы, разбившись на небольшие группы, осадили все выходы, перегородив их щитами и камнями. Командир обнаружился возле самого верхнего входа. Держа наготове меч и Щит, взятый взамен второго сломанного меча, он напряженно всматривался в темноту подземного хода. Спешившись, я подошел ближе. В глубине мелькали огни, виднелись чьи-то тени. Тут же, прислонившись к камням и прикрыв глаза, стояла Видящая.

— Ты из селения? — не оборачиваясь, бросил мастер Теор. — Как там?

— Взяли в плен женщин и детей, — промолвил я. — Мастер, неужели мы будем воевать с детьми и женщинами?

— Конечно, это же идет вразрез с твоей честью, — фыркнул тот. — Но у нас есть приказ. Если ты откажешься выполнять еще и его, тебе придется навсегда остаться в этих горах. Наместник просто не сможет засунуть тебя дальше. Разве что посадить на корабль и

пустить в открытое море!

Я прикусил язык. В конце концов, я всего-навсего ссыльный, единственный недоброволец среди всех. А мастер Теор уже обратился к Видящей:

— Что там, госпожа?

— Они хотят уйти, — прошептала волшебница. — Я чувствую — что-то происходит.

— Скачи к заложникам и привези ребенка поголосистее, — распорядился мастер Теор, кивнув мне. — Можно девчонку. И живо сюда! Да не бойся! Не стану я кромсать младенца на куски!

— Только пообещайте, что не будете убивать всех альфаров, не попытавшись договориться! — промолвил я.

— Клянусь кровью Покровителей, мы собираемся начать переговоры!

Я бросился к своему коню. За моей спиной мастер Теор что-то прокричал в глубь пещеры на языке гномов.

Мастер Дойр, разъезжающий вдоль кучки пленных туда-сюда, встрепенулся, увидев меня:

— Ну что?

— Мастер Теор собирается начать переговоры, — коротко объяснил я, направляясь к пленным. Те шархнулись от меня и едва не зашли в воду. Тогда, рывком обнажив меч, ткнул им в сторону той молодой альфары, которой только что вернул ребенка. Она вцепилась в малыша, стиснув его так, что тот даже не пытался кричать.

— Ты!

Остальные шархнулись прочь, а женщина застыла, во все глаза глядя на дрожащий у ее груди кончик меча. Пользуясь оцепенением, я за локоть вытащил ее из толпы и, обхватив за талию, поднял на спину коня вместе с прильнувшим к ней малышом. За те несколько секунд, которые мы стояли рядом, я понял, что выше ее ровно в два раза. Мой далеко не маленький рост и здесь сыграл свою роль.

— Ты вовремя, — приветствовал меня мастер Теор, помогая снять с седла альфару. — А зачем притащил мамашу?

Я ответил командиру мрачным взглядом исподлобья. Пусть думает что хочет, а я буду делать так, как сочту нужным.

По знаку мастера Теора два пехотинца шагнули вперед и оторвали мать от ребенка. Альфара закричала, бросила в мою сторону умоляющий взгляд, и я уже сделал шаг вперед, но твердая рука Видящей остановила меня:

— Не мешай!

Я остался стоять, сжимая кулаки и слушая, как кричит что-то в глубь пещеры мастер Теор, держа на вытянутых руках истошно орущего малыша и стараясь перекричать его. Он говорил на языке темных альфаров, которого я не понимал, но догадаться о смысле сказанных слов не составило труда. Командир объяснял, что у нас в руках женщины и дети, так что мужчинам предстоит хорошенько подумать, стоит ли бунтовать.

Некоторое время только горное эхо металось по пещере, а потом при свете далеких факелов показалась одинокая фигура и что-то прокричала в ответ.

— Они отказываются, — прошептала возле меня Видящая.

— Что? — встрепенулся я. — Как это?

— Не хотят принять наши условия.

— Госпожа, вы понимаете их язык?

— Я читаю мысли, которые они озвучивают, — просто объяснила волшебница. — Гномы полны решимости умереть и готовы пожертвовать ради свободы даже своими близкими.

Видимо, перевод был правильным, потому что альфара вдруг заплакала в руках удерживающих ее пехотинцев и крикнула что-то своему соплеменнику. Тот ответил буквально одним словом.

— Он попрощался с нею, — объяснила Видящая.

— Пойдите, госпожа, — я дотронулся до ее локтя, — но что же это означает?

— А то, что мы можем перебить всех их детей и женщин, — вместо нее ответил мастер Теор, — но они все равно оттуда не выйдут. Эти фанатики опустятся на нижние уровни пещер, обрушат за собой своды и останутся умирать там от голода и жажды.

— Глупо, — согласилась волшебница.

— Они сражаются за свою свободу, — возразил я. — Умереть свободным лучше, чем жить на коленях!

— Сразу видно, Данкор, что ты еще не видел настоящей жизни, — усмехнулся мастер Теор, — потому не понимаешь, что именно жизнь дороже и свободы, и самой чести. Пусть дадут тебе Покровители никогда не оказаться перед выбором, который сейчас, не задумываясь, ты сделал за гномов!

— Вы хотите спасти им жизнь? — догадался я.

— Да, иначе весь поход становится бессмысленной тратой времени и сил. И воины, погибшие на пути сюда, погибли глупо и бездарно.

Я вспомнил альфара, который умер от потери крови, других наших убитых и раненых, посмотрел на перекошенное страхом и страданием лицо пленницы, которая не сводила жадного взгляда со своего ребенка, потом перевел глаза на Видящую и понял, что она думает точно так же.

— Госпожа, — я наклонился к ее уху, — вы можете повторить тот трюк с горами?

— Какой трюк?

— Тот самый, который проделали в ущелье, когда на нас напали тролли? Помните, там был камнепад, а вы остановили его?

— Я не знаю. — Лицо волшебницы вытянулось. — Там была враждебная магия, а я просто старалась перебить одно заклинание другим...

— А вы постарайтесь что-нибудь придумать, — попросил я. — Все, что можете!

Несколько секунд она думала, потом кивнула и отодвинула посох, прислонив его к камням.

— Я попробую.

— Только постарайтесь, чтобы удар был направлен в глубину пещеры, как можно дальше, — посоветовал я. — Настолько, насколько хватит вашей силы!

— Что ты собираешься сделать? — окликнул меня мастер Теор.

— Попытаюсь выманить гномов с помощью магии, если не получится одолеть их силой, — пожал я плечами.

— Хорошая идея! И как я сам до этого не додумался? Госпожа. — Быстро шагнув к волшебнице, командир прошептал ей на ухо несколько слов.

Юное лицо Видящей посветлело, она улыбнулась, кивнула и прижалась к камням, коснувшись их ладонями и лбом.

На несколько секунд все замерло. Казалось, время остановилось. Я слышал лишь собственное хриплое дыхание да стук сердца.

А потом в глубине горы, там, где виднелись огоньки и подсвеченные ими силуэты, вдруг появилась и стала разрастаться золотая волна света. Поток горячего воздуха вырвался из недр пещеры и принес с собой гулкий вздох огромного существа. Послышались изумленные и испуганные возгласы забившихся в пещеру темных альфаров. Я сам едва сдержал крик, когда увидел, что в золотом сиянии медленно разворачиваются кольца огромной змеи. Ее голова была размером с меня, а в разинутой пасти легко мог поместиться гном.

Испуганные крики стали еще громче, когда Видящая резко оторвалась от камня, встала в проходе, раскинула руки и громким голосом начала зачитывать заклинание. Кое-кто из пехотинцев схватился за оружие, готовясь отразить атаку змеи.

— Это иллюзия, — шепотом принялся уговаривать воинов мастер Теор, — просто иллюзия! Сохраняйте спокойствие!

Недра горы дрогнули, и темные альфары не выдержали — побросав оружие, они

скопом ринулись к выходу.

Их было десятка три — низкорослые, бледные от постоянного пребывания в темноте, коренастые, многие с длинными бородами и висящими до груди усами, одетые в выделанную кожу и грубую ткань. У некоторых в руках еще дрожали кирки — не только основное орудие их производства, но и мощное оружие, сравнимое с клевцом. И все же большинство уже побросало свои инструменты. Подбежав, гномы повалились перед нами на колени — то есть перед Видящей и мастером Теором, которые стояли впереди, — и хором что-то залопотали.

Я не понимал ни слова из их языка, но командир спокойно выслушал и кивнул, произнеся несколько слов.

Короткие переговоры завершились тем, что вперед протолкался один из темных альфаров, чьи волосы были такими белыми, что даже его бледное лицо по сравнению с ними казалось смуглым. На его запястьях блестели простые латунные браслеты, а широкий пояс украшали медные бляшки. Запрокинув голову, он быстро заговорил с мастером Теором.

Спор был недолгим. Изборожденное морщинами лицо гнома помрачнело, он произнес несколько коротких фраз и склонил перед эльфом голову. Мастер Теор улыбнулся и кивнул Видящей:

— Снимайте заклинание, госпожа. Помрачневшие альфары, толкаясь локтями и не глядя по сторонам, под конвоем пехотинцев потопали к выходу. К одному из них прижималась всхлипывающая пленница. Мастер Теор поравнялся с нами и подмигнул:

— Чья была идея использовать магию?

— Ну, — опустил я голову, — я подумал, что...

— Что бы ты ни думал, знай, что я горжусь тем, что не ошибся в тебе, — промолвил командир. — Темные альфары не владеют магией. Кроме целительства и кое-каких тайных знаний, которые они используют в работе с поделочными камнями, им не знакомо никакое волшебство. Они поражены нашим могуществом. Страх помог там, где не справились мечи. Можешь себя поздравить — твоя первая победа была бескровной!

Побежденные гномы топтались у входа в пещеру. Кирки, молоты и лопаты неровной грудой валялись у их ног. Окруженные пехотинцами, они жались друг к другу и одновременно сделали шаг назад, когда в сопровождении Видящей к ним подошел мастер Теор.

Командир заговорил, указывая то на волшебницу, то на окруживших ее эльфов. Пока говорил, два пехотинца принесли большой сундук, один из тех, какие я видел на подводе. По знаку мастера Теора его открыли. Он оказался доверху заполнен ошейниками. Мастер по одному доставал их и передавал волшебнице для активизации, после чего воины принялись надевать их на мрачных, насупившихся альфаров. Заодно новых рабов Наместника Дейтемира пересчитали — их оказалось тридцать восемь. Еще около десятка мужчин в данный момент находились вне поселения, они должны были получить эти «украшения» немного позже.

— Это особые ошейники послушания и контроля, — объяснил нам мастер Теор между делом. — Видящие заготовили их специально для темных альфаров. Они будут удерживать гномов от бунта — в случае неповиновения встроенное заклинание сделает за нас свою работу.

Я молчал, глядя на происходящее сверху вниз. Но когда вслед за мужчинами дошла очередь и до той молодой пленницы с ребенком и ее вытолкнули вперед, чтобы надеть ошейник, решительно остановил руку мастера Теора:

— Не надо!

— Что это с тобой, Данкор?

— Не стоит всех стричь под одну гребенку, — объяснил я. — Я уверен, что это — лишнее!

— Их женщины тоже могут быть опасны, — попробовал урезонить меня мастер.

— И все равно, я настаиваю!

— Ну, под твою ответственность, — кивнул мастер Теор, убирая ошейник.

Альфара на протяжении всего разговора, не понимая языка, но догадываясь о смысле спора, переводила взгляд с меня на моего командира и обратно. И когда мастер мрачно кивнул, показывая, что она может быть свободна, ее глаза внезапно наполнились слезами. Прокричав что-то на своем языке, она крепче прижала к себе ребенка и бросилась прочь.

— Она... э-э... выругалась, — перевела Видящая. — В ее сознании царит хаос.

Внезапно что-то произошло. Не являясь жителем гор, я не почувствовал ничего особенного, но альфары заволновались, шарахнулись вниз по склону и едва не сбили нас с ног. Они были так взволнованы, что перестали обращать на нас внимание. В толпе слышались крики. Гномы отступали вниз по склону, к реке, и переговаривались. Кто-то отчаянно закричал, пытаясь дозваться до поселения. Его крики подхватили.

— Каменный червь, — перевел их вопли мастер Теор. — Госпожа невольно разбудила его своей магией и вызвала на поверхность. Всем отступить! — крикнул он. — Оружие к бою!.. Кстати, — это он уже добавил для меня, — шкура каменного червя достаточно прочна и может служить отличным материалом для доспеха — на нее удобно нашивать металлические пластины... Бить его нужно исключительно в пасть. Других уязвимых мест нет.

Волшебница, перехватив посох, водила им из стороны в сторону и что-то шептала одними губами.

— Вон там! — крикнула она, указывая на каменистый склон чуть выше отверстия пещеры.

В толпе альфаров слышались крики. Какой-то гном рванулся вперед, но его удержали товарищи, повиснув на локтях. Он заорал во все горло, брызжа слюной, но тут же упал на колени, завыв от боли — ошейник сдавил шею. Срабатывало заклинание подчинения.

Мне понадобилось нескольких секунд, чтобы понять, что происходит. Молодая альфара с ребенком на руках, явно потеряв голову от переживаний, бежала вверх по склону... как раз в ту сторону, где уже вспучивалась земля и осыпались камни, толкаемые изнутри рвущимся на поверхность каменным червем.

Сорвав с плеча перевязь с мечом, я рывком обнажил оружие и бросился следом за нею в тот самый миг, когда земля и камни полетели во все стороны и уродливая остроконечная голова вырвалась на поверхность в поисках добычи.

Женщина была в нескольких шагах от чудища. По инерции пробежав еще чуть-чуть, она рухнула на колени и завопила во все горло, крепче прижимая к себе ребенка, который вторил матери залившимся плачем.

Похожая на конус голова каменного червя слепо повернулась туда-сюда и безошибочно нацелилась на женщину, которая от страха не могла пошевелиться. Пульсируя, тело кольцо за кольцом стало появляться на поверхности. Голова поднималась все выше, нацеливаясь для удара. На острие конуса появилась и стала увеличиваться воронковидная пасть, усеянная коническими зубами.

Все это я рассмотрел, пока бежал вверх по склону. Мои длинные ноги сослужили отличную службу и помогли добраться до червя и его жертвы как раз вовремя, чтобы размахнуться и со всей силой всадить меч в только что разверзшуюся пасть.

Мне показалось, что клинок нырнул в мягкую вонючую бездну, не встретив особенного сопротивления. С разгону я всадил лезвие до рукояти и на всякий случай провернул несколько раз, прежде чем выдернуть, отступая назад. За моей спиной вскрикнула альфара, я оттолкнул женщину:

— Пошла вниз! Ну же!

А сам приготовился ко второму удару.

Но его не последовало. Червь вдруг задрожал и разинул пасть так широко, словно пытался вывернуться наизнанку. Какая-то слизь потекла между его зубов на камни. Несколько раз дернув головой, он пополз назад, пытаясь уйти в дыру, но на полпути

внезапно обмяк и рухнул на камни.

Как парализованный, я стоял над трупом чудовища. Схватка закончилась слишком быстро, я не успел прийти в себя. Как во сне, увидел мастера Теора, который подошел вместе с еще двумя пехотинцами. Они немного потыкали копьями неподвижную тушу, а потом совместными усилиями перевернули на бок.

Мастер Теор склонился над чудовищем, заглядывая ему в пасть, и едва ли не полез руками исследовать ее на ощупь. А потом выпрямился и, подойдя, похлопал меня по плечу:

— Отличная работа, Данкор! Я все больше убеждаюсь, что не ошибся в тебе! С одного удара разрубить головной ганглий! Надо быть либо очень удачливым, либо... хм... обладать такими длинными руками.

— И полуторачным мечом, — промолвил я, во все глаза глядя на чудовище.

— Двуручный меч тебе подойдет больше, — думая о своем, промолвил мастер Теор. — Я закажу тебе такой. Думаю, если снять шкуру с этой твари, ее можно продать за хорошие деньги!

Он за локоть развернул меня, подтолкнул вниз по склону. Я сделал шаг — и буквально уперся в молодую альфару. Она стояла на том же месте и не сводила с меня глаз. Наши взгляды встретились, потом женщина внезапно протянула мне ребенка.

Понимая, что может значить для матери этот жест, я подхватил малыша одной рукой и зашагал вниз по склону, направляясь к реке, чтобы смыть с меча слизь, оставленную каменным червем. Альфара бежала рядом, ее сородичи и остальные эльфы провожали меня внимательными взглядами, от такого пристального внимания герой, только что зарубивший монстра, чувствовал себя неуютно.

Я еще сидел на камнях у самой реки, положив меч на колени и глядя на бегущую воду, когда ко мне подошел мастер Дойр.

— Ну что, Данкор, — воин положил руку мне на плечо, — поздравляю с боевым крещением. Надеюсь, что эти горы смогут стать для тебя домом!

— Родным домом они для меня никогда не станут, — покачал я головой, глядя на темнеющую на скале крепость.

— Помяни мое слово, — мастер Дойр криво усмехнулся, — постепенно ты привыкнешь. Рано или поздно, но так бывает со всеми!

Я с сомнением кивнул. Тогда я еще не знал, насколько он был прав.

История четвертая

Мститель

Шагая через две ступени, я взошел на смотровую площадку. Здесь дул такой пронизывающий ветер, что не верилось: стоит позднее лето. Скорее, думалось о зиме с ее буранами и метелями.

Часовой, дежуривший тут с ночи, подтянулся, встретив мой взгляд, и покачал головой в ответ на невысказанный вопрос:

— Никак нет, мой командир. Никаких признаков!

Я все-таки решил проверить сам — не потому, что не доверял своим подчиненным, а просто повинуюсь призрачной надежде: вдруг это произойдет именно сейчас? Вдруг это произошло в тот самый миг, когда часовой отвлекся, чтобы поприветствовать своего командира? Я подошел к парапету и вгляделся в даль.

Все-таки отличный отсюда открывался вид на горную долину и горный ручей, весело прыгающий с камня на камень, — будущую реку Янтарную. Речка убегала по долине на юг, протискиваясь между горными склонами, покрытыми множеством камней и редкими кривыми деревьями. Горные скалы на том берегу были усеяны прилепившимися к ним саклями темных альфаров — рассыпанные по склону в видимом беспорядке, они были выстроены в строгом соответствии с родовой традицией, которой горные жители придерживались с еще большим фанатизмом, чем эльфы. В склонах темнели входы в

подземные шахты — возле них было сложено оборудование для переработки и промывания золотоносной руды и отделения драгоценных камней от пустой породы. Трудовой день только начинался, первые рабочие уже потянулись из домов к шахтам. Я лишь мельком скользнул по ним взглядом и опять стал смотреть вдаль.

Но долина была пуста. Как вчера, позавчера и третьего дня. Каковой она оставалась уже много недель и месяцев.

— Что-то они запаздывают, — промолвил за моей спиной часовой.

Вот уже несколько дней мы жадно ждали обоз с Кораллового Острова — с мукой, медом, маслом, овощами, фруктами и приправами, то есть всем тем, чего добыть в горах практически невозможно. Такие обозы приходили четыре раза в год: один раз их приводили люди, которые нигде и никогда не упустят свою выгоду — тогда вместе с продуктами нам доставляли кое-какие предметы быта и роскоши, — а трижды их присылал Наместник Дейтемир Коралловый. Взамен он предлагал отправлять все добытые за истекший отрезок времени золото и драгоценные камни, а также подробные отчеты о том, как идет жизнь в крепости и чего не хватает ее воинам. Наместник обещал помочь, но присылал ровно половину того, что мы просили. Так что человеческие обозы мы всякий раз встречали с распростертыми объятиями. Люди везли свечи, ткани, железные и медные заготовки, которые можно было перековать во все, что угодно — от подков до мечей, — оружие, посуду, всякие мелочи. Даже книги — и те могли доставить и провезти пронырливые человеческие торговцы. Одно в них было плохо: они на равных торговали с нами и с темными альфарами, которые вот уже двадцать лет считались нашими подданными.

Но сейчас мы думали не о человеческом обозе, который традиционно приходил в начале лета, а о «гостях» с Кораллового Острова. Запасы продовольствия подходили к концу, муки, например, осталось всего дня на два-три, а про фрукты и мед мы не вспоминали уже третью неделю. Правда, какое-то время крепость могла бы просуществовать за счет охоты, но всякий поход в горы за местными баранами, куропатками и прочей дичью сопровождался определенными трудностями. Ведь за перевалом охотникам могли встретиться горные тролли. Вообще же такая задержка — почти неделю — за двадцать лет моей жизни в крепости случилась впервые.

— Это ведь не из-за войны? — подумал вслух часовой.

— Наверняка нет, — ответил я, продолжая всматриваться в даль. — Война длится уже четырнадцать лет, а задержек поставок до сей поры не было. Значит, не из-за войны. Нам бы сообщили!

Да, Радужный Архипелаг снова воевал. Только семь мирных лет получили мы после известия о том, что в одном из боев погиб Верховный Паладайн орков. Но слухи оказались ложными — Паладайн выжил, и вот уже четырнадцать лет после его возвращения не прекращались бои.

О боевых действиях в северной крепости, отрезанной от большого мира, узнавали из вторых-третьих рук — все новости привозили обозники. Причем опять-таки лучшими «бродячими менестрелями» были люди, ибо они судили непредвзято и просто рассказывали, кто на кого напал, кто кого и где разбил и сколько было убитых и раненых. Истории, которые привозили наши сородичи, изобиловали красноречивыми эпитетами в адрес «грязных орков» и превозносили «наши доблестные легионы». Но и то, и другое было очень интересно и познавательно слушать.

— А если они не придут? — снова нарушил мои размышления часовой.

— Должны прийти, — уверенно ответил я. — Обоз наверняка задержался из-за боевых действий, но вот-вот прибудет в долину.

— Скорее бы! — мечтательно протянул часовой. — А то представляю, какими мы будем вояками, если у нас закончится продовольствие! Стоит альфарам узнать, что мы голодаем, они тут же поднимут восстание!

С этим я не мог не согласиться. Темные альфары считались нашими рабами, но при этом отнюдь не покорились. В свое время мы немало повоевали с этим упрямым народцем.

Если бы не помощь Видящей, их никогда бы не удалось склонить к повиновению.

И только я подумал о волшебнице, как она появилась.

Высоко подняв подол своего длинного просторного балахона, Видящая через три ступеньки бежала на смотровую площадку. Женщина бросилась ко мне, всплеснув руками:

— Беда, Данкор!

— Что случилось, госпожа? — Я рванулся навстречу. — Восстание?

— Гораздо хуже! — Она горестно вскрикнула и запустила пальцы в волосы. — Я только что получила послание от своей старшей сестры! Темноволосые осадили поместье-столицу!

— Что-о? — хором выкрикнули мы с часовым. — Как осадили? Когда? Почему?

— Это случилось несколько часов назад. — Волшебница со стоном оперлась на мою руку. — Мне прислала мысленное послание старшая сестра, которая была Хозяйкой в поместье-столице. Она рассылала его всем нашим сестрам. Прощалась с нами, говоря, что орки взяли поместье-столицу в кольцо и Наместник Дейтемир с сыном будут сражаться до последнего. Она тоже будет сражаться с ними до конца.

Мы с часовым посмотрели друг на друга. Нет, повторюсь, мы знали, что война идет уже несколько лет, но даже не могли предположить, что буквально за несколько месяцев все изменится настолько сильно. Орки на Коралловом Острове! Враги осадили поместье-столицу!

— А семья лорда-Наместника? — решился я задать вопрос. — Его жена и младшие дети... ребенок? Что с ними?

— Старшая сестра ничего не сказала, — покачала головой волшебница. — О Покровители, что же будет?

— Мастер Теор знает? — помолчав, задал я вопрос. Что бы ни произошло, принимать решения в обход начальства нельзя.

— Да. Я сказала сначала ему, а потом...

— Понятно. — Я коснулся плеча часового: — Поднимай гарнизон по тревоге.

Четверть часа спустя мы с мастером Теором стояли перед сорока шестью эльфами — всем наличным составом нашей крепости. Сбежались даже альфары-слуги.

— Воины, — мастер Теор вытянул шею, став чуть-чуть повыше ростом, — только что нам передали ужасное известие. Вы все знаете, что Радужный Архипелаг уже несколько лет ведет войну с Землей Ирч. Несколько дней назад пришла весть, что полки темноволосых перешли внешнюю границу Архипелага. А только что наша Видящая получила новое сообщение... В осаде находится поместье-столица.

К чести наших воинов, никто не издал ни звука, перебивая командира, но горящие глаза и сжатые кулаки говорили сами за себя.

— В этот тяжелый для нашей родины час, — помолчав, продолжил мастер Теор, — мы не должны оставаться в стороне и вести себя так, словно ничего не случилось. Несмотря на то что наш отряд отрезан от Архипелага, мы по-прежнему остаемся его сыновьями. Сейчас я хочу спросить: есть ли среди вас добровольцы, готовые...

Он еще не договорил, а весь строй, как один, сделал шаг вперед.

— Понятно. — Мастер Теор на миг склонил голову. — Что ж, я не ожидал другого ответа. В таком случае, должен объявить, что нашей заставы больше нет. Мы уходим! Сейчас же! Не дожидаясь обоза, которого, скорее всего, уже не будет. Собирайте вещи. Через час мы выступаем! Разойдись!

Воины бросились в разные стороны — кто-то поспешил заняться вещами, кто-то направился к кладовым, чтобы собрать и увязать в дорогу запасы провизии, кто-то седлал лошадей, как верховых, так и вьючных. Сустились альфары-слуги, помогая нам по мере сил. Мастер Теор недаром гонял нас все свободное время — каждый знал, чем ему стоит заняться перво-наперво и каждый помнил, кому и чем он должен помочь, если справится со своей задачей раньше других. Так что мне, быстро покидавшему в мешок свои вещи и оседлавшему коня, оставалось лишь смотреть, не забыли ли чего-нибудь впопыхах.

Из-за того, что каждый знал свою задачу, у меня все-таки осталось немного времени на размышления. Непрошенные мысли всегда посещают, если приходится расставаться с Местом, которое много для тебя значит.

Двадцать лет! Они промелькнули так незаметно! Казалось, только вчера я впервые увидел эту долину — и вот уже столько времени пролетело! Кто бы что ни говорил, но даже для эльфов двадцать лет — внушительный срок, особенно если изо дня в день занимаешься одним и тем же.

Усмирив ближнюю деревню темных альфаров, мы постепенно подмяли под себя и три соседних поселения, а также взяли под контроль одну из «входных» пещер подземников. Горы во многих местах были заселены этим низкорослым народцем, но на поверхности никто точно не знал, где проходят границы их владений. На картах отмечались только «входные» пещеры — те, в которые они поднимаются по ночам для торговли и общения с внешним миром. Мы захватили одну такую пещеру и, соответственно, поселения, которые располагались к ней ближе всех.

Поначалу темные альфары относились к нам настороженно и даже враждебно — если бы не магия, мы бы никогда не справились с гномами. Но ошейники подчинения, доставленные с Архипелага, и, самое главное, магические способности нашей Видящей сделали свое дело. Постепенно подземный народец смирился, привык, а потом даже стал находить выгодным такой союз. Мы избавили альфаров от постоянных набегов со стороны горных троллей, горских племен и, что немаловажно, каменных червей, а наша Видящая оказалась целительницей. Все это привело к тому, что в конце концов мы даже начали снимать с наших «рабов» ошейники, убедившись в их лояльности к новой власти. Да и время само работало на нас — за двадцать лет подросло новое поколение гномов, которые с детства привыкли к виду нашей крепости, к нашим всадникам и пехотинцам, совершающим обход долины. Особенно кое-кто выделял вашего покорного слугу — из-за бросающегося в глаза роста и некоторых «подвигов».

Шила в мешке не утаишь, когда мы час спустя выехали из крепости, увидели, что от поселения в нашу сторону направляется целая делегация. Лето выдалось жаркое, река слегка обмелела, и некоторые альфары довольно смело прыгали с камня на камень, хотя обычно терпеть не могли воду.

— Жители селения! — прокричал им мастер Теор, подняв руку. — На нашу страну напали враги! Наши дома в опасности, нашим семьям грозит гибель. Мы покидаем крепость. Вы свободны и отныне можете жить так, как хотите, подчиняясь только своим законам... Снимите с них ошейники, госпожа, — добавил он, обратившись к волшебнице.

Ехавшая верхом рядом с ним Видящая подняла руку с посохом, повела им из стороны в сторону, негромко приговаривая что-то себе под нос, и ошейники с тихим звоном раскрылись, половинками падая на камни. Альфары с удивлением хватались за горло, переглядывались, а некоторые присаживались на корточки, чтобы рассмотреть половинки ошейников поближе.

— Мы также оставляем вам крепость, — продолжал мастер Теор. — Заберите себе весь скот, который наш отряд не может взять с собой, а также все добро, которое там отыщете. Это все теперь ваше! Прощайте!

Пока он говорил, я отыскал глазами несколько знакомых лиц. Та самая молодая альфара, которую я когда-то спас от каменного червя, была тут вместе со старшим сыном. За двадцать лет маленький карапуз превратился в молодого мужчину, у которого уже пробивалась первая борода. У него появилось четыре брата и две сестры — в обычае у темных альфаров заводить большие семьи.

Заметив, что я смотрю на них, мать и сын замахали мне руками.

— Ты вернешься, Данка? — прокричала женщина. «Данка» — так звучало мое имя на языке темных альфаров, который я успел выучить за эти годы.

Поднятая в ответном приветствии рука замерла в воздухе.

— Нет, — ответил я и кивнул молодому мужчине: — Береги мать, Акка!

— Мы будем помнить о вас! — пообещала женщина.

Помнить... Память — вот все, что иной раз остается в конце жизни. И хорошо, если кто-нибудь может разделить с тобой твои воспоминания. Я невольно бросил взгляд на оставленную крепость — ворота распахнуты настежь. Если бы мы, эльфы, предавали тела своих павших земле, у ее подножия за эти двадцать лет появилось бы несколько могильных курганов. Но тела погибших в стычках с троллями и горцами мы предавали воде, заговаривая реку, чтобы та отнесла их в море и доверила грозovому шторму, да и то — не всех. Например, ничего не осталось от мастера Дойра, погибшего при первой и единственной стычке с инеистым драконом. Обычно эти звери водятся чуть севернее, этот залетел сюда случайно и банально сожрал второго помощника мастера Теора. Случилось это не так давно, всего четыре года назад.

— Прощайте! Прощайте! — последний раз прокричали та и другая сторона, и наш отряд поскакал вниз по течению Янтарной, оставляя позади целую главу жизни.

От границы до столицы всего один день хорошей скачки, и этот последний день оказался для нас самым тяжелым. Благодаря ежевечерним сеансам ясновидения, которые устраивала Видящая на привалах, мы в общих чертах знали, что происходит в поместье-столице.

Столица держалась девять дней, она оказалась в осаде после того, как недалеко от ее стен орочья армия наголову разбила знаменитые Коралловые Зубы, практически уничтожив элиту наших войск. Спаслись единицы, успевшие уйти в поместье прежде, чем испуганные жители захлопнули ворота. Отставшие попали к темноволосым в плен, после чего орки обложили крепость.

Она держалась еще утром десятого дня, но в тот вечер Видящая наотрез отказалась проводить сеанс ясновидения, сославшись на усталость и «помехи», которые создавали орочьи шаманы. Четыре дня мы терзались неизвестностью, цеплялись за надежды и тут же разрушали их.

Но последние, самые безумные упования рухнули, когда мы вечером четырнадцатого дня подскakали к тому, что еще несколько дней назад называлось поместьем-столицей.

Рощи в окрестностях оказались вырублены под корень, а там, где деревья уцелели, были вытоптаны и выломаны все кусты и трава. Луговину изрыли холмики орочьих могил, среди которых чернели остатки вражеского лагеря — пятна кострищ, оставленные тут и там кучи мусора. На уцелевших деревьях висели тела замученных пленников. Вороны услади расклевать им лица, и мы, хотя прожили последние двадцать лет в состоянии слабой войны с троллями и горскими племенами, порадовались вечерним сумеркам, избавившим нас хотя бы на несколько часов от необходимости прикасаться к изуродованным телам. Видящая опустила голову и тихо забормотала молитву, но все слова замерли у нее на губах, когда мы поравнялись с небольшим курганом.

— Там... там, — прошептала она, меняясь в лице, и покачнулась в седле. — О нет! Это так ужасно!

Я успел спешиться и подхватить волшебницу, прежде чем она без сил сползла наземь. Я, мастер Теор и она единственные были избавлены от необходимости везти либо запасы продовольствия, либо кого-то из своих товарищей. Хотя прикасаться к Видящим запрещено — волшебницы сами стараются не допускать лишних контактов, говоря, что это может «распылить» волшебную силу, — эльфийка ненадолго сама прильнула ко мне, спрятала лицо у меня на груди. Прошло две-три минуты, прежде чем она смогла заговорить.

В этом кургане был похоронен орочий шаман. Шаманов у орков много, но этот был одним из главных и командовал в походе своими «коллегами». Видящая Хозяйка Кораллового Острова сразила его в поединке, обрушив на него одно из самых убийственных своих заклинаний, и Верховный Паладайн орков отдал приказ похоронить шамана с наивысшими почестями, положив вместе с ним в могилу его убийцу. Волшебницу закопали с трупом еще живую, как того требовали обычаи орков. Это произошло в тот самый вечер,

когда наша Видящая отказалась проводить сеанс ясновидения. Она действительно кое-что видела, но нам ничего не сказала, держала боль в себе. И лишь сейчас не смогла справиться с нахлынувшими чувствами.

Последние шаги до поместья мы проделали пешком, ведя коней в поводу.

Все вокруг выглядело нереально и жутко, как во сне. Ворот больше не было — разломанные, разбитые створки лежали в проеме, придавив нескольких защитников. Передний двор расчистили от тел погибших, но у дверей дворца Наместников установили помост, на котором мы с ужасом обнаружили трупы казненных эльфов. Все вокруг было залито кровью, валялись отсеченные части тел. Мастер Теор первым поднялся на помост. Некоторое время он стоял, озираясь по сторонам, а потом тихо поманил меня.

Мне очень не хотелось подниматься по наскоро сколоченным ступеням. Несмотря на то что я лишен каких-либо способностей к магии, меня немного замутило, когда я оказался наверху. Слишком сильна была боль тех, кто до меня поднимался сюда, чтобы ее не почувствовать.

Мастер Теор указал на два тела, вернее, на расчлененные останки двух тел.

— Ты знал их?

Хватило одного взгляда, чтобы понять все.

— Знал, — услышал я свой голос. — Это — наследник Наместника, лорд Дейтемир-младший, и его дядя, младший брат Наместника Дейтемира Кораллового...

— Значит, мне не померещилось. — Мастер Теор стиснул мой локоть, и я с благодарностью оперся на его руку. Думать о судьбе леди Ленимирель и других ее детей мне не хотелось. Как не хотелось вспоминать о самом Наместнике.

Предаваться размышлениям действительно не было времени. Лишние мысли ни к чему, когда предстоит слишком много дел. Верить, радоваться, любить мы начнем позже — если когда-нибудь наступит это благословенное время.

— Страшная смерть, — произнес мастер Теор.

— Мы не можем их так оставить, — произнес я. — Негоже благородным лордам валяться тут, как... как...

— Ты прав, — кивнул мастер и легко соскочил с помоста наземь. Понадобилось всего несколько слов, чтобы остальные поняли, чьи останки мы обнаружили. Некоторые воины вслед за Видящей разразились гневными и горестными восклицаниями, но у большинства хватило сил не предаваться эмоциям. Следовало решить важный вопрос с погребением.

Как я уже говорил, мы хороним своих покойников у воды — за исключением тех случаев, когда тела помещаются в семейные усыпальницы. Однако ни я, ни кто-либо из присутствующих не знал, где находится вход в склепы семейства Наместника Кораллового. Да и кроме двух членов его семьи на площади было разбросано слишком много тел. Большинство принадлежали рыцарям из охраны лорда, его приближенным или даже соседям. Где находятся их склепы, мы тем более не могли знать. А оттаскивать такое количество тел к ближайшей реке, готовить плоты и зачаровывать каждый — слишком дорогое удовольствие. Нас, повторюсь, было всего сорок шесть плюс восемь альфаров, а около дворца лежало почти две сотни тел.

В конце концов нашли компромиссный вариант. Тела знатных лордов, дяди и племянника, завернули в плащи и поместили отдельно, чтобы потом попытаться найти входы в усыпальницы, а остальных уложили на помост ровными рядами. Несмотря на позднее время, альфаров отправили за дровами. Война не пощадила и сады с парками, многие деревья лишились веток и коры и пошли в дело.

Мы работали как проклятые, обшаривая окрестности дворца Наместников и ближайшие надворные постройки. Еще несколько десятков тел нашлось на первом этаже дворца и кое-где поблизости. Среди убитых мужчин нашли нескольких женщин и слуг-альфаров, которых отнесли туда же, на помост. Я со страхом всматривался в каждое лицо, но, по счастью, не нашел никого знакомого, кроме нескольких эльфов из сотни личной охраны Наместника, с которыми когда-то служил.

Уже стемнело, когда высокий погребальный костер был готов, и Видящая дрожащим голосом прочла заклинание огня. Веселые язычки с четырех сторон охватили помост со сложенными на нем телами, разрослись, вскоре бушующее пламя поднималось почти до самых крыш дворца Наместников и далеко виднелось в ночи.

Сомкнувшись кольцом вокруг погребального костра, мы, чудом выжившие, смотрели на пламя, и я чувствовал себя так, словно вместе с телами павших воинов во мне сгорало что-то доброе и светлое. Никогда, даже если случится чудо и наш мир возродится к жизни, мне уже не стать прежним.

Поддерживая огонь с помощью магии, Видящая безостановочно бормотала заклинания, а мы молчали. Но не в наших обычаях провожать мертвых без последнего напутствия.

— Прощайте! — первым, как командир, нарушил безмолвие мастер Теор. — Вы погибли, но выжили мы. И мы не сложим оружия и не успокоимся, пока не прогоним врага с нашей земли.

— Ни один темноволосый не уйдет от возмездия, — подхватил я. — Пока живы, пока можем держать оружие — мы будем сражаться. И либо погибнем, либо отомстим.

— Хорошо сказано, — снова заговорил мастер Теор. — Но думать только о мести не стоит. Нам нужно не просто отомстить — мы должны выжить во что бы то ни стало. Мы должны победить, чтобы возродить Коралловый Остров к жизни.

— Это невозможно, — промолвил кто-то. — После того, что произошло...

— Мы не должны опускать руки, — подала голос Видящая, оторвавшись от заклинаний. — Разве мы остались одни на Архипелаге? Разве темноволосые извели наш народ под корень? Мы живы, и мы должны жить!

— Жить и сражаться! — воскликнул я. — Жить ради тех, кто пока еще жив!

Меня грела безумная надежда — я не увидел тела Ленимирель и ее детей и мог надеяться, что супруга Наместника Дейтемира жива. Сердце говорило, что она не погибла, а это значило, что я должен сделать все, чтобы снова ее увидеть. Кроме того, где-то остались мои родители и сестры, про которых я ничего не знал все эти годы.

— Мы не смогли прибыть вовремя, чтобы встать с вами плечом к плечу, — продолжал мастер Теор, снова обращаясь к тем, чьи тела сгорали на погребальном костре, — но мы пойдем дальше и продолжим ваш бой. Битва не завершена, пока жив хоть один воин.

— Пусть ваши души, поднявшись к престолом Покровителей, расскажут о том, что происходит с их детьми, — промолвила Видящая. — Чтобы Покровители взглянули на свой народ и помогли ему выстоять в этой войне! Молитесь за нас, тех, кто остался на земле!

После этих слов уже никому ничего не хотелось говорить. Мы стояли вокруг костра, пока пламя, завершив работу, не стало гаснуть. Только после этого один за другим разбрелись по окрестностям, ища места для ночлега.

Дворец Наместника выгорел изнутри. В нем не осталось ни одного целого окна, ни одной не сломанной двери. Все было разграблено подчистую — уцелели лишь стены, пол и потолки. Не лучше обстояли дела и в окружающих постройках — складах, конюшнях, домах прислуги. Орки забрали все, что могли унести. Остальное досталось огню. Находиться в этих жилищах не хотелось никому, и мы перебрались в сад, где под деревьями паслись наши голодные кони, отыскивая уцелевшую траву и обрывая листья с деревьев. Лишь Видящая и мастер Теор до последнего оставались у костра и присоединились к нам, когда от него остались угли да пепел.

Я видел, как они пришли — как всегда в минуты сильных переживаний, на меня опять накинута бессонница. Я сидел под деревом, глядя на небо сквозь поредевшую крону, и думал о тех, кого нет с нами. Ленимирель, ее дочь и тот ребенок, который должен был родиться после моего отъезда, сам Наместник Дейтемир, сотник Бормидар, отец, мать, сестры, зять Этирир, сослуживцы по Коралловым Зубам — многие из них остались на поле и стали добычей падальщиков... Кто из них жив, а с кем мы уже никогда не встретимся на этом свете? Что будет с нами? Со всем миром? Неужели Радужный Архипелаг обречен погибнуть?

— Я выживу, — прошептал я. — Что бы ни случилось, я буду жить. О Покровители, не оставьте нас!

Сон сморил меня только перед рассветом, а утро принесло с собой радостную новость — обнаружили выжившие обитатели поместья-столицы.

Как оказалось, наш погребальный костер заметили еще ночью, но опасались высунуть носы наружу, ибо не знали, кто прибыл — эльфы или недавно ушедшие орки. Лишь позже, когда огонь погас, самые смелые альфары подобрались поближе. Их «убедили» наши лошади, ибо темноволосые никогда не ездят верхом, а если и используют животных для передвижения, то седлают горных баранов, которые ржать не умеют. Радостную новость разведчики принесли уцелевшим жителям, которые дождались утра и решили узнать, кто прибыл в столицу. Кроме альфаров выжило небольшое количество эльфов — в основном женщины и дети.

— Лорд Данкор! Лорд Данкор! — прорезал воздух знакомый голос. Расталкивая боязливо жмущихся друг к другу сородичей, навстречу мне вылетела Ларра. Подбежав, альфара подпрыгнула и с визгом повисла у меня на шее.

— О, милорд Данкор! Вы живы!

Ее радостный смех перешел в горестные всхлипывания, и я осторожно отцепил от себя служанку. Она мертвой хваткой вцепилась в мои руки, постанывая и даже подвывая.

— Мой лорд Данкор! Моя бедная госпожа, — только и повторяла она.

Прошло несколько минут, прежде чем девушку удалось успокоить. Мы вместе присели на пенек, вокруг сгрудились остальные и приготовились слушать самый правдивый и самый невероятный рассказ о недавних событиях.

Когда орки вторглись на земли Кораллового Острова, лорд Дейтемир послал гонцов не только к своим вассалам, но и к ближайшим соседям, на Рубиновый, Аметистовый и Янтарный Острова. Все девять дней, которые поместье-столица была в осаде, Наместник ждал помощи, но пришли только те его вассалы, чьи земли находились поблизости. Остальные то ли не успели, то ли решили оборонять свои замки самостоятельно. Лорд Дейтемир до последнего надеялся на помощь, поэтому и не воспользовался Порталами. А когда стало понятно, что помощь не придет, было уже поздно.

— Почему? — удивился я.

В поместье-столице было три Портала — два, так сказать, «общественных» и один личный Портал Наместников Коралловых. Но он мог принять одновременно только трех-четырёх «пассажиров», после чего требовалась подзарядка в течение пяти минут. Таким образом, за час можно было перебросить самое большее пятьдесят эльфов. «Общественные» Порталы могли одновременно принять десять-двенадцать «пассажиров», но они находились возле самой крепостной стены. Один так и вовсе возле запасных ворот, которые орки штурмовали с не меньшим пылом, чем главные. Так что, когда стало ясно, что столица вот-вот падет, никто из женщин и детей не рискнул воспользоваться этими выходами. А что до Портала самого Наместника, то первой через него прошла, раскидав всех остальных, леди Свирель, младшая сестра Наместника Дейтемира, уводя с собой своих детей.

— А леди Ленимирель? — задал я давно мучивший меня вопрос. — Она спаслась?

Голубые глаза Ларры опять наполнились слезами.

— Моя бедная госпожа, — всхлипнула она. — Леди Ленимирель, она... Она осталась рядом со своим супругом. Она сражалась вместе с ним! Она просто не успела уйти через Портал! Она оставалась рядом со своим супругом до конца!

Мне показалось, что небо потемнело. Стараясь, чтобы никто не догадался о нахлынувшем чувстве ревности, я как можно небрежнее задал вопрос:

— Леди оставалась рядом с мужем? Они помирились?

— О да, — вздохнула Ларра и улыбнулась, не ведая, что этой улыбкой причиняет мне боль. — Мы все были так рады за нашу бедную госпожу!

Оказывается, размолвка между супругами прекратилась вскоре после того, как леди Ленимирель родила здорового и чрезвычайно крикливого мальчишку. Первые полгода он

орал на все поместье, стоило к нему подойти хоть кому-то, кроме его матери, так что Дейтемир-младший даже предлагал задушить горлопана. Но едва младенец чуть-чуть успокоился, состоялось торжественное примирение супругов. Леди Ленимирель переехала в свои прежние апартаменты, и они с лордом Дейтемиром зажили душа в душу.

К концу сбивчивого рассказа Ларры я сидел как громом пораженный, ничего не видя и не слыша вокруг. Я не верил, что Ленимирель предала меня, забыв нашу любовь. Скорее всего, ее заставил вернуться к мужу супружеский долг — и традиция, нарушить которую она не посмела. Но все равно слушать рассказ было очень больно.

— Не отвлекайся, девочка, — взял на себя руководящую роль мастер Теор. — Рассказывай про остальных. Где лорд-Наместник? Где леди-Наместница? Они спаслись?

Ларра опять начала плакать.

— Нет, господин, — пролепетала она, размазывая слезы. — Лорд-Наместник погиб на седьмой день осады. Его спустили в семейную усыпальницу, и моя госпожа сама возглавила оборону столицы вместе со своим старшим сыном. Она была на стене, когда орки ворвались сюда, и... и... пропала!

— А остальные? — попытался что-то узнать мастер Теор, но Ларра рыдала так отчаянно, что вскоре он махнул рукой на попытки разговорить служанку и обратился к другим альфарам.

Как удалось узнать от них, эвакуация мирного населения началась поздно вечером на девятый день, когда орки пошли на решительный приступ. Последний штурм длился восемь часов, и все восемь часов Портал работал, до последнего принимая и переправляя в безопасное место мирных жителей. Вместе с леди Свирель и ее чадами ушли многие придворные дамы со своими детьми, даже кое-кто из незнатных эльфиек, а также почти все пажи и некоторые оруженосцы, а с ними несколько эльфов-мастеров. Портал работал до последнего, но все равно было несложно подсчитать, что за восемь часов спастись смогли лишь три с половиной сотни эльфов — примерно десятая часть живших тут прежде. Остальные либо погибли, либо попали в плен.

Что до альфаров, то орки в один прекрасный момент просто перестали их убивать. Ларра сама запомнила на всю жизнь, как ее уже повалил на землю враг и занес над нею меч, но другой остановил поднятую для удара руку сородича и сказал: «Приказ Паладайна! Мелких не трогать!» И ее действительно оставили в живых, только изнасиловали. Впрочем, по сравнению с большинством эльфов, она легко отделалась.

Орки ушли позавчера на рассвете, перед этим согнав в кучу уцелевших альфаров и объявив, что отныне они — подданные Верховного Паладайна и жители его империи. Их обязали честно трудиться и отдавать десятину сборщикам налогов, которые обязательно приедут на будущий год. Несмотря на то что орки взяли все, что могли унести, уцелевшие альфары сумели отыскать в опустевших замках достаточно съестных припасов и вещей, а также домашнего скота чтобы надеяться выжить маленькой общиной.

— Вы правы в том, что собираетесь выжить, — сказал мастер Теор. — Но не считайте себя подданными орков! Мы еще живы! И мы не намерены отдавать нашу землю темноволосым! Эльфы вернутся.

— Я чувствую, что леди Ленимирель жива, — промолвил я. — И я обязательно постараюсь ее найти...

Наш отряд осторожно продвигался вперед, конные приноравливались к пешим. Мы старались издавать как можно меньше шума. Видящая, идущая пешком рядом с конем мастера Теора, водила посохом из стороны в сторону.

— Будьте осторожны, — шептала она. — Я чувствую опасность!

Внезапно волшебница резко остановилась, стукнула посохом оземь.

— Там! Впереди!

По знаку мастера Теора один из эльфов тут же растянулся на земле, прижался к ней ухом.

— Идут, — коротко произнес он. — Темноволосые! Приближаются.

Про нас, эльфов, часто ходят самые разнообразные слухи. Одни мы распускаем про себя сами, другие придуманы людьми или орками. Но в одном все сходятся — и наши друзья, и наши враги. А именно — эльфы отличные следопыты. Мы ведь лесные жители и даже по нашим замкам ходим бесшумно, словно по опавшей листве. Этим, кстати, и объясняется так поражающая людей грациозность наших девушек и женщин.

И теперь мы двинулись вперед, стараясь слиться с окружающим нас лесом. И сумели подобраться к врагам не только быстро, но и незаметно.

Лес расступился, открыв вид на речную долину, где среди высокой травы тут и там торчали одинокие кустарники и даже невесть как сохранившиеся от прошлых эпох обточенные ветрами и временем валуны. Наискосок пересекая долину, мимо нас скорым маршем двигался отряд темноволосых.

Впервые за долгое время мы увидели врагов вблизи.

Их было примерно столько же, сколько и нас, и половина тащила что-то на плечах — награбленное добро, оружие или бочонки с вином. Вторая половина гнала живую добычу — около десятка женщин, трех мужчин и нескольких детей и подростков, связанных длинной цепочкой. Грабители продвигались медленно, пленники невольно их задерживали, ибо из трех мужчин двое были ранены и еле держались на ногах.

Хваленая орочья сметка и звериное чутье, которым они славились, на сей раз подвели удачливых охотников. Они возвращались с богатой добычей и не ждали нападения.

— Данкор, бери десяток и отходи, — шепотом распорядился мастер Теор. — Ударишь с тыла, чтобы они не смогли закрыться пленными. Госпожа, — это относилось к Видящей, — вы сможете как-то отвлечь их внимание?

Я не стал медлить. Быстро отобрав десятерых верховых, рысью прошел вдоль опушки леса, отрезая оркам выход из долины.

А за моей спиной внезапно закачались кроны деревьев, послышался гулкий топот, словно сквозь заросли продиралось какое-то огромное животное. Порыв ветра принес запах мускуса, после чего тишину расколол приглушенный хриплый рев разбуженного монстра.

Иллюзия нашей волшебницей была сотворена мастерски — даже я, бросив взгляд через плечо, чуть не схватился за оружие, когда огромный уникорн выдвинулся из чащи всей своей тушей и повел из стороны в сторону маленькими, налитыми кровью глазками.

Среди пленников послышались испуганные и изумленные восклицания, но орки не дрогнули. Они мигом ошестинились арбалетами, топорами и кривыми мечами — и приготовились встретить опасность. Арбалетчики разом выпустили стрелы, целясь в морду уникорна...

И тот растаял, поскольку даже самая лучшая иллюзия не выдерживает столкновения с реальностью.

Однако орки не успели порадоваться «победе». В следующий миг окрестный лес ответил градом стрел.

Наши боевые луки бьют дальше, чем арбалеты, а на таком расстоянии промахнуться было невозможно. Стрелы налетели прошили двух орков и смертельно ранили еще одного, прежде чем темноволосые поняли, что происходит, и перестроились для атаки. Побросав наземь добычу, они вытолкнули вперед пленников, образовав живой щит.

Соотношение сил у обоих отрядов было примерно равным, тем более что до леса, в котором у пешего есть преимущество перед всадником, было не так уж далеко. Орки, сбившись в плотную группу и прикрывшись щитами и пленными, стали отходить к деревьям.

Мой десяток ждал в засаде, наблюдая за маневрами. У всех оружие было наготове, но пока никто не двигался с места.

— Данкор, — шепотом окликнул меня один из эльфов, — что происходит? Они же могут уйти! Неужели мы позволим темноволосым...

— Они не уйдут, — коротко ответил я. — Мы этого не позволим. Лучники...

В моем десятке было всего четыре лучника, сейчас они плавным заученным движением вскинули луки.

— Пусть подойдут поближе, — распорядился я. — Бить наверняка.

До орков оставалось всего несколько сажень — на таком расстоянии стрела пробивает тело навывлет, застревая уже оперением, и, если враги стоят вплотную друг к другу, после одного выстрела оказывается две жертвы — убитый и раненый.

— Мечники...

Мой меч с тихим скрежетом покинул ножны. Это послужило сигналом.

Четыре стрелы, вылетев из-под полога леса, в который стремились орки, поразили четверых темноволосых воинов, те умерли, даже не успев этого осознать. Тут же навстречу изумленным врагам вылетел мой десяток.

Наша атака была такой стремительной, что орки не успели прикрыться пленными и представляли для нас отличную мишень. Не было у них времени и на то, чтобы достать арбалеты.

Вдесятером мы схватились с превосходящими силами противника. Стоя чуть впереди нашего маленького строя — меня с боков защищали два всадника, — я работал двуручным мечом, прорубая путь на ту сторону, где находились пленные эльфы. Мой двуручный меч — подарок лорда Дейтемира в честь победы над каменным червем — раз за разом описывал полукруги, и ни у одного орка не было шансов прорваться за невидимую границу, которую я очерчивал его кончиком.

Наконец части противников удалось вырваться из тисков, в которые мы их зажали. Перебросив щиты на спину, покидав добро на землю, уцелевшие из всех ног бросились бежать.

— Догнать! — Мастер Теор вздыбил коня. — Чтобы ни один не ушел!

Я свистнул, подзывая своего коня. Четверо лучников уже развернулись и пускали стрелы вслед бегущим, целясь по ногам. Но высокая трава мешала прицелиться как следует, так что из полутора десятков до спасительного леса добежало больше половины.

В лесу орки рассеялись, спасая каждый свою жизнь, так что мы тоже волей-неволей разделились. Каждый преследовал «своего» врага, не обращая внимания на действия остальных.

Свесившись с седла и держа меч на отлете, я гнал коня по пятам удиравшего от меня орка. Невысокий и коренастый, он перебирал ногами с такой скоростью, что довольно долго составлял конкуренцию моему коню.

И все-таки одно дело — пара выносливых ног, и другое — настоящий эльфийский скакун. Высоко поднимая передние ноги и по-козлиному подпрыгивая при каждом скачке, он быстро нагонял орка. Привстав на стременах, я улучил миг и крутанув меч в руке, обрушил его со всей силой на закрывающий спину беглеца щит.

Жеребец в этот самый миг сделал прыжок, что еще больше усилило удар, но щит выдержал. Не выдержал орк под ним. Сбитый с ног, он рухнул плашмя в траву, и мой скакун вздыбил над ним копыта.

— А-а-а-а, — на одной ноте заверещал враг, колотя руками и ногами по земле и пытаясь отползти подальше в кусты. — Не бей! Все скажу! Все сделаю!

Я спешился, поднимая меч для последнего удара. Орк, напоминавший сейчас черепаху, полз прочь от меня, и я хорошенько наподдал ему ногой, чтобы перевернуть на бок — мне не улыбалось полчаса долбить щит, откалывая от него по щепочке.

— Не на-а-а-а... — заверещал супостат, но я уже занес меч. Отчаянный визг захлебнулся, сменившись хрипом и бульканьем, но стихло и оно, когда я добил врага.

И только тут заметил, что передо мной лежит совсем мальчишка. Конечно, я не разбираюсь в орках и не представляю себе, сколько они живут и как быстро развиваются, но внешне воин был совсем молодым, явно недавно вышедшим из подросткового возраста.

Я убил мальчишку... Но этот мальчишка пришел сюда с войной. Он и ему подобные принесли на наш Архипелаг боль и горе. Почему я должен щадить одного из тех, кто,

окажись он на моем месте, не пощадил бы меня?

Подозвав коня, вскочил в седло. Где-то за деревьями запел сигнальный рожок. Значит, мы победили, и мастер Теор созывает своих.

Убегая, орки побросали почти все добро и, конечно, пленных, которых теперь им не с руки было тащить за собой. Сейчас нас горячо благодарили семь женщин, четыре Девушки, два рыцаря, мастер-ювелир, с десятков детей и подростков. Это были выжившие обитатели замка, расположенного чуть в стороне от поместья-столицы.

— Мы прятались в охотничьем домике, куда нас отправил мой супруг, — рассказывала леди Тиньэрель, между делом ловко перевязывая рану одному из воинов. — С нами было еще пять рыцарей и мастеров. Все другие остались на стенах. Сидели почти трое суток, боялись нос высунуть, пока не рискнули отправиться назад. Мне подумалось, что, если все это время стоит такая тишина, значит, война закончена, темноволосых прогнали и можно возвращаться... Тут на нас и напали. Мы пытались защищаться... но неудачно. И если бы не вы...

Девушки тут же начали всхлипывать, причитать, поминать свои горести и оплакивать погибших.

— Мы могли бы проводить вас в ваш замок, если он находится неподалеку, — предложил свои услуги мастер Теор.

— О, это было бы чудесно! — всплеснула руками леди Тиньэрель. — Дети, поблагодарите благородных лордов за помощь!

Одна из девушек и самый старший из подростков тут же кинулись к нам.

Мастер Теор смутился, когда его назвали лордом.

— Я простой мастер, — стал отнекиваться он, — и мой род никогда ничем не был знаменит. Просто мои предки поколениями служили предкам лорда Дейтемира, еще до Смутных времен. Лорд у нас Данкор.

— Данкор из Дома Дармира, — представился я, после чего был атакован не только матерью и дочерью, но и остальными женщинами и девушками.

Видящей пришлось дважды стукнуть посохом о землю, чтобы привлечь наше внимание.

— Кругом враги, — прошептала волшебница. — А что, если тот отряд был не единственным?

— Данкор, — тут же окликнул меня мастер Теор, — бери свой десяток и вперед, на разведку.

Я почувствовал горячий прилив благодарности к командиру, подозвал подчиненных и с некоторым облегчением покинул леди Тиньэрель. Не то чтобы я чурался женского общества — просто с некоторых пор мое сердце было занято. Должно было произойти нечто необычайное, чтобы в нем нашелся маленький свободный кусочек, куда я мог бы впустить кого-то еще.

Спешившись, мы растворились в лесу. Наш Архипелаг воевал с темноволосыми достаточно давно, чтобы мы кое-что знали об их обычаях. Например, орки не слишком любили лес и старались обходить чащу стороной. Если же обстоятельства заставляли их входить в глубину леса, они старательно ломали и вытапывали подрост на своем пути — за исключением тех случаев, когда орк посылался в разведку. Тогда он крался не хуже любого из нас. Мы опасались таких же, как мы, разведчиков.

Однако все обошлось. Лес впереди и вокруг был спокоен настолько, насколько это вообще возможно. Над головами перепархивали и перекликались птицы, несколько раз мы вспугивали зайцев и белок. Лес определенно был живым и вел себя так, словно никакая война не прошла по этим местам.

Мы шли не строем, рассыпались так, чтобы не терять друг друга из вида, с одного из флангов вдруг раздался переливчатый свист. Так в горах свистят маленькие птички каменки, когда замечают возле своего гнезда чужака. Я сразу понял, что это сигнал тревоги. Ответив свистом, махнул рукой ближайшим воинам, призывая присоединиться ко мне, а сам

поспешил на зов.

В той стороне лес редел, уступал дорогу молодому веселому березняку, за которым начинались поля. Через березняк, срезая путь, спешил орочий отряд.

Враги явно только шли на «охоту» — кроме оружия, у темноволосых не было ничего, да и двигались они стремительным шагом. Отряд должен был пересечь нам путь, но мы не могли допустить, чтобы супостаты ушли безнаказанными.

— Спешу к мастеру Теору, — коснулся я локтя одного из подчиненных. — Передашь, что мы видели. Будем «пасти» темноволосых.

Гонец умчался, легко перепрыгивая через кусты и поваленные деревья, а мы, крадучись, двинулись за орками. О том, чтобы вступить с ними в бой, не могло быть и речи — темноволосых было раза в три больше, чем нас.

Мастер Теор нагнал через некоторое время. К моему удивлению, вместе с ним примчались леди Тиньэрель, ее дочь, сын и еще несколько эльфов из числа спасенных.

— А вы что тут делаете? — напустился я на недавних пленников.

— Я тоже имею право сражаться и мстить за своих близких, — заявила леди. В ее руках был меч, взятый, видимо, у одного из эльфов. Вооружились и подростки.

Я покачал головой, но сурово сдвинутые брови мастера Теора заставили меня прикусить язык. В самом деле, многие знатные эльфийки умеют обращаться с оружием. Для лорда нет ничего зазорного в том, что его дочери проходят науку обращения с мечом, скачут верхом и стреляют из луков. Да и не было сейчас времени спорить и выяснять отношения. Орки уходили.

— Открыто напасть на них мы вряд ли сможем, — заметил мастер Теор. — У них преимущество в численности. Значит, нужна ловушка. Миледи, — обратился он к леди Тиньэрель, — вы согласитесь сыграть роль приманки?

— Что надо делать? — спросила та.

— Все очень просто. Вы должны повести себя так, чтобы орки погнались за вами. Вы — мирные жители, заблудились и неожиданно для себя оказались перед носом врагов.

Леди переглянулась с детьми и крепче стиснула меч.

— Вы нас... э-э... подставите? Но это...

— Мы на войне, миледи! — перебил мастер Теор. — Если мы их упустим, они пойдут дальше и наткнутся на кого-то еще. Неужели мы будем стоять и ждать, пока эти звери пойдут обратно, уже с добычей?

Женщина задумалась, но ее собственные дети не дали ей времени на размышления.

— Бежим! — Быстро схватившись за руки, брат и сестра кинулись вперед. Другой рукой мальчик успел взять за запястье вторую девушку. — Скорее!

— Теллор! Таллирель! — крикнула леди Тиньэрель. — Куда вы?

— Заляжешь справа, — кивнул мне мастер Теор, устремляясь за беглецами.

Безумный, скоропалительный план тем не менее сработал отлично. Орки все-таки были слишком воинами, чтобы упустить хоть что-то из вида. Подростки с догонявшей их леди Тиньэрель выскочили на открытое место, когда отряд темноволосых уже почти прошел мимо, но их все равно заметили.

— Куда вы? С ума сошли? — вслед за детьми выскочила из леса женщина. — Назад!

Молодые эльфы попятились. Девушки завизжали хором так пронзительно, что даже мне захотелось заткнуть уши, после чего все развернулось и что было сил припустили обратно в чащу.

Командир отряда орков проревел короткий приказ, и примерно половина отряда сорвалась с места, устремляясь в погоню. Все произошло так быстро, что мы еле успели занять позицию для засады.

— Лучники, — прошептал я, — ...товсьсь...

За кустами я не видел мастера Теора и его половину отряда, но знал, где они засели, и, когда преследовавшие эльфов орки пронеслись мимо нас, дал знак.

На близком расстоянии стрелы насквозь пробивали тела. Тем более что орки почти все

были без доспехов, ибо разве можно считать нормальными доспехами кожаные рубашки с нашитыми на них роговыми пластинами? Хорошая боевая стрела может пробить даже кольчугу.

От первого залпа сразу шесть орков упали наземь, еще четверо было ранено. Второй залп почти весь пропал впустую — орки успели развернуться и выставить щиты, так что больше половины стрел с глухим стуком ударились в дерево, и лишь две-три попали в ноги и руки.

— Отходи! — скомандовал я, видя, что враги направляются в нашу сторону. Среди них нашлись арбалетчики, которые начали стрелять на ходу. Несколько первых болтов прошили листву совсем рядом, просто чудом никого не зацепив.

Но мы свое дело сделали — орки ненадолго забыли о беглецах, а отвлечься от нас их заставил мастер Теор, ударивший в незащищенный бок отряда.

Орки развернулись к новой опасности, и мы не замедлили этим воспользоваться. Я первым выскочил из кустов, Держа наготове двуручный меч, и со всего размаха обрушил его на ближайшего врага.

Несколько минут спустя все было кончено. Я вытер меч о траву. Рядом лучники вырезали стрелы из тел убитых врагов — нам приходилось это делать, потому что пополнить запасы было неоткуда. Орочьи арбалеты нам не подходили по размеру. Другое дело — мечи и топоры.

— Вот это да! — Леди Тиньэрель все это время пряталась в зарослях вместе с подростками и только сейчас рискнула высунуть нос наружу. — Что вы намерены делать дальше?

— Идти к остальным оркам, — ответил мастер Теор. — Там половина отряда. Если мы заставим их ждать, они начнут волноваться.

— А ни один хозяин не оставит гостей в одиночестве, томиться ожиданием, — сказал я. — Тем более если гости незваные...

Со всех сторон слышались смешки.

— Это понятно, — холодно кивнула леди. — Хотелось бы знать, что вы будете делать вообще?

— То же, что и всегда, — пожал я плечами. — Воевать! И, закинув на плечо меч, направился в ту сторону, где вторая половина орочьего отряда ждала вестей от своих товарищей.

Маленький костерок горел почти без дыма, давая совсем немного света — буквально в паре шагов от него все погрузилось во тьму. Лишь кое-где, если присмотреться, можно было заметить такие же огоньки. Над каждым виднелась коренастая фигура.

Орочий лагерь спал. Большинство орков устроилось на земле, благо еще длилось лето, и выносливые воины могли не утруждать себя устройством палаток. Обычно на марше палатки ставили лишь для командиров, а для простых воинов в лучшем случае натягивали навесы от дождя и ветра.

Сейчас почти все спали, кроме часовых. Одни сидели у костерков, поддерживая огонь и глядя в темноту, другие не спеша обходили лагерь.

Медленно, прижимаясь животом к земле и лишь иногда поднимая голову, чтобы оглядеться, я ползком пробирался по лагерю. Пришлось оставить громоздкий меч и вооружиться трофейными орочьими клинками — широкими тяжелыми тесаками, которые орки называют «талгатами». А что еще делать, если другие мечи слишком легки для меня?

Несмотря на то что ночь была темной, я прекрасно видел, куда ползу. Очень осторожно, стараясь не делать ни одного лишнего движения, вместе с десятком добровольцев продвигался в сторону орочьего обоза, оставив в стороне спящих у костров воинов. Руки чесались подобраться к спящим и перерезать им глотки, тем более что сорок эльфов за несколько минут могут нанести большой урон войску, прежде чем кто-нибудь поднимет тревогу. Но мастер Теор отправил меня в обоз. А сам подбирался к лагерю. Он и

ушедшие с ним эльфы должны были отвлечь внимание от нас, а мы — от них. Еще до начала операции договорились, что, услышав шум, поднятый соседями, бросим все и удерем, пока не поздно.

Как и у любой армии, у темноволосых был свой обоз — на подводах тащили разобранные части осадных машин, там же везли продовольствие для целой армии, транспортировали раненых, гнали пленных. Сейчас подводы были составлены полукругом, оберегая лагерь от нападения. Пленных устроили тут же. За плетеной изгородью вповалку лежали эльфы — в основном женщины и подростки.

Чья-то рука коснулась моего локтя. Я обернулся — на меня в упор смотрели широко распахнутые глаза.

— Там наши! — прошептал подросток.

— Вижу, Теллор, — кивнул я. — Тише! Ищи, где у них припасы.

— А они? — Подросток кивнул на пленных. — Мы так и оставим их здесь? И даже не попытаемся спасти?

— Ты с ума сошел, — прошипел я, подтягивая Теллора поближе и шепча ему прямо в ухо. — Нас здесь два десятка, а темноволосых только в охране не менее двух сотен! Всех порежут на куски!

— Но... но, — послушание боролось в Теллоре с юношеским максимализмом, — мы должны хотя бы попытаться! Это бесчестно — оставлять эльфов в плену!

Умом я понимал, что он прав. Но подставлять остальных не хотелось.

Подобравшись к подводам, мы рассредоточились. Я тихо приподнялся и осмотрелся, стараясь не делать лишних движений.

Под подводой и вокруг нее вповалку спали орки. Тихо подполз к ближайшему... затаил дыхание... примерился...

Одна рука легла на рот, глуша крик, в то время как вторая от души мазнула по горлу спящего. Орк дернулся, захрипел, но я уже отпустил его и поспешил к другому. Потом — к третьему. Так и резал их — спокойно, как подраненную дичь на охоте, ничего не чувствуя и не думая. Это была моя работа.

— Готово! — шепнул я, вытерев нож об одежду последнего. — Вперед!

Несколько теней неслышно окружили подводу. Двое вскарабкались на нее, другие остались снаружи. Пока воины перегружали мешки, я пробрался дальше.

Костерок освещал небольшой клочок земли. Над ним на бревнышке сидел здоровенный орк. Ссутулившись, он опирался на копье. Рядом темными кулями лежали его соратники. Стараясь не делать лишних движений и внимательно следя за тем, куда поставить ногу, я подобрался ближе...

И встретил внимательный, чуть удивленный взгляд.

Несколько секунд мы с часовым пялились друг на друга.

— Arrrr... — В горле орка заклокотало сдерживаемое рычание. Он начал приподниматься, но тут я, резко выпрямившись, рванулся вперед и взмахнул ножом. Мы оказались так близко друг от друга, что орк не успел ни уклониться, ни защититься. Лезвие до рукояти вошло в его живот. — Arrrrxx, — зарычал с придыханием часовой, одной рукой схватывая за рану.

Я перехватил его свободную руку, отводя удар, боднул его головой в лицо. Зажимая рану на животе, враг рухнул наземь.

— А? Что? Где? — Несколько голов приподнялось над землей. Еще не проснувшись, орки уже тянулись к оружию.

Быстро наклонившись, я подхватил копье, выпавшее из рук часового, и пригвоздил к земле ближайшего воина.

— Уходим!

Рядом со мной с земли прыжком поднялся еще один орк, но рухнул обратно, когда я выдернул копье из тела его соратника и вонзил ему в живот.

Темные тени уже попрыгали с подвод, нагруженные мешками и узлами. Десять эльфов

несли добычу, остальные десять должны были прикрывать их отход.

Раскидав ринувшихся, чтобы перехватить меня, орков, оставив нож в чьем-то животе и разжившись вместо него третьим талгатом, я вырвался из лагеря и быстро пересчитал подчиненных. Десять «грузчиков» и восемь... Не может быть?

— Где Теллор? — прошипел на бегу.

— Не знаю... — У ближайшего эльфа вытянулось лицо. Но мы оба уже знали ответ.

В лагере рабов поднялась суматоха. Там метались какие-то тени, слышались голоса и крики. Часовые поднимали воинов по тревоге, одни спешили к лагерю, а другие метались между подвод. Практически одновременно и на другом конце лагеря, где должна была действовать группа Теора, поднялась паника.

— Всем к лесу! — на бегу скомандовал я. — Ждать мастера Теора и уходить с ним!

— А ты, Данкор?

Но я лишь махнул рукой, устремляясь на поиски Теллора.

Сын леди Тиньэрель, которую мы с ее домочадцами доставили в целости и сохранности в замок, решил присоединиться к нашему маленькому отряду. Не помогли ни слезы матери, ни наши с мастером Теором увещевания. Подросток твердо решил, что его долг — воевать. В конце концов мы взяли мальчишку с собой, но прежде заставили поклясться во всем слушаться старших и поступать только так, как они прикажут. Он был с нами всего несколько дней — и вот на тебе! Да я его... Да я ему...

Через поле, толкая друг друга, бежало несколько эльфов — мужчины, женщины, дети, — преследуемые орками. Страх и отчаянная надежда придали беглецам сил, но до леса было еще очень далеко, а долгий переход накануне отнял у них слишком много сил. Их должны были переловить всех, а потом орки могут устроить охоту, прочесывая окрестные леса. По поднятому в лагере шуму они наверняка уже сообразили, что тут действовали партизаны. Значит, из-за действий одного мальчишки в опасности мы все.

— Теллор? — не в силах сдерживаться, позвал я. — Где ты?

Негромкий крик прозвучал неподалеку, а потом я увидел его. Теллор бежал, поддерживая какую-то девчонку, у которой от страха заплетались ноги.

— Теллор!

Догнавший их орк, недолго думая, замахнулся топором на длинной рукояти. Один удар и... И я метнул трофейный талгат.

Попасть в движущуюся мишень практически невозможно, но мне повезло — талгат со всего размаха ударил орка рукоятью в лицо, тот взвыл, выронил топор и схватился за глаз. Теллор и висющаяся на нем девчонка вильнули в сторону, но это была временная удача. Они не успевали добежать до леса...

...Из которого внезапно, мыча и вращая глазами, выскочил уникорн...

Я громким криком приветствовал нашу Видящую и созданную ею иллюзию. Пригнув голову к земле, уникорн повел острым рогом туда-сюда, словно оценивая обстановку, а потом, заревев, кинулся наперерез бегущим к лесу эльфам. Те брызнули врассыпную, а орки, наоборот, приостановились, во все глаза глядя на огромного зверя. И только когда уникорн, сопя и фыркая, пронесся в нескольких шагах от остолбеневшего меня, я понял свою ошибку.

Это был настоящий, живой уникорн! Но откуда он взялся?

Позже я узнал, что Видящая не стала тратить силу на создание иллюзии, которая хорошо выглядит, но совершенно безобидна. Она с помощью заклинания поиска нашла поблизости настоящего уникорна и внушила ему напасть на лагерь орков.

Пригнув голову к земле и оглушительно ревя, уникорн пронесся мимо меня и, расшвыряв кинувшихся ему наперерез орков, ворвался в лагерь, попутно сбив одну из подвод.

— Отходим! — крикнул я, уже не таясь. — Всем отходить! Мимо меня бежали эльфы. Преследовавшие их орки растерялись — куда бежать? В конце концов, враги разделились, часть повернула назад. Прикрывая отход товарищей, я схватился с ближайшим орком. Один из оказавшихся поблизости кинулся к нам, но внезапно взмахнул руками и упал со стрелой в

горле — наши лучники стояли плечом к плечу и выцеливали одного врага за другим.

То и дело останавливаясь и отбиваясь, мы ворвались в лес и помчались туда, где нас ждали лошади.

Костер на большой поляне, со всех сторон окруженной дубами, появился внезапно. Еще несколько минут — да что там, несколько секунд тому назад я был уверен, что мы заблудились в ночном лесу и просто проскочили сквозь все ориентиры. И вот вам, пожалуйста — похожая на чашу круглая поляна, толстые, покрытые мхом стволы старых дубов и костер как раз в середине. На бревнах вокруг сидят шесть эльфов и четверо альфаров.

— Тысяча орков! — выругался я, осаживая своего коня буквально в нескольких шагах от костра. — Как это понимать?

— Вам понравилась моя пространственная иллюзия? — Единственная женщина не спешила встать, продолжала сидеть у огня и крепко держалась за посох. Лицо ее посерело, под глазами залегли тени.

— Все сделано просто прекрасно, госпожа, — ответил я, спешиваясь и помогая сойти моему пассажиру. — Просто за нами снарядили погоню, я успел подумать, что орки нас догонят... И кстати, откуда вы взяли уникорна? Это же очень редкое животное, их на Архипелаге считанные единицы!

— Я наткнулась на него совершенно случайно, — объяснила волшебница, что-то чертя концом посоха по золе, — когда собирала пространство в складки для вашего пути. Думаю, что от мгновенной переброски у него слегка испортилось настроение...

Ответом ей послужил многоголосый смех. Это смеялись мои соратники, въехавшие на поляну и услышавшие наш разговор.

— Не то чтобы «слегка», — промолвил один из эльфов, снимая со своего коня мешки с провизией, — думаю, темноволосые надолго запомнят эту ночь.

— Спасибо вам, госпожа, — улыбнулся я, — без вас нам пришлось бы очень туго.

— Простите, что не приветствую вас подобающим образом, — волшебница осталась сидеть, — но я очень устала. Уникорн... такой тяжелый!

Один за другим все участники ночного набега на стан орков спешивались и принимались разгружать уставших, взмыленных от долгой скачки коней. Хотя благодаря магии Видящей, которая придумала сжимать пространство в «складки», мы спокойно могли отправиться куда угодно и исчезнуть, не опасаясь погони — там, где «складки» расправлялись, наши следы исчезали, что называется, без следа, — и все-таки сегодня лошадям пришлось много побегать. Тем более что обратный путь они проделали с двойным грузом — каждый скакун нес либо двух всадников, либо всадника и тюки с провизией, а некоторые — и то, и другое. Я сам, например, вез девушку, которая всю дорогу ревела, уткнувшись носом мне в спину между лопаток.

Как ни была просторна поляна, на ней сразу стало тесно. Население лагеря пополнилось шестью мужчинами, одиннадцатью женщинами и девушками и пятью детьми. Слегка ошеломленные внезапным освобождением, бывшие пленники жались друг к другу, огромными глазами глядя по сторонам.

Оставив прибывших суетиться и обустриваться, я отыскал Теллора. Подросток, пользуясь минутой, утешал девушку, которая наконец-то все поняла и запоздало испугалась. Увидев меня, подросток покраснел как маков цвет и потупился, пробормотав девчонке что-то вроде: «Погоди, сейчас я кое-куда сбегая и...»

— Будь мы в армии, Теллор, ты бы весь завтрашний день провел на плацу, а потом еще заслужил бы три наряда вне очереди, а то и сутки ареста за то, что проявил самоволие во время исполнения сложнейшей операции, — холодно произнес я. — Как ты посмел так рисковать? Чуть было не подставил под удар нас всех!

— Но это же были пленные! — осмелился возразить подросток. — Я... я ведь тоже мог, как они... как их... Вот я и подумал, что...

— У нас нет сил для того, чтобы освобождать всех! — перебил я. — Мы и так делаем

все, что в наших силах...

— И не стоит ругать кого бы то ни было за то, что он сделал то, что до него ни у кого не получалось, — прозвучал над нами голос мастера Теора.

Мы с Теллором подняли головы. Командир все еще оставался в седле, но почему-то не спешил спешиваться. Наоборот, он держался как-то странно, слегка скособочившись и словно боясь пошевелиться.

— Что с вами, мастер? — промолвил я, сделав шаг к его коню.

— Ничего. — Тот улыбнулся, и по этой улыбке я догадался, что дело плохо.

— Вы ранены?

— Это пустяки, Данкор. Я просто...

Но я уже видел — одной рукой он еще держал повод коня, а другую крепко прижимал к боку. В темноте было видно, что одежда на боку вся пропиталась кровью. В крови был испачкан и бок его скакуна.

— Вы ранены! Командир Теор ранен! Видящая!

— О нет! — всхлипнула волшебница, попыталась встать и тут же рухнула обратно на бревно. — Только не сейчас! Я так устала...

— Это пустяки, уверяю тебя, Данкор, — попытался сопротивляться мастер, но я уже стащил его с коня и на руках отнес к костру.

Со всех сторон сходились эльфы. Два слова «командир ранен» передавались из уст в уста, так что вскоре здесь собрались все. Кто-то подстелил плащ, и я опустил на него свою ношу.

— Это лишнее, — поморщился мастер Теор, когда я снял пояс с перевязью для двух его любимых мечей и стал расшнуровывать куртку. — Простая царапина. Могло быть и хуже...

— Хуже для вас, если вас убьют, — проворчал я, в четыре руки вместе с одним из эльфов снимая с него куртку. Все вокруг присвистнули.

— Ничего себе «царапина»! — воскликнул я. — Командир, разве можно так небрежно относиться к своей жизни?

Глубокая рваная рана пересекала бок мастера Теора. Кровь текла так обильно, что мгновенно залила и плащ, и мои руки.

Помогая себе посохом, подползла волшебница. Одного взгляда ей хватило, чтобы горестно застонать, качая головой:

— Я попытаюсь помочь, но...

— Не стоит, госпожа, — с усилием выговорил мастер Теор. — Мне уже не так и больно...

Видящая всхлипнула и, отложив посох, положила ладони на рану, пытаясь соединить края. Ладони ее слабо засветились — она вливала в израненное тело целительные силы. Но уже через несколько секунд выпрямилась и обвела нас затравленным взглядом:

— Я не могу. У меня нет сил...

— Бесполезно, госпожа, — прошептал мастер Теор. — Оставьте вашу заботу для других. Они больше нуждаются в вашей опеке. Данкор!

— Я здесь, — сказал я.

— Бери отряд под свою руку. Ты сможешь. — С каждым словом его голос становился все тише, так что мне пришлось наклониться к самым губам умирающего. — Ты — лорд...

— Двадцать лет назад это ничего не значило, — попытался возразить я. В самом деле, что осталось от моей знатности? Только имя...

— Это приказ, — выдохнул мастер Теор. — Приказы не обсуждаются! Это все...

— Погодите, мастер, — воскликнул я, сжимая его руку, словно это могло продлить командирскую жизнь, — а ваша семья? Они... кто? Где?

В самом деле, за двадцать лет службы под его началом я ни разу не слышал, чтобы мастер Теор говорил что-то о своей семье. Мы, эльфы, держимся за родню — как, надо признать, и орки, — гордимся родственными связями, но что должно было произойти, чтобы эльф упорно молчал о семье?

— Они... погибли, — после недолгого молчания промолвил мастер Теор. — А теперь и я... иду к ним!

Его рука обмякла в моей ладони.

Тишину нарушило тихое всхлипывание — Видящая плакала, не скрывая своих слез. Наша волшебница отличалась мягким нравом и всякий раз рыдала над телами погибших, так и не успев привыкнуть к виду смерти и ран. Но кто сказал, что за две недели можно привыкнуть к войне? И кто сказал, что к войне нужно привыкать?

Тихо отодвинувшись, я накрыл тело мастера Теора краем пропитавшегося кровью плаща. Эльфы один за другим отходили от него, так что вскоре остались только мы с волшебницей. Видящая кое-как вытерла слезы, дотронулась до лба покойника благословляющим жестом и начала читать молитву.

— Что будем делать, командир? — Чья-то рука легла мне на плечо.

— Подготовьте все для погребения, — промолвил я, поднимаясь на ноги. — На рассвете пустим тело по воде.

Спать не хотелось, и я отошел к костру. В лагере еще никто практически не спал — приехавшие с ночной вылазки эльфы разбирали награбленное в обозе добро, осматривали оружие и раны, терпеливо дожидаясь, пока у Видящей дойдут руки до каждого, кто нуждается в ее помощи. А спасенные пленники жались к огню, тоже ожидая, пока на них обратят внимание.

— Всем отдыхать, — распорядился я, подходя к костру. — На рассвете будет прощание с мастером Теором. Теллор?

Подросток шагнул вперед. Судя по выражению его лица, он ждал сурового порицания.

— Это была твоя идея — спасти пленных, — сказал я. — Так что ты и займись ими. Принеси теплые одеяла, раздобудь хлеба. Устрой хотя бы детей!

Теллор кивнул и умчался выполнять мое распоряжение. Я присел на бревно у костра, протянул к огню руки. Сгрудившиеся рядом эльфы — вперемешку наши, то есть теперь уже мои подчиненные и недавние пленники — смотрели на меня во все глаза.

— Всем отдыхать! — повторил я. — Завтра будет трудный День.

— А ты, Данкор? — поинтересовался кто-то.

— Мне еще надо подумать, — ответил я. — Да и посты скоро придется проверять.

Постепенно толпа у костра стала рассасываться. Ночь заканчивалась, осталось не больше трех часов сна. У огня грелись костровой и почти все бывшие пленники — только девушки вслед за Теллором увели спать уставших детей.

Исподтишка разглядывая бывших пленников, я заметил, что меня самого рассматривают чуть ли не в упор. Лицо эльфа было определенно знакомо. Поймав мой взгляд, мужчина кивнул и придвинулся ближе.

— Что?

— Мы с вами не встречались раньше? — спросил он.

— Возможно, — кивнул я. — Вы служили в Коралловых Зубах?

— Нет, — грустно усмехнулся он. — Мы с братом — у меня был брат-близнец — хотели туда поступить, но не выдержали испытания. Двадцать пять лет назад Наместник Дейтемир устраивал турнир, победители которого...

— Вспомнил! — воскликнул я. — Именно там мы и виделись! На турнире! Братья-близнецы Торрир и Моррир.

— Да, я Торрир, — улыбнулся старый знакомый. — Торрир из Дома Аремира. Мы с вами встретились по пути. Вы ехали с отцом и... кажется, тоже братом?

— Зятем, — улыбнулся я. — Этирир...

Я запнулся, не зная, как сказать про своего зятя — в прошедшем времени или в настоящем.

— Простите, я ничего не знаю о своей семье. Когда темноволосые напали на Архипелаг, я находился далеко от дома.

— Мы с братом тоже сражались не на стенах своего замка, — вздохнул Торрир. —

Высокий лорд Даэлор призвал нас к себе на службу — мы ведь считались его вассалами, поскольку не попали в Коралловые Зубы на том турнире. Все окрестные лорды тогда отправляли часть своих рыцарей на службу. Лорд Даэлор спрятал женщин и детей в потайных подземельях, а нам приказал стоять насмерть. И мы стояли... почти двое суток. Но потом орки разломали стену осадными машинами и ворвались в замок. Моррир был ранен, когда мы попали в плен, и эти твари его добили. Прямо на моих глазах. — Эльф испустил еще один долгий вздох. — А что с моими родителями, я не знаю.

Помолчали. Мы не были вассалами лорда Даэлора — над нами властвовал его сосед, — и потому я не мог расспросить Торрира о судьбе своих родных.

Мысли о семье опять всколыхнули горестные размышления о только что умершем мастере Теоре. Он сказал, что все его родные погибли, а до этого ни разу не упоминал, откуда он и какого рода. И теперь уже никогда и никто его не вспомнит. Некому вспоминать.

Но мы — другое дело. Я поднял голову и оглядел залитую мраком поляну. Большинство эльфов и альфаров нашего отряда спали в шалашах под деревьями, немногие устраивались на ночлег на ветках дубов. Сейчас почти все спали — кроме часовых и сидевшего рядом Торрира. Задремала даже Видящая, закончив молиться над телом мастера. Мои соратники... За те недели, которые мы провели в тылу армии захватчиков, мы стали настоящей семьей. И я неожиданно для себя подумал, что у мастера есть родня — пусть не по крови, но по жизни. Долгое время большинству из нас он был командиром, а для меня так и вовсе если не вторым отцом, то старшим братом — это уж точно.

Теллор нагнал нас на марше.

Поскольку мы не могли сидеть на одном месте и должны были всюду искать банды орков, большую часть времени проводили в пути, переходя с места на место. Видящая гадала, указывая, в каком направлении стоит искать, и мы шли туда, надеясь успеть и застать орков в нужном месте. Сейчас мы продвигались в ту сторону. Приходилось спешить, ибо лошадей на всех не хватало.

— Милорд Данкор! — услышал я мальчишеский крик. — Скорее!

Теллор лихо осадил коня передо мной.

— Скорее, милорд Данкор! — выдохнул он. — Я там... там бой!

— Что?

— Бой! Там наши! И эти...

— Далеко?

— За лесом. Не больше пары лиг!

Один из наших следопытов тут же растянулся на земле.

— Там и правда бой, — сказал он, прислушиваясь. — Соотношение сил не в нашу пользу.

— Конники — вперед! — тут же скомандовал я. — Остальные — догоняют своим ходом. Торрир, возьми их себе. Ударите с боков.

И, прищипорив своего коня, поскакал вслед за Теллором.

Перед нами был крутой речной обрыв, к которому отряд орков прижимал десяток эльфов-всадников. Темноволосых насчитывалось почти три десятка, и они, устав от бесплодных попыток сразить врага в бою, принялись расстреливать эльфов. Прежде чем услышавшие топот копыт наших коней орки сориентировались и поняли, что происходит, они успели всадить в сгрудившихся противников десяток болтов. Трое всадников рухнули с седел, получив болт в грудь или ногу, еще пятеро предпринимали отчаянные попытки не упасть, и лишь двоим повезло — болты воткнулись в щиты, не причинив особого вреда.

Второй залп орки дать не успели — мы налетели, выскочив из леса, и сразу бросились в атаку.

— Светозар! Светозар! — пронесся над сгрудившимися у обрыва всадниками странный боевой клич.

— Коралл! — ответил я, поднимая коня на дыбы. Орки оказались зажаты между двух

огней. И хотя из отряда у обрыва оружие держать могли всего трое-четверо, они тоже оказались грозной силой. Три десятка мечей взлетели над головами темноволосых.

Надо отдать им должное — орки не побросали оружие, даже когда нам на подмогу выскочила вторая половина моего отряда. Сомкнув ряды, оцетинившись мечами и копьями, они отступали, птясь от обрыва в лес. Мы не стали ввязываться в бой, а, подобно оркам, выпустили вперед стрелков, которые спокойно, как на состязаниях, принялись обстреливать темноволосых, выискивая торчащие из-за щитов ноги и руки. Но, даже теряя раненых, орки продолжали отступать к лесу, надеясь, что листва укроет их от наших стрел. Призрачная надежда оправдалась — уцелевшие сумели сохранить строй, добравшись до зарослей, но, если они были уверены, что спасены, мы быстро их разубедили.

Бой продолжался, пока в живых не осталось никого из врагов. После этого мы вернулись к обрыву. Спасенные эльфы уже добились раненых тварей, и их командир, сняв шлем, шагнул нам навстречу.

— Вы — женщина? — удивился я.

— А что в этом такого? — Молодая красивая эльфийка с вызовом встряхнула длинными косами, до того уложенными венцом вокруг головы.

— Но...

— Вы считаете, что удел женщины — сидеть дома и рожать детей? — Она расправила плечи и даже как будто стала выше ростом. Впрочем, для меня воительница все равно оставалась невысокой.

— Нет, миледи, — ответил я. — Среди моих знакомых были женщины-воины. В Коралловых Зубах их встречалось не так уж и мало... Просто я подумал...

— Мне неважно, что вы подумали, — отрезала незнакомка.

Я пожал плечами, решив не обращать внимания на характер дамы. Мало ли какие у нее причины быть настолько ершистой. Может быть, орки убили у нее всех родных, и она мстит за павших родичей просто потому, что в ее семье не осталось ни одного мужчины, способного держать оружие. Последнее предположение было ближе всего к истине — насколько я успел рассмотреть волосы, эльфийка была замужем и носила соответствующую прическу.

Собрав мертвых орков, мы сложили из них пирамиду, покидав тела одно на другое, а сверху водрузили три отрубленные головы, насадив их на копья. Такие «памятники» наш отряд оставлял везде, где была возможность. Это стало как бы нашим личным знаком.

Воины из спасенного отряда сперва помогали нам, но потом, когда мы завершили приготовления, командующая ими незнакомка поинтересовалась:

— И что это значит?

— Это значит, что мы убили тридцать орков, — объяснил я. — Одна голова — один десяток.

— Вы их считаете? — искренне изумился один из эльфов. По виду он был еще молод, ненамного старше Теллора.

— А вы — нет? — парировал я.

— Мы как-то... ну... — он замялся, — как-то не задумывались об этом.

— А мы задумывались, — вылез Теллор. — Мы уже больше семи десятков убили. Правда, милорд?

— Ну вообще-то немного больше, — промолвил я, скромно опуская глаза. — Семьдесят мы только смогли сложить в такие вот пирамиды. А бывали случаи, когда нам не удавалось собрать тела. Так что, думаю, число убитых давно перевалило за сотню.

— Вы убили уже сотню орков? — искренне изумилась незнакомка.

— За одну неделю из трех это не так уж и много, — продолжал стесняться я. Со стороны это смотрелось, наверное, забавно — я изо всех сил старался понравиться этой задиристой женщине. Неужели я так быстро забыл Ленимирель?

— То есть как — три недели? — продолжала недоумевать незнакомка. — Вы хотите сказать, что сражаетесь уже три недели?

— На самом деле орки вторглись на территорию нашего Острова почти полтора месяца назад, — вспомнил я. — Мы находились на дальней заставе и прибыли намного позже, хотя очень спешили.

— Три недели, — повторила незнакомка и нахмурилась. — Ах да! — воскликнула она пару минут спустя. — Ну, конечно! Как же я сама-то не догадалась? Вы — соседи?

Теперь уже удивился я:

— То есть как это?

— Ну вы с Кораллового Острова, так?

— Да, а...

— А мы — с Янтарного! — Она даже улыбнулась, показывая на открывающийся с обрыва вид. — Вон там, на холме, за рекой, наша крепость. Видите?

Я честно вперил туда взгляд, но, как и следовало ожидать, ничего не разглядел. Наш Коралловый не везде имеет общую границу с Янтарным, хотя оба Острова вытянуты с запада на восток. Но река, над которой мы стояли на обрывистом берегу, вообще-то принадлежала Коралловому Острову. Я даже скажу больше — до самого горизонта я не видел никаких признаков границы. У этой женщины явно были нелады с географией.

— Мой муж командует приграничным гарнизоном, — принялась рассказывать незнакомка. — Он был против того, чтобы я воевала, хотя я отлично умею держаться в седле и сражаюсь на мечах. Мы и познакомились-то на маневрах!.. Он настаивал, чтобы я уехала в глубь страны, к маме, но я отказалась. Когда мы узнали, что к границе со стороны Кораллового Острова движутся орки, мы перешли на военное положение. Мой муж почти каждый день ездит на разведку, проверяет прочность Внутренних врат...

— А сегодня это решили сделать вы? — догадался я.

— Почему бы и нет? — фыркнула женщина. — Мы не собирались отъезжать далеко...

— Ага, незаметно для себя пересечь границу Кораллового Острова — это по-вашему «недалеко»? — не удержался я от замечания. — Да еще и нарваться на разведотряд орков...

— Которых вы, конечно, приберегали для себя, а мы оттяпали у вас добычу? — не осталась она в долгу. — Ах, прошу прощения, что не позволили вам сполна насладиться триумфом, лорд Зазнайка!

— Меня зовут Данкор, — несколько запоздало представился я. — Данкор из Дома Дармира.

— Ильирель из Дома Ланара, — произнесла она. — Так вы действительно лорд?

— Да, хотя мой род не так богат и знаменит. Кстати, здесь недалеко мой замок. Могу пригласить вас в гости.

— Вы? — Ее брови взлетели под самые волосы. — Меня? В гости?

— А что тут такого?

— Меня будут искать, — заявила она с потрясающей Женской логикой.

— Миледи, вас уже ищут, — вздохнул я. — Вы что, не знаете, насколько глубоко вторглись на территорию Кораллового Острова?

— А-а... — Она показала пальчиком на луга и леса на том берегу реки.

— До самого горизонта, — покачал я головой. — У меня в отряде есть Видящая, можете спросить у нее!

Наша волшебница не принимала участия в бою, поскольку не знала ни одного настоящего боевого заклинания, а применять различные чары во время битвы опасно вдвойне — ведь под их действие могут попасть как враги, так и друзья. Поэтому она все время скромно держалась позади и вступала в бой, только когда ей угрожала непосредственная опасность. Сейчас Видящая подъехала ближе и осматривала раненых. Услышав, что говорят, подошла поближе.

— Это так, госпожа, — кивнула она. — Мы действительно находимся на территории Кораллового Острова. И до ближайшей границы по меньшей мере три часа хорошей скачки.

Леди Ильирель неожиданно расхохоталась. От смеха эльфийка согнулась пополам и повисла у меня на руке.

— Вот уж... вот уж погуляли так погуляли, — простонала она сквозь смех.

Кое-кто из наших тоже рассмеялся, но большинство воинов с Янтарного только мрачно переглянулись, видимо представив себе, что сделает с ними комендант приграничной крепости за то, что они позволили его жене так далеко отъехать от границы.

— Раз уж вы все равно заблудились, то позвольте мне повторить приглашение в гости в замок Дармир, — сказал я, дождавшись, пока женщина отсмеется. — Даже если вы поспешите, то прибудете к границе уже в сумерках. Ваш муж и так нервничает, так что не имеет смысла что-то менять.

— Ладно, — махнула рукой леди Ильирель. — Только обещайте, что завтра доставите меня к мужу живой и невредимой. И не бойтесь! Он не ревнивый!

— Да я, собственно, не этого боюсь, — пробормотал я себе под нос. Не скажешь же этой молодой энергичной и задиристой женщине, что я сам боюсь ехать в родной дом. После встречи с Торриром и со дня похорон мастера Теора прошло четыре дня. Все эти дни я нарезал круги, приближаясь к родному гнезду черепашим шагом. Боялся увидеть развалины. Пока был вдаль, еще оставалась надежда на то, что родители и сестры живы. Но стоит увидеть руины — и все будет кончено. Приглашение леди Ильирель лишь приблизило конец.

От места нашей встречи до замка Дармир был всего час хорошей скачки или два с половиной часа, если не спешить. Мы добирались все три, пользуясь любой минутой, чтобы помедлить. Дошло до того, что леди Ильирель начала открыто возмущаться:

— Мне кажется, лорд Данкор, что вы не слишком-то горите желанием вернуться домой?

— Вы и правы, и неправы, леди, — вынужден был ответить я. — Хочу вернуться домой — и боюсь это сделать!

— Вы совершили какой-то проступок и теперь опасаетесь показаться на глаза своим домашним! — «догадалась» моя собеседница. — О, на этот счет можете не беспокоиться! Я выступлю вашим поручителем! Вы так храбро защищали меня и моих провожатых от темноволосых, что этот подвиг должен сполна искупить все!! Я поговорю с вашими родными, и они вас простят!

Я только кивнул, сдерживая смех. О, если бы все было так просто! Если бы я действительно совершил некий проступок и теперь скрывался от гнева родственников! Я бы тогда чувствовал себя счастливее хотя бы потому, что знал — мои родители и сестры живы и здоровы, у Дайнериль подрастает племянник... Но шла война, и я ни в чем не был уверен.

Наш замок стоял на небольшом холме, у подножия которого располагалось несколько ферм альфаров. Узкий ручей огибал холм и устремлялся к озеру, раскинувшемуся за рощей. Мы подъехали как раз со стороны этого озера, пройдя немного вверх по течению ручья. Уставшие кони тянулись к воде, но наш отряд не спешил напоить животных. Мои подчиненные знали, куда мы едем, и не донимали меня болтовней, а спутники леди Ильирель знали, что такое дисциплина, — разговоры смолкли.

— Ой, мамочки, — в полной тишине выдохнула леди Ильирель.

Солнце село за рощу, исчезнув за деревьями больше чем наполовину. Удлинившиеся тени лишь немного не доползали до загонов для скота ближайшей фермы, но мы не смотрели на нее. Наши взгляды были прикованы к замку на холме.

Сгушавшиеся сумерки скрыли от нас картины разрушения, но я уже видал нечто подобное и знал, что ворота проломлены, стены в некоторых местах обрушены, а внутри огонь уничтожил все, до чего не дотянулись руки орков. Впрочем, замок выглядел довольно прилично, но у меня не было никакого желания подъехать ближе и проверить. Жеребец подомой замер, как парализованный. И только сейчас я понял, почему за все время, прошедшее с того момента, как мы вернулись с гор, мастер Теор ни разу не разрешал мне съездить к себе домой. Он знал, что я там увижу.

— Что это значит? — в тишине послышался дрожащий голос леди Ильирель. — Это... ваш дом?

— Да, — кивнул я, не глядя на нее.

— И вы... вы поэтому не торопились сюда? Вы знали?

— Догадывался.

— О Покровители! Что же это такое?

— Это война, миледи. — Я по-прежнему смотрел только на стены родного дома. Сумерки напоздали, скрывая от нас подробности, и я поблагодарил Покровителей за то, что не позволили мне приехать сюда раньше. Что я мог сделать для своих домашних, окажись я здесь в те дни, когда замок подвергся осаде? Только умереть вместе с ними. Не скажу, что это наилучший выход.

— Война? — Голосок леди Ильирель пробился к моему сознанию. — Настоящая война? Это все всерьез, да? Эти орки... Это ведь они сделали?

— Да, миледи.

— Ой, мамочка! — Леди схватилась за голову. — Я хочу домой! Немедленно! Сейчас! У меня на заставе дочка... Я не думала, что... Вы должны доставить меня домой! Немедленно! — свесившись с седла, она схватила меня за куртку на груди. — Слышите? Я приказываю вам! Доставьте меня домой! Я хочу домой!

Она кричала и визжала, трясла меня за грудки и едва не надавала оплеух. Я слегка растерялся — до сего момента мне не приходилось сталкиваться с женщинами, которые столь бурно переживают. Глядя, как женщина командует своими воинами там, у обрыва, я решил, что встретился с еще одной воительницей, такой же, как, например, Шаллорель или сестры-близнецы Мориль и Лариль. Но — увы! — она оказалась совсем другой.

— Я это сделаю, леди, — промолвил я, когда эльфийка чуть-чуть утихла. — Обязательно сделаю. Можете на меня положиться!

— Я хочу, чтобы вы это сделали сейчас! Сию же минуту!

— Наступает ночь. До границы с Янтарным Островом часов пять пути. Четыре часа придется ехать в темноте. Я не хочу рисковать лошадьми, да и все устали. Нам необходимо отдохнуть.

— Но это война! — настаивала леди. — Мой муж будет волноваться! Я уж не говорю о дочке! Если все так серьезно, я должна отправить ребенка к маме, в глубину Острова... Мы должны поторопиться! Я настаиваю!

Я обернулся на своих спутников. Впереди были Видящая, Теллор и Торрир, ставший моим первым помощником. Именно на эту троицу я и обратил вопросительный взгляд:

— Ну, что будем делать?

— Все устали, — высказался Торрир. — Надо отдохнуть хотя бы час.

— Долго отдыхать нельзя, — прислушавшись к чему-то внутри себя, произнесла Видящая. — Мы все нуждаемся в отдыхе, но есть те, кому скоро очень понадобится наша помощь. Долгий отдых приведет к тому, что помощь опоздает. Есть место, где наши мечи и луки могут сыграть важную роль.

— Значит, мы поспешим? — воскликнула леди Ильирель.

— Мы немного отдохнем, — поправила ее волшебница, — а потом тронемся в путь. Отдыхать лучше не здесь. Предлагаю вернуться на берег озера. Там мы хотя бы сможем напоить уставших коней... А здешним обитателям ты ничем не сможешь помочь!

Последние слова относились ко мне. Я с усилием отвел взгляд от погружившихся в сумерки развалин. Видящая была права — тем, кто тут жил, я ничем не мог помочь. Разве что отомстить за их смерть.

Я натянул повод и первым повернул коня, возвращаясь к берегу озера.

В путь мы пустились, когда было еще темно. Шел последний летний месяц, ночи уже стали прохладными, а лагерь мы не разбивали, так что сборы оказались недолгими. Все — даже лошади — слегка продрогли и пустились в путь бодрой рысцой.

Пока не рассвело, двигались все-таки осторожно, оберегая коней. Впереди скакала Видящая — наверху ее посоха ярко светилось, служа нам факелом.

К тому времени, когда достаточно рассвело, мы уже были на полпути к границе с

Янтарным Островом, и волшебница на скаку поравнялась со мной.

— Вижу печать у тебя на челе, — без предисловий начала она.

— Какую еще печать, госпожа?

— Печать судьбы, — ответила она. — С тех пор как побывал возле своего замка, ты стал другим. Тебя ждет беда!

— Сейчас идет война, госпожа, — пожал я плечами. — Беда ждет любого...

— Но ты скачешь навстречу своей судьбе! — Что?

Я невольно обернулся на леди Ильирель. Она скакала, выпрямившись, откинув на спину плащ. Шлем ее был приторочен к луке седла, она обнажила голову, ее чуть растрепавшиеся косы лежали венцом вокруг головы. Странная женщина. То хладнокровно смотрит в лицо смерти, то плачет и бьется в истерике. Где-то там ее муж и маленькая дочка...

— Да, это она, — угадала мои мысли Видящая. — Тебе стоит как можно скорее распрощаться с нею, иначе я ни за что не отвечаю!

— Мы с нею... она предназначена мне? — помолчав, рискнул спросить я.

— Нет, но твоя судьба будет зависеть от нее. Я не пророчица, мне трудно предсказывать будущее, я ясновидящая, то есть могу увидеть лишь то, что происходит сколь угодно далеко, но в настоящее время. И сейчас я вижу... вижу...

— Что, госпожа? — Я на скаку осадил коня, схватив скакуна Видящей под уздцы. — Что ты видишь?

Глаза гадающей закатились, рот раскрылся. Она откинулась назад, взмахнув рукавами балахона. Наш отряд остановился. Мало кто видел волшебницу в магическом трансе, все были удивлены.

— Вижу! — возопила она, размахивая руками. — Темноволосые! Они готовятся перейти границу! Их много! Целая река! Они готовы обрушиться на Янтарный Остров! Они...

— На мой Остров? — взвизгнула леди Ильирель. — Мы должны их предупредить! Скорее! Поскачем, милорд! — С этими словами она вцепилась в повод моего коня.

— Нет! — взывала волшебница. — Тебе туда нельзя! Там — смерть! Поверни назад — и спасешься!

— Что? — вскрикнула леди Ильирель. — Вы хотите меня бросить? Вы трусили? Ну и пожалуйста! Я все равно поскачу! Там мой дом! Там моя семья! Я не могу их бросить! Светозар! Светозар! — воскликнула она. — За мной!

Сопровождавшие ее рыцари тут же отделились от нашей группы, окружили свою леди, и женщина, бросив на меня напоследок уничижительный взгляд, поскакала во весь опор в сторону границы.

Чувствуя мое беспокойство, конь подо мной переминался с ноги на ногу. Видящая выпрямилась, провела ладонью по лицу.

— Там опасно, — промолвила она своим обычным голосом, — для тебя.

— Меня бы убили? — спросил я, глядя вслед ускакавшей Женщине.

— Я не пророчица, я ясновидящая, — с нажимом произнесла Видящая. — Мне не открываются картины будущего, в моей власти лишь настоящее. Но сейчас я чувствую... чувствую, что твоя судьба висит на волоске. Остановись, пережди...

— Ты предлагаешь мне спрятаться в укромном уголке? Мне, воину?

— Поступай как хочешь, — промолвила волшебница, опутив глаза. — Я тебя предупредила.

Торрир, Теллор и остальные пожирали меня глазами. Все слышали слова Видящей. Мы привыкли доверять ей, и сейчас все ждали — как поступит командир.

— Мы не должны бросать женщину одну, — вздохнул я. — В крайнем случае, доведем ее до границы и...

Видящая покачала головой, но ничего не сказала. Решив, что молчание — знак согласия, я пришпорил своего скакуна, направляясь по следам ускакавшей леди Ильирель.

До границы с Янтарным было еще несколько верст пути и меньше часа хорошей скачки. Кляня все на свете — вспыльчивость некоторых молодых женщин и собственную мягкотелость, — я поспешил вслед за леди.

Мы нагнали ее у самой границы. Отчаянно прищпоривая и понукая жеребца, я добрался до молодой женщины и, свесившись с седла, поймал повод ее кобылы.

— Да что вы... да откуда вы... Что вы себе позволяете? — вскрикнула леди, когда я наконец заставил ее остановиться. — Пустите меня! Я должна попасть домой как можно скорее! Вы ничего не понимаете!

— Напротив, миледи, я все прекрасно понимаю, — ответил я. — Просто не могу допустить, чтобы такая прекрасная эльфийка отправлялась куда-либо без охраны в наше беспокойное время. И готов предложить свои услуги!

— Вы меня проводите? — догадалась леди Ильирель.

— Почту за честь, — раскланялся я в седле.

Дальше мы скакали вместе двумя небольшими колоннами. Мы с леди Ильирель — впереди, а остальные сзади. Мчались напрямик, торопя коней, но все равно опоздали.

Здесь уже были орки. Огромная орда — числом, я думаю, не меньше пяти-шести тысяч воинов — топталась у самой пограничной черты. Как любой эльф, я прекрасно видел границу и Внутренние врата. И также прекрасно знал, что ишь тот, в чьих жилах течет эльфийская кровь, может переступить через этот «порог». Я видел на той стороне небольшую крепость — приграничную заставу, очень похожую на ту, где прожил последние двадцать лет в северных горах. Судя по размерам крепости, в ней могло разместиться до сотни мечей. Капля в море по сравнению с орочьей ордой, которая толпилась на нашей стороне.

Да, враги именно толпились, ибо среди них не было никого, кто мог бы открыть Внутренние врата.

А там, за вратами, кипела жизнь. И леди Ильирель встала на стременах, размахивая руками и показывая на предводителя небольшого отряда, гарцующего на «своей» стороне границы.

— Это он! Он! Видите — тот, с крыльями чайки на шлеме? — радостно затараторила она. — Высокий лорд Вильнар! Это мой муж! — и с непосредственностью девочки заглянула мне в глаза: — Правда, он очень красивый?

На таком расстоянии под шлемом с опущенным забралом я при всем желании не мог рассмотреть его лица, но предпочел не расстраивать свою спутницу:

— Он просто великолепен!

Застава Янтарного Острова тем временем разработала и сейчас успешно претворяла в жизнь довольно оригинальный план. Заключался он в том, что эльфы небольшими группами, по десять-пятнадцать мечей, внезапно выскакивали из-за врат, пронеслись мимо орочьего строя, осыпая врага стрелами или забрасывая метательными копьями, и опять уносились. Поскольку видеть врата и границу могли только эльфы — для зрения орков там была голая равнина, кое-где утыканная одиночными валунами, — то для них выскакивающие из пустоты и в пустоту же пропадающие всадники были просто диковинкой. Тем более что орки так и не могли вычислить, откуда нападёт очередной отряд. Вреда эти «летучие всадники» причинить не могли, разве что увеличивали число раненых, но беспокойство доставляли. Так комариные укусы способны в конце концов обескровить любого человека.

Пока мы любовались на дела лорда Вильнара, орки решили действовать.

Передние ряды по-прежнему стояли плотным строем, тщетно пытаясь угадать, откуда на них выскочат эльфы, а в задних уже началось шевеление. И прежде чем лорд Вильнар увидел, что готовят ему супостаты, это заметили и угадали мы.

— Проклятье их матерям! — шепотом ругнулся Торрир. — Смотрите, что они делают!

— Выродки! — поддержала Видящая.

Я не сказал ни слова — слова просто застряли у меня в горле.

— Да что же, собственно, происхо... — начала леди Ильирель, но я весьма

непочтительно развернул ее, указывая, куда смотреть, и она тоже осеклась, разинув рот и вытаращив глаза.

Среди орков, очевидно, были все-таки неплохие шаманы, раз они догадались, что могут провести тут остаток дней, а с места не сдвинутся. И темноволосые, надо отдать им должное, сумели отыскать оригинальный выход из положения. Только вот поздравлять их с проявлением смекалки что-то не хотелось.

Нам было все видно гораздо лучше, чем лорду Вильнару. Поэтому он недрогнувшей рукой послал очередную группу рыцарей в атаку, и, едва эльфы выскочили — для орков возникли из ниоткуда прямо перед их позициями, — они вытолкнули вперед несколько девушек и женщин. Эльфийских девушек и женщин.

Рыцари увидели женщин, но опустить луки и тем более вернуть уже сорвавшиеся в полет стрелы не смог бы никто. Правда, наша Видящая вскинула руки и начала что-то говорить, но быстро осеклась — она тоже не успевала.

Громкие крики стали известием о том, что несколько стрел попали в живые щиты. Лучники откатились на свою сторону, а орочье войско подтянулось.

— Что же делать? Что делать? — бормотала рядом со мной леди Ильирель. — Вильнар не сможет послать рыцарей убивать своих! Это же эльфы! Он не станет в них стрелять!

«Станет, и еще как», — понял я по тому, как замер командующий гарнизоном. Так замирают перед тем, как отдать последний приказ — невольно задерживают дыхание, как перед прыжком с высоты. Но стоять и просто смотреть мы тоже не могли. В конце концов, у нас была супруга лорда Вильнара, а в крепости, которая прекрасно была нам видна, оставалась их маленькая дочка.

— Всем слушать мою команду, — негромко промолвил я. — Мы атакуем. Торрир! Обычный отвлекающий маневр... Госпожа! Мне от вас нужны будут все иллюзии, на которые вы способны... Леди Ильирель! Сначала вы и ваши охранники скачут с нами, но, когда мы ввяжемся в бой, бросайте все и мчитесь к вашему супругу. Наша цель — живой щит. Мы должны ударить именно в его «край» и отсечь его от орков... И, самое главное, — я обернулся через плечо на своих воинов, — как только живой щит будет отсечен, уходим на ту сторону. Под командование лорда Вильнара.

— А ты куда? — поинтересовался Торрир. — Бросаешь нас?

— Это война. Случиться может все, что угодно. Я просто не хочу, чтобы вы в случае чего растерялись и сбились в кучку, как овцы без пастуха. Коралловый Остров уничтожен, но мы не можем допустить, чтобы также был разрушен и Янтарный! Вперед! И да помогут нам Покровители!

Теллор, закусив губу, протянул мне мой двуручный меч. Таскать постоянно на себе такую тяжесть я не хотел, и мое оружие висело на луке его седла. Я обнажил меч, поймав луч солнца гладким боком. Я сам всегда чистил свое оружие и знал, что оно не подведет в трудную минуту.

— Вперед!

Первый удар нанесла Видящая. Мы не успели разогнаться и развернуть строй для атаки, а она, приподнявшись на стременах, взмахнула руками, выкрикнув несколько слов, — и резкий порыв ветра ударил прямо в морды орков. Ветер был так силен, что живой щит остановился, пережидая его порыв. К земле пригнулись кусты и деревья. Затрещали ломающиеся ветки. У кого-то с головы сорвало шлем, кого-то сбило с ног.

Ураган прекратился так же быстро, как и начался. Помятые передние ряды орков кое-как восстанавливались, собирая разбросанное оружие и приводя в порядок доспехи, когда появились мы.

Пленные эльфы, образующие живой щит, не ушли далеко — они попадали на траву там же, где и стояли. Теперь их тыкали копьями, пытаясь заставить подняться и снова двинуться на прорыв Внутренних врат.

Громкие отчаянные крики предвосхитили наше появление. Выстроившись двумя клиньями — острие одного составляли мы с Торриром, а на другом оказалась леди

Ильирель, — мы неслись прямо на живой щит, отрезая его от орков.

Полыхнула ослепительно-яркая вспышка света. Даже мне, который видел ее лишь боковым зрением, стало больно смотреть и захотелось упасть на колени и закрыть лицо руками. Что говорить о передних рядах орков, которые роняли оружие, становясь легкими мишенями для наших копий и стрел.

На полном скаку наш отряд врезался в орочий строй, рубя направо и налево, но мы недолго сражались в одиночестве. Лорд Вильнар, собрав свои силы в один кулак, повел рыцарей в новую атаку.

— Леди Ильирель! — крикнул я что было сил. — Гоните пленных к крепости! Вы должны как можно скорее уйти отсюда!

— Ни за что! — звонко и даже весело откликнулась женщина, вертясь в седле и раздавая удары мечом. — Я останусь с вами!

— Здесь сейчас будет слишком жарко для...

— У вас каждый меч на счету! — перебила она. — Пригнись!

Я машинально подчинился, хотя наклоняться с моим ростом вообще-то трудно. Леди Ильирель ткнула мечом куда-то мне в район плеча, через него достав подкравшегося чересчур близко орка.

— Спасибо, — с чувством сказал я, когда обливающееся кровью тело скользнуло по крупу моего коня и свалилось на траву.

— Мы квиты! — воскликнула леди, и битва разметала нас в разные стороны.

Нас было — вместе с рыцарями лорда Вильнара и леди Ильирель — полторы сотни. Слишком мало, чтобы выстоять против тысячи орков. Главное мы сделали — пленные эльфы, составлявшие живой щит, были освобождены и изо всех ног бежали к границе между Островами, а потом дальше, к крепости, под защиту ее стен. Пришло время и нам отходить, пока мы не увязли в драке, как муха в сиропе.

— Отходить! — закричал я, вставая на стременах и вращая над головой меч. — Всем отходить к крепости! Торрир! Теллор! Отходите!

— Отходим! Отходим! — тут же послышались голоса. Я продолжал сражаться, одним глазом успевая следить, как один за другим, отбиваясь от орков короткими выпадами, отступают мои воины. Вот уже и леди Ильирель повернула морду своей кобылы в сторону крепости, вот уже командует отход и ее супруг, вот кто-то подхватил бегущую девушку и забросил к себе в седло, чтобы как можно быстрее укрыться от преследователей.

И в этот миг подо мной убили коня.

— Данкор! Командир! — долетели до ушей испуганные возгласы.

Я успел вынуть ноги из стремян и, упав, тут же вскочил на ноги, поднимая меч.

— Данкор! — Это кричал Торрир.

— Уходи! — рявкнул я во всю силу легких. — Уводи всех! Я прорвусь!

Меч описал сверкающую дугу — и орков, сунувшихся поближе, смело. Трое сразу упали, еще несколько нашли в себе силы удержаться на ногах. Я очертил еще один полукруг, захватывая и спину, чтобы никто не смог подобраться ко мне сзади. Вокруг меня образовалось свободное пространство, равное двум моим мечам — мертвая зона, соваться в которую означало умереть.

Орки долго не хотели в это верить, рассчитывая взять меня числом. Несколько раз отчаянные смельчаки совались в это кольцо — и всякий раз валялись на траву, убитые или тяжело раненные. Я с легкостью отбивал мечи и талгаты, перерубал древки копий и брейдексовБрейдекс — широколезвийный боевой топор на длинной рукояти в рост человека, секира., рассекал щиты и мог держаться в одиночку очень долго. По крайней мере, до тех пор, пока лорд Вильнар и Торрир не договорятся и не рискнут на еще одну вылазку — теперь уже ради меня одного.

...Если бы против меня стояли не орки...

Я до сих пор уверен, что доблести и благородства оркам не досталось. Они как были в душе рабами, так рабами и остались, ничего не переняв от нас, эльфов. Но там, где любой

эльф прекратит бой и отсалютует противнику, который сумел в одиночку противостоять целой армии и продолжает сражаться, в буквальном смысле стоя на трупах убитых врагов, там орки продолжают попытки уничтожить противника. Я все еще бился, раз за разом отмахиваясь мечом, когда сбоку стена щитов и копий раздвинулась в стороны. Отхлынули и враги, бросились врассыпную. Я успел увидеть небольшую, наспех собранную катапульту — и солидную кучу булыжников, которую загрузили в нее из большой плетеной корзины.

Они решили забросать меня камнями!

...Это была моя последняя ясная и четкая мысль...

История пятая

Раб

Ведро холодной воды больше всего на свете походило на пощечину, отвешенную мне реальным миром. Последовавший за этим осязаемый тычок под ребра окончательно заставил поверить в то, что я нахожусь именно на этом свете, а гортанные грубые голоса, зазвучавшие надо мной, — в то, что я существую в строго определенной его части.

— Очухался, гляди ты! Живучий!

— Какой «очухался»! Дохляк — он и есть дохляк. И нечего на него воду переводить. После «поцелуя лавины» никто не выживает.

— А этот выжил. Смотри. — Новый пинок под ребра заставил меня вздрогнуть. — Шевелится!

— Это последние судороги, — авторитетно заявил второй голос.

— А кому от этого легче? — резонно спросил первый. — Тебе? Мне? Или, может быть, начальству, которое сперва командует: «Во что бы то ни стало!» — а потом неожиданно заявляет: «Как вы посмели так поступить?»

— От начальства вообще нужно держаться подальше, — согласился второй. — Особенно когда оно узнает, что этот великан мертв!

— Да живой он, живой! Просто без сознания! Смотри сам! Резким движением мне оттянули веко на правом глазу.

Я невольно скосил его на двух коренастых темнокожих орков в одежде из грубой некрашеной шерсти.

— Видишь? — Тот, который придерживал мое веко, даже подмигнул второму. — Зрачок на свет реагирует, рефлексы в норме...

— Ты это... не выражайся! — осторожно посоветовал собеседник. — Тысячник нам чего велел? Чтоб светловолосый очухался.

— Ну так он и пришел в себя. — Орк, сидевший подле меня на корточках, подмигнул и оскалил клыки в дружелюбной ухмылке: — С возвращением на этот свет! Тебя уже хоронить хотели, светловолосый! А ты взял да и очнулся!

Я закрыл глаза, сиюсья подавить горестный вздох. Память услужливо показывала мне фрагменты последнего боя — горячую атаку, первую сшибку, леди Ильирель с мечом наголо, вспоротое брюхо моего скакуна, привычная рукоять двуручного меча в ладони, кровь и грязь... И летящие камни. Все тело болело и, наверное, представляло собой один большой синяк. Было трудно дышать, в животе разливалась отчаянная боль, кружилась голова, даже ремни, врезавшиеся в запястья и щиколотки, не так мучили, как эти многочисленные ушибы. Они хотели забросать меня камнями, а потом почему-то решили оставить жить. Зачем? Уж не для того ли, чтобы воздать почести благородному герою? Не хотелось даже думать, что меня ждет. Одно подогревало меня — сознание того, что все остальные наверняка спаслись. А значит, я сделал свое дело.

Земля негромко задрожала под чужими ногами. Я чувствовал вибрацию почвы каждой клеточкой своего тела.

— Приветствуем Верховного Паладайна! — заорали стоявшие надо мной орки.

Как ни велико было желание продемонстрировать полное безразличие к своей судьбе, я не

мог сопротивляться простейшему любопытству и открыл глаза, с усилием поворачивая голову и рассматривая того, кто только что был назван Верховным Паладайном.

Надо мной стоял самый обычный орк. Нет, что ни говори, его одежда бросалась в глаза своей яркостью и даже какой-то крикливостью, словно ярким пестроцвечьем ткани он старался компенсировать что-то мрачное, серое, грязное в своей душе. Но в остальном пришедший ничем не отличался от тех двоих, которые застыли подле меня двумя изваяниями.

— Как он? — кивнул Паладайн в мою сторону. — Очнулся?

— Да, великий!

— Сам вижу. — Паладайн подошел и наступил мне сапогом на горло. — Смотри, — обратился он ко мне, наклоняясь и опираясь на колено локтем, — смотри и запоминай. Вот где вы все у меня! Вот где ваше место, светловолосые! Ты понял, раб?

Что я мог сказать? Он даже не дал мне нормально дышать. Я боролся за каждый глоток воздуха, тщетно стараясь вылезти из-под сапога орка. Зажмурив от натуги глаза, я тем не менее знал, что он внимательно наблюдает за мной.

— Хочешь жить? — внезапно пробился сквозь гул крови в ушах мягкий голос. — Тогда моли меня о милости. Проси даровать тебе твою ничтожную жизнь, раб!

Я распахнул глаза. Он знает, о чем просит? Чтобы я, потомок благородного рода...

— Будь ты проклят, — прохрипел я.

— Глупо, — спокойно констатировал Верховный Паладайн. — Сказал бы всего одно слово: «прошу» — и остался бы в живых. А так... Приковать его к столбу. Потом придумаю, что с ним сделать!

Орки тут же сорвались с места и поволокли меня в глубь лагеря. Крепко связанный, я не мог сопротивляться, да, если честно, не слишком хотел. Я знал, что меня убьют, и мечтал только об одном: чтобы все поскорее закончилось.

Двое орков подхватили меня под локти, оттащили к какому-то столбу и, содрав с меня одежду, прикрутили руки и ноги.

По-хорошему, мне надо было отрешиться от мыслей о земном и приготовиться к мучительной смерти — не было сомнений в том, что Верховный Паладайн бережет меня для чего-то особенного, — но я вместо этого испытывал любопытство, самое неподходящее чувство для того, кто находится на волосок от смерти. Расслабив мускулы — так меньше болели связанные руки и ноги, — я вертел головой по сторонам, рассматривая лагерь орков.

Большую часть обзора закрывали палатки — самые простые, состоявшие из двух опор и натянутой поверх грубой ткани. Земля между ними, как и следовало ожидать, была замусорена, а зады использовались в качестве отхожих мест. Причем во всем, что касалось этой стороны жизни, орки явно не стеснялись друг друга.

Сейчас в лагере царили суэта и суматоха. Темноволосые носились туда-сюда, слышались гортанные выкрики. Проверялось оружие, напяливались доспехи. Я заметил, что далеко не все надевают чешуйчатые панцири. У одних были кожаные доспехи, другие щеголяли в трофейных эльфийских кольчугах, но большинство, наоборот, стаскивали с себя все и оставались в штанах и сапогах. Торсы этих воинов так густо были исписаны татуировками, что я диву давался. В остальном отличить орков друг от друга было невозможно, и мне стало ясно, почему в прошлом мы все ошиблись, решив, что Верховный Паладайн погиб. Его просто перепутали с другим орком.

Вы спросите — что я делал? О чем думал? Находясь в плену у врага, ожидая казни, вместо того чтобы строить планы побега или хотя бы посылать врагам проклятья, думал об особенностях вооружения темноволосых? А что оставалось делать? Чем дальше, тем сильнее разрастался во мне банальный страх смерти. Когда я только очнулся, у меня было больше сил вытерпеть любые пытки. И если бы меня стали убивать тогда, я бы хохотал в лицо своим врагам и пошел на смерть с гордо поднятой головой. Но прошло время, я остыл — и задумался о смерти уже всерьез. Какая участь ждет меня? Что со мной сделают? И, самое главное, сколько мне еще ждать казни, на своей шкуре испытывая банальную истину о том,

что самая страшная мука — это ожидание конца.

Почему я не удивился, увидев среди орков человека? Наверное, потому, что за двадцать лет жизни на заставе в северных горах успел поближе познакомиться с отдельными представителями рода человеческого и узнать одну их особенность. Люди способны проникать повсюду, они вольготно чувствуют себя везде и рано или поздно, но заполонят весь наш мир, не оставив в нем места ни эльфам, ни оркам, ни альфарам, ни даже троллям. Люди открывают землю и проникают в такие ее уголки, куда представители других рас просто не сунутся. Они одинаково хорошо чувствуют себя в голой степи и дремучих лесах, в открытом море и на вершине скалы, под землей — и... разве что небо пока принадлежит птицам и драконам, но, учитывая приспособляемость людей, могу предсказать, что однажды человек поднимется и в воздух. В общем, не было ничего удивительного в том, что по лагерю орков спокойно, как у себя дома, шел человек. Шел, вертя головой по сторонам, а рядом с ним шагал какой-то высший чин и что-то ему рассказывал.

Заведенные назад и вверх руки ныли. Затекало все тело. Я стоял так уже давно, теряя силы и надежду.

Мимо ходили враги. Лагерь жил своей жизнью. Стиснув зубы, я терпел, стараясь не обращать внимания на то, как посматривают на меня проходящие мимо орки и орчихи. Не то чтобы я так уж стеснялся — просто сама мысль о том, что меня могут отдать одной из этих пахнущих мускусом и потом самок, приводила в дрожь. Хотя если это и есть мое наказание, то пройдет немного времени, и я сам захочу, чтобы со мной так поступили.

Именно в это время я и заметил человека. Он шагал через лагерь, ведя негромкую беседу с сопровождающим его орком, но вдруг остановился как раз напротив меня.

— Ого, какой красавец! — сказал на всеобщем языке, то есть так, как общаются люди с представителями других рас. — Что он тут делает?

— Ждет, — коротко ответил орк. — Приказ Верховного Паладайна.

— Красавец. — Человек подошел ближе и потрогал мое плечо. Для этого ему пришлось встать на цыпочки — средний эльф немного выше среднего человека, а я перерос и большинство своих сородичей. — Великолепный экземпляр. А что это у него?

Он ткнул пальцем в один из синяков, и я вздрогнул. Больно же!

— Он один стоял против трех десятков, — объяснил орк. — Их отряд налетел на нас, отбил полон и умчался. А он остался прикрывать отход. Если бы не катапульты, его бы ни в жизнь не взяли.

— Так это следы от камней? — Человек стал внимательно меня осматривать. — Хм...

Неожиданно наши глаза встретились. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга.

— Хм... — повторил человек, отходя.

После его ухода прошло не так уж много времени. Я даже не успел снова погрузиться с головой в пучину размышлений о своей дальнейшей судьбе, как мое уединение было нарушено.

Вернулся человек. С ним были еще люди и орки. Одного я запомнил — именно он только что рассказывал представителю людского племени о моих «подвигах».

— Эй, ты! — Меня ткнули палкой под ребро. — Не хочешь ничего сказать?

Я поднял голову, посмотрел ему в глаза. Очень захотелось плюнуть, но во рту давно уже пересохло, и я только обжег его взглядом.

— Благодарю своих духов, что у Верховного Паладайна хорошее настроение и за тебя предложили достойную цену, светловолосый, — промолвил орк. — Так вы правда готовы выложить за него пятьдесят серебряных монет?

— Пятьдесят полновесных серебряных монет, — закивал человек. — Хотя, надо признать, экземпляр в плохом состоянии. Синяки сойдут еще очень не скоро, товарный вид будет потерян, а это всегда убытки. Мне придется его содержать в отличных условиях, потратить средства на лечение и восстановление, а это значит, поднять его цену, чтобы компенсировать затраты. А покупатель очень не любит, когда товар дорого стоит! Есть вероятность, что я буду торговать себе в убыток. Его красная цена — тридцать серебряных

монет, ну самое большее — тридцать пять. Пятьдесят я даю только из уважения к Верховному Паладаину!

— Тогда забирайте его!

На моих глазах человек и орк ударили по рукам, после чего из рук в руки перешел небольшой, сочно звякнувший мешочек.

— Здесь ровно пятьсот пятьдесят серебряных монет, за всю партию товара, — сказал торговец. — Будете пересчитывать?

— Нет, я верю вам.

— И все-таки пересчитайте. Деньги любят счет! А вы, — человек махнул своим помощникам, — отвязывайте пока этого.

Четверо дюжих мужчин, мускулатура которых могла сравниться с мускулами многих орков-воинов, подошли к столбу, возле которого стоял я. И только после того, как их руки коснулись моей кожи, я понял, что это не сон. Меня продали в рабство! Человеку!

Обоз работорговца состоял из четырех подвод, на которые установили клетки. Но между этими подводами были натянуты две длинные цепи, к звеньям которых крепились цепи потоньше, с ошейниками. Каждый ошейник предназначался для одного раба, и часть из них уже была занята. Рабы — мужчины, женщины, подростки обоего пола — сидели или лежали на земле, благо длина растянувшейся на траве цепи это позволяла. На одной цепи сидели только мужчины, на другой — только женщины. В двух клетках находились дети, слишком маленькие для ошейников. Они плакали, звали матерей, и те отзывались им, пытаясь успокоить.

Меня передернуло от зрелища горя и страданий. Три недели я делал все возможное для того, чтобы как можно меньше эльфов попало в рабство. Сколько жизней было спасено! Достаточно вспомнить Торрира, юного Теллора, его мать и сестру... А теперь я сам занял место тех, кого мы освобождали. И должен был разделить печальную судьбу с теми, кого не успел спасти.

— На колени! — прозвучал приказ.

Я к тому времени так устал стоять и с таким трудом добрался до обоза, что послушно рухнул на землю. Сухо щелкнул ошейник, замыкаясь на моем горле. Насколько я успел рассмотреть, у каждого ошейника имелся крошечный замочек, запирающийся на ключ. Так что открыть его самостоятельно не было возможности. Да я и не пытался. Едва меня оставили в покое, я растянулся на земле, ни о чем не думая и ничего не чувствуя. И лежал так, не реагируя на попытки других рабов разговорить меня, до тех пор, пока не услышал команду вставать. Защелкали кнуты, мы поднялись на ноги, и весь обоз тронулся в путь.

— Эй, ты, вставай!

Я, только-только присевший на землю отдохнуть после долгого перехода, поднял голову. Надо мной склонились два надсмотрщика-человека. Один из них держал ошейник и прикрепленные к нему короткой цепочкой наручники.

— Вставай! Хозяин зовет!

Кнут щелкнул, больно зацепив по бедру. Пришлось повиноваться. Меня сняли с общей цепи, надели ошейник, замкнули на запястьях наручники. Длина цепочки не позволяла опустить руки вдоль тела.

— Пошел!

Мы остановились на привал в конце дня. Все это время шли пешком, волочась за едущей впереди подводой. На ней не стояло клетки, зато были сложены дорожные припасы. Сейчас их снимали и разбили палатку для торговца. Возле нее на двух кострах что-то готовилось. Я, не евший уже два дня — о Покровители, неужели только позавчера я был на свободе? — невольно сглотнул слюну.

Меня подвели к палатке, разбитой для хозяина, и заставили шагнуть внутрь. Конвоир протиснулся следом, но работорговец, сидевший перед накрытым столом на складном стуле, махнул рукой:

— Можешь идти!

— Но, господин Родий, а вдруг он на вас бросится?

— Глупости, — отрезал тот, кого только что называли господином Родиём, — это же эльф, а не горный тролль!

Они перебросились еще парой фраз на человеческом языке. Не слишком хорошо зная его, я мог только предположить, о чем идет речь. Потом мой конвоир вышел, оставив меня наедине с человеком, сегодня днем купившим меня у орков.

— Что встал? — торговец ел и то и дело бросал на меня косые взгляды. — Садись!

Он указал на складной стульчик:

— Не бойся, не развалится! И не таких выдерживал!

Я продолжал стоять, не понимая, чем вызвана перемена в поведении торговца. Тот, видимо, догадался, что к чему, и встал, подходя ко мне.

— Родий! Я — Родий! — В доказательство он ткнул себя в грудь. — Не помнишь, Данкор?

Я в изумлении вытаращил на него глаза. Откуда этому торговцу эльфами известно мое имя?

— Не помнишь? — догадался он. — Но я не мог ошибиться. Ты — Данкор?

Торговец ткнул меня пальцем в грудь, и я кивнул, отводя глаза.

— Уф! А я-то уж думал, что ошибся! — Хозяин схватил со стола бокал с вином и выпил. — Я тебя тогда запомнил... Вот ведь память человеческая какая странная штука! Мать моя умерла, когда мне пятнадцать лет было, так я лица ее не помню. А какого-то эльфа запомнил с первого взгляда и на двадцать лет в памяти сберег! Мы с тобой уже встречались, на заставе, помнишь?

— После Большой охоты, — разлепил я губы.

— О, ты научился говорить на всеобщем? — улыбнулся Родий.

— И на всеобщем, и на человеческом, и даже на наречии темных альфаров, — перечислил я.

— Двадцать лет... Ну да, у тебя было много времени, Данкор! А ты совсем не переменялся. Впрочем, вы, эльфы, бессмертны...

Я тихо покачал головой. Да, мы живем очень долго, но не вечно! Иначе среди нас до сих пор жили бы Эниссель Объединительница, королева Бордирель, король-маг Моррир, мятежная принцесса Лариль и прочие исторические личности. Но все они умерли, и не только от рук убийц — от банальной старости, а некоторые — от болезни, у эльфов нет от нее лекарства и недуг может забрать любого — хоть старика, хоть младенца.

— Да что ты все стоишь? Расслабься и присоединяйся! — вдруг широким жестом повел рукой торговец Родий. — Устал, наверное, да и есть хочешь. Сколько времени ты не ел? День? Два? Больше?

— Не хочу я есть, — промолвил я. — Откуда вы взяли, что...

— Ты кого пытаешься обмануть, Данкор? — хохотнул торговец. — За все время разговора ты лишь раз посмотрел в мою сторону, зато глаз не сводишь с накрытого стола!

Я скрипнул зубами, отвел глаза от запеченной курицы и гордо выпрямился.

— Да ладно тебе, не старайся изображать гордость. Садись и ешь, тебе говорят! Давай-ка, я пока ослаблю цепочку...

Он в самом деле снял с меня наручники, оставил ошейник и подтолкнул к столу. Сбоку стоял складной стульчик, на который я и опустился, вернее, рухнул, не сводя глаз с накрытого стола. Родий налил вино в два бокала, один протянул мне.

— Давай с тобой выпьем за счастливый случай, столкнувший нас на дороге жизни! — произнес он. — Не думал я встретить тебя здесь! Ты ведь не первый и не единственный эльф, с которым я встречался, а вот на тебе — запомнил!.. Но, скажу по правде, тебя не запомнить очень трудно. Твой рост... Я никогда не видел таких высоких эльфов, хотя коротышками вашу расу назвать трудно. Ты, наверное, выше всех?

— М... почти, — пробормотал я с набитым ртом. Отбросив гордость, я торопливо жевал, почти не обращая внимания на болтовню торговца.

— Уж там-то, на заставе, ты точно на всех смотрел свысока... Куда потом делся? Я еще раз десять приезжал на Большую охоту, но тебя не было.

— Я... служил в другом месте, — прожевав, ответил любопытному хозяину.

— Понятно. Жизнь — штука сложная... Да ты ешь, ешь. — Меня ободряюще похлопали по плечу. — Нет, ты должен благодарить судьбу за встречу со мной! После этого поверишь в любые совпадения! Так что радуйся, Данкор!

— Значит ли это, что вы отпустите меня? — Я поднес ко рту очередной кусок курицы.

— Отпущу? Ха-ха! — усмехнулся торговец. — Если ты принесешь мне восемьдесят серебряных монет, тогда, пожалуй, отпущу на все четыре стороны!

— Как так — восемьдесят? — удивился я. — Своими ушами слышал, что вы заплатили пятьдесят...

— Пятьдесят — это оптовая цена за живой товар, — принялся объяснять торгаш. — Так сказать, стоимость закупки. Все остальное — накрутка. — Он посмотрел мне в лицо, потом рассмеялся и сжал мой локоть.

— А ты как думал? Пятьдесят монет — очень высокая цена за молодого здорового раба. Я сам остальных мужчин вашего племени забрал у орков по тридцать серебряных монет за голову. Женщины и девушки идут по двадцатке, подростки-мальчишки — по пятнадцати, а маленькие дети — всего по десяти. Ты стоишь как два взрослых раба или три-четыре молодых! Как мне упустить такой шанс?... А мне еще нужно о вас заботиться!..

Я не выдержал и нервно рассмеялся.

— Что ты ржешь? — недоверчиво ошетинился торговец. — Вы мне как дети. Капризные, непослушные, доставляющие много хлопот — но все равно дети! У нас это предприятие семейное. Дед мой торговал, отец, теперь вот я занимаюсь работоторговлей... У нас все отлажено. Мне вас кормить надо? Надо... Да ты ешь, чего уставился на мясо, как будто впервые увидел! Я распоряжусь, чтобы тебе за ужином давали дополнительную порцию... Нет, не хлеба! Я вам каждое утро и каждый вечер приказываю наварить целый котел каши. В полдень выдают хлеб. Детям закупаю молоко, а ведь это денег стоит! Кроме того, следи, чтобы ошейники вам не жали, чтобы вы себе ноги от долгой ходьбы не стерли, чтобы не разболелись, не подрались и синяков не наставили, поскольку это портит внешний вид товара. А овес лошадям? А жалованье моим людям? А всякие женские штучки для рабынь? А налоги? А взятки, наконец? Все это деньги, деньги, деньги! А мне нужно на что-то кормить семью. Отец мой уж лет Десять никуда не ходит — старый совсем, так я его кормлю. А у меня жена и дочки... Знаешь, сколько у меня дочек? — вздохнул торговец.

— Не знаю...

— Четверо! Все хотели мальчика сделать, чтоб было кому династию продолжать. Старшая уже невеста, значит, ей приданое полагается... А у тебя дети есть?

— Наверное, да, — подумав, ответил я.

— Что так неуверенно? Сам не помнишь где, когда и с кем?

— Я... Когда мы расстались, она была беременна. Мне потом сказали, что у нее родился сын... Я все хотел ее найти!

— Понимаю. — Торговец потрепал меня по плечу. — Как ее звали?

— Ленимирель...

— А парня?

Я молча покачал головой.

— Сколько ему лет-то?

— Он еще мальчик. Не знаю, как вы считаете года, а по-нашему он вступил во Время Ветерка, а совсем недавно был во Времени Эля...

...Здесь я должен сделать маленькое отступление. Дело в том, что у нас, эльфов, возраст считают не годами, как это делают люди, и даже не веками, а делят срок жизни на Времена. Вначале идет Время Йови-Жизни — новорожденный еще ничего не соотнобщает, живет инстинктами, его интересуют простые радости вроде радости поесть, поспать. Дальше идет Время Эля-Человека — ребенок активно познает мир, учится общению, и многие

считают, что именно в эту пору происходит становление личности. Третий отрезок жизни — Время Ша-Ветра — ребенок физически не может усидеть на месте, ему трудно на чем-то сосредоточиться, он по нескольку раз на дню может изменить свои увлечения и интересы. Потом идет Время Меана-Огня — пора овладения знаниями. Потом — Время Гал-Дерева — время, когда заключается большинство браков и рождается больше всего детей. Дальше следует Время Рирена-Зверя — время реализации своих талантов. Потом — Время Лор-Воды, жизнь становится ровной и спокойной, как река, текущая по равнине. За ним — Время Бора-Земли — время получения плодов от жизни. И завершает все Время Тало-Смерти — на самом деле просто пора скуки и потери интереса к жизни. Эти периоды индивидуальны для каждого эльфа и не одинаковы по продолжительности. Например, для меня уже наступило Время Гал.

— Значит, твоему парню на вид лет восемь, — поразмыслив, промолвил торговец. — Это плохо, Данкор!

— Почему?

— Если он выглядит старше восьми лет, его могут продать отдельно от матери, — популярно объяснил торговец. — Некоторые готовы новорожденных отделить от матерей, чтобы получить больше денег — ведь если мать продают с ребенком, тот считается бесплатным приложением. Ладно, не вешай носа. — Он придвинул мне полный бокал с вином. — Поспрашиваю, не продавал ли кто эльфийку по имени Ленимирель, у которой должен быть сын лет восьми. Но особо не надейся. Человека найти — что иголку в стоге сена.

— Она не человек...

— Ну эльф, смысл-то один...

Я повесил голову. Каюсь, когда торговец стал расспрашивать меня о Ленимирель, я на какой-то миг поверил, что сейчас он хлопнет в ладоши, воскликнет: «Она же здесь!» — и даст мне возможность увидеть ее. А там, как знать... Но чуда не произошло. Чудеса в наше время вообще редкое явление.

— Ну-ну, все в мире поправимо. — Торговец опять потрепал меня по плечу. — Смотри на происходящее проще — ну, увидите вы с нею, а дальше? Ты — пленник, она — рабыня. Ты ничем не сможешь ей помочь, только растрaviшь себя и ее. Так что успокойся и не бери в голову.

— Наверное, ты прав, человек, — подумав, ответил я.

— Говори мне «вы» и называй «мастер Родий», — поправил он. — Ничего не значит, что ты прожил в несколько раз дольше меня. Сейчас я — твой господин, а ты — мой раб. Вот встретишь кого-нибудь, кто захочет дать тебе свободу, тогда уж... А ведь это отличная идея! — Торговец хлопнул себя по лбу. — Я тебе помогу — выставлю на закрытый аукцион.

— И чем это может мне помочь? — усмехнулся я.

— Да всем! Закрытые аукционы потому и называются закрытыми, что туда абы кого не пускают. Публика там вся сплошь солидная, денег много. А такие люди, как правило, хорошо обращаются с рабами.

— Почему?

— А ты бы стал небрежно обращаться с вещью, которая дорого тебе досталась? — вопросом на вопрос ответил мастер Родий. — Нет, ты будешь ее беречь, сдвувать с нее пылинки, гордиться ею и показывать гостям как предмет особой важности и ценности. Так и с рабами — если за тебя много заплатят, хозяину просто жаль будет сразу ломать и портить предмет, который ему так дорого стоил. Он сначала должен получить максимум пользы... Эй, кто там!

Полог палатки откинулся, и внутрь прошли два надсмотрщика.

— Отвести назад, сытно накормить и смотреть в оба, — распорядился торговец. — И глядите, чтобы другие его не задирали. Он представляет особую ценность...

Мои руки опять заковали в ручные кандалы, после чего меня медленно потащили обратно к подводам и посадили на цепь.

Невольничьи рынки в Ирматуле, столице Вольного Княжества Ирматул, открывались не каждый день, а только по выходным. Мы прибыли в город среди недели, и оставшиеся два дня прошли для нас в хлопотах.

Начать с того, что меня сразу отделили от остальных товарищей по несчастью. Меня — и еще пятерых эльфов, которых мастер Родий счел достаточно ценным товаром, чтобы выставить на закрытый аукцион. Меня и моих товарищей по несчастью осмотрел приглашенный лекарь, после чего нами занялся целый отряд — массажисты, прислуга, банщики. Все они под пристальным вниманием работорговца принялись приводить нас в надлежащий вид.

По традиции торговцам рабами не было места в городе. Свои «склады» они устраивали за городской чертой, посещая Ирматул только для того, чтобы продать на аукционе товар. Торговцы первого поколения даже не имели права селиться в городе и вынуждены были ставить дома там же, возле «складов».

Нас, шестерых «счастливчиков», отвели в один такой дом. Оставшиеся дни мы должны были жить здесь. Каждая небольшая комнатка была убрана довольно уютно. Вид портили только толстые решетки на окошках и замки, которые защелкнулись, едва мы переступили порог. Вид из моего окна открывался на реку, на берегу которой и стоял Ирматул. Город, где я должен был окончательно распрощаться со свободой, находился намного левее, и из окна нельзя было рассмотреть даже его предместья. Я несколько минут потратил на то, чтобы увидеть его хоть краем глаза, а потом одернул себя. Что я делаю? Через несколько дней меня продадут в рабство, а я, вместо того чтобы оплакивать свою горькую участь, удовлетворяю собственное любопытство. «Вот гляди, получишь хозяина, тогда посмотрим!» — сказал я сам себе.

Скрипнувшая дверь отвлекла меня от раздумий.

— Данкор?

Я с удивлением обернулся. На пороге стоял мастер Родий.

— Ты что это делаешь?

— Я, — пришлось отойти от окна, — хотел увидеть город.

— Ты никогда не видел человеческих городов?

— Мне интересно увидеть место, где я потеряю свободу и честь.

— Странное заявление. Тем более что свободу ты потерял еще тогда, когда орки взяли тебя в плен. А что до чести... хм, ты не совершил ничего такого, что можно считать бесчестным.

— Бесчестие уже то, что я буду продан, как вещь...

Я осекся, не зная, как выразить бушевавшие меня чувства.

Торговец пробормотал что-то относительно характера эльфийских лордов — я прекрасно все расслышал, но почти ничего не понял. После этого Родий направился к дверям. Уже на пороге обернулся:

— Под окнами постоянно несут службу мои люди. Беглецов приказано травить собаками. Если ты доставишь мне хлопоты, я продам тебя вместе с обычными невольниками.

Назначенный день наступил быстро. Рано-рано, когда в воздухе еще чувствовалась особая утренняя свежесть, нас вывели из дома и погрузили на повозку. Трех мужчин — меня и еще двух юношей и трех девушек. Девушки были сестрами-тройняшками — достаточная редкость даже для более плодовитых людей, — а младший юноша, на вид ровесник покойного Дейтемира-младшего, представился как танцор. Его движения и впрямь отличались особой грацией, заставлявшей любоваться молодым и пластичным телом. У нас многие девушки прекрасно танцуют, но чтобы танцором стал мужчина — это действительно большая редкость. Второй юноша назвался ювелиром.

Клетка, стоявшая на повозке, была закрыта со всех сторон, так что мы лишь однажды увидели город — когда у самых ворот с прутьев сдернули полог, чтобы стража могла пересчитать нас. Я немедленно запрокинул голову, желая осмотреться, но увидел только

высокие стены с рядами бойниц по обе стороны и массивную надвратную башню. Она словно нависала над перекинутым через ров мостом.

Это было все, что я смог разглядеть, — в следующий миг полог опять набросили на клетку, и мы пересекли мост, въехав в стольный город Ирматул.

Уже на месте нас провели в тесное помещение, раздели догола, после чего тщательно натерли маслом, чтобы придать коже оттенок слабого загара. Волосы девушек распустили близняшки немедленно закутались в них, стесняясь наготы. После чего всем связали руки за спиной и оставили одних.

Снаружи шумел торг. Даже не особо напрягая слух, можно было разобрать то и дело взлетающие над гулом толпы голоса продавцов: «Тридцать пять! Прекрасная цена! Кто даст больше?... Тридцать семь? Отлично... Тридцать семь — раз, тридцать семь — два, тридцать семь — т-три... Продано! Поздравляю вас! Прекрасное приобретение!»

Девушки, прижавшись друг к другу, всхлипывали. Юноши озирались по сторонам и вздрагивали всякий раз, когда до нас долетал особенно громкий крик: «Пр-родано!» В тесной клетушке, куда нас заперли, не имелось даже намека на окошко — только в двери была задвижка, и время от времени она приоткрывалась, чтобы сторож смог посмотреть, все ли в порядке.

— Выходи. — Дверь распахнулась, и палец торговца уткнулся в танцора. Юноша втянул голову в плечи, бросил на нас испуганный взгляд и вышел.

Еще через некоторое время пришли за ювелиром. Потом — за девчонками, и я остался один.

Клетушка была тесной — всего три шага в ширину и четыре — в длину. Пол устлали соломой, которая слегка щекотала босые ноги. Устав стоять, я прислонился к стене. Если бы не связанные руки...

В одиночестве я сидел довольно долго — уже успел соскучиться и решить, что сегодня меня не будут продавать. Аукцион все еще шумел, и во мне проснулась тревога. Неужели что-то случилось?

— Выходи!

Мастер Родий сам пришел за мной. Он был одет в красно-коричневый наряд и сжимал в руке плетъ.

— Ничего личного, — промолвил торговец, отступая и жестом предлагая мне переступить порог. — Это только работа. Надеюсь, ты потом оценишь мою заботу!

Это действительно был закрытый аукцион — во всяком случае, помост, на который меня вывели, стоял внутри полосатого шатра, а шум и гам доносились снаружи. Я встал на самом краю и посмотрел вниз. У помоста толпилось всего десять-пятнадцать человек и несколько темных альфаров. Меня не удивило их присутствие — темные альфары часто служили приказчиками, выступая посредниками в самых разных сделках. Одни только сидели в лавке, реализуя товар, а другие и сами вели торговые дела, заключали сделки, подписывали договоры. Если меня купит человек, я стану принадлежать человеку. Но если это сделает темный альфар, моим хозяином может оказаться кто угодно — от самого покупателя до какого-нибудь подземника. Впрочем, мне что-то говорили о том, что это — закрытый аукцион. Значит, перспектива провести оставшуюся жизнь где-нибудь на алмазных копиях отпадает.

— Экземпляр номер четыре! — представил меня мастер Родий, сам поднявшийся на помост рядом со мной. — Молодой мужчина! — и, привстав на цыпочки, чтобы быть повыше ростом, шепнул мне: — Постарайся им понравиться!..

Я только хмыкнул. Понравлюсь я им или нет — это уже неважно. Круче перемен представить невозможно! Лорд, рыцарь, Коралловый Зуб, пограничник — и раб.

— Начальная цена — пятьдесят серебеников!

— Продано!

Я вздрогнул.

— Продано за сто пятьдесят серебеников!.. Благодарю вас, господин. — Мастер Родий

раскланялся перед моим... мм... хозяином. — Вы не могли вложить деньги в более выгодное предприятие!

Двое слуг свели меня с помоста и поставили перед человеком, который отныне волен был распоряжаться моей судьбой. Мастер Родий сиял, как новенький серебреник.

— Поздравляю. — Он похлопал меня по плечу. — Вот посмотришь, ты еще скажешь «спасибо»!.. Они же мне как дети, — добавил он, обращаясь уже к моему хозяину, — иной раз душа болит, когда приходится отправлять их на все четыре стороны! А некоторых даже продавать жалко. Вот верите, нет, но ночами я даже плачу, вспоминая...

— Мне пора, — перебил мастера человек. — Меня ждут. На мою шею надели поводок, прикрепив его к ошейнику, и передали двум слугам. Хозяин кивнул и направился к выходу, заставив меня следовать за собой.

Полосатый полог откинулся, и яркое солнце буквально ослепило меня. Наклонив голову, я сделал десяток шагов, прежде чем глаза кое-как привыкли к свету.

Сколько хватало глаз, тут и там высились помосты, на которые выводили рабов. Было здесь и несколько полотняных шатров — бело-зеленый, из которого меня только что вывели, еще один бледно-синий, красно-белый, желто-коричневый... Туда-сюда сновал народ — в основном люди, но попадались и вездесущие темные альфары, и даже орки. На моих глазах четверо орков вскладчину выкупили своего соплеменника, стащили с помоста, содрали с него ошейник и, обняв за плечи, отправились куда-то праздновать его освобождение.

Я вертел головой, ненадолго забыв о своей собственной печальной участи. Люди, орки, альфары не обращали на меня внимания. До раба-эльфа никому не было дела, кроме двух охранников, один из которых вел меня на поводке. Человек, купивший меня, шагал впереди решительным шагом, говорящим о том, что все свои дела он закончил и намерен убраться отсюда как можно быстрее.

— Предмет номер семнадцать! — услышал я пронзительный крик зазывалы. — Настоящая эльфийская дева!

Мы как раз проходили мимо помоста, на который в эту минуту вывели... Это была она. Ленимирель. Моя возлюбленная.

С двух сторон к ней жались дети — девочка и мальчик. Бородач, торговавшийся за меня с моим хозяином, стремительно бросился туда. А я замер как вкопанный, глядя на Ленимирель и детей. Вернее, на мальчика.

На своего сына.

— Чего встал? Пошел!

Меня сильно дернули за поводок, призывая следовать дальше, но я не смог устоять.

— Ленимирель! Ле-э-эн!

Она встрепенулась, нашла меня взглядом — и я бросился вперед.

— Назад! Взять его!

Охранники набросились на меня с двух сторон, повисли на локтях, но я стряхнул их, как кабан стряхивает повисших на нем собак, и побежал к помосту, на котором застыла, хлопая глазами, моя Ленимирель, прижимающая к себе детей — дочь и сына.

Сильный рывок поводка дернул меня назад. Я рванулся еще раз, схватаясь за ошейник руками, с трудом вырвал поводок из рук охранников и кинулся бежать...

Но почти сразу налетел на какого-то орка. Тот среагировал мгновенно. Его тяжелый кулак опустился мне на голову. Я покачнулся — и в этот миг на меня снова набросились охранники.

— Держи его! Крепче!

Я сопротивлялся отчаянно, несмотря на то что перед глазами от тяжелого удара орка все плыло и двоилось. Но на помощь охранникам подоспело еще несколько человек. Справиться со всеми не удалось. Мне заломили руки назад и скрутили так, что я едва мог пошевелиться, после чего бросили наземь перед господином, который меня купил. Тот за подбородок поднял мою голову, всмотрелся в лицо.

— Мне рекомендовали тебя как послушного раба, — глухо произнес он. — А что я

вижу? Драчун и дикарь, который срывается с места при виде первой попавшейся самки... Впору вести тебя обратно и требовать деньги назад.

Я облизнул губы, не зная, что сказать и нужно ли что-нибудь говорить.

— За мной, — человек повернулся и пошел прочь широким решительным шагом. Меня потащили за ним — оба охранника почти висели на моих локтях, мешая нормально идти. По пятам шагали еще несколько человек из числа добровольных поимщиков.

Мы завернули за соседний помост и оказались у небольшого навеса, в очаге ярко пылал огонь, а рядом, на маленькой наковальне, трудился полуголый орк-кузнец. Его подмастерье, орчонок-подросток, при нашем приближении пихнул мастера локтем.

— В чем дело? — отложив молот и свою работу, поинтересовался кузнец.

— Вот в нем. — Меня вытолкнули вперед. — Заковать. У тебя есть подходящие наручники?

— Конечно, есть. — Орк вытер руки о кожаный передник и подошел ближе. Как ни странно, мы с ним оказались одного роста, так что мне не пришлось опускать глаза. Еще чего не хватало — склоняться перед темноволосым! Это из-за него и таких, как он, я оказался в рабстве!

— Строптив? — Кузнец выдержал мой взгляд.

— Пытался сбежать, — коротко бросил человек.

— И дорого он вам достался?

— Сто пятьдесят серебреников.

— Ого! — присвистнул орк. — Тогда, может быть, поставить клеймо?

Я вздрогнул и похолодел. Не то чтобы я так уж сильно боялся боли, просто у меня в голове не укладывалось, что меня заклемят, как обычную лошадь или корову. Ведь это будет настоящий конец!

— Нельзя его клеймить, — пробурчал человек, купивший меня. — Это подарок. И мне очень не хочется его портить!

Я невольно заинтересовался. Значит, господин, заплативший за меня сто пятьдесят серебреников, не является моим хозяином. Меня купили... в подарок! Я — действительно всего лишь ценная вещичка, которую привезут из путешествия в качестве сувенира. Вопрос только — кто на самом деле станет моим хозяином! Что он за человек? Зачем я ему нужен? Для достижения какой-либо цели или просто как оригинальная безделушка?

В углу стоял небольшой ларь. Бросив на меня взгляд, кузнец открыл его, немного покопался и вытащил наручники, соединенные короткой, в два-три звена, цепью.

— Руки назад. Пришлось подчиниться.

Наручники были очень тугими. Они сдавливали запястья так, что я невольно повел плечами, пытаюсь освободиться.

— Не старайся. — Кузнец похлопал меня по плечу. — Это мое собственное изобретение. Снять без посторонней помощи невозможно! На себе испытывал! — гордо похвалился он.

Я промолчал.

— Вам нравится? — Кузнец обращался к купившему меня человеку. — Открываются они, несмотря ни на что, очень легко. Потом просто нажмете на эти два выступа. Смотрите!

Щелчок. Наручники ослабли.

— А вот теперь отпускаем выступы — и он готов! Только надо нажимать их одновременно и одновременно же отпускать. Попробуйте сами!

— Хорошо, — услышал я голос человека. — Мне нравится эта конструкция. Сколько с меня?

— Пять серебреников. Может быть, еще ошейник подобрать? Есть застегивающиеся, накладные, строгие, с шипами внутрь или соединенные с наручниками...

— Нет, достаточно.

Меня опять дернули за поводок и вывели из-под навеса. Кругом по-прежнему шумел невольничий рынок, надрывали горло зазывалы, шатались туда-сюда прохожие и зеваки,

проходили вереницы рабов, хлопали кнуты, звенели цепи. Рынок жил своей жизнью и по-прежнему не обращал на меня внимания. Меня больше словно бы не существовало.

Ирматул считался перевалочным торговым пунктом, ибо здесь встречались караваны с товарами со всех частей света. Рабы, меха, кожи, металлы и изделия из них, пряности, редкие ткани, скот — все, что угодно, можно было обменять или продать на этих рынках. А это означало, что я и купивший меня человек вряд ли останемся тут надолго и через несколько дней покинем этот город... Ужасный город, отнявший у меня свободу и навсегда разлучивший с теми, кого я помнил и любил.

Купивший меня господин остановился в частном доме на окраине города. Войдя во внутренний двор, он сразу распорядился привязать свое приобретение к коновязи, которая представляла собой два столба с перекинутой между ними балкой. К одному из столбов меня и прикрутили так, что я почти уперся носом в столб.

— Ты... — Человек подошел вплотную и заглянул мне в лицо. — Если бы ты не был подарком, я бы заставил тебя горько пожалеть о том, что посмел выказать норы! Был бы ты моим, я бы приказал пороть тебя до тех пор, пока ты не закричал бы, умоляя меня перестать! Но к сожалению, я не могу этого сделать — ты изначально принадлежишь другому. Поэтому я даже не имею права потребовать от тебя, чтобы ты называл меня хозяином. Но кое-что я для тебя все-таки сделаю... Дать ему десять плетей! Бить аккуратно!

Не знаю, что такое «бить аккуратно», но от первого удара я уткнулся лбом в столб, к которому меня привязали. Захотелось взвыть. Нет, я не боялся боли — просто до сего дня меня ни разу не били. Кнут хлестал по плечам, по спине, по заведенным назад рукам. А я скрипел зубами и разве что не грыз столб, больше всего на свете мечтая, чтобы наказание прекратилось. Увы, но я уже почти был готов умолять своего палача о пощаде, когда голос купившего мою свободу произнес:

— Хватит с него.

Временный хозяин подошел к столбу.

— Посмотри на меня, — распорядился он, и я послушался.

— Говорят, вы, остроухие, все такие смелые и гордые, все сплошь лорды и леди, — произнес он. — Вас ничто не заставит плакать... Что же это у тебя на щеках? Дождик прошел?

Я смотрел на него и молчал. Да, я только что плакал, но кто останется спокоен и невозмутим, потеряв в один день свободу и надежду?

— Нет, это не вода, — промолвил я, тщательно подбирая слова на человеческом языке. — Это то, что вы подумали, хозяин.

— Быстро учишься, — усмехнулся человек. — Но не я твой хозяин. Тебя возжелал приобрести... мм... один человек. Поскольку ты был последним в списке покупок, послезавтра мы выезжаем... Если ты не попытаешься сбежать и не заставишь меня тратить силы на поиски...

— Нет, господин. Я не убегу.

— Хорошее обещание. Теперь бы его выполнить... Эй! Отвязать его!

Меня открутили от коновязи и повели, не сняв наручников, к сложенному из белого камня дому, стоящему в глубине двора.

Дом состоял из двух частей — верхней, с большими окнами, туда вела широкая лестница, и нижней, с совсем маленькими, какими-то подслеповатыми окошками, на эту половину вела полуподвальная лестница. Сопровождавший меня слуга распахнул скрипучую дверцу, приглашая спуститься вниз по каменным крутым ступеням. Меня заперли в крошечную каморку, где, судя по запахам, раньше хранились всякие соленья. Никаких удобств не было. Из мебели в углу стоял лишь бочонок, на который мне предложили сесть.

— Ты, наверное, привык к другому, — неожиданно мягко обратился ко мне человек, — но потерпишь, ничего с тобой не случится за два дня.

Я оглядел старую кладку стены, земляной пол, утопанный до твердости камня.

— Не бойтесь, что убегу? Может быть, на цепь посадите для надежности?

— Это мысль, — одобрил человек. — Будешь себя плохо вести — действительно посажу на цепь. Кстати, как твое имя, эльф?

— Данкор из Дома Дармира, — машинально ответил я.

— Из Дома? Что это значит?

— Уже ничего, — покачал я головой. — Но когда-то...

— Хм. Понятно. — Купивший меня человек отступил к выходу. — Зови меня господином Туррусом.

Хлопнула дверь, лязгнул замок. Я остался сидеть в пустой кладовой на перевернутой бочке, наедине со своими мыслями. Были они, прямо сказать, невеселыми.

В путь отправились на рассвете, едва открылись городские ворота.

Господин Туррус и человек, которому я предназначался в подарок, жили далеко отсюда, в одном из Вольных Княжеств, расположенных на востоке. Все, что мы, эльфы, знали об этих государствах, укладывалось в два слова — «война» и «жадность». Ибо основным занятием местных князей была война с соседями, ведущаяся для того, чтобы либо отобрать у них куски территории, либо не допустить, что твои владения растащат по кусочку. Об успехе этих постоянных соседских войн говорило то, что на картах Вольные Княжества изображались в виде одного большого пятна, не разделенного на внутренние границы. О том, где конкретно проходят границы их земель, порой точно не знали и сами князья.

Обоз, идущий в сердце Вольных Княжеств, составилась большой — кроме двух подвод с добром господина Турруса в нем было больше десятка других подвод, принадлежащих разным купцам, из которых некоторые жили еще дальше к востоку от Княжеств, в землях, о которых я ничего не знал.

Мы выехали ранним утром, когда воздух был еще прохладен после ночи. Меня вывели из кладовой в самый последний момент. Господин Туррус сам отвел свое приобретение к одной из подвод и закрепил цепочку-поводок на краю, после чего кивнул наемнику, замершему на коне рядом со мной:

— Отвечаешь за него головой. Если сбежит или с ним что-то случится, посажу тебя на его место. Он обошелся мне в две сотни серебреников.

Наемник фыркнул и сверкнул глазами в мою сторону. Судя по цвету кожи и волос, а также по разрезу глаз и форме тяжелой челюсти, это был полуорк. Я смерил его холодным взглядом, про себя недоумевая, почему господин Туррус зависил мою стоимость. Хотел заставить стража лучше исполнять обязанности или считал, что «двести» звучит лучше, чем «сто пятьдесят»?

Через несколько минут подводы тронулись в путь. Я зашагал рядом с «моей». Длина поводка позволяла либо отстать от нее на несколько шагов, либо пойти вровень с козлами, на которых сидели двое возниц. Мог я также сойти с дороги и двигаться по обочине либо запрыгнуть на подводу и ехать с комфортом.

Меня не слишком интересовал окружающий пейзаж. Я гораздо чаще оборачивался назад, на постепенно уплывающий вдаль Ирматул, чем смотрел вперед или глазел по сторонам. Некоторые считают, что вся наша жизнь — дорога и что нужно внимательно смотреть вперед, выбирая путь, и по сторонам, потому что больше ты в эти места не вернешься. Если это правда, то впереди, в будущем, меня не ждало ничего, окрестности-«настоящее» тоже не представлялись чем-то интересным, и лишь то, что осталось позади, мое прошлое, еще имело для меня какую-то ценность.

Первые два дня господин Туррус не обращал на меня внимания. Я его даже не видел. Он все время был где-то впереди, там, где собрались все путешественники. Оттуда иногда долетали взрывы смеха и обрывки песен и речей. Но на третий день человек неожиданно почтил меня своим присутствием.

Я ехал на подводе, по установившейся привычке сидя лицом назад. Мы находились в середине каравана, так что прямо передо мной покачивалась конская морда. Подвода,

которую тащила уставшая лошадь, занимала большую часть обзора, и это тоже можно было считать символичным — прошлое с каждым днем все больше заслонялось настоящим.

Перестук копыт заставил обернуться через плечо.

— Как тут? — Господин Туррус обратился к моему охраннику.

— Все в порядке, мастер. — Всадник-полуорк сплюнул на обочину. — Он либо бредет у борта, либо сидит вот так. Часами может...

— Хм... — на меня обратили внимание, — и давно он так сидит?

— Да как мост проехали, так и не шевельнулся.

— И чего там такого интересного? — Вопрос относился ко мне.

— Ничего, господин, — ответил я, не отводя глаз от уползающей вдаль дороги.

— А все-таки? Сбежать думаешь? Это глупо. Бежать имеет смысл только тогда, когда точно знаешь, что тебе есть куда возвращаться. А если позади нет ничего, нет смысла возвращать прошлое.

Я с некоторым удивлением посмотрел на человека. Всего несколькими словами описать то, что я чувствовал, но в чем боялся себе признаться! Ведь он был прав! Там, позади, меня не ждало ничего! Мой Остров разрушен, мои родные пропали без вести или погибли. Моя возлюбленная и мой сын...

— Кто она тебе? — неожиданно мягко обратился ко мне человек.

— Жена, — вздохнул я, вспомнив тот единственный взгляд, которым одарила меня Ленимирель с помоста. В нем светились безмерное удивление, недоверие — и страх. Чего она боялась? Был ли это обычный страх перед неизвестностью или она испугалась своего прошлого в моем лице?

— Жена и дети, значит? — сделал свои выводы человек. — Это плохо. Лучше совсем ничего не ведать про своих и тешиться надеждой, чем знать горькую правду!

Я смотрел на господина Турруса с плохо скрываемым удивлением. Он был моим временным хозяином — пока не придет пора меня «дарить», — всего несколько дней, но я даже не подозревал, что это за человек.

— Жаль, — помолчав, заявил он, — что ты не сказал этого раньше.

— Когда? — ответил я. — У помоста?

— А хотя бы и там! Не думаю, что она стоила так уж дорого — с детьми. Обычно высоко ценятся девушки, особенно девственницы, а женщин, у которых подрастают дети, продают за чисто символическую плату. Да еще и на общем аукционе... Вряд ли за всю троицу могли выложить больше пятидесяти монет...

— Вы хотите сказать, — я оторвал взгляд от дороги и внимательно посмотрел на человека, — что купили бы их? Для меня?

— В первую очередь — для себя, — произнес господин Туррус, — чтобы быть уверенным, что ты не сбежишь.

— Куда мне? — вздохнул я. — Я постоянно на цепи, как пес. Да и охранник глаз с меня не сводит.

Я покосился на полуорка. Тот действительно больше смотрел на вашего покорного слугу, чем по сторонам. И его взгляд — вернее, огонь, который горел в глазах, — мне не слишком-то нравился.

— За это я ему и плачу! — произнес господин Туррус, прищипывая коня и возвращаясь в голову обоза.

Чем дальше уплывал Ирматул, тем беспокойнее становились обозники и охранники. Старший конвойный — сторожить обоз нанялся целый отряд, в котором вместе с людьми служили орки, полукровки и даже один тролль, — вместе со своими помощниками несколько раз в день объезжал весь обоз, а его подопечные по утрам надевали под куртки кольчуги и держали оружие наготове. Приграничье Княжества Ирматул жило в состоянии войны. Ибо Вольные земли были убеждены, что на его территории текут молочные реки в кисельных берегах и что их может обогатить сам факт владения любой частью этого государства.

Как-то на рассвете ко мне подошел господин Туррус. Я как раз завтракал — кормили меня из того же котла, что и охранников, так что я мог рассчитывать на кашу с мясом и глоток разбавленного водой эля вечером и немного бодрящего травяного настоя утром. Я прекратил жевать и поднял на него глаза.

— Встать, раб, — процедил полуорк, — когда подходит свободный!

Я нехотя поднялся, но человек махнул рукой, показывая, что сейчас ему не до церемоний, и кинул полуорку несколько ремней:

— Когда закончит есть, свяжи его и забрось на подводу.

— Что? — не поверил я своим ушам. — Почему?

— Чтобы не сбежал, — господин Туррус удостоил меня ответом.

— Ты поел, раб? — едва дождавшись, пока человек отойдет от нас на несколько шагов, поинтересовался охранник.

— Мм... почти. — Я вцепился в миску, с тревогой посматривая на ремни в его руках. Не то чтобы я так уж боялся, просто процедура была унижительной.

— «Почти» не считается, — отрубил полуорк. — Давай сюда руки.

Он быстрым движением выбил миску, после чего легко заломил мне руки назад.

— Не надо! — воскликнул я, пытаюсь вырваться. — Я не убегу! Клянусь!

— Хозяин сказал — «надо», значит, надо, — пропыхтел охранник и изо всей силы двинул мне локтем между лопаток. — Не дергайся, а то так скручу, что хуже будет!

По моему мнению, хуже быть уже не могло, и я все-таки прекратил сопротивление. Связав мне руки, полуорк спутал лодыжки, забросил меня на подводу и на всякий случай проверил, насколько прочна цепь, тянущаяся от ошейника.

— Убедился, что я никуда не денусь? — не удержался я от сарказма. — Ты еще глаза завяжи и рот заткни!

— Не замолчишь сам — так и сделаю, — прорычал охранник.

Пришлось смириться, хотя все во мне восставало против такого обращения. Но что оставалось делать? С каждым днем мы все дальше оказывались от Радужного Архипелага. Я был единственным эльфом в обозе, а это значит, что на встречи с соплеменниками у меня не оставалось надежды. Да и зачем они были нужны? О чем мы могли друг с другом говорить? О гибели нашего мира? О том, что орки сейчас громят Радужный Архипелаг, завоевывая Остров за Островом? Какой Остров падет следующим? Аметистовый? Изумрудный? Янтарный?

Обоз тащился на восток. Мерное покачивание подводы убаюкивало, но горькие мысли гнали от меня сон, а ехавший рядом полуорк еще больше растравлял чувства.

На второй день все повторилось.

И на третий.

А на четвертый...

Накануне мы покинули мирный Ирматул и углубились на территорию соседнего Вольного княжества Дедославского. Это мне изволил сообщить мастер Туррус, когда присутствовал при ставшем обязательным ритуале связывания вашего покорного слуги.

— Может быть, не надо? — рискнул я обратиться к нему, пока полуорк возился с моими запястьями. — Я готов поклясться всем святым, что не попытаюсь бежать!

— Тебе надоело? — понимающе кивнул человек. — Могу тебя обрадовать. Мы вчера под вечер вступили на земли Дедославского Княжества. Как только покинем его, я тут же отменю приказ. Осталось всего несколько дней.

Для меня эти дни растянулись до бесконечности. Долгими часами я валялся на подводе среди тюков товара и чувствовал себя ужасно. Разбитая дорога пролегла по довольно безлюдной местности — за полдня мы ни разу не видели ни одной деревушки или даже хутора. Как мне удалось узнать впоследствии, Дедославское Княжество в прошлом довольно часто страдало от набегов соседей. Приграничные земли грабили все, кому не лень: даже если соседние Княжества объединялись для того, чтобы напасть на Ирматул, все равно они не могли устоять перед искушением и не прихватить что-либо у поселян Дедослава. Поэтому

местные жители либо научились скрываться и жили исключительно в глухом лесу, либо давно подались отсюда куда подальше.

Мы пробирались через глухие леса, годами не видевшие топора дровосека. Раз или два казалось, что откуда-то из-за деревьев поднимается дымок. Местность была такая дикая, что охранники, не сговариваясь, достали оружие, а многие в дополнение к кольчугам надели еще шлемы.

Я попытался приподняться на локте.

— Эй! — окликнул своего охранника. — Что происходит? Полуорк не ответил. Он надел шлем, из-под которого торчала только его массивная нижняя челюсть. И эта челюсть выражала презрение. Впрочем, лицо этого существа вообще ничего иного не выражало по отношению ко мне.

— Развяжи меня, — попросил я. — Пожалуйста! Полуорк хмыкнул.

— Я не буду пытаться убежать, — продолжил я. — Но мне просто... мне очень нужно сейчас быть свободным! Я чувствую — что-то происходит! И я хотел...

Только острый эльфийский слух помог мне расслышать свист стрелы. Его не услышал больше никто — зато все увидели, как падает с седла человек, убитый выстрелом в шею.

— К оружию! Сомкнуть ряды! Тревога! — пронеслось вдоль обоза из конца в конец. Охранник плотнее надвинул шлем и мгновенно вскинул щит, в который тут же ударила стрела. Вторая попала ниже — всхрипнул, покачнувшись, раненый конь.

— Что это? — Я попытался приподняться. — Нападение? Так оно и было. Человек сорок — столько я мог видеть со своего места — вылетело на дорогу из кустов. Лучники били в упор, на таком расстоянии стрелы пронзали кольчуги, глубоко увязали в мясе. К счастью, стрелять быстро прекратили — каждый лучник успел выпустить по паре стрел, после чего нападающие обнажили мечи и схватились с охранниками обоза. Тех было, конечно, много, но первый залп из луков существенно проредил ряды.

За оружие взялись все: возницы, выжившие после первого залпа, достали кистени и легкие топоры, вооружились и купцы, не говоря уже об охранниках, которые честно выполняли свою работу.

Раненый конь повалился на обочину дороги, а полуорк спешил, хватая меч и щит. Третья стрела впилась в дерево рядом с самой первой, пронзив щит насквозь. Потом на моего сторожа налетели сразу двое разбойников.

Всюду кипели схватки. На дороге валялись убитые и раненые. На моих глазах полуорк расправился с противниками — одного достал ударом в шею, другого сначала сбил с ног, оглушив ударом щита, а потом уже добил — и бросился прочь, выискивая новых противников. Их вокруг было предостаточно.

Откуда-то от головы обоза послышался отчаянный визг. Так могла кричать только до полусмерти перепуганная женщина, и я не смог стерпеть.

— Развяжи меня! — закричал полуорку, рванувшись в путях. — Развяжи!

Охранник бросил на меня взгляд через плечо. Под шлемом я не мог разглядеть выражение его глаз.

— Развяжи! — повторил я. — Я буду драться!

— Ты, — прорычал он.

— Я не убегу! Я — воин! — убеждал я. — Скорее! Ну! Несколько долгих секунд полуорк смотрел мне в глаза, а потом одним прыжком сиганул на подводу:

— Руки!

Получив свободу, я кубарем скатился с подводы.

Одному из охранников не повезло — стрела впилась ему в горло как раз над ключицами. Он лежал, раскинув руки, лицом вниз, но, когда я наклонился, чтобы взять оружие, холодный металл коснулся моей шеи сзади.

— Эге, — произнес кто-то за моей спиной. — Что это мы тут делаем?

— Мне нужно оружие, — не оборачиваясь, ответил я.

— Уверен?

Мое тело среагировало быстрее разума — подобравшийся ко мне со спины человек еще говорил, а я уже действовал. Припасть к земле, кубарем перекатиться по дороге, попутно подхватив одной рукой валяющийся рядом меч покойника, а другой — горсть песка и пыли, вскочить и бросить песок с пылью в лицо человеку было секундным делом. Незнакомый отшатнулся, невольно зажмурившись, — и этого движения было достаточно, чтобы я рубанул сверху вниз, тяжестью опуская меч на его плечо.

— Скорее! — Рядом возник полуорк, держа наготове перепачканный кровью меч. — Вперед!

Всюду кипели схватки — уцелевшие охранники, возницы и купцы сражались отчаянно, защищая уже не столько товары, сколько свою жизнь. Некоторые, побросав оружие, спешили укрыться в лесу — таких не преследовали.

Мы помчались вдоль обоза, расшвыривая всех на своем пути. Соответственно росту Покровители наделили меня и силой, так что бегущему по пятам полуорку доставалось лишь добивать тех, кто раненым откатывался от меня.

Я спешил на помощь женщине, чей крик все еще стоял у меня в ушах, но неожиданно буквально споткнулся о тело, распростертое на дороге.

Для господина Турруса все было кончено. Стрела, торчащая из его груди, красноречиво свидетельствовала об этом.

— Господин...

Я вдруг почувствовал себя беззащитным. Нет, не потому, что у меня не было приличной одежды, не говоря уже о доспехах. Просто будущее опять стало туманным и неопределенным. До сего момента я был рабом, который хоть и не признавался в этом, знал, что его ждет впереди. Я не принадлежал самому себе и плыл по течению жизни, не задумываясь, как жить и что делать. Мастер Туррус должен был доставить меня хозяину в качестве «подарка». С его смертью все обещания теряли смысл. Я ничего не знал о том, кому меня надо было «подарить». Да если бы и знал имя моего «хозяина» — что заставило бы меня искать его? Я оказался предоставлен сам себе — и совершенно не понимал, что делать.

— Чего застыл? — Грубый голос полуорка вывел меня из раздумий.

— Я...

— А-а-а-а! Не трогайте меня!.. Помогите!

— Туда! — решил я, бросаясь на голос. Сейчас я готов был делать что угодно, лишь бы не думать о дальнейшей судьбе.

Человек такого маленького — особенно по сравнению со мной! — роста, что его легко можно было принять за темного альфара, отчаянно отбивался от двух грабителей и вопил высоким пронзительным голосом, который легко можно было принять за женский. При этом телом он ухитрялся закрывать небольшой сундучок и верещал так пронзительно, что его вопли перекрыли топот наших шагов и даже заглушили шум битвы.

Мой меч и кривой талгат полуорка одновременно опустились на плечи двух грабителей, одним ударом выведя их из строя. Остальные разбойники тут же оставили верещащего женским голосом коротышку и развернулись к нам — только для того, чтобы быть убитыми ударами в грудь, а не в спину.

— Спасите! — завизжал коротышка еще громче, вцепившись в сундучок двумя руками. — Спасите и можете просить что угодно! Я вас озолочу! Я вас...

Убив еще одного человека, я подхватил его оружие и взял в каждую руку по мечу. Так мне было значительно легче сражаться.

— Отходим! — приказал полуорк, валя наземь очередного грабителя. — В лес!

— Умоляю вас! Не бросайте меня! Защитите! — опять заверещал коротышка. Обнимая свой сундучок, он кинулся к нам.

Мы втроем соскочили с обочины и бросились в лес. Нас никто не преследовал — оставшиеся в живых грабители либо добивали последних защитников, либо принимались потрошить подводы. Оглянувшись на бегу через плечо, я заметил, что разбойники, не тратя времени даром, садятся на козлы и гонят подводы прочь, оставив тела убитых валяться на

дороге.

Первым сдался коротышка, который волок на себе сундучок. Он рухнул на траву под высоким деревом и простонал:

— Больше не могу.

— Надо идти, — прохрипел полуорк.

— Умоляю, — задыхающийся коротышка приподнялся, — не бросайте меня! Я... хорошо заплачу...

— Сколько? — Полуорк, уже сделавший шаг прочь, остановился.

— Десять... нет, двадцать серебряных звезд, — объявил коротышка.

— Мастер Туррус в качестве аванса заплатил мне двадцать звезд, — произнес полуорк. — В конце пути я должен был получить еще сорок.

— Ну хорошо, я дам тридцать... Больше у меня все равно нет!

Все это время коротышка разговаривал с полуорком, напрочь игнорируя меня. Я какое-то время скромно помалкивал, но потом решил вмешаться — хотя бы для того, чтобы выяснить свой статус.

— Согласен на тридцать «звезд», — объявил я.

— Ты? — фыркнул полуорк. — С тобой, раб, никто не торговался! Сиди, молчи и радуйся, что тебе позволено держать в руках оружие!

Ну вот оно! Я выпрямился, расправляя плечи.

— Во-первых, я больше не раб. Человек, купивший меня, мертв, а другого, который мог бы назваться моим хозяином, я тут не вижу. Документов, подтверждающих факт купли-продажи, у тебя нет, ошейник, — я тронул рукой полосу кожи, — можно снять. Это, как я уже сказал, первое. А второе, — я невольно задержал дыхание, ибо горло перехватило от долго сдерживаемой ненависти, — чтобы я, Данкор из Дома Дармира, лорд Коралловый, позволил кричать на себя какому-то полукровке, да еще и наемнику!

Полуорк сердито зарычал. Выглядело это не так жутко, как у его чистокровных родичей, но тем не менее достаточно красноречиво.

— Да я тебя, эльф...

— Погодите, не надо ссориться, — коротышка бросился между нами, отчаянно размахивая руками, — опустите оружие! Я согласен заплатить обоим! Только доставьте меня в Брезень!

При упоминании этого населенного пункта орк как-то нехорошо усмехнулся.

— Что ж, — кивнул, бросая талгат в ножны, — Брезень так Брезень!

— Но сначала мы должны вернуться на дорогу, — сказал я.

— Это еще зачем? — испугался коротышка, снова двумя руками схватившись за свой сундучок. — Не надо! Я не хочу!

— Вы можете остаться, мастер, — пожал я плечами, — или мне называть вас господином?...

От его ответа зависело очень многое. Обращение «господин» ясно указывало, что к вам обращается слуга — или, в моем случае, раб. А обращение «мастер» поднимало говорящего на более высокую социальную ступень — вольный наемник, телохранитель, ученик, младший помощник, то есть тот, кто имеет какие-то права и со временем сам может заслужить право называться мастером.

— А... э... у... мастером, — помолчав, выдал коротышка. — Мастер Ларсус, так меня зовут. Да, Ларсус. Но на дорогу-то нам зачем? Там может быть опасно!

— Большинство грабителей уже наверняка покинули эти места, — предположил я, прислушавшись. — А мне крайне необходимо там побывать, хотя бы для того, чтобы обзавестись чистой рубашкой и парой сапог. Или вы предпочитаете, чтобы я сопровождал вас в таком виде? — указал я на собственный полуголый торс. — Эльф и так в землях людей будет привлекать слишком большое внимание...

— Своими ослиными ушами, — проворчал полуорк достаточно громко, чтобы я услышал. — Он сбежит, мастер! Сколько волка ни корми, он в лес смотрит!

— Я не убегу, — пообещал я. — Если не веришь, пошли со мной!

В результате обратно мы потащились втроем — вспотевший так, что мы с полуорком синхронно поморщились, мастер Ларсус наотрез отказался оставаться в лесу без нас. Прижимая сундучок, он потрусил следом, непрерывно вздыхая, охая, стелая и что-то бормоча под нос — не то молился, не то перечислял убытки.

Я оказался прав — грабители забрали только подводы с товаром, но оставили почти всех лошадей и тела обозников. Они так спешили, что даже не стали обыскивать трупы.

Мастера Ларсуса замутило при виде крови, и он, побледнев и вспотев еще больше, рухнул у обочины, слабым голосом прося нас поторопиться. Но мы и так действовали быстро. Пока я искал среди убитых того, чей рост мог хоть как-то сравниться с моим, и возился с найденным верзилой (ростом он мне немного уступал, но по ширине плеч даже выигрывал, так что рубашка оказалась впору), полуорк ловко очистил несколько карманов и поймал трех лошадей. Я же добыл для себя оружие — нечто, весьма похожее на алебарду, и подходящую броню. В общем, мы запаслись всем необходимым для дальней дороги, разве что съестных припасов не прихватили.

— Дичь нам настреляет эльф, — вслух рассудил полуорк, — я наберу кореньев... соль у меня всегда с собой... Проживем!

— А почему это ты так уверен, что я обеспечу вас дичью? — невольно откликнулся я. — Где ты видишь лук и подходящие для охоты стрелы?

— Стрелы ты вырежешь из трупов, — как ни в чем не бывало объяснил наемник, — а лук вы, ушастые, способны сделать из чего угодно!

— Во-первых, у меня есть имя, — напомнил я. — Меня зовут Данкор. А во-вторых, далеко не все эльфы — мастера стрелять из луков. Я, например, мечник и лук держал в руках всего несколько раз в жизни. Почему все так уверены, что эльфы поголовно — отменные лучники?

— Потому же, почему вы все, эльфы, считаете орков презренной расой! — негромко рыкнул полукровка.

— А кто же вы такие, если не презренные потомки рабов? — ответил я. — Достаточно посмотреть, что ваши орды сделали с Мраморным Островом, чтобы понять, что в вас нет ничего доброго и светлого!

— Да, конечно! Добрые и светлые только вы — ушастые снобы! А остальные — грязь у ваших ног!

— Мы, между прочим, Перворожденные! Эльфом звали старшего сына Эля-Прародителя, поэтому и мы считаемся высшей расой! А вы, орки, вообще произошли от урюков! У вас даже своего прародителя нет!

— У нас есть духи наших предков! — зарычал полуорк.

— Ты сначала определись, кто ты — орк или человек, — посоветовал я. — А потом будешь решать, есть ли у тебя духи предков! И вообще, у меня — чистое происхождение, а ты — потомок...

Полуорк не дал мне договорить, с рычанием атаковал.

Поскольку он бросился на меня с голыми руками, я тоже не стал хвататься за оружие. Мой кулак встретил его перекошенную от ярости физиономию, но удар не остановил врага. Он все-таки дотянулся до меня, твердо намереваясь разбить мне нос.

Рост и здесь сыграл мне на руку — чтобы дотянуться до моего носа, полуорку пришлось основательно подпрыгнуть. Я же лишь немного отклонился назад, так что противник лишь слегка мазнул по нему кончиками пальцев, не причинив серьезного вреда. Сам же нанес ответный удар сверху вниз, обрушив его на голову наемника. Не скажу, что я такой уж мастер драться на кулаках — меня не учили искусству кулачного боя, а полгода обучения в легионе Коралловых Зубов не в счет. Все, что я мог, — это блокировать удары полуорка и время от времени отвечать ему, используя порядком подзабытые знания.

Противник, однако, был более опытным рукопашным бойцом, чем мне показалось. Он довольно быстро заставил меня уйти в глухую оборону и, улучив момент, так ударил в

живот, что я согнулся пополам. После чего последовал удар в челюсть, от которого пришлось опрокинуться навзничь, а потом мощный бросок швырнул меня прямо в дорожную пыль.

— Не беспокойтесь, мастер, — проворчал полуорк испуганному коротышке, усаживаясь мне на грудь, — я только немного проучу этого типа, объясню ему, что такое хорошие Манеры, чтоб не кидался с кулаками на всех подряд...

— Ты сам первый начал, — пропыхтел я, пытаюсь вылезти из-под тяжелого соперника.

— Что — начал? Драться или выражаться по поводу происхождения? У нас родство считают по отцу. Значит, я больше орк, чем человек. А что до духов предков, то они есть у всех...

В какой-то момент я понял, что он прав. Ведь каждый из нас — чей-то потомок. У каждого были отец, мать, деда и бабки. Даже если ты не помнишь их имен, это еще не значит, что у тебя нет родни. Я невольно скрипнул зубами — для меня, жителя разоренного Кораллового Острова, это было как нельзя более актуально.

— Так что давай, извиняйся. — Полукровка несильно потрянул меня за грудки.

— Извини, — процедил я сквозь зубы, всеми силами пытаюсь показать, что эльфа так просто не сломать и что извинение из моих уст выбили силой.

— То-то. — Полуорк слез с меня и, выпрямившись, неожиданно протянул руку, чтобы помочь встать. — Нам с тобой еще в паре работать.

Коротышка смотрел на нас такими испуганными глазами, что захотелось погладить его по голове, как ребенка, и сказать несколько ласковых слов. Его можно было понять — он доверил нам свою жизнь, а мы вели себя так, словно...

Наверное, и полуорк почувствовал себя неудобно, потому что больше не произнес ни одного слова. Мы быстро разобрали лошадей, поправили седла, навьючили дорожные припасы, позаимствованные у покойных обозников, и двинулись в путь.

Полуорк, как быстро выяснилось, уже несколько раз водил караваны по Вольным Княжествам, и в этом походе он как-то быстро стал главным. Нет, мастер Ларсус, как местный уроженец, тоже кое-чего стоил, но вот житейского опыта больше было именно у полукровки. Так что, следуя его указаниям, мы съехали с дороги и направились к цели через поля и перелески.

Следующие три дня путешествия не были богаты на события, зато существенно обогатили мою память.

Официально Вольных Княжеств насчитывалось одиннадцать, но еще десять лет назад их было четырнадцать, а полвека назад — восемь. Объяснялось это сменой поколений. Умиравший князь, как правило, оставлял владения сыновьям. Те делили одно большое Княжество на несколько маленьких и тут же начинали воевать друг с другом, стараясь захватить земли родного брата. Иногда двое объединялись против третьего, желая разделить его земли пополам. А иной раз и соседи вмешивались в споры братьев, дабы под шумок увеличить собственные владения. Ликвидировав «лишних» родственников, князья затихали до следующего витка семейной междоусобицы. За это недолгое время селяне успевали как-то восстановить разрушенное войной хозяйство, поскольку во время войны они теряли практически все, что не успевали спрятать.

Брезень, куда мы держали путь, был стольным городом Вольного княжества Березеньского. Еще недавно оно воевало с двумя соседними Княжествами — Опольским и Латыгорским, — но несколько лет назад война переместилась на территорию соседнего с ними Дедославского Княжества, ибо тамошний князь умер, оставив двух малолетних сыновей — одному было десять, а другому семь лет. Проводив родственника в последний путь, князья как-то сразу вспомнили, что оба являются родней осиротевшим мальчикам по женской линии — в свое время князь Дедославский выдал замуж за них своих сестер, — а это значило, что они имеют полное право на часть княжества. Война за право контролировать сирот-племянников до их совершеннолетия велась именно этими двумя князьями — Опольским и Латыгорским.

Все то время, которое мы пробирались по территории охваченного войной Дедославского княжества, приходилось двигаться по бездорожью, чтобы не попасть на глаза конным отрядам, ибо мы не знали, как далеко продвинулась война и где сейчас войска князей-соперников. Вообще-то на торговые обозы не нападают — торговля слишком важна для правителей, ведущих непрерывную войну. Однако это не значит, что какой-нибудь барон (здесь их называли боярами) не мог пожелать немного обогатиться за чужой счет.

Правда, утешал сам себя мастер Ларсус, часть захваченного обоза могут и отпустить, потребовав выкуп — если товары по каким-то причинам не понравятся боярину-налетчику.

Во время третьей ночевки в лесу я стал замечать косые взгляды, которые бросали в мою сторону полуорк и мастер Ларсус. Не то чтобы они и раньше вели себя дружелюбно, просто сейчас спутники начали и перешептываться.

— Его заметят, непременно заметят, — шептал торговец, — а у нас ничего при себе нет...

— Глупость. Нас же ограбили! — возражал полуорк.

— Ты предлагаешь мне стать...

— А почему бы и нет?

— Но в Брезене мы его...

— До Брезеня еще надо дойти. У нас впереди несколько дней, во время которых все может случиться!

— А может быть, проще его...

— Знаете что, — не выдержал я перешептываний и косых взглядов, — если вам хочется посекретничать, советую вспомнить, что у эльфов очень острый слух. А если захотелось решить мою судьбу у меня за спиной, могли бы послать меня куда-нибудь для отвода глаз. Или просто удалиться под любым предлогом. Ведь, как я понимаю, мои спутники решают, что делать со мной?

Наемник и торговец переглянулись и синхронно потупились. Меня это неожиданно умилило, настолько, что я встал и пошел прочь.

— Я буду у ручья, — бросил через плечо, — когда закончите тайное совещание, сообщите!

Краем глаза я заметил, что полукровка приподнялся и даже приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но сделал вид, что не обратил на это внимания. Подойдя к ручью, в котором мы только что напоили лошадей и напились сами, я сел на корягу, торчащую из травы, обхватил колено руками и задумался. Этот ручей как-то странно напомнил мне другой такой же ручеек, протекающий на далеком Коралловом Острове. На том зеленом берегу я был счастлив. Там меня любила женщина, которой я отдал сердце. Где она сейчас? С каждым шагом я удаляюсь дальше и дальше от нее и не знаю, удастся ли когда-нибудь увидеться с возлюбленной.

— Страдаешь?

Голос, раздавшийся совсем рядом из кустов, заставил вздрогнуть. Я даже подпрыгнул и чуть не свалился с коряги. Давно ко мне так не подкрадывались!

— Счастье, что мы не поставили тебя в дозор, ушастый, — усмехнулся полуорк, появляясь из-за раздвинувшихся веток. — Ты бы не очнулся, пока тебя не начали убивать!

— Иди ты...

— Да ладно тебе! — вдруг довольно миролюбиво откликнулся попутчик, устраиваясь рядом. — Я о тебе, дураке, забочусь.

— Спасибо. — Я постарался вложить в ответ как можно больше яда.

— Пожалуйста, — отозвался он. — И не обижайся!

— Я не обиделся. Ты пришел сказать, что вы уже насекутничались и мне можно возвращаться к костру?

— Не обижайся, — повторил полуорк, — ты все неверно понял. Мы действительно говорили о тебе, но... понимаешь... твой ошейник... Мы же не можем постоянно бродить по лесам. Ну набил я острой рыбу, ну поймали в силос зайца, ну отыскивали съедобные грибы,

только этого мало. Нам обязательно придется проходить через города и деревни. Дедославское княжество, если ты не заметил, закончилось. Мы на землях Опольских, а потом окажемся в Брезеньских. Князь Брезеньский не ввязывается в чужие войны уже лет десять, его княжество богатеет и усиливается. Конечно, это вызывает зависть со стороны соседей, но не об этом речь.

— А о чем? — спросил я у замолчавшего полукровка.

— О том, что ни я, ни мастер Ларсус не знаем такой дороги, которая не проходила бы ни через один город! Нам придется либо и дальше пробираться по бездорожью, шарахаясь от каждой тени и таясь от людей, либо рискнуть и идти по дорогам.

— И дело, разумеется, во мне, — кивнул я.

— В твоём ошейнике, длинноухий. И в твоих ушах.

— На свои посмотри!

Что правда, то правда — у большинства орков, как чистокровных, так и полукровок, уши были слегка заостренными. Не настолько, как у нас, эльфов, и тем более не так, как у альфаров или троллей. Вообще у большинства нечеловеческих рас уши имели заостренные кончики — кроме гоблинов, вообще не имеющих ушей. Собственно, по ушам люди нас и отличали.

— Ты на мои уши внимания не обращай, — откликнулся полуорк. — Я в этих землях родился! По материнской линии у меня тут такая большая родня, какой тебе и не снилось, ушастый!

— Перестань называть меня ушастым! — воскликнул я. — У меня есть имя! Я — Данкор из Дома Дармира!

— Ухарь, — представился полуорк. — Ухарь аж-Табар из рода Лирха Трилистника. У меня есть еще три брата и пять сестер, так что я не одинок. И мой отец, Тракт аж-Табар, не единственный орк в Княжестве. А ты — единственный эльф. Вы же, длинноухие, Вольные Княжества игнорируете. Это в Ирматуле или Великой Паннории у вас в столицах стоят замки, а здесь — нет. Так что ты будешь бросаться в глаза, как ни крути, хоть с ошейником, хоть без. Ты — чужак, и мы с мастером Ларсусом сейчас думали, как тебя спрятать.

— Могу дать совет, — помолчав, промолвил я, — либо обрезать мне уши, либо назвать меня рабом.

— Нет бумаг, подтверждающих это, — пожал плечами Ухарь. — Хотя... если выдать тебя за пленника, которого пока еще не продали, но ошейник уже надели... Хм, — он смерил меня взглядом, от которого мне стало нехорошо, — а это идея!

С этими словами, поднявшись с коряги, Ухарь направился к поджидавшему нас мастеру Ларсусу.

На другой день мы вышли из леса и пересекли границу.

Поскольку Вольные Княжества постоянно ссорились друг с другом, точных границ не существовало. И, говоря «пересекли границу», я говорю, что мы утром еще были в землях Опольских, а заночевали в деревне, принадлежащей Брезеньскому Княжеству. Во всяком случае, пустившие нас переночевать люди сказали, что платят дань именно Дартуссу Брезеньскому, который, в отличие от своих соседей, в ближайшее время не планировал ни на кого нападать.

Все это я узнал от Ухаря — в сельский дом меня не пустили, оставили на дворе вместе с лошадьми. Полуорк такого напел про меня хозяевам, что они даже отказались меня кормить. Полукровка вынес мне часть своего ужина и, пока я ел, сидел рядом, верхом на плетне, озираясь по сторонам.

— И чего ты такого про меня наговорил, если от меня люди шарахаются? — поинтересовался я, кивая на приоткрытую дверь дома, в которой виднелись напряженные лица хозяйских детей. Круглое окошко тоже заполонили любопытные мордашки — самые маленькие дети не решались подойти к двери. Я чувствовал их взгляды, буравившие мою спину. Но стоило обернуться — все отпрянуло от окон и дверей.

— Правду, Данкор. Только правду, — пожал плечами Ухарь. — Ты — пленный воин из

далекой страны, которого удалось связать только с помощью магии.

— Какой магии? — изумился я. — Какая далекая страна?

— Да не бери в голову, — отмахнулся полуорк. — Для этих простых людей любая страна за пределами их родного Княжества — далекая! Моя собственная мать не пускала меня путешествовать, уверяя, что за пределами Вольных Княжеств живут только чудовища и дикари! И это при том, что она сама вышла замуж за такого «чудовища и дикаря»!

— И что теперь? — поинтересовался я.

— Ничего. — Орк прыгнул с плетня. — Послезавтра, если ничего не случится, окажемся в Бреzene.

С этими словами он спокойно направился в дом, оставив меня одного.

Я облокотился на плетень, озираясь по сторонам. Послезавтра... Сказать по правде, меня начинали раздражать эта Дорога и мое двусмысленное положение. Кто я? Беглый раб, вольный наемник или просто искатель приключений?

Ночью не спалось. И вовсе не потому, что меня замучили размышления, — просто очень трудно заснуть, когда тебя оставляют на пороге дома, ясно намекнув, что даже в сарай со скотиной не пустят, опасаясь за жизнь и здоровье коров.

Я какое-то время бродил по двору, не зная, куда себя деть, а потом все-таки пристроился у крыльца, завернувшись в плащ и положив под голову свернутую в скатку куртку.

Проснулся среди ночи от тихих звуков. Четыре человека крались вдоль плетня, делая все, чтобы их не услышали. Впрочем, человек их действительно не услышал бы. Но я-то эльф! Не меняя позы и расслабившись, чтобы в случае чего быстро вскочить, я прислушался.

— А где этот? — прошептал один из неизвестных. — Кто?

— Говорили, что у этой пары есть ручной демон. Откуда-то из дальних стран!

— И что?

— А то, что этот демон наверняка где-то здесь!

Я тихо хмыкнул. Демон действительно был здесь. И он все слышал.

— А вдруг он на нас бросится? Демоны опасны?

— О-очень!

— Тогда, мужики, я того... Трусись?

— А вы — нет? Демоны-то, они того... жуткие и ужас до чего кровожадные!

— Не дрожи. У меня есть кое-что, чем можно заставить этого демона поджать хвост и убежать восвояси! Смотрите!

— А что это?

Я невольно приподнялся на локте — интересно же узнать, что за оружие приготовлено против меня!

— Осиновая щепка, сломанная в полночь новолуния, пропитанная кровью черной кошки и обвязанная волосом рыжей женщины. Она свяжет демона по рукам и ногам, и мы спокойно сделаем свое дело.

— Навалимся вчетвером — старикашка и наемник ничего сделать не успеют.

— А остальные? Там же хозяин, да и детворы у него почти десяток!

— А с ними разговор короткий: ножом по горлу — и вся недолга! Навалимся вместе — никто и пикнуть не успеет! Потом скажем, что это демон всех прикончил!

— Э, братва, да мы что, детей резать будем? Нет, я так не согласен!

— Не хочешь детей — тогда старикашку-купца прикончишь. Или наемника.

— Лучше старикашку. На это я согласен!

— Нам главное — до сундука его добраться! Кто его знает, что он в нем везет! Открыть бы!

Эти типы собрались грабить старого мастера Ларсуса и решились на убийство невинных детей, даже не поинтересовавшись, что везет в сундуке старый купец! Вообще-то любой мог предположить, что там нечто ценное: Ларсус не убивался по остальным товарам, но над этим небольшим с виду сундучком трясся, как мать над новорожденным младенцем.

Каждый день с трепетом следил, как мы с Ухарем загружаем его на тягловую кобылу, и вел ее в поводу сам, то и дело косясь на сундук. А на привалах мы тоже должны были перво-наперво заняться ценным вместилищем, и уже после того, как сундук и купец оказывались на земле, я и полуорк могли устраивать лагерь и отправляться на поиски провизии. Наша троица находилась в пути не первый день, но прежде мы с Ухарем как-то не задумывались, что везет наш подопечный. Честно отработывали свои деньги и не совали нос в чужие дела. Но все на свете когда-то происходит в первый раз.

Об этом я и думал, неслышной тенью поднимаясь за спинами незадачливых грабителей — они даже не позаботились выставить охрану. А ведь здесь, во дворе, находится ужасный демон, страж сундука!

— Не советую вам это делать, — негромко произнес я, вставая у них за спинами.

— А кто это тут... — Ближайший грабитель начал ко мне разворачиваться с самым угрожающим видом, но понял, кто стоит за его спиной, испуганно вякнул, присел и явно забыл, что хотел сказать.

— Де... де-э-э... де-эмон, — проблеял мужичонка. — Бежим!

— А вот и нет. — По голосу я опознал того, кто хвастался Убойным средством для демонов. — Сейчас я его...

Грабитель бросился ко мне, замахиваясь зажатой в кулаке осиновой щепкой. Для человека он двигался быстро и умело — небось прежде служил в какой-нибудь дружине! — но для эльфа слишком медленно. Даже в темноте я прекрасно видел все его движения и успел перехватить занесенную для удара руку в самый последний момент: он собирался бить меня щепкой, как кинжалом.

— Осторожнее надо, — промолвил я, стиснув запястье человека так, что тот всхлипнул от боли. — Эдак и пораниться можете!

Я отобрал у бедолаги «оружие против демонов» и сломал двумя пальцами одной руки.

На грабителей это действовало сильнее, чем любая другая демонстрация силы. Они заверещали на разные голоса и устремились прочь. Пойманный «убийца демонов» испуганно задержался в моей руке, явно мечтая присоединиться к своим товарищам.

— Тебя отпустить? — поинтересовался я.

— А... Ы-ы... А... — вот и все, что я смог из него выдавить.

— Будем считать, что это — знак согласия, — промолвил я, после чего приподнял человека над головой и, слегка размахнувшись, метнул через плетень. Послышался глухой удар.

А потом наступила тишина. Я напрасно прислушивался к звукам — упав, человек больше не пошевелился.

Какое-то время я боролся с собой, а потом перебрался через плетень и подошел к лежащему. Воин не целитель и никогда им не станет, но я воевал и потому сразу понял, что для этого человека все кончено. При падении — то ли удар был слишком силен, то ли удача вконец отвернулась от него — он сломал себе шею.

Вот здесь я действительно влип. Убийство человека — слишком тяжелое преступление, чтобы его прощать. Я мало знал людей, но понимал достаточно, чтобы сделать правильный вывод. Мы на человеческих землях, здесь действуют свои законы, и по этим законам с нас спросят. Впрочем, насколько я знал наши, эльфийские законы, правила были похожи. Инородец, убивший представителя коренного населения, подлежал смертной казни. Вся разница заключалась в том, что разные народы представляли себе казнь по-разному. Тролли варили убийц живьем. Темные альфары и подземники забрасывали камнями. Орки душили или сдирали с живого кожу — в зависимости от того, кем были убийца и его жертва. Эльфы по-простому рубили головы. Интересно, как в этом случае поступают люди?

«Если не сбежишь, узнаешь на рассвете!» — сказал я сам себе.

Личных вещей у меня было немного, и все их я оставил при себе, когда меня выставили ночевать на улице. Перелезть через плетень — и...

А что «и»? Куда я пойду? Я не знаю местности. Могу заблудиться. Нет, конечно, у

меня была возможность отправиться назад по нашим следам и, перебравшись на территорию Княжества Дедославского, вернуться сначала в Ирматул, а потом — обратно на Радужный Архипелаг. Помнится, мне говорили, что в столице Княжества Ирматульского есть своя диаспора эльфов. Я встречусь с соотечественниками, узнаю последние новости, отдохну, а потом...

Да, этот план был хорош, если бы не одно «но». Даже два «но», и оба они сейчас сладко спали, не зная, какая гроза только что пронеслась мимо и какая буря собирается над моей головой. Мастер Ларсус и полуорк Ухарь. Бросить их на растерзание людей и удрать я не мог. Пусть я был продан в рабство, но моя честь пока оставалась при мне. А это значило, что, как ни противно, придется действовать.

Разбуженный мною мастер Ларсус тут же кинулся проверять свой драгоценный сундучок, чем сразу подтвердил все мои подозрения. Лишь убедившись, что оный на месте и невредим, торговец смог выслушать вашего покорного слугу.

— Это скверно, — кивнул он, соглашаясь. — Тебе грозит смерть.

— Я знаю...

— Если только не докажешь, что эти люди угрожали тебе.

Я невольно выругался — совсем недавно выбросил «оружие против демонов» куда-то в траву.

— Они хотели вас убить и ограбить, — объяснил я. — А еще хотели перерезать всех обитателей этого дома, чтобы добраться до вашего сундука.

При этих словах мы трое — Ухарь проснулся сам, услышав мой шепот, — обернулись на входную дверь. Чтобы поговорить, я вывел спутников в сени, где за перегородкой вздыхали две коровы и переступал с ноги на ногу хозяйский конь. Наши лошади, как и я, ночевали под открытым небом.

— Ты можешь сбежать, — прочел мои мысли старый Ларсус, — но в таком случае тебе придется подготовиться к тому, что на тебя объявят охоту, ибо мне придется отказаться от тебя. Я должен буду сказать, что ты во всем виноват, дабы остаться чистым.

— Я тоже, — поддакнул Ухарь.

— Вы меня предадите? — догадался я.

— А ты как думал? Убийство человека — достаточно серьезный повод. Тебя будут судить и приговорят к смерти.

— И что мне грозит?

— Ну, если бы ты убил боярина, князя или человека из их окружения, тебя, скорее всего, похоронили живьем вместе с трупом, чтобы на том свете ты до скончания мира прислуживал им. Но так как убит был простолюдин, тебя утопят. Или повесят.

— Или продадут в рабство, а вырученные деньги отдадут семье покойного, чтобы возместить потерю кормильца.

Опять в рабство? Мои пальцы невольно коснулись ошейника.

— А нет ли какого-то другого выхода? — осторожно поинтересовался я.

— Есть, — кивнул мастер Ларсус, — и ты носишь его на себе.

— Мой ошейник?

— Я могу сказать, что ты — мой раб. Тогда тебе всего-навсего поставят клеймо из-за того, что ты строптив и опасен. Понимаешь, я же могу тебя продать и должен буду заранее предупредить твоего нового хозяина о том, чего от тебя ожидать! Но не бойся! — усмехнулся человек. — Семье покойного я тебя продавать в любом случае не стану!

С этими словами он рассмеялся и потрепал меня по плечу. И пусть ему при этом понадобилось встать на цыпочки, это его совершенно не беспокоило.

Мы все-таки решили уехать пораньше. Я и Ухарь как раз готовили лошадей, когда к плетню наших хозяев подошла целая толпа. Впереди торжественно несли тело со сломанной шеей. Его развернули и бросили на землю у калитки.

Люди говорили все одновременно, но, стоило появиться мне, раздались крики:

— Он! Это он! Убийца среди нас!

Я сразу узнал трех товарищей убитого грабителя — мне, хорошо видящему в темноте, это не составило труда.

— Кто убийца? Где убийца? — Мужчина, который был за главного, завертел головой. — Этот, что ли?

— Он! Он самый, — зачастили «свидетели». — Мы шли по дороге, никого не трогали, вдруг выскакивает этот, хватает вон его, поднимает над головой и... хрясь! Шмяк! Бум!

Свою речь мужички подкрепляли красноречивыми жестами, так что картина, по их словам, выходила ужасная.

— Раз так, взять его! — скомандовал староста.

Сразу несколько человек кинулись ко мне. Одни размахивали веревками, другие кольями, а у одного и вовсе был топор. На меня навалились всем скопом, как свора собак на лося. Я отшвырнул одного, дал подножку другому, обезоружил третьего, но мужчин было слишком много. Кто-то с плетня запрыгнул мне на плечи, еще кто-то кубарем подкатился под ноги, так что буквально через минуту я был брошен наземь и крепко связан.

— Что тут происходит? — Через толпу пробился мастер Ларсус. Ухарь следовал за ним по пятам. Смуглое лицо ничего не выражало.

— Люди говорят, что этот... нелюдь, — староста указал на меня, — убил человека.

— Ага, попался, демон! — Один из компаньонов убитого подошел и смачно плюнул мне в лицо. — Будешь знать, как нападать на мирных поселян!

— Мирные поселяне не замышляют убийства, — ответил я. — Если бы не я, все обитатели этого дома, — я кивнул на избу, — сегодня утром не проснулись бы. А там были женщины и дети!

— Его надо немедленно убить! — подскочили ко мне уже все три товарища убитого. — Что говорит Явь?

— Ведуна надо звать! — слышалось в толпе. — Пущай он разберется!

— Надо звать, — кивнул староста, и сразу два человека помчались в разные стороны.

— И что дальше? — поинтересовался мастер Ларсус.

— Ведун сам станет судить его, — ответил староста. — Потому как перед нами — нелюдь, а убитый — человек.

— Этот человек хотел убить всех, кто находился в доме! Я все слышал! — воскликнул я и тут же получил сапогом под ребра от одного из грабителей.

— Да как вы смеете? — невольно воскликнул мастер Ларсус.

— Вот так и смею. — Человек сплюнул, едва не попав мне в лицо. — Он Суха убил! Его что, теперь целовать за это?

— Погодьте пока, — староста раскинул руки в стороны, — вот придет ведун, тогда и решим, что с ним делать.

Ждать ведуна пришлось недолго — видимо, он жил где-то рядом. Перед нестарым еще человеком в черной рубахе, подпоясанной узорным широким поясом, все расступились, кланяясь и наперебой пытаясь хотя бы коснуться его рукой. Ведун встал перед старостой:

— Зачем звали?

— Этот демон... этот нелюдь, — перебивая друг друга, заговорили староста и грабители, — убил человека... Мы шли, никого не трогали, а вдруг он... Как выскочит, как схватит... Убежать пытался! Еле скрутили!

Ведун кивнул и наклонился над телом.

— Сломана шея, — констатировал он. — От сильного удара.

— Сильный был удар! Он Суха над головой поднял, раскрутил и на землю бросил! А потом еще и топтался по нему и хохотал по-демонски!

— Врешь, — воскликнул я, — такого не было! Этот человек хотел перерезать всю семью, которая дала нам приют. Я слышал, как они сговаривались! Я не хотел его убивать — просто...

Меня опять пнули в живот ногой так сильно, что я задохнулся.

— Не смейте его трогать! — воскликнул мастер Ларсус. Ведун махнул рукой, призывая

к молчанию, потом сунул руку в висевший на поясе мешочек, черпанул там горстью какой-то бурый порошок и, забормотав заклинания, стал ходить вокруг нас, описывая все большие и большие круги. Люди пятились, некоторые закрывали лица руками, а ведун все бормотал и бормотал. Описав три полных круга, он остановился и какое-то время молчал.

— Ну что ж, — промолвил он чуть погодя, — это правда. Нелюдь действительно убил человека.

— Казнить его! Казнить! — закричали трое грабителей, и их неожиданно поддержали другие люди. — Смерть ему!

— Закон так говорит, — кивнул ведун. — Но отнять жизнь мало. Надо сделать так...

— Погодите-ка, — вступил в разговор мастер Ларсус, — я долго молчал потому, что убитый был жителем вашего села...

— Да какой он житель, — воскликнула какая-то женщина, — так, перекасти-поле. Сегодня там, завтра тут. Сух это! Его вся округа знает. За него даже награду обещали, коли кто живого споймает!

— Так, выходит, он убил не просто человека, а разбойника с большой дороги? — уточнил мастер Ларсус.

— Разбойник он или нет, но он — человек, — весомо промолвил староста, и ведун поддержал его, кивая. — Судить этого нелюдя мы будем за убийство человека.

— Казнить его! — закричали три бывших товарища убитого Суха. — Смерть ему!

— Погодите, — мастер Ларсус снова выступил вперед, — этого нельзя делать!

— Почему?

— Этот нелюдь... Он — мой раб! Достаточно посмотреть на его ошейник! Он защищал меня. Вы же сажаете собак на цепь, чтобы они охраняли ваши дома, вот и я держу для своей охраны нелюдя! Я много путешествую, и пришлось обзавестись таким охранником.

Я посмотрел на своих спутников. Торговец был совершенно серьезен, а вот полуорк скалился во все свои тридцать шесть зубов.

Это заявление было встречено понимающим гулом. Ведун переглянулся со старостой и несколько раз кивнул ему. Три бывших товарища убитого Суха понурились.

— Ну, ежели дело обстоит так, — подумав, сообщил староста, — то решение наше таково. Взыскать с хозяина раба пять серебряных звезд за голову убитого на нужды общества, а троих его товарищей, которые с ним тогда были, гнать отсюда в три шеи. А ежели сами не уйдут — вязать и везти к боярину на суд!

Настроение собравшихся мигом переменялось. Обо мне все разом забыли и уставились на незадачливых грабителей. Видимо, за их головы тоже можно было получить несколько звезд. Грабители попятились, озираясь по сторонам, как загнанные в угол волки.

— Да чего вы, люди добрые? — забормотал один, по голосу тот, который ночью высказался против убийства детей, но согласился прирезать «старикашку». — Мы сами уйдем... Сами!

Он попятился первым и, не выдержав, развернулся, изо всех ног припустившись бежать. За ним с места сорвались и его товарищи. Их провожали криками и улюлюканьем, а мальчишки принаровились кидать камни и свистеть. Ох уж эти мальчишки! Вечно они... вот, помнится, в детстве я сам несколько раз...

— А ты, — негромкий голос мастера Ларсуса вернул меня к действительности, — на колени, раб!

— Что? — Я не поверил своим ушам. — Вы это серьезно, мастер?

— Господин Ларсус, — жестко поправил он. — Для тебя — только господин! Ты заставил меня расстаться с пятью звездами, из-за тебя я пережил несколько неприятных минут. Но ты спас мне жизнь, и я просто оставляю тебя при себе! Впрочем, — добавил он чуть погодя, — если хочешь, давай прощаться. Отправляйся на все четыре стороны, я даже согласен выплатить тебе остаток вознаграждения — двадцать пять звезд за вычетом тех, которые отдал как виру за твои дела. Хочешь быть свободным?

Я промолчал.

— Так как? Признаешь меня хозяином или отправляешься на все четыре стороны?

Я смерил взглядом толпу поселян, потом посмотрел на мастера... тьфу ты, господина Ларсуса и...

— Я согласен.

— Тогда на колени и проси меня о милости взять тебя с собой!

Я покосился на полуорка, который как раз в это время подошел, чтобы развязать меня. Его физиономия так и светилась самодовольством. Впрочем, что это я! Орочья кровь в жилах — достаточный повод для того, чтобы ненавидеть наемника. Я смерил взглядом толпу — и преклонил оба колена.

— Проси!

— Господин мой, позвольте мне...

— Ничтожному рабу, — подсказал торговец.

— Хм... ничтожному рабу... — вздохнул я, — следовать за вами!

— Вот то-то. — Жесткая рука взлохматила мне волосы. — Так-то лучше...

Вот так я второй раз за месяц приобрел хозяина. И если первый обращался со мной как с драгоценностью — все же я был подарок, который нельзя сломать, — то второй, купивший меня за какие-то пять монет, не был склонен беречь свою собственность. Первым делом он распорядился остричь мне волосы как можно короче, чтобы всем был виден ошейник и ни у кого не возникло сомнений в моем статусе.

Выехали мы в этот день позже обычного — пока господин Ларсус улаживал дела со старостой, мне выпала сомнительная честь похоронить покойного грабителя Суха где-нибудь подальше от селян. Желательно на перекрестке дорог, куда я и отправился, взвалив на плечо начавшее коченеть тело.

Именно там меня и нашел ведун. Земля на перекрестке была утоптанная до твердости камня, я порядком вспотел и еще трудился над могилой, углубляя ее, когда послышались шаги и какая-то тень закрыла мою спину от палящих лучей солнца.

— Все трудишься, раб? — послышался голос ведуна.

— Вообще-то я родился свободным, — не прерывая своего занятия, ответил я. — Просто на войне меня взяли в плен...

— Понятно. Тогда ты убежишь.

— Почему? — Я выпрямился. Стоя в яме почти по пояс, из-за своего роста я не слишком задираю голову.

— Ты — эльф, — улыбнулся ведун. — Эльфы в рабстве долго не живут. Они либо сбегают, либо умирают от тоски, а иногда их выкупают сородичи.

— Откуда ты знаешь?

— Говори мне «вы, господин», ты, всего лишь раб, — отрезал ведун и вскинул правую руку.

Земля вокруг меня внезапно зашевелилась, поползла, стала рассыпчатой, словно каша. Дно ямы сделалось мягким и вязким. Не успев опомниться, я погрузился в него но щиколотки, а земля, выброшенная наверх, стремительным потоком ринулась обратно. Я не успел сосчитать до трех, как меня засыпало по колени, а потом и по бедра.

Только после того, как глина добралась мне до пояса, ведун опустил руку.

— Я мог бы сделать и больше, — промолвил человек. — Но, надеюсь, ты и так все понял.

— Откуда ты... то есть вы, господин, знаете про эльфов? — спросил я.

— Несколько лет назад я воевал на стороне орков против эльфов. И успел кое-что узнать про вас... Вы проиграете эту войну. Вы ее уже практически проиграли.

— Что? — Я попытался вскочить. Земля не успела слежаться, и со второй попытки мне удалось выбраться наружу.

— Я это видел, — сообщил ведун. — До полной победы ваших врагов осталось совсем немного — несколько месяцев. Эта осень станет для вас последней. Радужный Архипелаг «уйдет под воду» и не всплывет уже никогда!

— Что? — Я рванулся, но неожиданно понял, что не смогу сделать ни шага. Какая-то невидимая сила сковала мои ноги. Чуть не упав, с трудом восстановил равновесие и опустился на колени.

— Куда спешишь? — Рука ведуна легла мне на плечо. — Ты ничего не успеешь сделать. Так было предопределено. Я, между прочим, больше, чем простой деревенский ведун. Я знаю то, о чем не догадываются многие из живущих на этом свете. Хочешь, я расскажу тебе о том, что произойдет этой осенью на твоём Радужном Архипелаге, раб?

— Не надо, — взмолился я.

— А зря! Смерть одного всегда означает рождение другого. Даже когда умирает будущее. Собственно, настоящее, которым мы все как бы живём, всего-навсего процесс умирания. Каждую минуту наше будущее, умирая, превращается в прошлое. Ведь будущее — то, чего ещё нет, а прошлое — то, чего уже нет. Есть лишь миг, только тонкая грань между жизнью и смертью. И, встав на грань смерти, можно прозреть, что ждёт нас там. — Он повёл рукой куда-то вдаль. — Так ты хочешь узнать, что тебя ждёт, раб?

— Почему вы разговариваете со мной? С рабом? — поинтересовался я.

— Потому, что тебе не век носить этот ошейник. Вижу венец на твоём челе.

Я нервно рассмеялся. Ещё чего выдумал, ведун! Впрочем, он только что продемонстрировал свою силу, и мне не хотелось его злить.

— Ты мне не веришь, — догадался тот. — Что ж, тогда заканчивай свою работу и возвращайся. Хозяин ждёт тебя!

Я вздохнул, перехватил поудобнее лопату и снова стал копать только что заваленную могилу.

В Брезень вступили примерно в полдень.

Сам город мне не понравился — тут было слишком много небольших домов, иной раз стоявших вплотную друг к другу, и чересчур мало зелени. Собственно, зелень виднелась только в огороженных заборами садах и на крошечных огородиках, расположенных поближе к крепостной стене. У стены чуть ли не каждый деревянный дом был окружен полоской земли, где росли капуста, морковь, лук и некоторые другие, неизвестные мне растения. Чем ближе к центру, тем земля стоила дороже, так что лишь немногие могли себе позволить устроить сад. Судя по высоте домов (некоторые из них были сложены из камня), тут жили богатые люди. Ухарь в дороге несколько раз снисходил до беседы со мной, так что я кое-что знал об устройстве человеческого общества.

Есть князь, который правит княжеством. Есть его советники — бояре, которые между собой делятся на больших и малых, считаясь древностью рода и богатством. Есть князь и боярские люди, чаще всего это помощники, приказчики и доверенные слуги, некоторые из них сами владеют домами и землей. Например, Князев конюший — вроде бы слуга, а стоит повыше некоторых неродовитых бояр. Дальше идут купцы и ведуны, они же священники. Ниже их — мастеровые в городах, а ниже всех — крестьяне. Рабы имеются далеко не у всех. Отдельно стоят дружинники — чаще всего либо потомственные воины, либо наемники, либо младшие братья и племянники бояр и князьих людей. Пробриться в дружину человеку «с улицы» практически невозможно — нужно совершить действительно важный подвиг, чтобы князь или боярин тебя заметили. Правда, в последнее время все больше князей стали обзаводиться наемниками — теми же полукровками. Братья Ухаря как раз и входили в дружину Дартусса Брезеньского.

— А ты как думал, ушастый? — усмехнулся полуорк, сверху вниз глядя на меня, бредущего возле лошади. — Что я соглашусь работать на человека, который не идет в мой родной город? Должен же я матери выручку отвезти? Пять девок замуж выдать — это не шутка!

— А мастер... то есть господин Туррус, — рискнул я задать вопрос, — он из какого города?

— Да отсюда же, из Брезеня! Наш князь понимает ценность торговли и сам снаряжает караваны в соседние страны. А что не воюет — так у войны есть две стороны.

— Это точно, — вздохнул я, вспомнив слова деревенского ведуна о том, что этой осенью Радужный Архипелаг прекратит свое существование.

Господин Ларсус жил в небольшом, но добротном доме, стоящем на краю Мизинной улицы, куда мы и направились. Он сам восседал на коне, которого я вел на поводу. Так передвигались многие. Пока добирались до Мизинной и ехали по ней, я насчитал семерых всадников, которые только сидели на коне, а вели их лошадей под уздцы другие. Встречные оборачивались на меня, чуть ли не показывая пальцами. А вездесущие мальчишки — куда же без них? — даже трусили рядом, не сводя с живого эльфа удивленных и восторженных глаз.

Приезд хозяина не остался незамеченным — перед господином распахнули ворота, слуги кинулись нам навстречу, но остановились.

— Чего зенки повылупляли? — сварливо накинулся на них торговец. — Раб это новый. Данком звать.

Я скрипнул зубами, но промолчал — мне еще накануне объяснили, что хозяин имеет право звать раба как угодно. И лишь любимчики могут рассчитывать на то, что их имя не станут коверкать при произношении.

С помощью слуг хозяин спешился и ушел в дом, не забыв прихватить с собой вожделенный сундучок и полуорка. Приняв лошадей, слуги разбрелись по делам, а я присел на нижнюю ступеньку высокого крыльца.

Внутренний двор оказался нешироким, почти со всех сторон его окружали надворные постройки — исключение составляли ворота, сейчас заботливо приотворенные. Клетки были невысокие, сложенные из досок, они наводили на мысль о чем угодно, только не о богатстве. А впрочем, кто я такой, чтобы делать выводы. Я — раб по имени Данк, и ниже упасть мне, кажется, уже не суждено.

Послышались шаги, скрипнула дверь, потом запели ступени. Я обернулся — навстречу мне не спеша спускался полуорк. В руках держал кожаный мешочек, в котором тихо позвякивали звезды.

— Все сидишь тут? — усмехнулся он, останавливаясь рядом. — Ну-ну...

— А что мне делать? — поинтересовался я.

— Ну-ну, — повторил Ухарь. — Ладно, бывай! Может, еще увидимся...

С этими словами он сошел по ступеням и направился к воротам, возле которых остался его конь. Одним прыжком вскочил в седло и, махнув мне рукой, поскакал прочь. А я сидел на крыльце, глядя на распахнутые ворота — их пока не торопились закрывать. Словно нарочно.

На дворе, под развесистой яблоней у поспешно накрытого стола, собралась целая толпа народа. Родители, два брата (старший с женой и детьми), три пока еще незамужние сестрицы, соседи и дальние родичи. Все благоговейно и довольно смотрели, как вернувшийся из-за границы младший сын неторопливо ест кашу с молоком, и затаив дыхание ловили его скупые слова, повествующие о поездке и последующих приключениях. Подробности он расскажет родичам позже, сидя у печи или на завалинке, чтобы потом те понесли вести друзьям и соседям. И поползут слухи и сплетни, по пути обрастая подробностями, как круги от брошенного в воду камня.

Но парень замер, не донеся ложку до рта, и все разом обернулись, когда на улице послышались лай собак, вопли детворы, а потом через забор удивительно легко, учитывая рост, перемахнул чуть ли не налысо стриженный незнакомец в поношенной одежде и с ошейником на горле.

Какое-то время все смотрели друг на друга. Я, эльф (ибо, как вы уже догадались, это именно я преодолел забор своего нового знакомого!), на орков, полуорков и людей, а те — на меня, как на чудо природы.

— Ну-ну, — наконец нарушил молчание Ухарь, медленно опустив ложку.

— Понимаю, — я шагнул назад и чуть не уперся лопатка-в забор, — ты не слишком рад меня видеть, но мне просто некуда больше идти...

— Сбежал, значит, — криво усмехнулся полуорк.

— Сбежал, — кивнул я.

— Как ты узнал, где я живу?

— Спросил.

— Вот просто так взял и спросил? — еще шире усмехнулся тот.

— Сначала я нашел орочий квартал, а потом... Ухарь отвел от меня взгляд и покосился на невысокого, даже какого-то шуплого орка, судя по всему — своего отца. Тот стоял как столб, уперев руки в бока. Остальные — люди, полуорки и еще один пожилой орк — сгруппировались рядом и не сводили с меня глаз.

— Что стоишь, как неродной? — усмехнулся Ухарь. — Проходи, садись!

Я подошел, сел на лавку напротив. Стол для меня оказался слишком низким, колени упирались в столешницу.

— Ешь. — Наемник пододвинул мне свою миску с кашей. — Голодный небось!

Я осторожно взял ложку, зачерпнул каши... Не то чтобы я привередничал, просто прекрасно понимал, что сейчас происходит, и ждал: родители Ухаря вот-вот меня остановят и выгонят из-за стола. Но никто не пошевелился и не сказал ни слова — только переглядывались между собой. От этих переглядываний у меня кусок застревал в горле, и я смог осилить только половину.

— Проводи его в дом, мать, — сухо промолвил Ухарь, когда я отодвинул от себя миску. — Не бойся — не сглазит!

Смысл этого странного высказывания дошел до меня позже, когда вместе с немолодой женщиной к дверям метнулась молодая орчиха-полукровка. Оттолкнув свекровь, она кинулась к висевшей в дальнем углу колыбели,хватила из нее сонно вякнувший сверточек и выбежала на улицу.

В низкой избе-полуземлянке было сумрачно, пахло землей, овощами и человеческим духом. Женщина усадила меня у печи на лавку и, зачем-то внимательно оглядевшись по сторонам, выскочила вон. Я остался сидеть, невольно рассматривая помещение. Семья, судя по обилию сундуков и пестрым половикам и полавочникам, была зажиточная.

Снаружи, приглушенные плотно прикрытой дверью, раздавались голоса. Хозяева говорили все сразу, иногда перебивая друг друга и шикая на детей. Захныкал, мешая слушать, младенец. До моего острого слуха долетали отдельные слова, которые тем не менее понемногу проясняли общую картину:

— Ошейник... не заметить трудно... через весь город... Явь говорит... вместе несколько дней... сечь кнутом... дойдет до князя... жизнь спас... нигде не спрячется... беглый...

Впрочем, я и не надеялся ни на что другое. Просто ворота были распахнуты, на меня никто не обращал внимания... Они наверняка даже не думали, что я решусь просто так встать и уйти. А я? О чем думал я, когда вставал и уходил? Уж конечно, не о том, что хочу остаток дней прожить рабом. Тем более что мне, эльфу-долгожителю, ждать «конца своих дней» о-чень долго.

Появление Ухаря прервало мои размышления. Полуорк махнул мне рукой и присел на лавку рядом.

— Я все слышал, — сказал я, предвосхищая его слова. — У нас, эльфов, очень тонкий слух.

— Знаешь, что говорит Явь по поводу укрывательства беглых рабов? — помолчав, сообщил полуорк. — Укрывателя и раба представить на суд князя. Раба сечь кнутом и клеймить, а укрывателю заплатить обиженному хозяину полную стоимость похищенного раба, да столько же в княжью казну. Шестидесяти серебряных звезд у нас нет, только те сорок, которые я привез...

— Какие шестьдесят? — изумился я. — Господин Ларсус «купил» меня у поселян всего за пять серебряных...

— Это никого не интересует, — отмахнулся Ухарь. — Такие, как ты, молодые мужчины стоят тридцать серебряных звезд на наших рынках. Значит, господин Ларсус

назовет эту сумму или чуть побольше, скажем, сорок...

— Господин Туррус купил меня в Ирматуле за сто пятьдесят ирматульских серебряников, — вспомнил я.

— Ты смотри князю этого не скажи! Такие деньжищи со всего нашего квартала собирать придется! А то и дом продавать со всем добром, чтобы за одного тебя расплатиться! Хорошо, что ты сам сбежал, тебя не крали!

— Чего же хорошего? — вяло поинтересовался я.

— А того! Вора по Яви надлежит после уплаты виры сечь кнутом наравне с рабом, а потом отрезать правую руку! — Ухарь потрянул кистью.

— Не продолжай! — остановил я полуорка. — Дайте мне дождаться темноты, а потом я уйду.

— Ну-ну. — Широкая ладонь легла мне на колено. — Вместе уйдем.

— Что?

— А то. — Ухарь смотрел на меня снизу вверх. — Ты, Данкор, единственный эльф в Вольных Княжествах, да еще с такой приметой. — Он дернул меня за прядку криво состриженных волос на затылке. — Пропадешь в одиночку... А за меня не бойся! Я — младший сын, семье от моего ухода большого урона не будет. В случае чего, родители просто от меня откажутся, и им не придется платить виру вместо меня! Сейчас снимем ошейник, — он потянулся, нащупывая замок, — мать чего ни то в дорогу соберет, и по холодку тронемся. А ты как думал? — поймал он мой удивленный взгляд. — Мы с тобой вместе сражались и выживали. Своих не бросаем... напарник!

История шестая Гладиатор

— Встречайте! Встречайте Данха-и-Нура, знаменитого Убийцу!

Рев трибун, топот ног, свист, шум, гам.

Два высоченных темнокожих — с меня ростом! — раба подхватывают под локти и волокут вперед, из темноты на свет, навстречу крикам, шуму и гаму. Я упираюсь изо всех сил, рычу от напряжения сквозь стиснутые зубы. Ну сколько можно! Опять! Я так устал! Я ненавижу эту толпу! Я ненавижу людей! Я...

Сильным тычком меня отправляют точно на середину арены. Пробежав несколько шагов по песку, взрытому ногами предыдущей пары бойцов, резко останавливаюсь и даю себя рассмотреть. Рев трибун становится громче, слышатся пронзительные женские крики. Как? Тут есть женщины? По закону калимшана их и близко не должны допускать на гладиаторские бои. Сильно сомневаюсь, что они прошли сюда открыто — скорее всего, пробрались потихоньку, переодевшись в мужскую одежду, и старательно прячутся за чужими спинами. Только я с моим острым слухом могу различить женские голоса.

...Так, не отвлекаться! Не выходить из образа! Великолепный Данха-и-Нур живет только ради того, чтобы сражаться на арене, ему не до высоких материй.

На песок падают два меча. Я подхватываю их, раскручиваю в сверкающую «мельницу» и испускаю вопль, который со стороны кажется «боевым кличем», а на самом деле ору во всю глотку, чтобы перекричать толпу и показать, что готов к бою.

— Смотрите! Смотрите на великолепного Данха-и-Ну-ра! — надывается глашатай. — Знаменитого Убийцу, настоящего живого эльфа! Кто рискнет и выйдет, чтобы сразиться с ним? Кто не боится северных варваров? Кого не страшит взгляд нелюдя?

Демонстрирую себя во всей красе — играю мышцами, вращаю клинками, двигаюсь по арене, не забывая показать ярость и ненависть. Нас, нелюдей, люди традиционно боятся, несмотря на то что лично мы, эльфы, очень давно не делали человечеству ничего плохого. Но с этим ничего не поделать — ведь орки постоянно выступают союзниками людей... Нет, вспомнил... во время Нисхождения Тьмы, когда только-только появившиеся орки атаковали остальные народы в союзе с гоблинами и драконами, у эльфов случались столкновения с

людьми... Но это было так давно!

— Кто рискнет и выйдет, чтобы сразиться с...

— Я!

Так, все! Хватит мечтать! Работаем!

Он выходит с противоположной стороны. Невысокий по сравнению со мной бронзовокожий качок, играющий литыми мышцами. Лицо до половины закрывает маска — видна только выступающая вперед «орочья» нижняя челюсть. На шее — широкий кожаный воротник, частично прикрывающий плечи и ключицы, мускулистые руки расписаны татуировками до самых пальцев. Кожаные штаны расшиты бахромой и бисером и заправлены в высокие сапоги. У него кривой орочий талгат и круглый щит, окованный по краям железной полосой, — мощное оружие, если как следует засветить краем в лицо или грудь противника.

Глашатай и распорядитель боев мечутся туда-сюда, как парочка перепуганных гоблинов, принимают ставки, а мы встаем друг перед другом. Из-под полумаски злобно сверкают прищуренные черные глаза.

— Посмотрим, какой ты непобедимый, Данха-и-Нур! — рычит неизвестный, тыча в меня своим талгатом. — Ты еще будешь умолять меня о пощаде!

— Ха! — только и отвечаю я.

— Несравненный Данха-и-Нур против Маски! — вопит глашатай. — Кто победит? Делайте ваши ставки, господа! Делайте!

— Я из тебя колбас наготовлю! — обещает мой противник. — Прощайся с жизнью, нелюдь!

Я в ответ только корчу зверскую рожу.

— Ставки сделаны! Ставок больше нет! — верещит глашатай. — Бой!

Маска атакует стремительно, но я встречаю его замахом на полпути и легко отбрасываю противника к противоположному краю помоста. Он удерживается на ногах и успевает выставить щит, принимая на него мой второй меч, после чего пытается ударить снизу, по ногам и животу. Я отскакиваю, спасая живот, и, крутанувшись на пятках, рублю его по плечу с разворота.

Это один из моих коронных ударов — редко кто из противников успевает увернуться. Но Маска успел. Припав на колени, он выставил одновременно меч и щит, и мой клинок просто соскользнул вниз. Я мгновенно прикрылся вторым мечом, потому что в тот же миг талгат опять устремился к моим ногам. Низкорослый Маска не пытался бить по плечам и голове, но обрушил на мои живот и ноги такой шквал ударов, что мне на несколько долгих секунд пришлось уйти в оборону.

Я попятился, вращая мечи и пытаюсь создать из них щит. Зрители завывали и застучали ногами. Станным образом их вопли и топот подстегивали меня. Улучив минуту, сбил талгат противника и перешел в наступление, одновременно выбросив оба меча. Одним ударил в щит неизвестного, а другим попытался достать коротышку.

Мне повезло — меч скользнул под щит и ударил по набедреннику Маски, заставив того дрогнуть. Я зарычал, чувствуя, что противник поддается, усилил напор. Мои мечи замелькали, превращаясь в сверкающую «мельницу», и Маска попятился, закрылся щитом. Зрители взвыли.

Он еще хотел перейти в наступление. Жестко приняв мои мечи на щит, рванулся вперед, и только эльфийская реакция спасла меня от пяди стали в животе. Прогнувшись, я отскочил назад и кувыркнулся через голову. Противник не успел ударить — я двигался слишком быстро. Вскочил на ноги, снова приготовился к бою.

Еще минуту или две мы кружили по помосту под вопли и топот зрителей. Маска начал тяжело дышать, а я даже не вспотел — уж такие мы, эльфы, уникамы. Бой слишком затянулся. Пора было заканчивать возню со слишком вертким и стремительным противником. По счастью, у меня в запасе имелось несколько приемов, которые позволяли уйти красиво.

Маска, так же как и я, хорошо работал обеими руками, разве что на левой у него был щит, которым он уже несколько раз пытался достать мое лицо. Один удар режущей кромкой — и я в лучшем случае получаю шрам, а в худшем остаюсь со сломанной челюстью и избавляюсь от части зубов. Но рискнуть стоило.

Дождавшись, когда противник в очередной раз замахнется щитом, я не стал подставлять мечи, а, припав на колено, поднырнул под замах. Прием, рискованный при моем росте, но реакция не подвела. Щит просвистел над головой, а я в тот же миг выпрямился, встретил грудь противника плечом и, повернув локтем, заставил его перелететь через меня, кувыркнувшись по помосту. Не тратя времени на разворот, полубоком рухнул на упавшее тело, не дав ему выпрямиться.

При падении противник выронил оружие, и мне пришлось «любезно» воспользоваться этой оплошностью. Бросив левый меч, за край маски оттянул голову врага назад и от души полоснул лезвием правого меча по шее, как раз над кожаным «воротником». Зрители, перед глазами которых произошло убийство, хором вскрикнули.

— Ха! — зло и весело рыкнул я, бросив голову Маски лицом на окровавленный помост. Кровь растекалась, впитывалась в песок. Несколько раз дернулись ноги, скрюченные пальцы правой руки судорожно сжались в кулак — и все было кончено.

Я выпрямился, поднял руки и повернулся вокруг своей оси, купаясь в лучах славы и наслаждаясь криками толпы, пока труп противника, зацепив за ногу, тащили к краю помоста, после чего завернули в рогожу и унесли.

— Победил Данха-и-Нур! — заверещали на три голоса мой хозяин, глашатай и распорядитель боев. — Мы видели его двенадцатую победу на этом ринге! Родился ли тот гладиатор, который победит знаменитого Данха-и-Нура?

Растянув сеть, темнокожие служители поднялись на помост, чтобы изловить меня и увести. Я с сожалением бросил взгляд на отброшенный левый меч. Впрочем, если бы не вилы, которыми в меня тыкали, пожалуй, рискнул бы и попытался сбежать. Но удастся ли прорваться сквозь толпу?...

Сеть упала на голову и плечи. Я дернулся, желая освободиться, но темнокожие уже тянули меня с помоста под крики и вопли зрителей.

Отчаянно сопротивляющегося гладиатора-победителя утащили прочь, в темноту подсобного помещения, и швырнули в маленькую комнатку. Прокатившись кубарем, я выпутался из сети, махнул руками двум несшим меня рабам — мол, все в порядке, можете быть свободны.

Каморка была устроена в соответствии с «модой» — низкая скамеечка с принадлежностями для умывания, охапка соломы в противоположном углу, сверху брошено старое одеяло, к кольцу в стене крепится цепь. В другом углу валяется завернутое в рогожу тело моего недавнего противника.

Плеснув в лицо воды и прислушавшись к шуму — судя по всему, начали принимать ставки на еще одну пару гладиаторов, — я повернулся к кулю в рогоже:

— Все кончилось, можешь оживать!

Рогожа зашевелилась, послышался тихий стон. Я подошел, помог Ухарю выпутаться.

— Ничего не помял?

— Да все нормально. — Из рогожи вынырнула покрасневшая физиономия полуорка. — Только ты в следующий раз предупреждай! Я так об пол звезданул, что в глазах потемнело. А тут еще ты навалился! Со всей дури локтем по почкам!

— Извини. — Я помог Ухарю сесть прямее и немного помассировал его поясницу. — Так лучше?

— Угу. — Полуорк снял кожаный воротник, к которому изнутри был прикреплен мешочек с бычьей кровью. При нажатии он лопался, и жидкость выплескивалась, создавая полную иллюзию перерезанного горла. — И почему ты решил резать меня мечом? Забыл, что у тебя нож за голенищем?

— Забыл, — покаялся я. — Увлёкся. И потом, я же дикарь, варвар с севера, подлый

нелюдь и так далее! Мне вообще положено тебя зубами грызть!..

— А это мысль! — оживился Ухарь и закашлялся. — Что?

— Горло болит, — пожаловался он. — Ты так надавил...

— Ну-ка, дай я попробую...

Целитель из меня был никакой, но благодаря службе в Коралловых Зубах я кое-что узнал о травмах. На тренировках мы худо-бедно научились не только наносить увечья, но и снимать боль, а также вправлять вывихи, залечивать ушибы и останавливать кровь. Ухарь запрокинул голову и довольно откинул ее мне на плечо, подставил горло под пальцы; я стал осторожно массировать ему кадык.

— Ребятунки, у вас все... Ой! — В каморку заглянул милейший господин Хашша. — А чем это вы тут занимаетесь?

Я услышал его шаги издали, и поэтому моя рука не дрогнула. Картинка и впрямь была оригинальной — со стороны казалось, что «великий и ужасный Убийца» дорвался-таки до глотки своей жертвы. Но видимо, Ухарь и сам господин Хашша имели в виду что-то другое, потому что полуорк стремительно выпрямился:

— Уже ничем!

— Все в порядке? — поинтересовался господин Хашша.

— Да, если не считать того, что этот нелюдь меня немного помял. Но я уже в норме!

— Хорошо, — перевел дух господин Хашша. — Кстати, Данха-и-Нур, у тебя сейчас еще бой!

— Что? — подпрыгнул я. — Еще один? Сколько можно?

— Столько, сколько нужно. Меня, пока я шел сюда, трижды остановили, предлагая выставить против тебя бойцов.

— Три плюс один — итого четыре! — подсчитал я. — Я что, железный? Вчера восемь боев, позавчера шесть, третьего дня — пять, из них один с дикими псами! На мне шрамы не успевают заживать!

— Потому что ты не успеваешь их получать, — проворчал Ухарь. — Ты двигаешься слишком быстро! Тебя хрен зацепишь!

— Хорошо, в следующий раз буду сражаться с закрытыми глазами, — пообещал я.

Голова господина Хашши на некоторое время исчезла, но буквально через минуту он опять заглянул к нам:

— Ты готов? Сейчас тебя вызовут!

— Устал, — отрезал я. — Вон пусть Ухарь выходит!

— И как ты себе это представляешь? Для всех он свежий, еще даже не окоченевший труп!.. — покачал головой господин Хашша. — И потом, неужели тебе хочется лишиться нас верного источника дохода? Знаешь ведь, что на тебя уже ставят восемь к одному?

Я вздохнул и встал, потягиваясь:

— Ладно, пусть принесут мечи!

— Вот это совсем другое дело. — Господин Хашша завертелся вокруг, суетливо помогая поправить сбившийся доспех. — Иди и победи!

— Как мне это все надоело, — с чувством высказался я, проходя в дверь.

— Могу тебя утешить: послезавтра уезжаем. — Господин Хашша похлопал меня по спине. — В этом городе мы слишком примелькались.

Вернее, примелькался Ухарь, которого я исправно «убивал» иногда по два раза на дню. Грим помогал не всегда, случалось, что его узнавали, и тогда в срочном порядке приходилось придумывать братьев-близнецов, решивших отомстить за невинно убиенного родственника. Хорошо еще, что Ухарь — полукровка, и иногда мы гримировали его под человека, а иногда — под чистокровного орка. А орки, как и все нелюди, для людей на одно лицо. Только меня никто и никогда не гримировал. Я был неповторимым Данха-и-Нуром, единственным эльфом-гладиатором, я мой гладкий торс безо всяких следов растительности и коротко подстриженные волосы, как и два моих меча, стали частью образа. Кстати, если уж на то пошло, я давно мог отпустить длинные волосы, но предпочитал оставаться коротко

стриженным.

— Уродство! — только и сказал я, подойдя к помосту и издалека увидев своего противника.

Обычно дети похожи на своих родителей. А этот явно имел в числе предков горных троллей, от которых ему достались рост и телосложение. Обильной волосатостью этот экземпляр явно пошел в медведей, а вот все остальное было человеческим. Кроме оружия великан, возвышавшийся надо мной на целую голову, был вооружен шипастой дубиной.

Очень захотелось сказать господину Хашше парочку «ласковых» за то, что подстроил мне такую бяку, но тот благоразумно куда-то слинял. Что ж, начнем с того, что прикончим эту грудку мышц, а вечером разберемся с горячо любимым «хозяином».

— Я же тебя, — шипастая дубина уставилась мне в лицо, — сейчас убью!

— Ну-ну, — кивнул я. — Рискни здоровьем.

— Готовься к смерти! — заорал великан, замахиваясь. Я не стал ждать, пока он опустит дубину на мою голову, и отскочил в сторонку в самый последний момент.

Не буду подробно описывать весь бой. Скажу лишь, что для человека такого огромного роста мой противник двигался довольно быстро, но все-таки недостаточно быстро для того, чтобы достать чистокровного эльфа. Правда, мне пришлось здорово побегать и несколько раз шлепнуться на песок, потому что с моим ростом уклоняться от мелькающей дубины было довольно сложно. То бегая, то прыгая, то кувыркаясь, я ухитрился работать мечами, раз за разом оставляя на боках, спине и бедрах противника длинные косые царапины. По отдельности они не могли причинить серьезного вреда, но, когда их стало больше десятка, великан начал терять силы. Он истекал кровью и, когда бой наконец остановили, без сил рухнул на песок, переводя дух.

Вскинув мечи, я победителем прошелся по помосту, купаясь в лучах славы, и отыскал глазами милейшего господина Хашшу. «Хозяин», предусмотрительно державшийся от меня на почтительном расстоянии, умильно улыбался, подмигивал, посылал воздушные поцелуи и вообще мимикой и жестами демонстрировал свои приязнь и восхищение, а потом показал три оттопыренных пальца и провел ребром ладони по горлу.

Увидев этот жест, я внутренне застонал. Это означало, что впереди у меня еще три боя, причем, судя по всему, не сходя с помоста.

Ловкие тонкие пальчики рабыни не массировали, а только мяли и гладили мои плечи, но после тяжелого дня и это было здорово. Особенно после парной бани, из которой я вышел полностью обновленным и настроенным так благодушно, что хотелось петь.

Рядом, на соседней кушетке, растянулся Ухарь, которого точно так же обхаживала вторая рабыня-банщица. Причем, судя по тяжелому сопению и сдавленному хихиканью, мой напарник давно уже перевернулся на спину, подставив ей свою грудь и между делом тиская девчонку. Хоть бы у него хватило ума и такта уединиться с нею, когда дойдет до дела! Моя массажистка все прекрасно видела. Ей, судя по всему, хотелось того же, но я не предпринимал никаких попыток заинтересоваться ее прелестями, и она с каждой минутой сопела все обиженнее, как маленький, но очень решительный ежик.

Откинулся тяжелый полог, еще четыре рабыни внесли низкий столик, на котором быстро расставили яства и напитки.

— Ужин благородным господам, — пропела одна из них и простерлась ниц.

Я не выдержал и фыркнул. Прошло три года с падения Кораллового Острова, но мне до сих пор больно, когда напоминают о моем происхождении. Еще три года назад я был Данкором из Дома Дармира, знатным, хотя и небогатым эльфом из старинного, никому не известного рода. А теперь, пройдя через рабство, стал знаменитым гладиатором Дан-ха-и-Нуром, Убийцей с загадочного севера, которого никто никогда не мог победить. И пусть на моем горле давно уже не было ошейника и меня никто не имел права выставить на торги, все равно та давняя боль никуда не делась. И коротко остриженные волосы (вы хоть где-нибудь видели эльфа, у которого самые длинные волосы на челке, а к затылку сходят на нет?)

постоянно напоминали мне, что я потерял нечто большее, чем свободу. Я потерял свое прошлое.

— Ну-ка посмотрим, чем сегодня кормят голодных гладиаторов? — отвлек меня от размышлений бодрый голос Ухаря. Приняв сидячее положение, он хищным жестом потер руки, оглядывая богато накрытый стол. Куропатки, заливное из морского угля, суп из устриц, запеченные в тесте плавники черепах, целая гора креветок, пересыпанных пряностями, — и это не считая вина и фруктов.

— На ночь много есть вредно, — сказал я, видя, как полуорк пододвигает к себе блюдо с куропатками.

— Много ем, но много и трачу! — ответил Ухарь с полным ртом и кивнул массажистке: — Девочки, присоединяйтесь! Тут хватит на всех!

Я сел, поспешив набросить на чресла полотенце — не то чтобы я страдал ложной стыдливостью, просто надо было сразу дать понять рабыне, что на ночь бурной страсти она может не рассчитывать.

— Ну-ну! — вскинул бровь напарник. — Тебе и эта не понравилась?

Покосившись на расстроенную девушку, смерил ее взглядом от пяток до расстроенной мордашки:

— Не в моем вкусе.

— Да на тебя не угодишь! И блондинки, и брюнетки, и рыжие!.. За три года я ни разу не видел тебя с девчонкой! Если бы не бывал с тобой в бане, решил бы, что что-то не так! В чем проблема?

Уходя от ответа, я набил полный рот заливным из морских угрей, но смутить Ухаря было не так-то просто.

— Не пойму, чего тебе не хватает! — продолжал рассуждать приятель вслух. — С харизмой у тебя все в порядке, организм функционирует нормально...

— Не выражайся!

— А чего я такого сказал?... Ах да, совсем забыл, что кто-то у нас голубая кровь и белая кость...

— Ухарь, еще одно слово, и я...

— Что — ты? По уху мне съездишь? Да ты его рассмотри сначала, с твоего-то роста! Увеличительное стекло принести?

Я не стал слушать треп приятеля дальше и набросился на полуорка, испугав истошно завизжавших рабынь. Угощая друг друга оплеухами и тумаками, мы покатались по полу и остановились, врезавшись в стену. Я при этом оказался сверху, но только устроился поудобнее, чтобы как следует съездить нахалу по пресловутому уху, как тот заржал самым натуральным образом, окончательно повергнув в ступор бедных девчонок.

— Что? — Я так и застыл с поднятым для удара кулаком.

— Не, не могу! — Ухарь буквально стонал от смеха. — Я все-таки прав!

— В чем?

— Успокойся, — полуорк дотянулся и потрепал меня по щеке, — выдохни несколько раз, сосчитай до двадцати и сделай другое лицо!

— А чем тебе не нравится мое лицо?

— Да все нормально с твоим лицом! Ты, конечно, парень симпатичный, даже красивый, но... Слушай, ты или пользуйся случаем, или слезай с меня! Девочки, — это уже относилось к рабыням, которые с вытаращенными глазами следили за безобразием, — это не то, что вы думаете! Я, конечно, нашего придурка люблю, но не до такой же степени!

— Тьфу ты. — До меня наконец-то дошло, о чем он, и я поспешил выпрямиться, после чего помог встать Ухарю, стараясь при этом не смотреть по сторонам. — Ну ты и пошляк!

— Пошляк — это тот, кто подумал, что между двумя голыми мужиками, которые катаются по полу, вцепившись друг в дружку, что-то есть! — парировал полуорк и, вернувшись к накрытому столу, плеснул себе вина в бокал. — Успокойся, перестань краснеть, как невинная девица, и выпей со мной за то, что между нами было!

— А что? Между нами действительно что-то было? — Я поспешил обвязать чресла полотенцем потуже, соорудив нечто вроде набедренной повязки.

— А как же! — заулыбался полуорк, протягивая мне второй бокал. — Крепкая мужская дружба!

Мы выпили, после чего крепко, до хруста в костях, обнялись, уселись к накрытому столу плечом к плечу и принялись планомерно уничтожать выставленную на нем снедь. Девочки все еще пребывали в шоке. Для них, очевидно, было внове наблюдать такую картину, но мы с полукровкой действительно дружили.

За три года, прошедшие с тех пор, как я совершил побег, бывало всякое. Оставаться в Вольных Княжествах мы не могли — единственный эльф бросался бы в глаза, как черная ворона на белом снегу. Возвращаться на север, на родину, я не хотел — моя родина была уничтожена, до человеческих государств доходили слухи о том, что орки завоевывают один Остров за другим и ничто не может им противостоять. Подаваться на восток тоже не стали — там совсем близко была империя змеелюдов, про которую никто и никогда не слышал ничего доброго. Пока змеелюды торговали с остальными расами, но на их территорию не рисковал соваться ни один купец, предпочитали встречаться с невероятными существами на нейтральной территории. Ехать на запад, в земли людей, нам тоже не улыбалось. Оставался юг — Калимшан и другие государства Полуострова.

Впрочем, нам и здесь не сразу повезло. Мы и ночевали под заборами, и делили пополам последнюю краюху, голодали, воровали — было дело. Однажды я даже отравился и два Дня лежал пластом, не имея сил доползти до отхожего места. Ухарь полгорода обегал, пока нашел непритязательного целителя, который за последний медяк согласился меня осмотреть. Причем ту дрянь ели мы вместе, но Ухарю от предков-орков досталась орочья живучесть, так что он отделался легкой рвотой. Зато после того случая, когда напарник не бросил меня одного, мы стали настоящими друзьями.

А еще через несколько недель нас нашел господин Хашша. Что заставило его обратить внимание на двух грязных тощих бродяг — осталось загадкой, но вот уже два с половиной года мы путешествовали вместе.

Господин Хашша — бывший купец, разорившийся потому, что кроме торговли любил вкладывать средства во всякие сомнительные предприятия. На сей раз он не прогадал — уже через пару дней, отмытые и слегка отъевшиеся, мы выступали на базарной площади, развлекавая толпу фехтованием. Дальше — больше. Благодаря мне — вернее, моей «харизме», как любил выражаться Ухарь, — мы стали широко известными гладиаторами. Для всех господин Хашша являлся нашим хозяином, но на деле он был партнером и компаньоном. Мы выступали во всех крупных и мелких городах Ка-лимшана, то показывая отработанные фехтовальные сценки, то сражаясь на настоящих гладиаторских поединках. Я стал известен как Данха-и-Нур, Убийца. Люди платили деньги, чтобы посмотреть, как я расправляюсь с очередным противником, и жили мы с некоторых пор роскошно. Лишь одно отравляло мне душу — воспоминания о доме, который потерял, и о жизни, которая никогда не вернется.

— Давай нападай!

— Как?

— Сначала как обычно — два верхних, два боковых и два нижних... Потом я сделаю верхний «слив», шагну вперед, а ты — вот сюда. Подшаг — и... Нет, чуть пониже, чтобы я успел вывести меч из нижней позиции в верхнюю. А потом снова — два верхних, два нижних и...

— А мы не слишком затягиваем?

— Да ты что! А впрочем, это уже было... Слушай, а если вот так — ты делаешь укол с «провалом»... Да делай-делай, я буду показывать... Вот твой укол, я встречаю меч, принимаю его на скрещенные клинки, а потом — р-раз!

— Ого! — Ухарь только охнул, когда, едва не вывернув кисть, меч вырвался из его руки и, описав дугу, шлепнулся на землю. — Ловко! А дальше что?

— Ну ты остаешься со щитом, просто им закрываешься и отступаешь, а я делаю три верхних и три нижних... Вот так, так и так! А потом...

— Нет, так не пойдет! — подумав, заявил полуорк. — Как ты меня убьешь из этой позиции?

— Да легко! После шести ударов будет седьмой боковой, и его ты пропустишь. Все!

— Некрасиво! И грубо! Ты можешь промахнуться?

— Я? Да никогда!

— А что, если я уйду от твоих мечей кувырком вбок и назад, а потом...

Ухарь стремительно кувыркнулся вместе со щитом, успев им прикрыться, и, оказавшись у меня почти за спиной, стряхнул щит с руки, одним прыжком запрыгнув мне на спину:

— Вот так!

— И что дальше? — поинтересовался я.

— А дальше — покатай, большая черепаха? — Приятель крепко обхватил меня руками и ногами.

— Чего? — Я попытался стряхнуть с себя полукровку, но не тут-то было.

— Н-но, лошадка! Вперед! — заорал Ухарь весело, пытаясь пришпорить меня пятками.

— Ну держись!

Бросив мечи, обхватил сзади приятеля за пояс и кувыркнулся вместе с ним, стараясь подмять Ухаря под себя. Тот заверещал, как подстреленный заяц, отчаянно брыкаясь, но не собираясь разжимать руки и крепче цепляясь за меня. Сопя, рыча сквозь стиснутые челюсти и дурашливо ругаясь, мы покатались по земле. Сидевшие на корточках у стены темнокожие «охранники» лишь переглянулись и покачали головами — мол, что с дикарей взять!

— Эй, молодцы! Вы что это тут устроили? Опять деретесь?

Ругнувшись в два голоса, мы застыли в живописной позе, которую можно было понимать как угодно — в силу природной испорченности или воспитанности — и одновременно повернули головы к господину Хашше. При этом я обнаружил себя стоящим на четвереньках, а Ухаря — выглядывающим у меня откуда-то из-под мышки.

— Чем это вы занимаетесь? — свистящим шепотом поинтересовался «хозяин».

— Отрабатываем приемы рукопашного боя, — слегка придушенно объяснил полукровка и двинул меня локтем ниже пояса.

— Немедленно прекратить! У нас гости!

Это заявление было встречено хоровым стоном. То есть я-то на самом деле застонал от досады, но одновременно с этим дал сдачи Ухарю, который испустил вздох уже от моего кулака.

— Что? Опять желающие посмотреть на «великолепного Данха-и-Нура» в нерабочей обстановке? — Я выпрямился, сел на пятки и позволил полуорку отползти в сторону. — Снова надевать ошейник и изображать тупого дикаря? Надоело! У меня, между прочим, за плечами рыцарское воспитание и... Я просто не хочу!

— Данкор, — полукровка отполз на почтительное расстояние и стал приводить себя в порядок, — ты тут старше нас всех вместе взятых, а ведешь себя как маленький ребенок!

— А что, если я и есть маленький ребенок? — обиделся я. — Мы, эльфы, живем в двадцать раз дольше людей и почти в пятнадцать раз дольше орков. Так, может быть, я просто медленно развиваюсь?

— Ага! Вот тут. — Ухарь выразительно постучал себя по лбу.

— В самом деле, хватит! — попытался урезонить меня господин Хашша. — На тебе у нас все держится! Вернее, на твоём образе нелюдя...

— Да понятно, — отмахнулся я. — Работаем!

Ухарь коротко, по-разбойничьи, свистнул сквозь зубы, успевшие изучить все его свисты, жесты и мимику темнокожие «охранники» вскочили с места и устремились в подсобное помещение, откуда вернулись через минуту с ошейником и парой кнутов. Ребята были частью нашей группы — у нас имелось несколько отработанных номеров, в которых

темнокожие выступали поочередно то в роли дикарей, свежепойманных где-то в далеких странах, то в роли опытных профессионалов, которым хорошо заплатили за то, что они попытаются скрутить Данха-и-Нура в бараний рог. «Работали» они и с Ухарем, и в паре друг с другом, то есть были нам почти партнерами. «Почти» потому, что их-то господин Хашша как раз и купил на торгу, остановив на темнокожей парочке выбор по двум причинам — во-первых, оба идеально подходили под мой немаленький рост, а во-вторых, у них были отрезаны языки и они не могли проболтаться о том, чем на самом деле тут занимаются.

Я позволил надеть на себя ошейник, после чего отошел в дальний угол, по пути прихватив свои два меча. «Охранники» встали по бокам, а Ухарь еле успел занять позицию напротив, как появились господин Хашша с гостем. Мы сделали вид, что только-только прервали тренировку, и вытаращились на незнакомца двумя парами глаз — оба «охранника» поспешили низко склониться перед человеком. Ухарь только коротко кивнул, отступая назад, а я остался стоять, почти зажатый в угол, настороженно сверкая глазами из-под челки — ни дать ни взять дикарь, который в принципе не приучен доверять людям.

Сказать по правде, этому человеку я бы не доверил и дохлую муху на помойку выбросить — слишком не понравился мне его взгляд. Не то чтобы я так уж хорошо разбирался в людях или умел читать мысли — вот уж в чем никогда не был замечен, так это в склонности к магии! — просто тип, одетый вопреки жаре и южной моде во все черное, показался мне каким-то... мм... опасным.

Какое-то время мы просто сверлили друг друга глазами, а потом господин Хашша сделал моим «охранникам» знак, и те выразительно щелкнули кнутами, заставив меня опуститься на колени. Неизвестно, кто от этого выиграл — так мой рост почти сравнялся с ростом людей.

— Так вот он каков, — нарушил молчание гость, — знаменитый Данха-и-Нур! Хорош!

Я ответил ему мрачным взглядом исподлобья и прикусил язык, чтобы чего-нибудь не ляпнуть.

— А почему он не в цепях? — поинтересовался гость. — Выглядит эльф опасным!

— Да нет! Что вы, великолепный шан, — всплеснул руками господин Хашша, — вы, конечно, правы, и ваша мудрость сравнима только с вашими неслыханными щедростью и прозорливостью, но Данха-и-Нур давно уже укрощен и прекрасно знает, кто здесь хозяин. Ведь знает, не так ли?

Я мрачно кивнул, не сводя с гостя глаз.

— О! Он понимает наш язык?

«И не только понимает, но умеет на нем говорить, — подумал я. — За три года чему угодно научишься, если жить захочешь!»

— А можно посмотреть его... в деле?

«Приходите вечером на выступление — там и насмотритесь!» — чуть было не брякнул я, поскольку с каждой минутой тип нравился мне все меньше и меньше. Но господин Хашша кивнул с самым подобострастным видом:

— Ну, конечно! Все ради вас, о благословенный! Мой личный тренер с удовольствием покажет, как работает нелюдь! Эй, Ухарь! Мечи! Быстро!

Полуорк, без сценического грима и в обычной одежде смотревшийся не слишком выразительно, с готовностью сделал шаг вперед, но гость вскинул ладонь:

— Нет-нет! С моими людьми!

Я метнул взгляд на господина Хашшу, тот слегка покачал — мол, сам услышал только что. Но делать было нечего — через двор ко мне уже шагали четыре человека в коротких доспехах, с саблями и щитами. Остановившись перед шаном, они коротко поклонились ему, после чего двое сделали шаг вперед, отеснив полуорка и темнокожих «охранников».

— Двое против одного, — провозгласил шан. — Бой будет продолжаться, пока я его не остановлю!

Я посмотрел на господина Хашшу. Тот подавил вздох и кивнул головой — мол, действуй! Я выпрямился и встал так, чтобы оказаться на равном расстоянии от обоих

противников.

— Бой! — скомандовал гость.

Передо мной были простые охранники, воины, а не поединщики, которые привыкли ежедневно сражаться всерьез, — это я понял с первых же выпадов. Парочка действовала четко и слаженно, но она явно никогда не имела дела с настоящими гладиаторами. Да и двигался я намного быстрее обычного человека. Метнулся наперерез правому из воинов, ловко парировал его выпад и, заставив противника сделать лишний шаг, заслонился им, как щитом, от левого. После чего толкнул одного бойца на другого и несколькими ударами выбил мечи у них из рук.

— Отлично! — воскликнул шан. — Еще двое — и продолжим!

К моему и большинства присутствующих удивлению, двое других воинов поспешили атаковать меня, пока два первых поднимали сабли с земли и занимали позицию. Четверо против одного — это было уже серьезно, но я не зря столько лет считался одним из лучших бойцов Калимшана. Век гладиатора короток — многие «работают» только полгода, от силы год, после чего либо получают серьезную травму и сходят со сцены, либо прощаются с жизнью. То, что я продержался на арене почти два с половиной года, уже говорило в мою пользу. И четыре противника для меня одного — это было серьезно, но не смертельно.

Воины окружили со всех сторон, и я завертелся на месте, работая двумя мечами и непрерывно отражая сыплющиеся со всех сторон удары. Потом улучил миг и вырвался из круга, попутно опрокинув одного из противников. Меч скользнул под щит, обошел выставленный клинок, задел живую плоть чуть ниже доспеха, и человек упал, открыв путь из круга. Кувырком уйдя от сабель стоявших справа и слева воинов, я вырвался наружу и атаковал их со спины. Одному повезло — он успел отскочить в сторону, — а второй промедлил и рухнул, получив мечом по спине.

— Стоп! Остановить бой!

Мы замерли, успев обменяться лишь парой ударов с третьим противником. Не крикну шан, следующим выпадом я бы отрубил ему руку по локоть, выводя из строя. Уцелевшие воины отступили назад, их менее везучие товарищи остались лежать в лужах крови.

Ухарь, господин Хашша и два моих темнокожих «охранника» забыли, как дышать, но шан был в восторге.

— Данха-и-Нур, ты великолепен! До этого я видел тебя только на арене и, признаться, думал, что большинство твоих поединков заранее отрепетированы, но теперь вижу, что это не так! — воскликнул он. — Ты действительно настоящий боец, свирепый и непобедимый!.. Вот что, господин Хашша, — гость обернулся к моему «хозяину», — мне угодно купить у вас этого раба.

— Что? — хором воскликнули мы. Я даже забыл притворяться дикарем, не понимающим чужого языка.

— Что слышали! Готов предложить тысячу золотых полумесяцев. Это прекрасная цена за такого гладиатора, вы не находите, господин Хашша?

Тысяча золотых! Молодого здорового мужчину, обученного обращаться с оружием, можно купить за сотню.

— На эти деньги вы сможете приобрести десять новых рабов, и ваш тренер подготовит из них прекрасную замену Данха-и-Нуру, — озвучил мои сомнения шан.

— О высокородный сын славных родителей, да продлятся на земле их дни и умножится слава их потомка в тысячу раз! Твое предложение — как бальзам на мои раны, как глоток прохладного шербета в летний полдень. Я преклоняюсь перед тобой, но... Данха-и-Нура не заменит ничто! — попытался запротестовать господин Хашша.

— Полторы тысячи полумесяцев!

— Вы... о великолепный и благородный шан... — господин Хашша вспотел так, что я поморщился, — не нахожу слов, чтобы высказать все чувства, которые владеют мною, но...

— Две тысячи! Это моя последняя цена! Учтите, никто не даст вам больше! — заявил шан таким тоном, что сразу стало ясно — он для себя все уже решил и вопрос только в цене,

которую придется заплатить.

— Я... э-э... припадаю к вашим благословенным стопам, простираюсь ниц перед вашими мудростью и щедростью, достойными такого великолепного господина, и... и... позвольте мне подумать, — умирающим голосом пролепетал господин Хашша. — Ваше предложение так неожиданно...

— Значит, решено! — Шан по-своему растолковал затравленный взгляд и заплетающийся голос. — Завтра поутру две тысячи золотых полумесяцев будут у вас. Тогда же я заберу Данха-и-Нура! За мной!

Подхватив безжизненные тела товарищей, охранники последовали за ним. Бросив на нас взгляд через плечо, господин Хашша трусцой поспешил провожать высокого гостя.

Я уронил мечи на землю. Ухарь подошел ко мне и крепко стиснул локоть. Мы с полуорком не обменялись и словом — обоими владели одинаковые чувства, слов не требовалось.

Господин Хашша вернулся через несколько минут. Выражение его багрового от напряжения лица я не берусь описать.

— Что это значит? — напустился на него Ухарь, едва тот переступил порог и, закрыв дверь, навалился на нее всем телом. — Вы ведь не собираетесь продавать Данкора? Он ведь не раб!

То есть я не личный раб господина Хашши, но беглый раб, удравший от прежнего хозяина из Вольных Княжеств, но эту подробность моей биографии мы с Ухарем договорились скрывать.

— Для всех формально он — мой раб, — вздохнул господин Хашша. — И рано или поздно все равно бы пришлось...

— Продать меня? — воскликнул я, не веря своим ушам. — Надеюсь, вы не собираетесь этого делать?

— А что остается? — простонал господин Хашша. — Две тысячи золотых полумесяцев на дороге не валяются! При самом удобном раскладе мы заработаем столько за год! В лучшем случае за полгода...

— А что потом? — Ухарь однозначно встал на мою сторону. — Вы думаете, что найдете второго Данха-и-Нура? И кто, интересно знать, вам его подготовит?

— А...

— Я ни дня не останусь у вас, если вы продадите Данкора! — заявил полуорк. — Мы — друзья, а друзей не продают!

На господина Хашшу было жалко смотреть. Я немного успел изучить этого человека, как и вообще калимшан, и понимал, что у них другое сознание и воспитание. Шан был не просто опасным, но очень богатым человеком, а калимшане привыкли, что последнее слово всегда остается за тем, у кого больше денег. «Все продается и все покупается, вопрос только в цене!» — так говорили в этих краях. Даже честь здесь можно было купить за сходную цену — надо было лишь найти место, где ею торгуют. А цена, за которую можно было купить господина Хашшу, равнялась примерно двум тысячам полумесяцев.

— У нас есть только один выход, — помолчав, промолвил я. — Бежать!

— Ну да, — кивнул Ухарь, — тем более что опыт у тебя какой-никакой есть... Только вот куда?

— В столицу! — неожиданно поддержал меня господин Хашша. — В благословенную Найредду! Здесь, в провинции, мы как на ладони, но в столице станем просто одними из многих. Мы затеряемся в толпе, и шан нас никогда не найдет! Кроме того, там всегда можно припасть к благоуханным стопам богоподобного кали. Здесь наместник солнцеликого воплощения всех известных божеств наверняка давно куплен, он вряд ли встанет на нашу сторону, но великолепный кали столь же мудр и справедлив, сколь великолепен! Он — воплощение мудрости, благородства, справедливости, красоты...

За три года жизни в Калимшане мы с Ухарем успели привыкнуть к тому, что местные жители просто обожают цветистые сравнения, и в продолжение этой речи только синхронно

кивали, терпеливо дожидаясь, пока господин Хашша закончит воздавать хвалу своему правителю и наконец отдаст приказ готовиться к отъезду.

Сама Найредда мне понравилась. Она чем-то напоминала поместье-столицу родного Кораллового Острова, вернее, внутренние дворы ее замков. Те же белые стены, возносящиеся в синее небо, та же мозаика на выложенных плитами площадях, то же буйство зелени. Только в поместье-столице зелень была везде, где можно, в парках, садах, на лужайках, а здесь она окружалась высокими глинобитными оградами, так что наружу торчали лишь ветки.

Господин Хашша снял дом без сада — зато с настоящим бассейном под открытым небом и довольно просторной площадкой для тренировок. Сад был у соседей — там располагался гарем владельца дома, — и ветки плодовых деревьев свисали над оградой, отягощенные плодами. По закону плод, висящий на дереве, принадлежал тому, на чьей земле росло дерево, но, упавший по эту сторону забора, поступал в полную нашу собственность. Несколько веток действительно свешивались к нам, и мы с Ухарем то и дело бросали на них вожаделенные взгляды.

Не успели приехать, наступила такая жуткая жара, что даже местные жители изнывали от нее. Кружка питьевой воды стала стоить один серебряный полумесяц — цена, которую мог позволить себе не всякий, поэтому бассейн, доверху наполненный свежей водой, считался верхом роскоши. Несколько деревьев в кадках, расставленные вокруг бассейна, давали не так много тени, но и того было достаточно, на большее наших средств в столице пока не хватало, ведь мы бросили все нажитое. Я и Ухарь полдня либо прятались от жары в комнатах, потягивали Щербет и лимонный сок, либо отмокали в бассейне, и лишь вечером, когда становилось прохладнее, брались за оружие и тренировались.

Господин Хашша, верный своему долгу организатора, несмотря на жару, уже несколько дней носился по столице и доставлял нам свежие новости и городские сплетни.

В благословенной Найредде тоже были свои школы гладиаторов — одну через подставных лиц содержал сам богоподобный кали. Бои устраивались на специальных аренах трижды в неделю, строго по часам, так что любители могли, полюбовавшись на бойцов в одном месте, успеть к началу другого представления, а там, по желанию, и третьего. Школы по традиции соперничали друг с другом, причем чаще всего победа доставалась Песчаному Змею — так называлась та школа, которую через подставных лиц содержал сам кали.

Несмотря на то что в столицу мы прибыли всего несколько дней назад, неожиданно выяснилось, что про Данха-и-Нура тут слышали и даже с нетерпением ждали, когда же Убийца посетит Найредду, чтобы сразиться с лучшими из лучших бойцов.

Мы с Ухарем развалились в бассейне и лакомились персиками — с утра нам повезло, и несколько плодов со свешивающихся веток не без нашей помощи упали во двор. Неожиданно ворвался потный, красный от жары, запыхавшийся господин Хашша.

— Ребятюшки! — с порога простонал «хозяин», платком вытирая мокрый лоб.

— Ага. — Две головы повернулись в его сторону.

— Ох! Ноги отваливаются, поясница ноет, — пожаловался он, плюхаясь на край бассейна и опуская ноги в воду. Поймал мой недовольный взгляд, поспешно извинился, вынул ноги, снял с них пропыленные сандалии.

Я кивнул — терпеть не могу, когда кто-то лезет в мой бассейн грязным. Со стороны это, наверное, смотрелось знатно — хозяин извиняется перед рабом за то, что осмелился испачкать его воду для омовений своими грязными ногами! Но что поделать, если мы, эльфы, помешаны на чистоте, то есть, изгваздавшись, первым делом лезем мыться, а уж потом все остальное. Даже раненные в бою сначала приводят себя в порядок, а потом уже отправляются к целителю.

— Какие новости? — пришел на помощь господину Хашше более лояльно настроенный Ухарь.

— Уф! Хорошо-то как. — Тот с наслаждением шевелил в воде босыми ногами, и я постарался незаметно отодвинуться от него подальше. — Можно? — Его вожаделенный

взгляд уперся в кучку валяющихся рядом персиков.

— Угу, — проявил великодушие полуорк, и господин Хашша вгрызся в сочный плод.

— В общем, новости такие, — в мгновение ока расправившись с персиком, «хозяин» торопливо облизывал пальцы, — Про тебя, Данха-и-Нур, оказывается, уже все знают. Про то что ты уже приехал в столицу и все такое, и тебя ждут с нетерпением. У Песчаного Змея даже готовят тебе противника. Нас просто не поймут, если мы откажемся от боя! Думай что хочешь, но тебе не отвертеться!

— Что за противник? — Я бросил косточку на край бассейна и взялся за второй персик.

— Некий Серый Барс. Имя, конечно, сценическое, как твое Убийца, но он провел сто восемнадцать боев и ни разу не был даже ранен! Его шесть раз ставили в пару с женщинами, если тебе это о чем-нибудь говорит!

Говорило, еще как. Женщина в Калимшане низведена до уровня домашнего скота, который приносит владельцу в первую очередь детей и богатство — свое приданое. Самое страшное проклятие для женщины: «Чтоб ты никогда не рожала!» — ибо бездетную могли выгнать из дома без средств к существованию, а среди знати отсутствие детей приравнивалось к преступлению. Самым страшным поступком считалось убийство своего ребенка, причем в его смерти обвиняли женщину, даже если младенец умирал от болезни или происходил выкидыш. Таких «преступниц» и превращали в гладиаторш, то есть давали им в руки меч и выводили на арену, если женщина побеждала, ее объявляли невиновной, но на деле это был всего-навсего изощренный способ казни, ибо такие бои всегда велись до смерти. Считались они и самыми опасными, потому что женщине разрешалось защищать свою жизнь всеми доступными средствами, в том числе и зубами, а мужчина-гладиатор мог действовать только традиционным оружием. В других странах существовали женщины-гладиаторши, но бились они только друг с другом, и мне ни разу не приходилось скрещивать с ними оружия.

— И вот с этим человеком ты непременно должен сразиться, Данха-и-Нур! — промолвил господин Хашша, нервно грызя второй персик.

— И победить? — приподнял я бровь.

— Ой, не знаю! Он же из школы... из той самой школы. — Мой «хозяин» указал взглядом в поднебесье. — По традиции бойцы ее считаются непобедимыми...

— Но с другой стороны, Данха-и-Нур никогда не проигрывал ни одного поединка, — договорил я. — Мне, всего лишь нелюдю и провинциалу, дикарю, пойманному далеко на севере, придется выбирать. Если я буду проигрывать бои, значит, я не такой уж крутой и мой образ сильно преувеличен... Сложное положение, ничего не скажешь... А на ничью эти господа не согласятся?

— Да ты что? — Господин Хашша даже замахал на меня руками. — Впрочем, это идея... Ох, нелегкая работа!

Он закричал, вынимая ноги из бассейна, и принялся обувать сандалии. Несмотря на то, что передвигался господин Хашша в основном на муле, обувь была покрыта слоем пыли, которая от воды превратилась в грязь. Я отвернулся — не то чтобы я презирал род людской, просто у меня от новостей испортилось настроение.

На «ничью» никто не соглашался — владельцы школ, с которыми пробовал разговаривать господин Хашша, стояли на своем: кто-то должен победить, ибо зрителю нужно в первую очередь зрелище. Данха-и-Нур, легенда провинции, должен был показать себя во всей красе — или проиграть. А это означало, что сражаться придется только всерьез.

Нет, не стоит думать, что все мои бои были игрой. Очень часто приходилось биться всерьез, но тут стоило учитывать и уровень бойцов. Иногда против меня выставляли гладиаторов, которые разве что не начинали кланяться прямо на арене — репутация «великого и ужасного Убийцы» служила неплохую службу. Доходило до смешного — нужно было прилагать недюжинные усилия, чтобы схватка продлилась как можно дольше, ибо мой противник был готов сдаться после первого же обмена ударами.

Сам того не подозревая, господин Хашша еще больше испортил мне настроение,

когда, вернувшись на другой день из своей разведывательной поездки, сообщил, что дату первого поединка уже назначили. Моим противником — а в самом деле, чего мелочиться? — назван сразу сам Серый Барс! Дескать, до пятницы он совершенно свободен, так что пусть выйдет и покажет наглому провинциалу, где раки зимуют!

Здесь я сразу вынужден извиниться за оговорку. Серый Барс был лучшим гладиатором в лучшей школе столицы, но ведь имелись и другие школы, которые тоже хотели блеснуть талантами. В каждой работал свой боец, лелеявший надежду когда-нибудь затмить славу Серого Барса. И вот с этих-то кандидатов мне и следовало начать.

Жара спала только вечером, и лишь в сумерках мы с Ухарем вышли во двор, чтобы поразмяться. Во дворе уже царил полумрак, но мы оба могли считаться нелюдями и решили обойтись без светильников. Во-первых, их можно было задеть и опрокинуть в суматохе, а во-вторых, мы и так хорошо видели в наступившей темноте.

— У тебя еще есть силы сражаться? — простонал Ухарь, вставая в позицию. — После сегодняшнего?

— Какие проблемы? Устал? Но ты же вроде бы сегодня не выступал!

— Ага, — кивнул полукровка. — Но вчера, если помнишь, ты гонял меня до седьмого пота! Я до сих пор еле стою!

В доказательство он так вяло отбил мой первый выпад, о мне стало его жаль.

— Извини, — покаялся я. — Просто представил на твоём месте одного из своих будущих противников...

— Какого? Первого или второго?

Я невольно рассмеялся. Сегодня мне пришлось провести пробных боя — устроители разных школ сумели договориться между собой и кинули жребий, с какого бойца мне начинать. Два первых «счастливчика» встретились со мной сегодня, еще два собирались выступить завтра, а там черед должен был дойти и до прославленного Серого Барса.

Свои первые два боя в столице я запомнил очень хорошо. Увидев первого поединщика, не выдержал и расхохотался — почти квадратный типчик не доставал мне даже до груди. Неожиданный хохот его деморализовал и выбил из колеи. Потом я честно старался не хихикать, но дела это не исправило. Противник, очевидно, никогда прежде не скрещивал оружия с эльфами и просто не знал, каковы мы на самом деле. Он решил, что мое сдавленное хихиканье есть не что иное, как радость предвкушения того, что сейчас я вырву ему сердце, выдавлю из глазных яблок сок, нашинкую печень, измелью в муку кости и надругаюсь над бездыханным телом. С воображением у парня явно было что-то не в порядке, так что схватка закончилась очень быстро — его сдачей в плен и последующей истерикой. Я даже не успел как следует разогреться.

Второй поединок пошел еще хуже. Я твердо решил, что больше не буду смеяться, как бы оригинально ни выглядел соперник, и встретил второго поединщика мрачным взглядом исподлюбья, что только испортило дело. Этот гладиатор явно подсматривал за нашим первым боем и решил, что я такой злой потому, что мне не дали вырвать у предыдущего бойца сердце, выдавить из глазных яблок сок — ну и далее, по тексту, — и теперь я намерен отыграться на нем в двойном размере. Этот бой длился почти полчаса, и две трети времени я только и делал, что бегал за отчаянно улепетывающим от меня по всей арене противником. Парень чуть на стенку не лез, спасаясь, и только поддержание престижа школы помешало ему позорно дезертировать с поля боя куда-нибудь в безопасное место — например, в клетку с голодными барсами. Когда же я загнал его в угол и вынудил принять бой, от страха стал так отчаянно обороняться, что разозлил меня всерьез. Каюсь, впервые в жизни потерял на арене голову от злости, так что от забившейся в угол, закрывающейся руками жертвы меня пришлось оттащить силой.

— Прекращай ржать, — сказал Ухарь.

— Я не ржу! — обиделся я.

— Ну хихикать!.. Ручаюсь, про тебя там сейчас такие страшилки рассказывают, только держись!

— Ну не такой уж я и страшный, если разобраться...
— Ага, когда начинаешь вот так улыбаться, даже мне становится жутко, — поежился полуорк.

— Ты сражаться-то будешь? — Я несколько раз вхолостую взмахнул мечом.
— Тебе еще не надоело после сегодняшнего позора?
— Позора для местных школ или для меня?
— Для тебя! — безжалостно припечатал друг. — Ты вел себя как необразованный дикарь!

— Ах так, — притворно разозлился я. — Ну держись!
— Мама! — завопил полукровка, с трудом отражая каскад выпадов и уколов, которые обрушились на него в следующий момент. — Помираю!.. Ой, как жить охота...

Не выдержав, мы расхохотались.
А в следующий миг мне пришлось метнуться к Ухарю и крепко зажать ему рот ладонью:

— Тсс! У нас гость!
Мой острый эльфийский слух уловил отчетливое «ой!», произнесенное незнакомым голосом.

— Где? — Ухарь, стиснутый моим захватом, попытался оглядеться. — Где он?
— Здесь! Разумеется, я здесь!
Мы с полуорком отпрянули друг от друга, как подростки, застуканные за неприличным занятием. На глинобитном заборе, отделявшем наш двор от соседнего, обнаружился стройный молодой мужчина в темной одежде.

— Я могу войти? — поинтересовался он.
— А... э-э... — Мы переглянулись, одновременно ломая голову, сколько времени этот тип там просидел и не услышал ли чего-нибудь лишнего. — Да.

— Спасибо. — Неизвестный ловко спрыгнул на землю и подошел к нам. В его движениях было что-то настолько знакомое, что я невольно всмотрелся внимательнее.

Меня поразило его лицо — слишком вытянутое для коренного уроженца юга, довольно приятное на вид, обрамленное пепельными волосами до плеч. Ростом незнакомец был немного ниже меня, но довольно развит физически.

— Данха-и-Нур? — поинтересовался он. — Я не ошибаюсь?
— Да, это я. А...
— Серый Барс. — Он протянул сильную ладонь с длинными пальцами. Мы обменялись приветствиями.

— Что вы здесь делаете в такое время?
— Убийца — ваше настоящее имя? — вместо ответа поинтересовался прославленный гладиатор.

— Нет, конечно! Мое настоящее имя... оно слишком напоминает о доме, который я потерял. Прошлого не вернуть, и я не хочу, чтобы что-то напоминало мне о нем!

— Я так и думал, — улыбнулся мужчина. — Вам повезло — у вас есть прошлое.
— Мне кажется, у вас оно тоже есть, — намекнул я.
— Только школа гладиаторов и многочисленные бои, которые я провел за свою жизнь.
— Есть, мне кажется, еще кое-что...

Я внезапно протянул руку и откинул с его уха прядь пепельных волос. Так и есть!
— Вот гоблин! — присвистнул Ухарь, стоявший с той стороны. — Не увидел бы своими глазами — не поверил!

— Вы кварталон или полукровка? — поинтересовался я.
— Первое. По материнской линии. — Серый Барс опять улыбнулся, но улыбка получилась грустной. — Как я понимаю, мы с вами почти соотечественники...

— Откуда? — пихнул меня локтем Ухарь. — Война только-только кончилась, а он, насколько я понимаю, внук...

— Эта война только-только кончилась, — объяснил я. — Но были и другие... В том

числе несколько войн с людьми. Теперь ты понимаешь, почему я стараюсь обходиться без женщин?

— Теперь понятно, — кивнул полуорк. — А чего вы хотите от Данха-и-Нура?

К нашему удивлению, прославленный боец школы Песчаного Змея потупился и стал ковырять сандалией вытопанную до твердости камня землю.

— Ну понимаете ли, — заговорил он, кусая губы после каждого слова, — я видел сегодня ваше выступление.

Я ущипнул себя, чтобы не смеяться.

— Вы действительно великий боец, — со вздохом признал Серый Барс. — А у нас завтра бой.

— Уже завтра?

— Я тут ни при чем! — Неожиданный гость мгновенно отскочил. — Сам узнал только пару часов назад. То, как вы победили представителей школ Дикого Пса и Крылатой Саламандры, говорит, что вам никто и ничто не может противостоять. Я шел сюда в надежде подсмотреть кое-какие ваши секретные приемы, может быть, даже узнать слабые места, но увидел то, чего никак не ожидал увидеть!

— Нам хана! — резюмировал Ухарь.

— Вовсе нет! Нет! — заторопился Серый Барс. — Все может кончиться к обоюдному согласию... если вы согласитесь с моим предложением.

— Та-ак? — Я сделал приятелю знак сопеть потише. На ладони Серого Барса появился небольшой кожаный мешочек.

— Вот, — промолвил гость, глядя на него во все глаза, как на потерянную и внезапно обретенную святыню, — здесь полторы сотни золотых полумесяцев. Это все, что у меня есть. Я копил деньги — хотел выкупиться на свободу... Понимаю, этого мало, но... больше нет. Я готов заплатить, чтобы завтрашний бой... чтобы он закончился...

— Вы предлагаете мне взятку за то, чтобы я завтра проиграл? — Сжав кулаки, я едва ли не впервые почувствовал, что мне очень легко сыграть дикаря. — Но Данха-и-Нур никогда не проигрывал поединки!

— Да никто и не говорит о проигрыше! — всплеснул руками Серый Барс. — Я хочу, чтобы вы оставили мне жизнь! И... и постарались не калечить слишком сильно, — закончил мужчина севшим голосом.

— Но почему? — воскликнул я.

— Я видел вас в деле, — пожал плечами гость. — Понимаете, здесь всем известно, кто кого сильнее. Наши «гладиаторские бои» давно превратились в представления, где мы играем заранее отрепетированные роли. Конечно, бывают и настоящие сражения, но таковые проводятся между новичками, вчерашними выпускниками. А те, кто остается в живых после «отборочных турниров», превращаются в актеров...

Вот жулики! — возмутился Ухарь.

— И с вами хотят поступить, как с новичком, то есть — убрать с дороги, особенно после того, как вы разделались с двумя лучшими бойцами Дикого Пса и Крылатой Саламандры. Поэтому завтра и решили выставить меня — мол, иди и прикончи этого выскочку...

— А вы этого не хотите? Почему?

— Я видел, как вы сражаетесь, — вздохнул Серый Барс. — Для вас это не работа, а сама жизнь. А я... можете считать, что я устал и хочу уйти со сцены. Можете завтра выиграть и помочь мне покончить с необходимостью ежедневно развлекать эту толпу.

Мы с Ухарем переглянулись и одновременно пихнули друг друга локтями. Знал бы этот кварталон, кому он это говорит!..

Некоторое время мы еще отчаянно перемигивались, хмурили брови, кривили рты и вообще корчили рожи — не станем же мы при постороннем обсуждать свои секреты! Глядя на нашу пантомиму, Серый Барс постепенно менялся в лице, начиная подозревать, что все-таки ошибся забором и вместо обиталища прославленного Данха-и-Нура попал в

сумасшедший дом.

— Ладно, — вздохнул я, понимая, что, если и дальше корчить рожи, запросто можно себе чего-нибудь вывихнуть. — Сколько, вы говорите, у вас денег?

— Сто пятьдесят золотых полумесяцев, — просиял Серый Барс. — Так вы согласны?

— Ну... я сражаюсь двумя мечами, — начал я.

— А у меня — глефа! — промолвил будущий противник с таким восторгом, что захотелось щелкнуть его по макушке и обозвать котенком. — И мой любимый прием...

— Меня не интересует, — охладил я его энтузиазм. — Ухарь, принеси мечи. Будем репетировать.

Мы выехали из дома загодя, и не только потому, что хотели как можно скорее добраться до арены. Просто по узким улочкам Найредды передвигаться было трудно. Боялись застрять где-нибудь в пробке. Ох, если бы я знал, что повлечет за собой эта спешка!

Прославленные гладиаторы почти никогда не ходили пешком — сомнительная честь топтать ногами улицы и глотать пыль оставалась ученикам и новичкам. Ездить верхом на лошади или муле было привилегией свободных людей, так что для меня годилась только колесница, на которой вместе с возницей и мной ехал Ухарь. Господин Хашша рысил рядом на муле, а темнокожие «охранники» трусили позади. Продвигались мы не спеша, переходя с шага на рысь, так что у меня имелось время как следует рассмотреть город.

Вообще-то, улочки тут были не такие уж маленькие, как казалось — самая узкая имела ширину в три моих маховых сажени, — просто на них было так много народа, что в глазах начинало рябить от пестрых одеяний. Люди брели куда-то по своим делам, останавливались на перекрестках, где непременно журчали небольшие фонтанчики, возле которых собирались большие толпы. Некоторые жители сидели прямо на земле у заборов и пытались заработать на жизнь всеми доступными способами — от рассказывания различных сказок желающим послушать до банальной торговли. Возле них тоже иногда останавливались люди и альфары... Альфары?

Я не поверил своим глазам и даже протер их кулаком, заметив в толпе темно-рыжие волосы и торчащие из них кончики острых ушей. Нас, эльфов, часто называют ушастыми, а мы обижаемся потому, что уши светлых альфаров по размерам и остроте значительно превосходят наши. И вот сейчас я своими глазами видел обладателя такой пары острых ушей. И более того, знакомого мне обладателя.

— Горо... Горо!

Услышав мой крик, альфар обернулся, и наши глаза встретились. В следующий миг я одним прыжком перескочил через борт колесницы и, не обращая внимания на протестующий вопль господина Хашши, ринулся навстречу оруженосцу. Он в свой черед рванулся ко мне, и я крепко обнял друга.

— Горо, ты жив...

— Милорд!

— Не зови меня милордом, я все потерял. — О Покровители, как же приятно снова говорить на родном наречии! — Как ты тут оказался?

— А вы откуда взялись, хозяин?

Нас с двух сторон окружили «охранники», толкая всех локтями, вперед протиснулись и господин Хашша с Ухарем.

Я выпрямился, продолжая одной рукой прижимать к себе альфара. Горо со своей стороны вцепился в меня.

— Что тут происходит?

— Господин, — я чуть-чуть склонил голову, — простите нас. Встретил старого друга. Был уверен: он погиб много лет назад.

Округлое лицо господина Хашши вдруг расплылось в понимающей ухмылке:

— Старого друга, говоришь? То-то вы вцепились друг в дружку!.. Неужели ты «весельчак»?

Я впервые услышал это слово из уст своего «хозяина» и честно ничего не понял, но Горо, подергав меня за рукав туники, несколькими словами объяснил, в чем дело. Ну да, у нас, эльфов, тоже встречаются экземпляры, вместо девушек предпочитающие иметь дело с мальчиками и юношами. Мы называем таких «ласкунчиками», но за ложное обвинение можно поплатиться. Хорошо, если отделаешься вызовом на поединок, а то ведь бывало и похуже. Но у меня за плечами накопился такой большой опыт потерь и разлук, что я кивнул, не медля ни минуты:

— Да, я...

К моему удивлению, милейший господин Хашша рассмеялся, упер руки в бока.

— Теперь мне понятно, почему ты шарахаешься от девчонок! А я-то, глупец!.. — отсмеявшись, выговорил он. — Ну, боги милостивы. Свиделись — и ладно! Поехали! Нас ждут. Прощайтесь и следуйте за мной!

Мы с Горо переглянулись, продолжая держаться друг за друга. Я не мог поверить: только-только встретились — и опять должны расстаться?

— Горо, я...

— Не надо, милорд, я все понимаю...

— Не называй меня милордом. Я теперь... мы теперь равны. Не оставляй меня, Горо!

На плечо альфара опустилась чужая рука.

— Эй, ты, нелюдь! — произнес человек за его спиной. — Пошли!

— Горо? — Я еле поймал дернувшегося альфара за локоть. — Что это?

Мой бывший слуга опустил голову и покраснел до самых кончиков ушей.

— Это... это... простите меня, господин, — прошептал он.

— Кто он? Этот человек? — Я впился взглядом в калимшанина, который пытался увести друга. — Как его зовут? Я могу что-нибудь сделать?

— Нет, господин. — Горо попятился. — Я рад узнать, что вы живы, но... вы уже ничем не сможете мне помочь!

— Проклятье Покровителям! — вырвалось у меня. — Да что же это такое?

Ухарь, все это время молча стоявший в стороне, коснулся рукой моего локтя. Полукровка не произнес ни одного слова, но не отпустил моей руки до самой арены.

Меня привезли вовсе не туда, где я выступал вчера. Сегодняшнее помещение больше всего напоминало чашу, на «стенках» которой были устроены сиденья для зрителей, отделенные от круглой арены высоким барьером, так что сражались гладиаторы как бы на дне ямы. Строго напротив входа для бойцов установили помост, украшенный навесом, — ложа богоподобного кали. Это была его личная арена, где он частенько наблюдал за своими гладиаторами. Кроме самого кали, присутствовать на поединке могли лишь самые знатные и богатые люди столицы, так что зрительских мест было немного — что-то около сотни.

Оставив меня, уже облаченного в доспехи, в небольшой комнатке, Ухарь резвой рысцой сбежал к одному из запасных выходов, чтобы «из-за кулис» подсмотреть, что там происходит. Вернулся, потирая ладони.

— Ну, выступление обставлено по полной программе! — восхищенно говорил полуорк. — Сейчас там акробаты кувыркаются, огонь глотают и все такое... Потом, если я правильно понял, пойдет парад диких зверей, дальше парочка схваток между гладиаторами-новичками, а вас, как гвоздь программы, решили оставить напоследок.

— Ну-ну, — покивал я. — И долго мне еще ждать?

— Около часа, никак не меньше!

Господин Хашша вертелся тут же, то исчезая по своим делам, то возникая опять. Всякий раз он отдувался, вытирал с лысины пот, сопел, пыхтел, потел, ворчал и вообще изображал страдание, занятость и вселенскую скорбь. Я молча терпел, прислушиваясь к далекому шуму арены и пытаясь по звукам угадать, что там сейчас происходит. Мы, эльфы, умеем ждать — когда у тебя впереди по меньшей мере полторы-две тысячи лет, ожиданию обучаешься с младенчества. Достаточно сказать, что первые шаги ребенок-эльф делает к двум годам, первое слово произносит года в три, а зависеть от матери перестает годам к

пяти... Но, простите, я отвлекся. Кажется, наступила моя очередь.

— Глашатай только что вас объявил! — завопил Ухарь, врываясь в комнатку. — Ну, вперед!

Он звучно шлепнул меня между лопаток, подгоняя.

Раскатистый шум трибун плыл навстречу, усиливался при каждом шаге. Крики достигли апогея, когда мы с Серым Барсом одновременно шагнули из двух боковых выходов. Прославленный боец был почти обнажен, как и я: кроме наголенников, наручей, стальных наплечников и поддерживающих их ремней, на нем ничего не было. Шлем с кольчужной сеткой вместо маски он нес в опущенной руке и, поймав мой взгляд, еле заметно кивнул. Я ответил ему таким же кивком, после чего мы, плечом к плечу, прошли через всю арену к покрытой белым полотном ложе, где ждал богоподобный кали — полноватый мужчина средних лет, тоже закутанный во все белое. На белизне яркими мазками выделялись золотые туфли и золотой пояс. Округлое, обрамленное коротенькой завитой бородкой лицо выглядело довольно умным, а черные глаза — живыми и внимательными.

Мы одновременно преклонили колена, и Серый Барс звучно произнес:

— О солнце Калимшана, богоподобный и лучезарный кали, свет мудрости и добродетели которого осияет всех, кому выпало счастье жить под одним небом с тобой! Твои гладиаторы приветствуют тебя и просят соизволения усладить твой взор показом своего искусства!

— Здравствуйте, — сказал я, когда до меня дошла очередь, — и... э-э...

Серый Барс склонил голову и зашевелил губами, подсказывая.

— И да продлят боги твои дни, — начал я повторять за добровольным суфлером, — на радость всему миру!

— Хорошо сказано, — ответил кали, — не думал я услышать такое от дикаря с севера. Хочу пообещать, что тот из вас, чье искусство мне сегодня понравится больше, может просить у меня все, что угодно. Обещаю исполнить его просьбу... если она, конечно, вообще может быть выполнена! А теперь — вперед!

Унизанная перстнями монаршья длань простерлась в воздухе.

Мы с Серым Барсом отошли на середину арены и встали друг напротив друга. Два судьи поспешили занять места рядом с нами.

— Ты что, не мог выучить такой простой текст? — шепотом поинтересовался мой противник. — Обязательно надо было подсказывать?

— Я же дикарь с севера! — парировал я. — Мы умеем только сражаться, а языками пусть болтают другие. Ты, главное, не забудь, как мы вчера репетировали!

— Эй! — забеспокоился один из судей. — Что за переговоры?

— Это я обещаю ваш гладиатор, как я стать его убивать! — сверкнув глазами, прошипел я, намеренно коверкая язык.

К чести Серого Барса, бойцом он оказался отменным. Наш поединок начался в точном соответствии с тем, что мы вчера задумали и отрепетировали во дворе. Двигался мой противник превосходно, быстро, плавно и красиво — наследие предков-эльфов. Его выпады и удары были сильными и стремительными. Сказать по правде, я получал удовольствие, сражаясь с ним. Иногда меня даже посещала крамольная мысль, что все это вполне могло бы происходить на пиру какого-нибудь нашего лорда — да того же Наместника Кораллового, — и мы — всего лишь два гостя на этом пиру, которые не столько сражаются, сколько танцуют, вместо ритма высекая искры из мечей.

Память у парня была прекрасная — он ни разу не ошибся. Но вот я, в кои-то веки раз получая истинное удовольствие от «танца с мечами», немного забыл, где нахожусь. Я на долю секунды прикрыл глаза и представил, что мы сражаемся с каким-нибудь лордом на пиру у Наместника Кораллового, самые прекрасные глаза взирают на нас и...

Задумавшись, я пропустил удар и опомнился, когда почувствовал боль — лезвие глефы оцарапало мне ногу чуть выше колена.

— Ты посмотри, что ты наделал! — зашипел я на Серого Барса.

— Виноват! Переиграем, — пожал он плечами, отступая и мгновенно переходя к обороне.

— Какое, к гоблинам, «переиграем»? — заревел я. — Я же изойду кровью!

Ну, положим, тут я хватил лишку — кровью я от такой раны мог истечь только к вечеру, да и то если все это время продолжал бы двигаться. Но и без того мне было ясно — наш продуманный и отрепетированный вчера план — даже видевший черновой вариант Ухарь признал, что ему немного жутко, — приходилось срочно менять. А было так жаль! Мы запланировали кувырки и подсечки, потерю оружия и рукопашный бой, эффектные броски и «мельницы»... И все это летело к Покровителям из-за небольшой царапины на ноге! Ведь этот бой могли остановить после первой крови!

Надо было срочно равнять счет. И я обрушился на Серого Барса с высоты своего роста.

— Э-эй! Мы так не договаривались! — зачастил он, отбивая мои удары. — Что ты делаешь?

— Сейчас узнаешь... Приготовься к «полету кобры»!

— Как? Из этой позиции я могу лишь... Ой!

Левый бицепс Серого Барса как раз под наплечником окрасила длинная царапина. Трибуны завопили на разные голоса — к слову сказать, мое ранение было встречено ими куда сдержаннее.

— Один — один! — усмехнулся я. — «Полет кобры»! Ну?

Серый Барс взревел и прыгнул вперед и вверх, в полете разворачивая глефу. Я отступил, прогнулся, пропуская его мимо себя, и от души рубанул с разворота по спине...

То есть по успевшей подставиться глефе. Серый Барс кувырком ушел от смертельного удара и тут же вскочил, свежий и бодрый, как кузнецик.

Он был готов продолжать в том же духе, но я напал с незапланированной яростью. Нет, я изо всех сил старался не отступать от сценария, но вся сложность была в том, что теперь из-за раны на ноге просто не мог выполнять некоторые элементы, приходилось импровизировать на ходу. А в таком деле, как фехтование, каждая «импровизация» могла закончиться плачевно. Вот и мы, хотя старались изо всех сил щадить друг друга, все-таки поставили друг другу еще по метке — я порезал Серому Барсу второе плечо, а он оставил косую царапину на моем боку, содрав там кожу.

Бой становился зрелищным — до этого непобедимый Данха-и-Нур уходил с арены перепачканным в крови не только своих врагов, — но это зрелище необходимо было заканчивать. Глефа Серого Барса скользнула в опасной близости от моего живота — только кувыркнувшись назад, я спасся от тяжелой раны. Не ожидавший от меня такой «подлости» (этого не было в сценарии), мой противник не устоял на ногах и рухнул на колени. А я уже вышел из кувырка, ловко приземлился на ноги и «прежде», чем Серый Барс выпрямился, нанес ему удар ногой в голову.

Зрители вскрикнули, как один, когда гладиатор рухнул навзничь, раскинув руки, а я со звериным рычанием — дикарь я или кто? — навалился на него, хватая одной рукой за горло, а другой нашаривая заткнутый за голенище сапога кинжал.

— Умр-ри...

— Нет!

Услышав этот вопль, я невольно замер с занесенной для смертельного удара рукой — кричал сам богоподобный кали.

Ко мне ринулись темнокожие «охранники». Прежде чем они вцепились мне в локти, оттаскивая от жертвы, я успел подмигнуть поверженному Серому Барсу:

— Ну как? Ничего не помял?

Тот только выразительно подвигал челюстью — мол, жив, а это главное.

Все еще придерживая за локти (я слабо трепыхался, изображая негодование, ведь мне не дали добить жертву), меня поставили перед ложей богоподобного кали. Правитель калимшша сверху вниз внимательно смотрел на меня.

— Ты прекрасно сражался, Данха-и-Нур, — промолвил он. — Я наслышан о твоих

победах, знаю, что ты легко победил лучших поединщиков школ Дикого Пса и Крылатой Саламандры. Это были прекрасные бойцы. Мой Серый Барс считался лучшим в школе Песчаного Змея, но ты одолел и его. Чего просишь у меня? Говори! Я готов выполнить твою просьбу!

Смирненно опустившись на колени — мол, даже мы, необразованные дикари, понимаем, какая на нас снизошла неземная благодать в виде речей божественного кали, — я обернулся через плечо. Серый Барс с помощью двух юношей поднялся на ноги. Я заметил, что боец слегка прихрамывает, но в остальном недавний противник выглядел довольно хорошо и даже улыбался. Вчера он отдал мне все свои сбережения и теперь вынужден был начать копить деньги сначала, чтобы рано или поздно внести за себя залог и стать свободным. Я знал, что за каждую победу на арене гладиатору полагалось несколько золотых. Одни тратили их на выпивку и девочек, а другие бережно откладывали, надеясь выкупиться. Примерно каждому двадцатому удавалось скопить нужную сумму, и я не сомневался, что рано или поздно Серый Барс вернет утраченное. Но был кое-кто еще...

— Мой повелитель, — произнес я, склонив голову, — где-то в городе живет человек, которому принадлежит альфар по имени Горо. Этот альфар — мой друг, он тоже привезен с далекого севера. Это — последнее напоминание о моей родине... Я бы хотел... найти его...

— Найти и забрать себе? — усмехнулся кали. — Это твое единственное желание?

— Да, о солнцеликий!

— Что ж, в первый раз я вижу раба, который не просит у меня свободы! — еще шире усмехнулся кали. — Не сомневаюсь, окажись на твоём месте Серый Барс, он бы попросил у меня именно этого! Тебе что, так нравится быть гладиатором?

— Да, мой повелитель! — Я поднял голову и выпрямился. — Воин, я умею только сражаться. Кроме того, моего дома больше нет, моя родина уничтожена, дорога домой для меня закрыта, а здесь, в землях людей, я слишком выделяюсь. Так что пусть все остается как есть!

Какое-то время «повелитель избранных» (так примерно переводится титул «кали») в упор рассматривал меня, облокотившись на край ложи. Я в свой черед тоже смотрел на этого немолодого, лет сорока пяти, человека.

— Тебя называют дикарем, — наконец промолвил он, — но твои речи выдают в тебе образованного и умного человека. Ручаюсь, у себя на родине ты был знатен и знаменит. Это так естественно для правителя — заботиться о благе своих подданных... Что ж, — он выпрямился и трижды хлопнул в ладоши, призывая всех к тишине, — мы, милостью великих богов повелитель избранных, солнце и луна мироздания, оплот мудрости и богоданный правитель Калимшана, повелеваем: отыскать в благословенной Найредде человека, которому принадлежит... как, ты сказал?

— Альфар по имени Горо, богоданный...

— Альфар по имени Горо, нелюдь, — тонко улыбнулся кали, — и от нашего имени доставить упомянутого альфара Горо к его прежнему хозяину, Данха-и-Нуру, принадлежащему человеку по имени Хашша, проживающему... э-э... где?

— На улице Медников, — подсказал я, не подозревая, что эти слова будут иметь далеко идущие последствия.

— На улицу Медников! — громко повторил кали. — Мы все сказали!

— Слушайте! Слушайте и не говорите, что не слышали! — завопили глашатаи на всю арену. — Богоданный солнцеликий кали повелел отыскать и привести в дом Хашши на улицу Медников нелюдья-альфара по имени Горо! Приказ богоданного! Слушайте и не говорите, что не слышали!

Под эти крики и вопли зрителей я сделал круг почёта по арене и удалился. Мне необходимо было вымыться и дать осмотреть себя врачу.

После победы над Серым Барсом наступило некое затишье. Еще две школы гладиаторов — школа Каменной Птицы и школа Разящего Клыка, — с чьими лучшими

бойцами я не успел встретиться, ушли в подполье, явно не желая нарываться на проигрыш. Правда, кроме них оставались и еще несколько более мелких и незначительных школ, а также «частные» гладиаторы, вроде как мы с нашим господином Хашшей. Эти по традиции не признавали никаких авторитетов — сами такие, знаю! — и мы ждали приглашения на поединок от кого-нибудь из одиночек.

Пока же коротали время, выступая на пирах и банкетах у знатных господ столицы. На наше счастье, пирующие довольствовались заранее отрепетированными номерами. За неделю пиров и гуляний мне всего дважды поступило предложение скрестить оружие с любимым поединщиком хозяина дома. И конечно, оба боя я выиграл — чего, собственно, от меня и ждали.

Последний пир тянулся так долго, что праздничный ужин плавно перетек в праздничный завтрак. Для меня, привыкшего к тому, что эльфы могут по пять-шесть дней пировать, отходя от стола только для того, чтобы привести себя в порядок, десять часов пира ничего не значили, и наутро я взошел на колесницу свежий и бодрый, как огурчик. Ухарь и господин Хашша, евшие и пившие наравне со мной, чувствовали себя значительно хуже и мечтали о постели, куда можно завалиться и продрыхнуть до полуночи.

Мы ехали напрямик, через торговую площадь, чтобы как можно скорее добраться до дома. В кошеле, который я повесил себе на пояс, не доверяя полусонному и не совсем трезвому господину Хашше, позвякивали золотые полумесяцы — наш гонорар. Десять золотых принадлежали лично нам — по пяти штук мне и Ухарю, — и я, свысока озирая торговые ряды, уже прикидывал, на что бы такое их потратить, когда колесница повернула, огибая какой-то навес, и я увидел...

Помост казался островком среди бушующего людского моря, а две фигуры на нем — чудом спасшимися после крушения. С надеждой и тревогой всматривались они в горизонт, желая увидеть парус — свое спасение. Но если один просто молча стоял и смотрел, второй делал все, чтобы привлечь к себе внимание.

— Смотрите! Смотрите, почтенные, — говорил он, — какой красавец! Второго такого просто не существует!

Все рынки рабов устроены одинаково. Когда-то я сам точно так же стоял на помосте с заведенными назад руками и ждал решения своей судьбы. Сейчас настала очередь Серого Барса.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять — лучший гладиатор опозорил школу Песчаного Змея тем, что проиграл бой, на который взирали очи самого солнцеликого кали, и должен был понести наказание. Он обязан был исчезнуть и продавался, как простой раб, в один из базарных дней, с общего помоста.

— Мужчина, молодой, прекрасно умеет владеть оружием! — расписывал его торговец. — Если кому-нибудь нужен телохранитель или просто забава-поединщик, это лучшее приобретение! Может выступать наемным убийцей. Молод, здоров, силен, крепок...

Я тронул за плечо господина Хашшу, привлекая его внимание. Ухарь тоже узнал Серого Барса и вытаращил глаза.

— За что его? — правильно догадался полукровка.

— За проигрыш, — пожал я плечами. — Солнцеликий не любит проигрывать.

— Начальная цена, — тем временем донеслось с помоста, — сто золотых полумесяцев! Ого!

— Вот что, — я тряхнул Ухаря за плечо, — скачи к нам домой и достань под половицей нашу заначку.

— Что? — Господин Хашша только что проснулся окончательно. — Какую заначку? Зачем заначку? Не, я больше сегодня не пью!

К чести Ухаря, он не стал задавать лишних вопросов, а одним прыжком перескочил на спину мула господина Хашши, которого вели за колесницей, поскольку ехать верхом его владелец был не в состоянии.

— Под правой или под левой? — только уточнил он.

— Под обеими!
— Ага! — Полуорк ускакал, пригнувшись к гриве.
— Сто двадцать! — Тем временем предложил кто-то из толпы. Я позвенел золотыми в кошельке:

— Сто пятьдесят!
— Отличная цена! — восторженно воскликнул торговец. — Итак...
— Сто шестьдесят! — перебил мой оппонент.
— Сто семьдесят! — парировал я.

Серый Барс узнал мой голос и не сводил с меня глаз. Кроме их сине-зеленого цвета, светлых волос и чуть заостренных ушей в нем мало что было от эльфа, но мне сейчас казалось, что я спасаю одного из своих соотечественников, проданных в рабство ненавистными орками.

— Сто восемьдесят!
— Двести! — А, гулять так гулять!
— Какие двести? — трагически зашептал стремительно трезвеющий господин Хашша. — Нам заплатили всего пятьдесят...

— Еще триста лежат у нас с Ухарем в записке, — прошептал я.
— Двести двадцать!
— Двести тридцать! — Я покосился в конец улицы. Умчавшийся галопом Ухарь уже должен был добраться до дома. Вскрыть половицу было делом минутным.

Двести сорок! Двести пятьдесят!

— Двести семьдесят!
— Двести восемьдесят!
— Триста!

Ой, мама... Где же Ухарь? Серый Барс дураком тоже не был и смотрел в ту сторону, куда ускакал полуорк.

— Триста двадцать, — предложил я, понимая, что еще чуть-чуть, и надо будет заканчивать торги. И вообще, это идиотизм — раб, торгующийся на рынке, чтобы купить другого раба! Но господин Хашша протрезвел только что и просто не успел бы принять решение.

— Триста тридцать...

Наконец-то! Ухарь лихо осадил мула перед колесницей и швырнул мне мешочек.

— Триста пятьдесят! — заорал я на всю площадь. — Продано!

— Но... но как же... мы же еще... я хотел... — в два голоса залепетали мой оппонент и торговец.

— Триста пятьдесят, — я подхватил оба мешочка и, лихо спрыгнув на мостовую, стал продирается к помосту, — клянусь своими мечами!

— Ой, е... — вырвалось у Серого Барса, когда я одним прыжком вскочил на помост и грянул об него обнаженными клинками.

— Я — Данха-и-Нур!

Реакция толпы была примерно такой же, как если бы сюда спустился местный верховный бог, Дейесс, чьим земным воплощением по традиции считался кали. Хотя я практически не выступал в Найредде перед простым народом, обо мне прекрасно знали.

— Аа-а-а-а! Данха-и-Нур! Данха-и-Нур! Он здесь! — раздавались голоса.

Торговец вытаращил глазки, как улитка, на которую уселся дракон. Серый Барс, кажется, был готов упасть в обморок.

— Ну? — Я заглянул в вытаращенные глазки, силясь разглядеть на дне хоть какой-нибудь проблеск мысли. — Мы договорились?

— А... э-э... ну... мм... — на меня смотрели так телячьи-преданно, что становилось неуютно.

— Так «да» или «нет»?

— А... а... автограф можно? — Выпалив это, торговец зажмурился с самым

обреченным видом.

Думал я недолго — и ежу понятно, что по-человечески я не умею ни читать, ни писать, а если вздумаю начертать что-нибудь эльфийскими рунами, то это наверняка примут за какое-нибудь заклинание для вызова демонов. Поэтому я широким жестом содрал с себя тунику, оторвал рукав, сунул его торговцу «на память», а остальное швырнул в радостно заоравшую при виде такого «сувенира» толпу. После чего отдал торговцу оба мешочка с золотом, подхватил за локоть остолбеневшего от неожиданности Серого Барса и вместе с ним спрыгнул с помоста. Совсем рядом толпа дралась и выла, разрывая на ниточки остатки моей туники, и мы поспешили убраться подальше.

На господина Хашшу было жалко смотреть. Протрезвев окончательно, он сообразил, что мы лишились сегодняшнего гонорара, и всю дорогу стenal так, словно у него умерли все родственники разом и при этом ничего ему не оставили, кроме долгов и кучи племянников — умственно отсталых инвалидов.

— Как мы будем дальше жить? — стонал «хозяин», пытаюсь отыскать и вырвать у себя на лысине какой-нибудь волосок. Не снимая тюрбана, это было сделать довольно сложно. — На что будем есть? Из каких средств станем платить за аренду дома? А еще тебе нужна новая туника! Вы меня по миру пустите!

— А, не берите в голову! — отмахнулся я. — Считайте это выгодным вложением капитала!

— Кроме того, ни за что не поверю, что вы не продаете исподтишка старые туники и сандалии Данкора его поклонникам! — ухмыльнулся гарцующий рядом на муле Ухарь. — Куда, например, делись его малиновые шаровары с дыркой на самом интересном месте?

— Что? — воскликнул я. — Мои любимые? Вы их продали, господин Хашша?

— Ага, — расплылся в улыбке полуорк. — Я своими ушами слышал, как он втирал покупательнице — мол, порвалось потому, что наш Данха-и-Нур чересчур активно среагировал на появление в поле зрения обнаженной брюнетки...

— Что? — еще громче воскликнул я. — Это когда мне нравились брюнетки?

— Никогда. — Перевесившись с седла, Ухарь успокоительно погладил меня по плечу. — Тебе нравятся исключительно брюнеты... Эй, Барс, отомри уже и признавайся — это твой натуральный цвет или ты крашеный?

Но свежепроданный гладиатор только хлопал ресницами и категорически отказывался «отмирать».

Вот так, перебрасываясь милыми «шуточками», мы и добрались до дома. Ворота были распахнуты, наши немногочисленные слуги (таскать из города в город большую толпу слишком накладно) толпились в проеме, желая узнать подробности происшедшего. Мы спешили, люди засуетились, уводя мула и колесницу под навес.

— Господин Хашша, — придерживая за локоть Серого Барса, я направился в свою комнату, — распорядитесь пока, чтобы нам подали какого-нибудь вина, фруктов и... ну просто чего-нибудь перекусить.

— Еще? — всплеснул руками мой «хозяин». — Ты в состоянии еще пить?

— Ну надо же отметить такое событие, — толкнул локтем Серого Барса.

— На троих сообразим! — потер руки Ухарь.

Мы втроем ввалились в мою комнату, и я поспешил наконец развязать ремень, стягивающий запястья выкупленного противника.

— Ну вот мы и дома! Осмотрись, передохни, расслабься...

— Мой господин. — Поколебавшись, Серый Барс опустился передо мной на колени.

В ответ раздался двухголосый хохот.

— Успокойся, приди в себя, выдохни. — Ухарь заставил гладиатора принять вертикальное положение и усадил на Низкую лавку. — Добро пожаловать в наше братство вольных гладиаторов!

— Вольных? — Квартерон вытаращил глаза.

— Когда-то давно я действительно был продан в рабство, — признался я. — Был

воином, попал в плен, и... там мне отрезали волосы. — Я коснулся своего почти бритого затылка. — Но потом сбежал... не без помощи вот этого типа.

— Я тогда служил охранником в караване, — подмигнул Ухарь. — Мне поручили сторожить Данкора. Там мы как-то незаметно подружились, и, когда он удрал от хозяина, я помог ему скрыться.

— Господин Хашша нам не хозяин, — снова заговорил я. — Он устроитель боев, казначей, администратор — называй как хочешь. Мы ездим по стране и выступаем на гладиаторских боях, а также просто сражаемся за деньги.

— А я? — Серый Барс переводил взгляд с Ухаря на меня.

— А ты... Помнишь, ты отдал нам полторы сотни золотых полумесяцев, которые копил для своего освобождения? Можешь считать, что сегодня ты купил себе свободу!

Серый Барс откинулся назад и закрыл глаза.

— Бабушка была бы счастлива, — прошептал он.

— Бабушка?

— Она была воительницей, попала в плен раненой, — вздохнув, сказал гладиатор. — От своего хозяина-человека родила мою мать. Мама была очень красива. Это ее и сгубило. Я — ее единственный сын. Она умерла, когда я был совсем маленьким. Бабушка вырастила меня, научила сражаться... А когда мне исполнилось двенадцать лет, меня купили для школы Песчаного Змея. С тех пор я не видел бабушку. Наверное, она до сих пор жива...

— Мы ее поищем, — пообещал Ухарь. — Закончим дела в Найредде и заставим господина Хашшу отправиться на ее поиски.

— Кстати, а как звучит твое настоящее имя? — поинтересовался я.

— Янсор, — представился новый друг.

— Данкор, — назвался я, протягивая руку для пожатия.

— Ухарь. — Сверху легла лапища полуорка.

Больше мы не успели обменяться ни словом — вошли слуги и принесли вино, фрукты и немного мятных лепешек.

Долгий день заканчивался. После дневной духоты наступила прохлада, и я решил потренироваться на закате, когда не так жарко и дышится значительно легче. Уйдя в залитый полумраком внутренний дворик, разминался, без усталости крутил два меча. В последнее время я чувствовал неосознанную тревогу. Одолевала бессонница, не удавалось долго оставаться на одном месте, и сейчас, вместо того чтобы отдохнуть после «трудового» дня, вышел во двор, надеясь физической усталостью немного заглушить тревогу.

Осторожные неверные шаги услышал издали и развернулся навстречу слуге, доводя прием до конца, чем заставил человека отпрыгнуть назад и перемениться в лице. Завершив движение, опустил мечи и поклонился: хотя передо мной стоял всего лишь слуга, формально он был свободным, а я — рабом.

Слуга был как-то странно взволнован и то и дело озирался по сторонам, словно чего-то ждал.

— Что тебе угодно? — решил я прийти ему на помощь.

— Там... там, у калитки, — пролепетал он, — зовут Данха-и-Нура...

Наверное, восторженные почитатели, которые каким-то образом прознали, где я живу.

— Хозяин еще не вернулся? — поинтересовался я. Несколько часов назад господин Хашша отправился по делам в город.

— Еще нет. — Слуга заволновался еще больше, а я вздохнул. Ничего страшного не случится, если ненадолго выйду за калитку. Положил мечи на лавку, набросил на плечи тунику.

— А кто там?

— Это... э-э... послание, — пролепетал слуга, бледнея и покрываясь холодным потом. Видимо, он тоже понимал, что нам обоим грозит наказание, если я выйду со двора без разрешения. Но отступить было поздно.

Здесь, на юге, ночь наступает очень быстро — на улице уже стемнело. Но не заметить

десять вооруженных воинов было трудно. Они стояли полуколем, отгородившись от меня щитами и короткими копьями.

— Что здесь происходит? — Я замер на пороге, не решаясь сделать последний шаг. Рядом со мной тяжело дышал и потел от страха слуга.

— Данха-и-Нур?

Строй воинов раздвинулся, и на свободное пространство шагнул человек. Одного взгляда на его лицо оказалось достаточно для того, чтобы я все понял и почувствовал страх. Это был тот самый шан, который некоторое время назад пытался купить меня у милейшего господина Хашши. Слов не требовалось. Я просто вытаращил глаза, запоздало догадавшись, что за предчувствие терзало меня в последние дни. За две недели, миновавшие с памятного боя с Серым Барсом, я чересчур засветился в Найредде.

— Наконец-то мы встретились. — Шан почти улыбался, но глаза оставались холодными. — Мне пришлось долго за тобой гоняться. И если бы не твои громкие победы в благословенной Найредде, мы бы никогда не встретились. Тебе знаком вот он?

Еще два воина шагнули из-за стены щитов и вытолкнули... Горо! Мой бывший слуга был бледен как мел и избегал моего взгляда. Один человек выворачивал его локти, а другой держал у горла альфара кривой нож.

— Что это значит? — прошептал я и не узнал своего голоса.

— Одно твоё движение — и он умрет!.. Взять его!

Десять воинов одновременно сделали шаг мне навстречу. Нет, даже сейчас я мог рассчитывать если не на победу, то хотя бы на то, что сумею прихватить с собой на тот свет нескольких противников. Но в их руках был Горо!.. Единственное близкое для меня существо, чьей жизнью я не имел права рисковать... И я позволил людям схватить меня...

Крепко связав, меня поставили на колени перед шаном. Тот посмотрел сверху вниз и, взяв за волосы, подтянул мою голову поближе.

— Великолепный Данха-и-Нур! — протянул он. — Вот ты и попался! Как оказалось просто тебя изловить! Твой прежний хозяин — глупец! Он отказался продать мне тебя за отличную цену в две тысячи золотых полумесяцев — так теперь я получу тебя практически бесплатно!.. Да-да, — почти ласково улыбнулся шан, — твой новый хозяин — я! Запомни это!

Я скосил глаза на Горо. Альфар оцепенел под ножом, как жертвенный ягненок. Считайте меня кем угодно, но я, за три года убивший несколько десятков человек, не мог допустить, чтобы оборвалась невинная жизнь.

— Да, — промолвил обреченно. — Мне запомнится это! Вы — мой новый господин...

— Молодец! — Меня похлопали по щеке. — Отлично учишься!.. Ну, что встали? Взять их! Обоих!

Нас с Горо подхватили под руки и силком потащили за угол дома, там стояла наготове арба, на ней поджидал длинный сундук, в котором мог уместиться человек. То есть человек обычного среднего роста, а не я, огромный, для которого в душном вместилище было слишком тесно и неудобно. Сверху довольно небрежно закинули альфара. После чего над нами захлопнули крышку, и арба тронулась с места, увозя нас в неизвестность.

Некоторое время мы лежали неподвижно, лишь иногда вздрагивали, если арбу подбрасывало на неровностях дороги.

— Простите меня, милорд, — нарушил молчание Горо. — Это я во всем виноват...

— Тебе не за что себя винить. — Я почувствовал, что улыбаюсь. — Если бы ты знал, как я рад тому, что мы вместе!

— Но это из-за меня вы...

— Что? Сменил хозяина? Рано или поздно, но я все равно бы расстался с господином Хашшей, так что не бери в голову!

— Но еще неизвестно, что нас ждет! — запротестовал альфар и, неловко повернувшись, врезался мне макушкой в плечо.

— То же, что и обычно, — поморщился я. — Только дурак копает землю топором. Я,

как и прежде, буду сражаться, а ты станешь носить мое оружие.

Горо несколько раз глубоко вздохнул и, поелозив еще немного, в конце концов уснул, уткнувшись носом мне в шею. На меня же накатила обычная бессонница, и я до самого конца пути не сомкнул глаз, размышляя о своей участи. Сменив хозяина, мне не удалось сменить сферу деятельности. А это значило, что перемен в дальнейшем не предвидится.

История седьмая Игрушка судьбы

Я с трудом вылез из кареты, разминая затекшие от долгого сиденья ноги. Хозяин уже выбрался и стоял, ожидая меня с цепочкой-поводком.

— Готов? — приветствовал он. — Иди сюда!

Дорога утомила меня настолько, что я ответил ему мрачным взглядом, заставившим его отступить на шаг и вскинуть руку:

— Но-но! Прекрати!

Я повел плечами, расправляя спину:

— Простите, хозяин. Этого больше не повторится...

Ага, если меня опять не запихнут в какую-нибудь карету на несколько часов! Дело состояло не столько в моем росте (в карете, предназначенной для людей обычного сложения, мне было просто-напросто тесно), сколько в том, что мы, эльфы, вообще не пользуемся каретами. Мужчины и женщины у нас одинаково хорошо ездят верхом, а для тех, кто по возрасту или состоянию здоровья не может сесть в седло, имеются специальные носилки, на которых можно даже прилечь. Неудивительно, что после многочасового сидения в скрюченном виде мне меньше всего хотелось быть послушным.

— Мы уже приехали? — хмуро поинтересовался я.

— Да. — Хозяин повел рукой по сторонам с важным видом. — Познакомься с благословенным Альмраалем, столицей Великой Паннории.

Я задрал голову, озираясь по сторонам. Альмрааль... На эльфийском языке это означает «Серебряный шпиль». И действительно, на крышах соседних домов я заметил тонкие острые шпили, словно вонзающиеся в небо. Несмотря а то что им было много лет — даже на мой, эльфийский згляд, они выглядели такими... такими близкими, родными и... не знаю, какое слово подобрать, но при взгляде на острия, пронзающие осеннее тусклое небо, куда-то делись злость и досада на неудобную дорогу, и я поймал себя на мысли, что стою и улыбаюсь. Как бы то ни было, Альмрааль мне понравился сразу и решительно. Не то что другие города, в которых довелось побывать.

А постранствовал я за три прошедших года немало. Спешно покинув Найредду, мой новый хозяин нигде не задерживался надолго. В каждом месте мы жили одну-две недели, иногда — месяц. Переезжали из города в город, из страны в страну. Я объездил весь Полуостров, побывал на островах к югу от материка и однажды даже оказался в Ирматуле — правда, проездом. О моих путешествиях по землям людей можно было бы написать целую книгу, если бы не одно «но» — где бы я ни побывал, большую часть времени сидел под замком в доме, снятом хозяином, и выходил оттуда лишь для того, чтобы сразиться на арене. Иногда в день я проводил по три-четыре боя подряд, а в Геронте меня и вовсе поставили в круг, хозяин пообещал десять золотых тому, кто выбьет его невольника оттуда. Приглашались как профессиональные наемники, так и все желающие — клади золотой в кувшин и выходи. Выиграешь — заберешь сосуд со всем содержимым, а проиграешь — оставишь деньги. В тот день я провел восемнадцать боев — и восемнадцать золотых геронтийских монет легло в карман хозяина.

Да, эти три года я только и делал, что либо сражался, либо переезжал на новое место. Проехались мы и по Паннории, выступили в шести городах, прежде чем оказались в столице — в городе, кто бы что ни говорил, построенном эльфами. Ведь Альмрааль был первой столицей нашей страны. Это потом, когда людей стало очень много, эльфы перенесли

столицу дальше на север, на территорию нынешнего Золотого Острова Радужного Архипелага. Какое-то время Мой народ еще жил в Альмраале вместе с людьми, и многие Фния человеческие зодчие возводили под чутким эльфийским руководством, но во времена короля Галаора, отца печально знаменитого короля Торандира Последнего, эльфы ушли отсюда окончательно. Остался только их дух — и старинные здания, все еще сопротивляющиеся атакам времени.

Наша карета остановилась во внутреннем дворе почтовой станции. Я стоял, озираясь по сторонам, и силился как можно больше разглядеть из-за высоких каменных стен. Мой ум настолько погрузился в воспоминания, что хозяин слегка шлепнул цепочкой по боку:

— Наклонись, Данха!

Я со вздохом подчинился. В чужих городах, если приходилось идти по улице, меня часто вели на цепочке, как собаку. К ошейнику, который снимали только перед выступлениями, я привык, но привыкнуть к привязи было намного труднее. Тем горше явила мысль, что я, эльф, пройду по улицам построенного моими предками города на цепи, как животное.

— Не надо, хозяин! — взмолился я, когда карабин уже готов был защелкнуться. — Только не здесь!

Хозяин нахмурился, но неожиданно владелец почтовой станции пришел мне на помощь:

— Нельзя! Это нельзя! — Он ткнул пальцем в цепочку. — Нарушение закона!

— Какого еще закона? — повернулся к нему хозяин.

— В столице запрещено водить на цепи разумных существ! — ответил человек. — Исключение делается только для осужденных преступников, доставляемых к месту казни. И то все зависит от того, какая нарушителя ждет казнь. Это приказ короля!

— Прошу вас, хозяин. — Я опустился на колени, так, что наши глаза оказались на одном уровне. — Это же Альмрааль! Это город моих предков! Я не убегу!

Вообще-то именно в эльфийском (пусть и бывшем эльфийском!) городе эльфу только и прятаться, но я в самом деле не собирался убегать. Да и куда мне было бежать?

За три года ваш покорный слуга зарекомендовал себя как послушный раб, и хозяин, помедлив, убрал цепочку.

— Что ж, пошли! В самом деле, не стоит привлекать к тебе внимание раньше времени. Но если отстанешь — пеняй на себя!

С этими словами он махнул рукой, наши слуги подхватили вещи и направились к дому, который хозяин заранее снял через доверенных лиц. Он всегда поступал так, не желая тратить время по прибытии и стараясь, чтобы меня видело как можно меньше народа. Впервые за долгое время я шел не на привязи, а почти как свободный (под воротом шерстяной туники ошейник все равно не замечен постороннему глазу!) дышал полной грудью и вертел головой по сторонам. Дом, который хозяин снял для нас, находился в конце соседней улицы, почти у самых остатков крепостной стены, разделявшей Ветхий (собственно эльфийской постройки) и Старый город, появившийся тут во времена первых людей. Расстояние было небольшим — меньше четверти часа пешком, да и то если не спешить, но иногда судьбе хватает и нескольких секунд...

Эту пару я заметил издалека. Вернее, не пару, а троицу. Да попробуй не оглянись на высоченного по сравнению с людьми горного тролля, шагающего по улице со своей неизменной дубиной наперевес. То, что к его поясу был пристегнут меч, казавшийся простым ножиком в огромной волосатой лапе, еще больше усиливало интерес толпы. Люди оборачивались, тыкали пальцами, негромко переговаривались между собой. Горные тролли обитали далеко на севере, но в мире про них знали немного больше, чем про тех же болотных или тем более лесных троллей. Хотя жили они на севере, в горах, довольно часто отдельные представители племени спускались в города, нанимались на работу, не гнушаясь любым заработком — от грабежа на большой дороге до довольно почетной роли телохранителя. Скажу честно — раньше даже на Радужном Архипелаге можно было

встретить этих непритязательных работяг.

Любопытство мое было так велико, что я, недолго думая, остановился.

По счастью, мне повезло — народа было немного, так что я почти сразу увидел тех, кого охранял тролль...

Услышал их разговор, и мне чуть не стало дурно. Они говорили на эльфийском языке!

— Ну сколько можно ходить кругами! — горячим шепотом возмущался молодой альфар и вертел головой так, что я только диву дался, как он не заметил совсем рядом стоявшего меня. — Уже ноги болят!

— Не канючь, — негромким голосом перебил спутник. Я посмотрел на него — и вытаращил глаза.

Передо мной был эльф. Первый за все эти годы эльф. Юноша намного моложе меня был одет в ярко-синий балахон, какие носят волшебницы Видящие. Отличался он от знакомых мне балахонов только тем, что на талии был перетянут кожаным поясом, на котором висел меч в добротных ножнах, и обрезан до середины икры. Обувью юноше служили мягкие сапожки, в которых одинаково удобно и ходить пешком, и скакать верхом. Голубой плащ, признак волшебницы высокого ранга, соплеменник забросил на спину, стянул капюшон, так что я легко мог разглядеть его лицо.

— И вообще, — продолжал ворчать альфар, — у нас уже вот-вот наступит зима, а мы все никак не вернемся! Столько дорог прошли... Пора бы и отдохнуть! Два года дома не были!

— Еще немного, Норрик. — Эльф склонил голову и потер переносицу. — Мы только проверим кое-что — и все!

— Скорее бы! — мечтательно воскликнул спутник. — Я соскучился!

— Чья бы корова мычала, — усмехнулся эльф в балахоне волшебницы. — Дома ты сразу запросишься в странствия по белу свету.

— Ну да, ну и запрошусь, — тут же запальчиво откликнулся альфар. — Дома все известно, а тут... Просто очень скучно! И ты меня никуда не пускаешь...

Тенью следовавший за мною Горо осторожно подергал меня за пояс, привлекая внимание. Когда я обернулся на своего слугу, тот подбородком указал на спорящую пару и покачал головой — у него было свое понятие о том, как слуга должен разговаривать с господином. Я в ответ только пожал плечами. Меня больше занимал сам эльф. Как же давно я не видел соотечественников! Слух совершенно отвык от певучих звуков раскатистой эльфийской речи.

— Нам точно на эту улицу? — тем временем поинтересовался альфар. — Это я к тому, что если вдруг наш поход окончится неудачей...

— Он должен закончиться удачей, — промолвил эльф в балахоне волшебницы. — Я так вижу и по тому, как он произнес это слово, я сразу все понял.

Передо мной был медиум. Один из десятков и сотен медиумов, которых волшебницы Видящие использовали в качестве источников энергии для обрядов. Наша Видящая на горной заставе часто рассказывала о некоторых законах и свойствах магии и сетовала, что с нею не смогли отправить ни одного медиума — тогда, дескать, она бы показывала настоящие чудеса.

В этом месте мои мысли были прерваны самым грубым образом. А именно — волосатой троллей лапой. Я был уверен, что иду осторожно, насколько это вообще возможно, но тролль каким-то образом угадал мое перемещение и внезапно выбросил вперед лапу, на которую я не наткнулся только чудом.

— Стоять, — спокойно произнес тролль на всеобщем наречии, едином и самом удобном для представителей разных рас. — Не ходить дальше!

— В чем дело, Татва? — Медиум начал оборачиваться.

— Не ходить. Чужой, — лаконично объяснил тролль. Но тут наши глаза встретились, и я увидел, как молодое лицо эльфа стало расплываться в улыбке столь открытой и даже мальчишеской, что я по сравнению с ним вдруг почувствовал себя старым.

— Норрик, — промолвил он, — ты только посмотри!

— Чего я там не ви... — начал было ворчать альфар, но поднял на меня глаза и присвистнул: — Вот это да! И как он макушкой облака не задевает?

Обычно я спокойно отношусь к тому, что люди прохаживаются относительно моего роста. Но чтобы какой-то альфар осмелился так себя вести! Это было уже слишком. Я протянул руку и подхватил насмешника за грудки.

— Сейчас ты сам проверишь на своей шкуре, легко ли достать до облака! — прошипел я.

— Мама дорогая! — закатил глаза альфар. — Спасите! Убивают! Татва, на помощь!

Тяжелая волосатая лапа легла мне на плечо.

— Убрать руки, — коротко сообщил ее обладатель. — Быстро. А то будет плохо!

— Погодите-погодите. — Медиум бросился между нами. — Не стоит ссориться. Поставьте, пожалуйста, Норрика!

— Мастер Данкор, не надо... — С другой стороны в меня вцепился Горо. Окруженный таким образом, да еще подстегиваемый толпой, привлеченной суматохой, я вынужден был подчиниться.

— Ну он и бешеный! — Оказавшись на твердой почве, Норрик мигом поспешил спрятаться за тролля и стал вещать уже оттуда: — Ты с ним поосторожней, Эльфин! В случае чего колдуй, не сомневайся!

— Это недоразумение, — улыбнулся медиум, — мы можем его разрешить. Правда, мастер Данкор?

Если бы в этот момент я держал в руке меч, я бы его непременно уронил. Себе на ногу, ага.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Эй! Башня сторожевая! — раздалось откуда-то из-за спины тролля. — Обращайся на «вы» к великому магу Эльфину Невозможному!

— Магу? — не поверил я своим ушам. — Это вы, что ли? Посмотрел на молодого медиума, тот еле сдерживал улыбку.

— Здесь нет никакого колдовства, мастер Данкор, — промолвил новый знакомый голосом, в котором скользили нотки смеха. — Не обращайте внимания на моего спутника. Норрик всегда был... мм... чуть-чуть болтлив!

— «Чуть-чуть» не считается, — немедленно отозвались из-за спины тролля. — Вообще-то у меня масса других достоинств! Так что, если хочешь хвалить, начинай снова!

— Не стоит внимания, — повторил молодой медиум, обращаясь ко мне. — Ваше имя только что назвал ваш спутник. Не так это и сложно для того, кто умеет слушать.

— Горо ошибся, — ответил я. — Во-первых, вам стоило бы называть меня лордом. А во-вторых, Данкора из Дома Дармира больше нет. Есть Данха-и-Нур, гладиатор.

— Данха-и-Нур? — всплеснул руками собеседник. — Я слышал о вас!

— Вот как? — Признаться, это мне польстило.

— Да, — собеседник смотрел на меня снизу вверх, — я много слышал о вас, когда ездил по Полуострову, но никак не думал, что вы — мой соотечественник! Это такая удача в наших поисках!

— В ваших поисках? — переспросил я. Внимательно следить за разговором мешало волнение толпы. В конце концов я углядел распахнутые двери трактира.

Когда мы впятером ввалились внутрь, там стало очень тесно. Чтобы не мешать людям и говорить без помех, разместились в дальнем углу.

В трактире царил полумрак, и казалось, что глаза эльфа светятся. Он смотрел на меня, как на чудо. Сказать правду, при всей лестности, меня смущало такое внимание. Это на гладиаторской арене я был легендой. Дома прославленный воин оказался бы одним из многих, причем непременно нашлись бы эльфы лучше меня. Я ведь родился простым лордом, даже не высоким.

— Это большая удача, что мы встретили вас, — сказал медиум, когда хозяин сего

заведения принес нам по кружке пива. — Мы с Норриком и Татвой уже два года путешествуем по землям людей в поисках тех наших сородичей, которые оказались в рабстве, и выкупаем их по мере сил. Уже почти три сотни эльфов вернулись в родные места.

Я почувствовал, что улыбаюсь против воли. Горячность молодого соплеменника невольно вызывала самые теплые чувства. Тем более что он совершал благое дело.

— Значит, мы одержали победу? — уточнил я. — Темноволосые изгнаны и...

— Да, мы одержали победу, — кивнул собеседник. — Но темноволосые... как бы это сказать... Вы что-нибудь слышали о Золотой Ветви?

— Да, — кивнул я. — Много лет назад я воевал с темноволосыми. Тогда у них был некий Паладайн Золотой Ветви. Но насколько я знаю, это всего лишь детская сказка. Помнится, мама часто рассказывала ее перед сном...

— Это не сказка, а старинная легенда о последнем эльфийском короле, Торандире, прозванном Последним потому, что после него эльфы утратили корону. Его дочь, принцесса Торандирель, полюбила кузнеца по имени Гарбаж из племени орков. Их сын, внук короля, и был той самой Золотой Ветвью. Долгое время эльфы пытались обрести ее, и наконец это свершилось. Ныне нами правит потомок Золотой Ветви, император Хаук аш-Гарбаж.

— Кто-кто?

— Император Хаук Первый, — сказал мальчишка. — Я служу императору и по его приказу уже два года странствую по землям людей, ищу сородичей, попавших в плен, и выкупаю их, давая возможность вернуться на родину. Император выделил нам золото и драгоценные камни из своей сокровищницы. Скажите, кем вы были до того, как попали в плен?

— Никем особенным, — пожал я плечами. — Просто одним из рыцарей Наместника Дейтемира Кораллового.

— И неплохим рыцарем, наверное, — воскликнул мальчишка. — Если судить по тому, что рассказывают о вас!

— Люди склонны преувеличивать, — снова пожал я плечами. — Хотя, надо признать, моя прошлая жизнь была богата событиями.

Всего рассказывать, конечно, не стоило — любовь к леди Ленимирель и ее измена мужу должны были навеки остаться в моем сердце. Вот если бы случилось чудо и она осталась жива и свободна — тогда да, я смог бы предложить ей руку и сердце. Но она и дети пропали без вести... А, да что теперь мечтать!

— Я думаю, вам стоит вернуться на Коралловый Остров, — сказал, помолчав, молодой медиум.

— И зачем? Чтобы служить орку-захватчику? — фыркнул я. — Вы знаете, что он сделал с моим родным Коралловым Островом?

— Примерно то же, что с Сапфировым, Изумрудным, нефритовым, Янтарным, — начал перечислять собеседник. — Моя родина тоже подверглась нашествию и разорению. Отец и старший брат погибли. Старшая сестра попала в плен. Но я знаю правду о том, кто на самом деле виновен во всех этих бедах, и, когда к власти пришел Хаук аш-Гарбаж, присягнул ему. Правда, я тогда был только учеником, принесла присягу моя наставница, а я лишь последовал за нею. Но потом, когда встал на первую ступень, повторил клятву уже от себя лично. И вы, когда узнаете нашего императора поближе...

— Никогда, — перебил я. — Этого не будет никогда! Уж во всяком случае не раньше, чем мужчина станет магом! То есть я хочу сказать, что это также невозможно, как и...

Спутник этого мальчишки, альфар по имени Норрик, вдруг фыркнул в кружку и о чем-то зашептался с Горо. Эта парочка вообще успела спеться, и на протяжении нашей осторожной беседы с эльфом они всю болтали между собой. Ни дать ни взять — встретились старые друзья.

Молодой медиум и тролль одновременно протянули руки и спокойно шлепнули Норрика между лопаток. Тот хрюкнул и нырнул носом в пиво, разбрызгав пену.

— Но-но, так и убить можно! — Его возмущение было адресовано почему-то

исключительно троллю. — А кто тогда будет правду про этого типа рассказывать?

— Мне кажется, ты и так болтаешь обо мне на каждом углу, и скоро весь город будет знать, кто я и с чем, как говорится, меня едят, — ровным голосом произнес молодой медиум, прихлебывая пиво. — А я не привык вызывать повышенное внимание к собственной персоне!

— Это потому, что ты весь такой скромный и застенчивый и не понимаешь, что на самом деле — уникум! — запальчиво возразил Норрик. — Татва, да скажи хоть ты ему!

— Хозяин, не кони... уни... Гррр! — внезапно рассердился тролль, и тяжелая волосатая лапа взвилась в воздух, нацеливаясь на ухо альфара... ..которого в том месте уже не было. Проворно нырнув под столик, Норрик заверещал оттуда:

— А-а-а-а! Убивают!.. Спасите, кто может! Ну не знал я что у тебя совсем никакого образования нету! Даже такое простое слово сказать не можешь!

Протянув лапу, тролль за шиворот вытащил верещащего альфара из-под столика — количество любопытных при этом резко уменьшилось, причем большинство из оставшихся на всякий случай зажмурились, — встряхнул за шиворот и усадил на прежнее место со словами:

— Татва не ученый. Татва — воин.

После чего с таким же непроницаемым выражением лица вылил альфару за шиворот остатки пива.

Посмотрев на молодого эльфа, я заметил, что он не только не возмущен, но и прилагает все усилия, чтобы не расхохотаться. Самое ужасное было в том, что и Горо тоже с трудом сдерживал смех.

— Не обращайтесь внимания, — все-таки разулыбался мой собеседник, — они вечно подшучивают друг над другом...

— Ага, только Татва сильнее и чаще побеждает, — как ни в чем не бывало встрял Норрик. — Кстати, о великий и ужасный Данха-и-Нур, а известно ли вам, с кем свела вас судьба? Это самый знаменитый маг за всю историю Радужного Архипелага, уникум, — тут альфар сделал паузу и показал троллю язык, — сам придворный маг императора Эльфин Невозможный! Слава о нем простерлась от Жемчужного Острова на западе до...

— Хватит, — перебил Норрика поджавший губы эльф.

— Да пожалуйста, мне же проще, — покладисто пожал плечами тот и повернулся ко мне, хлопая длинными ресницами: — Он всегда перебивает меня на этом месте!

— Потому что я, во-первых, не такой уж уникум и вовсе не единственный мужчина-маг за всю историю эльфийского народа, — довольно резко ответил Эльфин, — во-вторых, я пока еще только ученик и из шести ступеней посвящения стою на третьей, и, наконец, я еще не успел ничем таким прославиться!

— Ага, в одиночку раскрыть целый заговор, спасти задницу императора от больших проблем, остановить толпу разъяренных волшебниц и осушить колодец Меана — это щелочи и ерунда! — фыркнул Норрик. — Не говоря уже о том, кем ты являешься...

Хлоп! — Ладонь молодого эльфа припечатала болтливый рот альфара.

— Мы собрались здесь не ради меня, — спокойно напомнил Эльфин и повернулся ко мне. — Так что вы решили, лорд Данкор? Вы возвращаетесь на Радужный Архипелаг? Вы там очень нужны...

— Императору-захватчику? — покачал я головой. — Нет. Даже если предположить, что эльфам так уж хорошо живется под властью орка, пусть и древнего, знатного рода, для меня на родине места все равно нет. Тем более что я...

Наш разговор прервали самым решительным образом. Дверь в трактир распахнулась, и на пороге в сопровождении двух охранников возник мой хозяин.

— Ты здесь! — всплеснул он руками. — А я-то уже полгорода обыскал, хотел в городскую стражу обращаться!.. Ты помнишь, что ты мне обещал, Данха?

Под удивленными взглядами Эльфина, Норрика и Татвы я встал, перешагнув через лавку, подошел к хозяину, опустил на одно колено и низко склонил голову.

— Простите своего раба, хозяин, — промолвил я. — Я вовсе не хотел никуда сбегать. Просто так получилось, что впервые за долгое время мне встретился соплеменник, и... — я обернулся на замершего Эльфина, — Данха не смог устоять. Простите меня и накажите, если решите, что я виноват.

— Ты заставил меня поволноваться, — шумно выдохнул хозяин и, взяв у одного из охранников цепочку, оттянул ворот моей туники, обнажил ошейник, к которому прикрепил ее. — Вот так. Будем считать, что это и есть твое наказание!

С этими словами он намотал конец цепочки на запястье и слегка дернул, заставляя меня встать и, подобно собаке на привязи, последовать за ним.

Уже на пороге, когда ко мне присоединился покрасневший от смущения Горо, я обернулся на Эльфина и его спутников. Те застыли и глядели во все глаза. Вздыхнув, я указал на цепочку, намекая, что не принадлежу себе, после чего последовал за хозяином.

Как ни странно, меня не наказали — и слова не сказали, не то чтобы высечь. Видимо, хозяин счел, что пройтись на глазах у соплеменников на привязи, подобно собаке, уже достаточное наказание для меня. Как бы то ни было, долгое время после этого он ни словом, ни делом не напоминал мне о том, что запомнил этот случай.

Гладиаторские бои в Паннории под запретом — формально из-за того, что состязания очень часто оканчиваются смертью или увечьем одного из бойцов. Для желающих подраться существуют турниры и кулачные бои, которые устраиваются во время традиционной Осенней ярмарки. Только в течение этой недели можно свободно устраивать поединки — как правило, в специально отведенных и оборудованных для этого местах. Но мы все равно опоздали на Осеннюю ярмарку, приехали в столицу через полмесяца после ее окончания, в самый первый день Месяца Охотника, второго месяца местной осени.

Однако, как говорится среди людей, если закон нельзя обойти — это неправильный закон. И, несмотря на все королевские указы и уголовную ответственность, предусмотренную за организацию боев, гладиаторы в Паннории все-таки существовали. Правда, сражались они нелегально, поединки проходили поздними вечерами или по ночам и устраивались в заброшенных зданиях либо подвалах частных домов. Наполовину оставленный жителями Ветхий город, в котором чуть ли не каждый третий дом стоял пустым, подходил для этого лучше всего.

Следующим вечером мы вшестером — хозяин, я, два охранника, Горо и наш проводник, — покинули дом и отправились в Ветхий город. Вот-вот должен был прозвучать сигнал к тушению огня и запираанию ворот, но крепостную стену, разделявшую Ветхий и Старый города, во многих местах настолько разрушило время, что проходить можно было свободно.

— Нам сюда. — Проводник указал на проход между двумя домами. В глубине горели огни. — Я пойду вперед!

— Данха, — дождавшись, пока тот уйдет, хозяин взял меня за локоть, — свой первый бой ты должен выиграть!

— Понимаю, — кивнул я, глядя вперед. В отличие от людей я прекрасно все видел.

— Тебя здесь пока никто не знает, все будут ставить против, как на новичка, — продолжал хозяин. — Поэтому покажи себя во всей красе, продай товар!.. Только... хм... не все сразу! Придержи кое-какие свои приемы, не раскрывайся до конца!

— Понимаю, — снова кивнул я. Во всем, что касалось организации и проведения боев, мы с хозяином давно разговаривали почти на равных.

Снаружи дом, стоявший в глубине улицы, казался заброшенным и ветхим, но, стоило спуститься по узкой лестнице в подвалы, мы словно попали в другой мир. Тут все убрали так, чтобы многочисленным зрителям и участникам было удобно.

В отличие от южных городов здесь вместо ямы, куда спускали бойцов, устроили помост, вокруг которого кругом стояли кресла для зрителей. Передние ряды установили чуть ниже помоста, а задние на небольшом возвышении. Совсем у стены зрители уже не сидели, а

стояли.

Мы пришли, когда бои начались — издалека я услышал громкие крики, приветствующие победителя только что закончившегося сражения. Оставив меня в небольшой комнатке с помощью Горо надевать доспехи, хозяин ушел, но вернулся очень скоро.

— Ты готов? — поинтересовался с порога. — Публика уже ждет!

— Готов. — Я повел плечами, проверяя, хорошо ли закреплены ремни.

— Ну-ка повернись! — Хозяин осмотрел меня со всех сторон и шлепнул ладонью между лопаток. — Хорош! Иди и победи!

Это для людей помост казался высоким — я запрыгнул на него, лишь чуть-чуть опершись на край левой рукой, и огляделся по сторонам. Четыре факела, закрепленные по углам, освещали бойцов, ряды зрителей тонули в полумраке. Рассмотреть можно было только сидевших у самого помоста, да и то лица многих были скрыты под полумасками. К своему удивлению, я увидел нескольких женщин. Неужели паннорок открыто допускают на подобные мероприятия? В калимшане, Геронте и некоторых других государствах гладиаторские бои — развлечение сугубо для мужчин. А в некоторых странах наказание для женщины-зрительницы достаточно серьезное: если какую-нибудь застанут созерцающей бой, ее могут продать в рабство невзирая на возраст, внешние данные и социальное положение.

Мне пришлось прервать объяснения: на помост взобрался глашатай.

— Сегодня перед вами выступает гость из далекого Калимшана, великолепный Данха-и-Нур! — закричал он, указывая в мою сторону. — Он провел у себя на родине сто двадцать боев и все сто двадцать раз выходил победителем! Его искусству дивились в Восточных Княжествах и в Геронте, на Полуострове и далеко на востоке. Он...

Я не мешал глашатаю расписывать мои подвиги. И пусть почти половина того, что он говорил, было ложью — например, количество проведенных мною боев он существенно уменьшил, поскольку просто не знал всего, — я не обращал на это внимания. Ждал своего первого противника. И перевел дух, когда понял, что против меня вышел человек. За шесть с половиной лет мне с кем только не случалось биться, и я успел узнать, что люди — самые «легкие» противники.

Громкие крики восторга подсказали, что мой «враг» — любимец местной публики. Все в нем — от спокойного трезвого взгляда, которым он окинул мою фигуру, до деталей доспехов и вооружения — изобличало опытного и умелого бойца. Для меня, который последние годы только и делал, что сражался, такое начало было самым лучшим. Развернувшись, я отсалютовал ему мечом. Он ответил на приветствие, и глашатай поспешил убраться с помоста.

Бой начался.

Нет нужды его описывать. Конечно, я победил — не родился еще человек, который мог бы меня одолеть! Нет, бывало и такое, что я проигрывал бой — но только по предварительной договоренности с хозяином. А тот договаривался с каким-нибудь владельцем другого гладиатора, которому очень нужно было, чтобы в активе его бойца была победа. Правда, чтобы не страдал образ непобедимого Данха-и-Нура, Убийцы, мне приходилось в таком случае выступать под другим именем...

В общем, в ту ночь я сошел с помоста победителем. И на следующую ночь тоже. И на третью... и на четвертую... Публика в Альмраале была благодарная, мне нравилось сражаться для этих людей.

Прошло две недели. Жизнь вошла в колею. Днем отдыхал, спал, тренировался и просто проводил время, а вечерами и ночами сражался для публики, проводя иногда по три-четыре боя за ночь. Каждый мой выход приносил хозяину до десяти золотых подковок — такие деньги были в ходу в Паннории — чистого дохода, так что уже через несколько дней мы переехали в другой дом. Он находился в Ветхом городе, у самой крепостной стены, и был намного больше, чем тот, в котором мы жили в первые дни. Здесь в моем распоряжении

имелись целых две комнаты, в которых я отдыхал, а также небольшой внутренний дворик, где в любую погоду по несколько часов проводил, тренируясь. Дом был построен в эльфийском стиле, с высокими узкими стрельчатыми окнами, витыми лестницами и многочисленными галереями, а во внутреннем дворике росло несколько старых корявых деревьев — все, что осталось от парка. Сейчас листва с них почти облетела и шуршала под моими сапогами при каждом шаге.

Сегодня был ветер. Пробравшись сюда, за забор, он гонял опавшую листву между деревьями, а я старался поймать летающие туда-сюда листья и ловким движением остро отточенных лезвий двух мечей разрубить пополам. Ветер словно нарочно, кружил и кружил рядом, целый ворох опавшей листвы висел в воздухе возле меня, и я, несмотря на то что осенний день выдался довольно прохладным, скоро вспотел, пытаясь непременно поймать и разрубить каждый лист.

Вернувшись с тренировки и умывшись, растянулся на кушетке, подставил спину ловким пальцам рабыни-массажистки. Рабыня была «наша», то есть ее привез с собой хозяин, так же как и лекаря, прислугу, охрану. Он вообще не допускал к делу никого постороннего, опасаясь происков завистников и конкурентов, а также шпионов.

Ловкие сильные пальцы массажистки разминали плечи, и я пребывал в состоянии приятной расслабленности, но, когда порог комнаты переступил хозяин, стряхнул сонное оцепенение и приподнялся на локте:

— Мой господин?

— Ты отдыхаешь, Данха? — Он окинул меня пристальным взглядом.

Я встал, жестом отослал рабыню прочь, дал на себя посмотреть.

— Великолепен! — Хозяин похлопал меня по груди. — Ты просто великолепен, Данха. Второго такого красавца не существует в природе...

— Спасибо. — Я опустил глаза. Мой хозяин видел слишком мало эльфов и просто не знал, что я — вовсе не эталон красоты.

— Оденься. — Он кивнул на штаны и тунику, лежавшие рядом. — К тебе пришли.

— Что? — Уже протянувши руку за одеждой, я застыл как вкопанный. Последний раз такое «пришли» для меня закончилось сменой хозяина, причем произошло сие против воли господина Хашши, у которого меня просто-напросто украли. Отношения с новым хозяином не стали теплыми и почти доверительными — он не упускал случая напомнить мне о моем месте, — но менять его на кого-то третьего я не хотел. Тот, кто вынужден ежедневно рисковать жизнью, играя в смертельные игры с судьбой, больше всего на свете ценит стабильность.

— Да, к тебе пришли, — с постной миной повторил хозяин. — И я не вижу причины отказать в этой встрече. Но должен тебя предупредить — что бы ты ни услышал, ты должен молчать!

— Хозяин, — я справился со штанами и держал тунику в руках, — дозволено ли мне будет узнать, почему я должен так поступить?

— Да потому, что я уже разговаривал с этим... э-э... с посетителем, — процедил он. — И думается, что тебе он скажет совсем не то, что сказал только что мне! Да что я! — Он махнул рукой. — В конце концов, приказываю тебе молчать! Я — твой хозяин!

— Да, хозяин! — Я склонил голову, натягивая тунику. Домашняя туника была с глубоким вырезом, так что ошейник оставался виден. Пояса, как рабу, мне не полагалось, и я кивнул хозяину — мол, готов.

Повторюсь еще раз — дом, в котором мы жили, был выстроен по эльфийскому образцу, поэтому я не удивился тому, что меня привели в залитый светом зал, где у окна стояли два кресла и маленький столик с кувшином вина и вазой, наполненной фруктами. В одном из кресел сидел посетитель, он резко встал, едва ваш покорный слуга вслед за хозяином переступил порог.

Я узнал его сразу — первого за шесть лет увиденного мною эльфа. Узнал еще до того, как рассмотрел его спутника — на сей раз с ним был только горный тролль, смирно

стоявший за креслом, как и положено наемнику-телохранителю. Узнал — и остановился, не дойдя нескольких шагов.

— Вот, — хозяин взял меня за локоть и заставил приблизиться, — мой Данха-и-Нур. Вы хотели его видеть? Я предоставил вам такую возможность!

Молодой маг стоял, смотрел на меня и улыбался. И под его открытым взглядом мне вдруг захотелось опустить глаза. Вдруг стало стыдно своего нынешнего положения и того, что я все эти годы не пытался его изменить, смирившись с судьбой.

— Да, — промолвил он, — это он. Сударь, — обратился эльф к моему хозяину, — я хочу сделать вам предложение.

«Вот оно! Будь осторожен!» — Рука хозяина предостерегающе сжала мой локоть прежде, чем сам он вольно расположился в кресле и сделал мне знак встать рядом.

— Я вас слушаю...

— Сударь, — начал молодой маг... как, кстати, его зовут? Помнится, мне его представляли... — Я являюсь подданным Империи Ирч. Шесть лет назад в моей земле закончилась война, в результате которой многие сородичи оказались проданы в рабство. Два года назад император Хаук Первый высочайшим повелением приказал отправиться в земли людей с тем, чтобы выкупить и вернуть на родину всех эльфов, которых еще возможно спасти.

— Спасать сородичей — благое дело, — осторожно промолвил хозяин.

— Исполняя приказ императора, сейчас я хочу сделать вам предложение. — Молодой маг в упор посмотрел мне в лицо. — Я хочу выкупить у вас Данха-и-Нура, известного на моей родине под именем Данкора из Дома Дармира, лорда Кораллового Острова!

Надо же! Он запомнил мои имя и род! А ведь я назвал их мельком...

— И готов предложить вам за его свободу... скажем, двести золотых подков.

Что? Мне показалось или я не ослышался? За меня предлагают выкуп?

— Что вы скажете? — Эльф больше смотрел на меня, чем на моего хозяина.

— Право, не знаю, — пожал хозяин плечами. — Ваше предложение так неожиданно...

— Может быть, вам мало двухсот подков? Как насчет трехсот?

Я не выдержал и охнул. Великая Паннория — довольно сильная страна, и курс золотой подковы по отношению к остальным валютам — один из самых выгодных. Достаточно сказать, что триста золотых подков примерно равны полутора тысячам калимшанских полумесяцев, а некоторые страны западной части материка, как, например, Эвлар и Кришталл, недавно перешли на подковы.

— Что скажешь, Данха-и-Нур? — Хозяин посмотрел на меня снизу вверх. — Хочешь на свободу? Когда такое предлагает сородич, трудно устоять...

Наши взгляды встретились. А еще говорят, что мы, эльфы, непревзойденные мастера интриг! В глазах хозяина я прочел ответ прежде, чем он смог озвучить его вслух. Он не забыл моего «побега» в день приезда и нашел оригинальный способ наказать меня за проявленное своеволие.

— Пожалуй, — промолвил он, не сводя с меня глаз, — я действительно продам тебя... скажем, за тысячу золотых подков!

Свобода! Избавиться от ошейника на горле, от необходимости каждый день рисковать жизнью, перестать чувствовать себя игрушкой в руках судьбы... Но я бросил взгляд на молодого мага — и все мечты умерли. У него вытянулось лицо...

— Это ваша последняя цена? — пробормотал он. — Может быть, за триста пятьдесят...

— Тысяча! Данха-и-Нур стоит слишком дорого!

— Тогда... мм... четыреста?

— Вы готовы повышать? — Хозяин лучился самодовольством. — Значит, он вам нужен!

— Четыреста пятьдесят, — промолвил эльф, не глядя на меня. Да как же его зовут? Вот память!

— Тысяча! И учтите, что мне уже поступило три предложения о его продаже.

Последний покупатель согласился с моей ценой. Деньги он должен принести сегодня вечером, на закате. Если сможете достать... скажем, не тысячу, а хотя бы тысячу пятьдесят золотых подков, я готов придержать товар.

Эльф больше не смотрел на меня, но я и так понимал — таких денег у него не было. Или были, и теперь он решал мучительный вопрос: что лучше — выкупить за требуемую сумму одного меня или потратить деньги на спасение нескольких рабов, ведь вряд ли за кого-то еще запросят такие деньжищи?

— Хорошо, — услышал я его голос, такой спокойный и ровный, что трудно было догадаться, какие чувства владеют моим соотечественником. — Вы получите эти деньги... Думаю, что король не откажет в помощи. Значит, до заката? — Да.

— Хорошо. Тогда до заката! — Эльф поклонился. Посох, до этого прислоненный к спинке кресла, сам, как живой, оказался в его руке, и он, бросив на меня последний взгляд, направился прочь. Тролль затопал следом.

Когда за посетителем закрылась дверь, я наконец вспомнил его имя. Эльфин Невозможный.

— Ну? — нарушил течение моих мыслей хозяин. — Что скажешь, Данха?

— Х... Хозяин, — я едва узнал свой голос, — вы правда хотите меня... продать?

— За тысячу золотых подков? Ха-ха! — Он рассмеялся и залпом опрокинул в себя бокал вина. — Звучит заманчиво, но если учесть, сколько денег ты приносишь мне ежедневно и сколько еще принесешь, продавать тебя — это резать курицу, несущую золотые яйца! Не беспокойся, Данха, — меня покровительственно похлопали по плечу, — я не продам тебя! Никогда! Ни за какие деньги!

Я похолодел. Оказывается, все эти годы в глубине души у меня жила безумная надежда на то, что мне удастся вырваться на свободу.

— На! — Мне в руку сунули бокал с вином. Тот самый бокал, к которому так и не притронулся Эльфин. — Выпей и иди, готовься! У тебя сегодня вечером бой. И еще — мы переезжаем! Здесь оставаться опасно!

С переездом хозяин тянуть не стал — видимо, запасной вариант был приготовлен заранее, так что на очередной бой я отправился уже из нового дома, даже не успев в нем как следует осмотреться.

Опасаясь, что королевские ищейки однажды выйдут на след организаторов боев, устроители оных довольно часто переезжали с места на место, благо пустующих домов в Ветхом городе, равно как и богатых любителей этого развлечения в Старом, хватало. Но на этот раз все было всерьез.

Меня опять запихнули в карету и незадолго до заката вывезли за пределы Альмрааля.

В паре верст от предместий на берегу реки стоял замок — загородный дом одного из паннорских лордов. Окошки в карете были зашторены, а на улицы города уже спускался вечер, так что точно запомнить дорогу я не мог. Мелькнули поля и лента реки, прежде чем все заслонила громада замка.

В человеческих замках я еще не бывал, но осматриваться желания не имел. Встреча, происшедшая несколько часов назад, владела всем моим существом. Я раз за разом переживал короткий диалог с Эльфином Невозможным. Наверняка молодой маг уже пришел к воротам нашего дома... не подозревая, что хозяин обманул его.

Как всегда, Горо тащил мои доспехи и оружие и, одевая меня перед выходом, тихо погладил по локтю.

— Не надо так переживать, господин, — промолвил старый друг, когда я поднял на него удивленный взгляд. — И не отчаивайтесь! Все еще будет хорошо, поверьте мне!

— Тебе легко говорить, — вздохнул я. — Ты всю жизнь был рабом...

Эту ночь я мог бы встретить свободным.

Владелец замка не являлся профессиональным устроителем гладиаторских боев, и место сражения оборудовали на скорую руку. Просто огороженная площадка, кое-как присыпанная не совсем чистым песком. Судя по запаху, здесь еще недавно содержались

собаки, и для моего носа запах псины ощущался довольно ясно. Как и везде, вокруг стояли кресла для знатных зрителей, а стоячие места на сей раз отсутствовали. В самом деле, какой лорд пустит в свой замок толпу простолюдинов, даже если они заплатят ему за зрелище!

В ожидании своего выхода (зрители собрались отнюдь не ради меня одного), я отдыхал в маленькой каморке, явно прежде служившей местом содержания особенно ценных собак. Со мной был Горо. Появшись, альфар подошел ко мне, сидевшему на табурете, и осторожно дотронулся до плеча.

— Успокойтесь, господин, — сказал на эльфийском языке. — Вам сейчас надо быть собранным...

— Знаю.

Я прислушался. За стеной шел бой. Слышались тяжелое дыхание, звон оружия, шарканье ног, тонущие в возгласах зрителей. Потом крики взорвались так, что стены дрогнули, и голос глашатая провозгласил:

— Победу снова одержал Маска!

Хлопнула дверь — ко мне заглянул хозяин.

— Ты готов? — с порога спросил он. — Твой выход, Данха!

Я встал:

— Готов.

— Как всегда! — Он прошел в комнату, как обычно, осмотрел меня со всех сторон и хлопнул по спине. — Твой первый противник на сегодня — Маска! Да-да, тот самый, который только что победил! Говорят, он здесь проездом, о нем ничего не известно, действует на свой страх и риск. Так что... сам понимаешь!

Я понимал. Это значило, что хозяин разрешал мне применять приемы по своему усмотрению.

Когда я ступил на неровный, лежащий буграми после предыдущей битвы песок арены, Маска был еще там. Голый по пояс, в меховой набедренной повязке и высоких сапогах, со связанными в хвост темными волосами, он стоял ко мне спиной, держа в двух руках по мечу. Хватило одного взгляда на эти мечи...

Нет, еще раньше, когда увидел его мощную смуглую фигуру, темные, почти черные волосы, татуировки на руках и плечах, даже чуть-чуть пораньше, когда уловил его запах...

Передо мной стоял орк. Единственный во всем мире орк — вернее, полукровка, — которого я меньше всего ждал и больше всего мечтал увидеть. Единственный, кого я когда-то, три долгих года назад, считал своим другом. Но что он тут делает? Это случайность или...

— Встречайте! — крикнул глашатай. — Великолепный Данха-и-Нур против Маски!

Противник развернулся стремительно, как атакующая гадюка, но я был готов. Маска закрывала все его лицо, оставляя только прорези для глаз и дыру для горбатого носа. Широкие ноздри затрепетали, ловя мой запах.

— Ну здравствуй, — негромко сказал я. — Вот мы и встретились...

Это неправда, что встреча с прошлым приносит только счастье. Иногда приходит ненависть. Как и жажда свободы, ненависть никуда не исчезает. Она просто спала, но теперь пробудилась, и я атаковал очертя голову. Передо мной стоял живой орк, а это значило, что моя война еще не окончена. Я буду мстить. За мою сломанную жизнь, за то, что стал рабом, за то, что сегодняшний вечер мог встретить свободным. И во всем этом виноваты орки! Хороший орк — мертвый орк!

Маска встретил мою глефу легко, словно играючи. Два его талгата были опасным оружием. После первых же ударов я с неудовольствием понял, что они слишком тяжелы для меня, так что действовать придется больше ловкостью, чем силой.

Осыпая друг друга ударами, мы закружились по арене, взрывая ногами грязный песок. В какой-то миг наши взгляды встретились — и больше уже не могли расцепиться. Но выражение черных глаз осталось для меня загадкой. Что он делает здесь?

Не знаю, сколько боев провел Маска за последнее время, но я мог с уверенностью

сказать — он изменился. Передо мной был совсем другой полукровка, и на сей раз все происходило всерьез. На каждый мой выпад у него находился контрудар. Старый приятель успевал, отбив одно лезвие глефы, остановить и другое, а в промежутках лишь эльфийская скорость спасала меня от увечий. Не раз и не два я еле успевал увернуться, спасая живот и бока от его талгатов.

Обычный бой длится от одной до пяти минут, но тут мне показалось, что миновала вечность, а мы все обменивались Ударами, по очереди переходя в наступление, и ни один не мог взять верх.

— Бей его, бей! — время от времени летели нам крики. — Достань его! Давай! Круши! Наддай! Еще!

Кому и кто орал — было не разобрать. Мне казалось, что я слышу голос хозяина — как и все, он переживал за свои деньги. Подстегиваемые этими воплями, мы оба ускорили темп, но безрезультатно.

Полуорк под маской «сдался» первым. Видимо, предыдущие бои дали о себе знать или же ему просто надоело возиться с неуловимым мной, но внезапно полукровка перешел в наступление. Талгаты замелькали в руках с такой скоростью, что мне пришлось отступить.

— Вперед! — На сей раз я не ошибся, это действительно был голос хозяина. — Дерись, трус! Не отступай!

«Не отступай!» Против этой «мельницы» я мог только защищаться, надеясь, что Маске скоро надоест взятый темп. Но пока противник теснил меня к самому краю площадки, и отчаянные вопли зрителей подсказывали, что дальше отступить просто опасно.

Улучив минуту, я рванулся вбок, чтобы уйти из рискованной зоны...

И тяжелый сапог врезался мне в бедро с такой силой, что я впервые в жизни не удержался на ногах.

От слитного вопля дрогнули, казалось, не только стены, но и потолок. Новый пинок заставил кувыркнуться и потерять глефу. Выпрямился я, уже набрав полные горсти грязного песка, чтобы швырнуть его в лицо Маске, но третий удар носком сапога пришелся как раз в челюсть.

Клацнув зубами, я рухнул навзничь, раскинув руки, а подняться не смог — в следующий миг подкованный сапог Маски тяжело опустился мне на левую руку.

Мой крик слышали все. А хруст сломанных костей — я один.

Глядя мне в глаза, полуорк нажал сапогом, крепче вдавливая мою и без того раздробленную кисть в грязный песок арены, а потом молча приставил талгат к моему горлу.

Несколько секунд под крики зрителей мы сверлили друг друга глазами, потом орк, отбросив один из талгатов, подмигнул и сошел наконец с того, что осталось от моей левой руки.

— И что мне теперь прикажешь делать? — прошипел хозяин.

Я молчал, прижимая правой рукой к груди тугой лубок, в который личный врач только что забинтовал изуродованную левую кисть. Я молчал, когда меня под руки уводили с арены под крики толпы. Молчал всю дорогу домой. Молчал, когда полусонный лекарь дрожащими от волнения руками кое-как промыл многочисленные ссадины — подковы на сапогах Маски содрали кожу с ладони — и бинтовал, заключив в лубки сломанные кости. Молчал, когда ворвавшийся в мою комнату хозяин со злостью и досадой стал избивать меня плетью.

— Т-ты понимаешь, что произошло? — все еще кипя от злости, промолвил он.

Я кивнул. Хруст ломающейся кости стоял у меня в ушах.

— Ты меня убил! Уничтожил! Ты...

— Осмелюсь сказать, что это — всего-навсего перелом, — подал голос лекарь. — Я совместил кости, наложил шину... Через полмесяца от травмы не останется и следа!

— «Через полмесяца»! — передразнил хозяин. — А что мы будем делать эти полмесяца? С голоду умирать? Ты всех нас подставил под удар! Не мог увернуться?... Или, — он за волосы притянул мою голову к себе, — не захотел? А? Ты сделал это нарочно?

Я молчал. В стиснутой лубками руке пульсировала боль.

— И что мне теперь прикажешь делать? — повторил хозяин.

— Продайте меня, — разлепил я губы.

— Продать? — Он со смехом оттолкнул мою голову. — Кому? Этому эльфу, твоему сородичу? Ну уж нет! Не на того напали! — и, обернувшись к дверям, крикнул: — Взять его!

Охранники переступили порог. В прежние времена я мог бы раскидать их одной левой, но сейчас, когда мне было больно даже пошевелить локтем, не стал сопротивляться. Меня взяли под руки и потащили прочь.

Вот так я оказался в подвале того самого дома, в который мой хозяин перебрался, скрываясь от желающего выкупить меня сородича. Вопреки ожиданию подвал был чистый и сухой, хотя и холодный — все-таки давно стояла осень, и погода часто портилась. Мне устроили постель, поставили возле лежанки табурет, принесли ведро для отправления нужды и оставили одного.

Потянулось время. День-деньской я лежал на постели, уставясь на крошечное окошко-отдушину под потолком и прислушиваясь к эху далеких звуков. За три дня болезни хозяин ни разу не переступил порога подвала. Лишь лекарь заходил ко мне дважды в день, осматривал забинтованную руку, приносил еду и уверял, что выздоровление не за горами. Я ему не верил. Туго перетянутые пальцы практически утратили чувствительность, в ладони все еще пульсировала боль, а на третий день под мышкой и на локте вспухли два желвака. Когда я показал их лекарю, тот слегка переменился в лице, но ответил преувеличенно-бодро:

— Это означает, что процесс выздоровления вступил в... э-э... решительную стадию. Твой организм, Данха, борется. И это — признаки борьбы.

— Понятно, — сказал я и, когда врачеватель уже направился к выходу, окликнул его: — Пожалуйста, нельзя ли сделать так, чтобы ко мне разрешили прийти Горо?

— Не велено, — откликнулся лекарь. — Хозяин запретил! И в замке заскрежетал ключ.

Утром четвертого дня я проснулся весь разбитый. Рука онемела до локтя, на бледной коже проступили какие-то красные полоски. Меня трясло, как в лихорадке, кружилась голова, в горле пересохло, хотелось пить. Я понял, что заболел, хотя эльфы не подвержены многим заболеваниям.

Надо ли говорить, что в тот день лекарь ко мне так и не пришел! И вообще никто не пришел. Забытый всеми, я лежал в холодном подвале и ждал, слушая отголоски далеких звуков. Там, наверху, ходили и разговаривали люди, переносили и иногда роняли какие-то вещи. Там кипела жизнь, но обо мне так ни разу и не вспомнили за весь долгий день. День, который закончился тишиной. Такой полной тишиной, что мне не хотелось никого звать, чтобы не нарушать ее. А зачем, когда и так все ясно! Меня бросили, оставили на произвол судьбы.

К вечеру второго дня я провалился в горячее забытие. Меня кидало то в жар, то в холод. Стены кружились перед глазами, пол и потолок то исчезали, то наваливались на меня всей тяжестью. Наверное, я даже бредил, потому что в один прекрасный момент услышал голоса. Кто-то звал меня по имени. Кто-то, стоящий за стеной...

— Данкор... Где ты?

— Здесь. Я в подвале...

— За этой дверью? Погоди, я сейчас...

Дверь внезапно дрогнула, и я очнулся. В подвале царила крошечная тьма — даже слабый свет из отдушины не разгонял мрак, а словно подчеркивал его. Ненадолго даже показалось, что я ослеп — все исчезло, остались только звуки, доносящиеся снаружи.

— Ого! Заперто! — жизнерадостно воскликнул смутно знакомый голос. — Эй! Все сюда! Тут заперто!

Послышались шаги. Дверь дрогнула еще раз.

— Ломайте! — распорядился незнакомый мужской голос.

Дверь подпрыгнула в пазах от мощного удара и вылетела, провалившись внутрь вместе с какой-то тушей, которая рухнула на нее сверху. Коридор был освещен факелами. Мне не составило бы труда рассмотреть, кто это, но перед глазами все плыло, и я смог только

увидеть три тени, кинувшиеся ко мне.

— Нет! — воскликнул я, почувствовав, как по моему телу шарят чужие руки. — Отпустите меня!

— Живой! — весело воскликнули сразу два смутно знакомых голоса. — Скорее! Давайте...

— Нет! — Я рванулся изо всех сил. — Отпустите меня! Не хочу!

Отмахнувшись правой рукой, попал кому-то в челюсть — звонко и зло клацнули зубы.

— Ни фиги себе! Дерется! — воскликнул тот самый незнакомец. — Вот псих! Слушай, ваши что, все такие?

— Нет, — промолвил еще один незнакомый голос, и мне на голову легла плотная ткань. — Раньше я думал, что один такой...

Я отчаянно сопротивлялся, но меня в шесть или восемь рук под чьи-то слезливые причитания: «Осторожно! Я умоляю вас, господа, осторожно!» — замотали с головой в какую-то плотную ткань, прикрутили руки к бокам, после чего подняли и потащили.

Здесь силы совершенно оставили меня, и остатка пути я не помню.

Наверное, ненадолго меня покинуло сознание, потому что пришел в себя, только когда ткань с лица сорвали и в глаза ударил яркий свет. Я зажмурился, закрываясь здоровой рукой.

— Очнулся? — деловым тоном поинтересовался смутно знакомый мужской голос, и мне на плечо легла рука.

— Драться больше не будешь? — спросил второй.

— Ну нет, — фыркнул кто-то знакомый. — Он еще только начал!

— Господин, — голос Горо я не смог бы спутать ни с каким другим, — все хорошо, господин! Все кончилось! Вы в порядке?

— Кажется, да, — с трудом разлепились тяжелые веки. Я полулежал на какой-то кушетке, еще закутанный до половины в чей-то теплый меховой плащ, а вокруг толпились люди, эльфы и альфары. Почему-то я не удивился, увидев сияющих, как медные тазы, Горо и Норрика — болтливого спутника Эльфина Невозможного, над плечом которого возвышался горный тролль — вот кто выбил дверь, запоздало сообразил я. Незнакомый эльф одних со мной лет присел рядом, его рука лежала на моем плече. Рядом с альфарами обнаружились два молодых человека. У одного из них, рыжеволосого и зеленоглазого, на левой скуле расцветал синяк. Еще один мужчина, лет, наверное, пятидесяти, невысокий толстяк с заметной сединой в волосах, стоял в стороне.

— Ну и кулаки у тебя! — весело сказал рыжеволосый. — Думал, без зубов останусь!

— А что произошло? — спросил я, переводя взгляд с одного лица на другое. — И где я?

— Сначала я хочу узнать, что случилось! — Властный голос, раздавшийся у входа, заставил всех подпрыгнуть, а рыжеволосый парень поспешил спрятаться за широкие спины остальных, но был безжалостно вытолкнут вперед.

К нам решительным шагом подошел человек. В его рыжих волосах была заметна седина, но выглядел он довольно молодо — на вид не больше сорока лет, хотя наверняка мог оказаться гораздо старше. Эдакий вечный мальчишка, который и в шестьдесят, и в семьдесят сохраняет юношеские статью и энергию.

— Ваше величество! — Полуседой толстяк поспешил поклониться.

— Отец! Дядя! — хором приветствовали вошедшего два молодых человека.

— Кей! — вскочил сидевший рядом со мной незнакомый эльф. — Ты представляешь, у нас все получилось! Все было так, как сказал альфар! Эти сволочи заперли его в подвале и свалили, как последние козлы! Мы успели вовремя!

— Кто это? — шепотом поинтересовался я у Горо.

— Его величество, король Кейтор Первый Паннорский, — вылез вперед Норрик, который физически не мог долго молчать. — А мы у него во дворце!

Опираясь на плечо Горо, я собрал силы, кое-как встал и поклонился, стараясь двигаться так, чтобы от резких движений не кружилась голова.

— Я... благодарю вас, ваше величество, за...

— Потом, — отмахнулся король и шагнул к молодым людям. — Это что еще за самодеятельность? Даральд, ну Карадора я понимаю — у него шило в одном месте, да и речь шла о его сородиче, но ты-то! — Он несильно ткнул кулаком в покаянно насупленный лоб рыжеволосого парня с синяком. — Наследник престола, принц крови — и самолично лазить по притонам!.. Весь в меня! Иди, поцелую! И вы, принц Гайворон, здесь! — Это относилось ко второму молодому человеку. — Какая преданность венценосному кузену! С ума сойти! Только что скажет ваш отец, когда узнает, где проводит время будущий герцог Паннорский? И вы пошли на такое дело без меня! Как вам не стыдно?

Принц и его кузен что-то забормотали в свое оправдание, но в их опущенных долу глазах и самом тоне голосов не было и намека на раскаяние.

— Ваше величество, — подал голос седоголовый толстяк, — это не королевское дело — ловить преступников!

— Веймар, еще одна нотация в присутствии посторонних — уволью на фиг! — погрозил пальцем король. — Забыл, как мы с тобой двадцать пять лет тому назад...

Пока шла эта перепалка, я прилагал отчаянные усилия, чтобы удержаться на ногах. Король и два принца! А я съездил по физиономии наследнику престола! Ой, Покровители... Что же теперь будет?

— Господин? — Голос Горо долетел откуда-то издалека. — Что с вами? Вам плохо?

Я покачнулся, и кто-то тут же подставил мне плечо.

— Он теряет сознание!.. Держите его! Вот так, кладите!.. Господин, что с вами? Откройте глаза... Эй, позовите кто-нибудь врача!.. Беги за отцом, Гайворон! Живо!

Голоса становились все тише и тише, пока наконец не пропали совсем, растворившись в вязкой темноте забытья.

Открыл глаза от резкого запаха, который мог бы, наверное, поднять и мертвого. В голове еще шумело, но во всем теле ощущалась легкость. Спина чувствовала мягкие прохладные простыни. Чья-то рука осторожно приподняла мою голову.

— Вот, выпейте это, — мягко произнес незнакомый мужской голос.

Моих губ коснулся край чашки, и я, приподнявшись, сделал глоток. Крепкий травяной настой потек в горло. Закашлявшись и очнувшись окончательно, открыл глаза.

Я лежал на устланной шкурами широкой постели, которая была установлена в просторной комнате, обставленной с претензией на роскошь. Шторы на двух высоких стрельчатых окнах были раздвинуты и впускали в комнату осенний неяркий свет.

Надо мной склонилось лицо совершенно седого человека в темной одежде. На тонких губах играла мягкая улыбка. От всего его существа исходили волны покоя и уверенности — и несомненной магической силы.

— Вот так, — приговаривал он на чистом эльфийском языке, помогая мне прихлебывать настой. — Вот хорошо... Это должно вам помочь немного поддержать силы.

Только после того, как чашка опустела, мне позволили прилечь обратно. Человек пристроился на краю постели и осторожно провел тонкими прохладными пальцами по моим вискам.

— Позвольте представиться, — произнес, не дав мне раскрыть рта. — Мое имя — лорд Даральд Паннорский, принц крови и по совместительству — придворный врач короля Кейтора. Вы находитесь в королевском дворце, поскольку сейчас не в том состоянии, чтобы вас можно было транспортировать.

— Что со мной? — прошептал я, не узнавая своего голоса — настолько сиплым и слабым он оказался.

— Обычная инфекционная лихорадка, — спокойно промолвил лорд Даральд. — Как вы себя чувствуете?

— Рука... болит, — со вздохом признался я. — А пальцев совсем не чувствую. Словно их у меня нет.

— Понятно, — сухо промолвил лорд-врач, дотронувшись до моей руки. — Так больно?

Я тихо зашипел сквозь зубы:

— Немного... терпимо.

— А вот так?

На сей раз я изо всех сил стиснул зубы, но мое перекошенное лицо, очевидно, было достаточно красноречивым.

— Я — врач, а не прекрасная дама, лорд Данкор, — спокойно улыбнулся целитель. — Меня можете не стесняться... Итак, вот тут больно?

Я смог только кивнуть.

Еще некоторое время продолжался осмотр, лицо лорда Даральда мрачнело все больше и больше. Наконец он уложил мою многострадальную левую руку на одеяло, и я бросил на нее осторожный взгляд. Лубки, в которые она была заключена все это время, сняли, кисть выглядела ужасно. Рука распухла, побелела и лежала как неживая. На коже предплечья проступили красные полосы, похожие на кровеносные сосуды. Ссадины на ладони там, где подкованные сапоги содрали с нее кожу, воспалились, но, как ни странно, боли я уже почти не чувствовал. Лорд Даральд поймал мой взгляд и осторожно прикрыл кисть краем одеяла.

Стук двери заставил меня открыть глаза. На пороге замер подросток — по виду самый обычный юный эльф, разве что с темными волосами и почти черными глазами полукровки. Сказать по правде, я порядком удивился его появлению — мне почему-то подумалось, что эльфы не могут просто так разгуливать по королевскому дворцу.

— Папа, — увеличивая мое удивление, позвал подросток, — там пришел мастер Эльфин Невозможный. Что ему передать?

Лорд Даральд вздохнул и встал.

— Я сам ему все скажу. А ты посиди пока с нашим пациентом, Кэллегор.

С этими словами он уступил свое место юному полукровке и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Здравствуйте. — Подросток уселся на край постели и пожал мне здоровую, правую руку. — Меня зовут Кэллегор Аметистовый.

— Вы... э-э...

— Да, — он слегка смутился, — я наследник Наместника Аметистового. Лорд Даральд, который вас осматривал, мой настоящий отец. У меня нашли способности к целительной магии, так что я немного помогаю отцу и сестре. У меня целых три сестры! — внезапно похвалился он. — Две — дочери лорда Даральда, и еще одну родила мама от моего отчима. А брат только один. Его зовут Гайворон, он младше меня на четыре года и является наследником титула герцога Паннорского... Как вы себя чувствуете?

Переход был таким неожиданным, что я ответил честно:

— Плохо.

— Ничего. Вы скоро поправитесь! Мой отец и не таких вытаскивал почти с того света!

За дверями раздавались приглушенные голоса. Я невольно обратился в слух, но сквозь стену мог услышать только неясный гул. Кэллегор поймал мой тревожный взгляд и, — улыбнувшись, слегка повел рукой в сторону двери. Та приоткрылась совсем чуть-чуть — как раз настолько, чтобы я с своим острым слухом мог подслушать, о чем говорят в коридоре.

— Неужели это окончательный диагноз? — послышался к раз в эту минуту голос мастера Эльфина. — И ничего нельзя сделать?

— Коллега... Вы разрешите называть мне вас так? — Негромкий голос принадлежал лорду Даральду.

— Почту за честь...

— А вы скромны... Итак, я — врач, а не земное воплощение Девы Леснички. И отнюдь не всемогущ, как бы меня ни описывал его величество! Рука сильно повреждена. Налицо заражение крови и начавшийся некроз, отягощенный лихорадкой. Еще несколько дней — и делать что-либо будет поздно. Конечно, он чистокровный эльф и станет дольше сопротивляться заразе, но... время упущено! Теперь я вижу выход только в операции.

— Но это... невозможно! Он потеряет руку...

— Он ее уже потерял. А если мы промедлим, потеряет и жизнь, как бы жестоко это ни звучало!

— Но я не...

— Операцию я проведу сам. А уже от вас, коллега, будет зависеть, чтобы у него не появилась болезнь. Иначе все мои труды пойдут насмарку.

Дальше можно было не слушать. Я закрыл глаза, чтобы отгородиться от окружающего мира и Кэллегора, который всё еще держал меня за здоровую руку. Болезнь эльфов, которую иногда называют просто скукой, — это внезапная поря интереса к жизни. Она неизлечима и может поразить любого — мужчину и женщину, старика и ребенка. Если она проявилась, насколько я знаю, лечение невозможно. И если ее признаки появятся у меня...

— Не отчаивайтесь, — услышал я голос Кэллегора. — У моей матери тоже была болезнь. Отец ее вылечил, и она до сих пор жива. И с вами все будет хорошо!

Подросток больше ничего не успел сказать — в комнату вошли лорд Даральд и Эльфин.

— Вы все слышали. — Это был не вопрос, а констатация факта. Я молча кивнул, Кэллегор потупился. — Что ж, тогда не стоит ходить вокруг да около. — Лорд Даральд прошел к моей постели и встал надо мной. — Лорд Данкор, ваше состояние я расцениваю как тяжелое. Чтобы спасти вам жизнь, придется отнять руку!

— Нет, — вырвалось у меня.

— Речь идет о спасении жизни, — спокойно перебил лорд-врач. — Не знаю, кто вас лечил, но он сделал все, чтобы вы стали калекой. Омертвление тканей, заражение крови... Будь вы человеком, я бы всерьез опасался за вашу жизнь. Но, на ваше счастье, вы — эльф. Да и я кое-что смыслю в целительной магии. Руку вам уже ничто не спасет, но вы останетесь в живых.

— Вы не понимаете, — воскликнул я. — Для меня потеря руки — это... Я воин! Я умею только воевать... Что я буду делать? Кому буду нужен без руки?

— Кому-нибудь, — отрезал лорд Даральд и отвернулся от меня, давая понять, что все, что я еще имею желание ему высказать, его не интересует. — Кэллегор, немедленно отправляйся ко мне домой и передай делле Хельге, что случай тяжелый, и я задержусь до вечера. И заодно привези деллу Исмираль. Пусть захватит мои инструменты. Она знает какие... Делла Исмираль — моя старшая дочь, — соизволил он сообщить, причем скорее Эльфину, чем мне. — Она единственная из детей... моих человеческих детей, я хочу сказать унаследовала мои способности. Ее целительный дар настолько силен, что я даже собираюсь отправить девочку на стажировку в Храм Леснички. Благодаря ее присутствию пациент ничего не почувствует.

— Погодите, — попытался я привлечь к себе внимание, когда Кэллегор ушел, — а согласие пациента никто не спрашивает? Речь идет о моей руке!

— Речь, милорд, — Эльфин присел рядом, — идет о вашей жизни. Вы прошли через рабство и лучше кого бы то ни было должны понимать: что бы ни случилось, надо жить дальше! Жить и надеяться...

Он еще что-то говорил — я практически не слушал, глядел в окно, где по серому осеннему небу плыли темные дождевые облака. День выдался пасмурный, серый, на душе у меня стоял такой же сумрак.

От размышлений меня отвлекло появление девушки с холодными глазами. Молча пройдя в комнату, она отдала лорду Даральду саквояж с инструментами и присела у изголовья моей постели, положив руку мне на лоб.

— Здравствуйте, — спокойно сказала на чистом эльфийском языке. — Мое имя — делла Исмираль. Я буду вашей сиделкой в первое время. Расслабьтесь. Сейчас вы уснете и ничего не почувствуете!

Я хотел было возразить, что невозможно не почувствовать, как тебе отрезают руку, но в этот самый миг глаза мои сами собой закрылись, и я словно провалился в темноту без чувств и сновидений.

Проснулся от звучания негромких голосов над головой. Во всем теле была слабость, во рту пересохло, не оставалось сил открыть глаза.

— Операция только что закончилась, лорд Веймар. — Это сказал женский голос. Кажется, он принадлежал той самой девушке с холодными глазами, дочери лорда Даральда.

— Если он не в состоянии меня выслушать, я зайду попозже, — ответил смутно знакомый мужской голос. — Известите меня, когда больной проснется...

— Он проснулся, — негромко произнес я, не открывая глаз.

— Что? — Рядом зашуршали женские юбки, прохладная рука легла на лоб, и я открыл глаза. Девушка с холодными глазами склонялась надо мной, трогала мои виски прохладными пальцами, что-то беззвучно шептала одними губами, и я в самом деле чувствовал себя немного лучше. Во всяком случае, тошнота прошла.

— Он в порядке? — из-за спины сиделки послышался мужской голос.

— Да, лорд Веймар, — кивнула девушка. — Думаю, что да.

— В таком случае, оставьте нас ненадолго одних. Хотя бы сходите и передайте вашему отцу, что его пациент пришел в себя.

— Да, лорд Веймар. — Девушка коротко кивнула и направилась к двери. — Но если что, сразу зовите меня!

— Добрый вечер. — В кресло возле моей постели уселся тот самый наполовину седой толстячок, которого я уже видел в ночь, когда меня привезли во дворец. Пристроив на коленях тонкую папку, он внимательно посмотрел мне в глаза. — Разрешите представиться — лорд Веймар делль Тирс, глава Департамента внутренней и внешней безопасности. Ваше дело было отдано под особый контроль, его величество король Кейтор лично поручил его мне.

— Благодарю вас, — прошептал я, шаря глазами по комнате. Стемнело, и у изголовья и на каминной полке зажгли свечи. Но меня интересовали не они, а стакан с водой — пить хотелось ужасно, а попросить я почему-то стеснялся. И еще — моя левая рука была до локтя закрыта полотном, и я боялся посмотреть, что там... э-э... осталось. Попытался пошевелить пальцами — и конечно, у меня ничего не получилось.

— Вам, наверное, интересно, как вы тут оказались? — деловым тоном поинтересовался лорд Веймар и открыл папку. — Благодарите ваших соплеменников. Мастеру Эльфину удалось заинтересовать его величество вашей судьбой, и, когда стало известно, что удивительного эльфа... мм... спрятали, он объявил вас в розыск, приказал обыскать весь Альмрааль сверху донизу. Ваш хозяин испугался и решил бежать, бросив вас на произвол судьбы в пустом запертом доме. Ваш слуга, Горо, ухитрился привлечь внимание городской стражи на воротах, благодаря чему бывшего хозяина арестовали. Поскольку он не является подданным Великой Паннории, мы были вынуждены ограничиться конфискацией имущества и высылкой из страны. Имущество, согласно закону, передали в казну, а поскольку это — вы, то...

— Отныне Данха-и-Нур — собственность Великой Паннории? — Я отвлекся от поисков стакана с водой.

— Отныне вы свободны. — Лорд Веймар порылся в папке и протянул мне исписанный лист гербовой бумаги. — Благодаря лорду Карадору Аметистовому у нас уже шесть лет идет на широкую ногу освобождение ваших сородичей. Вот здесь, — он хлопнул по стопке листов, — ваше «дело». Желаете ознакомиться?

— Сожалею, — я подержал лист, исписанный мелким почерком, и вернул его обратно, — но я не умею читать на человеческом языке.

— Тогда я распоряжусь, чтобы для вас документы перевели на эльфийский, — промолвил лорд Веймар и встал, захлопнув папку. — Поправляйтесь!

С этими словами он вышел, а ко мне бросились лорд Даральд и его дочь, захопотали вокруг в четыре руки, наконец-то дали воды, но, видимо, что-то подмешали в нее, потому что я провалился в сон, едва сделав последний глоток.

Второй раз проснулся ночью, оттого что, неловко повернувшись во сне, шевельнул левой рукой. Боль стрельнула в плечо, и я невольно вскрикнул. Надо мной тут же склонилось незнакомое девичье лицо. Несмотря на темноту (горела одна-единственная свеча), я узнал соотечественницу. Видимо, она сменила деллу Исмираль возле моей постели. Девушка ахнула, всплеснула руками:

— Милорд? Как вы себя чувствуете? Позвать кого-нибудь?

— Кто ты? — спросил я, силясь в темноте понять, кого мне так напоминает эта девушка.

— Ленирель, милорд...

— Ленимирель? — не поверил я своим ушам.

— Нет-нет, вы, наверное, бредите. — Эльфийка попыталась дотронуться ладошкой до моего лба.

Но было поздно. Сжав две ее руки в одной своей правой ладони, я заговорил. Все, что копилось в моей душе эти годы, сейчас выплескивалось наружу. То ли у меня действительно начался жар, то ли сказалось напряжение последних дней, но я высказал этой девушке все. Все те слова любви и нежности, которые так и не сказал моей Ленимирель, все свои чувства, которые так долго не находили выхода. Я вспоминал наши встречи, в том числе и ту, самую последнюю, на рабском торгу в Ирматуле. Говорил и говорил, не замечая, как меняется лицо невольной слушательницы, и, выговорившись, опять провалился в сон.

А когда проснулся, чувствовал себя гораздо сильнее и бодрее. Надо мной склонилось лицо Эльфина. И его выражение ясно говорило о том, что, пока я спал, произошло что-то важное.

— Доброе утро, милорд, — приветствовал он меня мягким негромким голосом. — Как вы себя чувствуете?

— Не знаю как, — честно признался я.

В теле уже не ощущалось той слабости, которая была прежде, но рисковать и проверять, смогу ли я встать на ноги, что-то не хотелось. Лежать, в конце концов, было так приятно!

— Вы что-нибудь помните?

Я вздохнул:

— Все.

— И то, что наговорили моей сестре?

— А что... Вы все знаете? — похолодел я.

— Да, — потупился молодой маг. — Она рассказала мне все. Но я готов поклясться, что ни одно из услышанных мною слов не выйдет за пределы этих стен. Мне не раз уже случалось быть поверенным чужих тайн. Возвращающиеся на родину бывшие рабы несли в душе много такого, о чем не скажешь родным и друзьям. Они рассказывали все это мне... Не беспокойтесь, я сумею сохранить и вашу тайну. Но вынужден задать вам один важный вопрос. Что вы намерены теперь делать?

Как мне ни было плохо, я рассмеялся:

— А что я смогу делать? Я всю жизнь воевал. Я мечтал о военной карьере с тех пор, как себя помню. Я воин... то есть до недавнего времени был воином. Теперь моя жизнь рухнула. Что мне делать? Я сам хотел задать вам этот вопрос!

— В таком случае... не согласитесь ли вы вернуться на Радужный Архипелаг?

— Зачем? Кому я там буду нужен? Я умею только воевать...

— Война давно кончилась. Настала пора строить мирную жизнь, растить детей... любить, если уж на то пошло. Меня самого дома ждет невеста. Вы должны возродить Дом Дармира. И потом, на Коралловом Острове я знаю одного маленького мальчика, которому вы наверняка понадобится.

— Мальчика? — не поверил я своим ушам.

— Да. — Эльфин вдруг взглянул на меня как-то странно. — В разгар войны, шесть лет назад, одной из Видящих было видение о том, что род Дейтемира Кораллового прервался.

Лорда убили, его младший брат и старший сын попали в плен и были казнены. Тогда все горевали о том, что пресеклась одна из древних родовых ветвей. Уже в конце войны стало известно, что в Ирматуле удалось выкупить буквально в самый последний момент дочь и младшего сына Наместника Кораллового, Эльдирель и Данемира. Я тогда подумал, что Видящие ошиблись, но после того, что казали вы, склонен верить в то, что они были правы, и у дейтемира Кораллового был только один сын. А юный...

— Данемир? — Я почувствовал, что у меня опять закружилась голова. Тот мальчик на помосте рядом с Ленимирель! — Он спасся?

— Да, лорд Тиндар Жемчужный выкупил его через подставных лиц вместе с сестрой. К сожалению, его мать не смогли купить — нужно было спасать детей. Лорд и леди Жемчужные успели помочь многим, жаль, что не всем.

— Данемир, — повторил я, глядя в расписной потолок.

— Два года назад мальчику грозила серьезная опасность, — продолжал Эльфин. — Если бы не самоотверженность моей невесты и преданность орков, он бы погиб. Сейчас он и его сестра остались совсем одни. Нет в живых даже опекуни, которая, кстати, и хотела его убить, чтобы проложить дорогу к высшей власти для своего сына. Так что теперь в поместье-столице Кораллового Острова двое сирот, которым очень нужен взрослый наставник, любящий и преданный. Наставник, который смог бы заменить детям отца.

Я поскорее опустил веки, чтобы молодой эльф не видел выражения моих глаз, но поднял их почти сразу, когда мастер Эльфин провозгласил:

— К вам тут посетитель. Желаете принять?

Посетитель возник в дверях и остановился на пороге, какой-то обветренный, даже вроде как постаревший, в человеческой одежде, которая сделала его еще меньше похожим на орка. Но те же самые черные глаза, подмигнувшие мне несколько дней назад из-под маски, внимательно смотрели в лицо.

— Ухарь? — Я приподнялся на локтях.

— Данха! — с видимым облегчением выдал полуорк и бросился ко мне.

Мы обнялись — я из осторожности действовал только одной рукой.

— Ухарь. — Глаза не отрывались от полукровки. — Как ты меня нашел?

— Долгая история, — отмахнулся приятель. — Когда ты так внезапно исчез из Найредды, господин Хашша решил, что ты сбежал. Но я был уверен: стряслась беда. И отправился тебя искать. К счастью, имя Данха-и-Нура уже стало широко известно, и мне быстро удалось напасть на след. Но тебя так часто перевозили с места на место, что догнать удалось только здесь. Я поклялся, что вытащу тебя, и в конце концов все получилось... Прости!

— За что? — Я из-за его плеча посмотрел на Эльфина Невозможного, который тактично отошел к дверям. — Ты не виноват в том, что произошло!

— Но это из-за меня ты стал калекой! — воскликнул Ухарь и коснулся моей культи. — Я... немного не рассчитал силу. Но мне очень хотелось, чтобы ты перестал сражаться хотя бы на несколько дней!

— Почему?

— Боялся, что тебя убьют или покалечат, — совершенно серьезно ответил полуорк. — И спасти тебя будет поздно. Тогда я решил — пусть это лучше будет дело моих рук, чем чьих-то посторонних!

— Спасибо, — сорвалось с моих губ. — Благодаря тебе я теперь никогда не смогу сражаться!

Полуорк скрипнул зубами и отодвинулся, отводя глаза.

— Что ж, — услышал я его голос, — зато теперь ты свободен. Так или иначе, я вытащил тебя из этого болота. Прощай и прости! Ты был мне другом...

С этими словами товарищ встал и направился к дверям. Я молча смотрел ему вслед. Мне хотелось окликнуть полуорка, сказать, что не сержусь, что свобода стоит искалеченной руки, но я почему-то молчал.

Несколько дней спустя мне удалось встать на ноги и покинуть комнатку, которую мне выделили.

В тот день за мной пришел Эльфин. Его сестра, леди Ленирель, которая с некоторых пор полностью заменила деллу Исмираль, помогла одеться и соорудила для моей левой руки перевязь. Лорд Даральд отрезал только кисть и сохранил все остальное, хотя людям с такой раной, как правило, во избежание заражения крови отнимали руку до локтя, а то и по плечо. Вместе с молодым магом пришли альфары Норрик и Горо, оба сияющие и счастливые. Но их радость показалась мне чрезмерной. Как-никак отныне я был калекой. Что делать дальше? Как жить? На эти вопросы пока не было ответа.

— Идемте, лорд Данкор. — Эльфин с улыбкой распахнул передо мной двери. — Вас желает видеть его величество король Кейтор.

«Тот самый рыжеволосый вечный мальчишка, чьим имуществом я отныне являюсь», — вспомнил я, следуя за своим проводником. Скажу откровенно: мне бы такое положение дел подошло больше всего — я за прошедшее время настолько отвык принимать решения, что был готов назвать своим хозяином любого, будь то человек, эльф или даже орк. Лишь бы избавили от мыслей о том, как жить дальше.

Мы прошли по королевскому дворцу, попадавшие навстречу люди не обращали на нашу компанию лишнего внимания. Такое впечатление, что здесь на каждом шагу встречались эльфы! Эльфин шагал впереди, я с Горо — за ним, а леди Ленирель и Норрик немного отстали.

Молодой маг провел нас в просторную комнату, там, развалившись в креслах, сидели трое — сам король Кейтор, лорд-врач Даральд Паннорский и эльф. Тот самый незнакомый эльф, которого я впервые увидел ночью, когда меня привезли сюда. Четвертым был лорд Веймар, скромно стоявший в отдалении.

— О, вы уже готовы! — Эльф вскочил при нашем появлении. — Выглядите прекрасно! А, что скажешь, Дар?

Лорд Даральд тоже встал и подошел ко мне. Взял за правую руку, внимательно заглянул в глаза, пощупал пульс и кивнул:

— Да, Карадор, он здоров. Во всяком случае, я сделал все, что в моих силах. Теперь дело за тобой!

Меня от души хлопнули по плечу, и я, решив, что от меня ждут решительных действий, сделал шаг и преклонил колено перед сидевшим в кресле королем:

— Мой господин...

Вокруг меня зазвучал смех. Громче всех смеялся король, размахивая кубком и обрызгивая вином все и вся.

— Каро, — воскликнул он, отхохотавшись, — тебя называли Шутником, но некоторые сородичи дадут тебе сто очков форы!.. Или у них у всех поголовно не все в порядке с чувством юмора!.. Веймар, — король, запрокинув голову, посмотрел на лорда делль Тирс, — надо что-то сделать с нашим законодательством, иначе меня скоро в рабовладельцы запишут! Они все говорят одно и то же! Встаньте и выпейте с нами! — Это уже относилось ко мне. — Вам что, ничего не объяснили? Веймар, как это понимать?

— Я заходил к лорду Данкору сразу после операции, — поджал губы толстяк, — но, видимо...

— Видимо, тебе пора в отпуск, — перебил его величество и сам потянулся наполнить кубок по новой. — Сразу после операции! Ты бы еще во время оной такие вещи сообщал! Он же был не в себе и просто ничего не понял!.. Вы свободны, — сказал мне король. — Так что вставайте и пейте!

Перед моим носом оказался кубок с вином. Наполненный лично королем.

— Сейчас вас заберет лорд Карадор Аметистовый для реабилитации, — продолжил монарх. — Он со всеми вашими занимается. Пристраивает их к делу, а некоторым помогает вернуться домой. Сам-то назад не спешит и вообще собирается принять гражданство Паннории... Да помогите ему кто-нибудь подняться!

— Спасибо, ваше величество, — медленно выпрямился я.

— Только потолок не поцарапайте макушкой, — пробормотал король и фыркнул.

Вокруг опять засмеялись, и я решил не обращать на сей факт внимания. В конце концов, я привык к тому, что мой рост заслуживает особого внимания и часто служит предметом шуток. Лорд Веймар торжественно вручил папку с моим «делом» — сверху лежал указ о том, что Данкор из Дома Дармира, лорд Кораллового Острова, объявлен свободным и волен распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению. Когда Карадор громко зачитал документ, все опять выпили, уже за него, а через несколько минут мы, эльфы и альфары, покинули королевский дворец и отправились в эльфийское посольство, где я должен был жить еще некоторое время до окончательного выздоровления.

— Вы не беспокойтесь, лорд Данкор, — заговорил Карадор, когда все спустились с крыльца к оседланным лошадям. — С начала войны вы далеко не первый эльф, которому мы с Кейтором помогаем. Леди Ленирель, например, три месяца назад вытащил из борделя именно я! — Он кивнул девушке, которая как раз проворно вскочила в седло своего коня и пристроилась в кавалькаде рядом с Эльфином и Норриком. — Ездил, понимаете, по провинции, решил расслабиться и поразвлечься, ну хозяин сего заведения и предложил мне... мм... экзотику. Представляете? Мне, эльфу — эльфийку!

Он запрокинул голову и расхохотался.

— Кстати, вам помочь... подсадить?

— Спасибо, не стоит. — Взявшись правой рукой за переднюю луку седла, затем вставил в стремя правую же ногу и, подтянувшись, взобрался на коня. — Простите... — Я неловко устроился в седле. Неловко — в первую очередь потому, что повод коня держал Горо, ехавший с другой стороны на муле, и руки мои оказались свободны. — Но его величество назвал вас... Карадором Аметистовым?

— Ну да, — открыто улыбнулся юноша, первым трогаясь с места, — я — бывший наследник Наместника Аметистового. Только меня изгнали.

— Вот как? — спросил я, поскольку собеседник явно ждал вопроса. — А почему это случилось?

— Интриги, борьба за власть... Все как всегда! — отмахнулся лорд Карадор. — Я — сын старшего брата Наместника Калливары, но мой отец погиб, не дождавшись венца Наместников, я долгое время считался наследником, ибо супругу моего дяди похитили, и он сразу не мог ее разыскать. Она умерла, оставив ему дочь, мою кузину Каллирель. Ее, кстати, нашел и вернул на Остров лорд Даральд Паннорский. Она в него влюбилась, родила ему Кэллегора, а он сбежал. Дядя долго его искал, чтобы женить на Каллирель, это означало, что я перестану быть наследником, ведь тогда, по законам Архипелага, венец ушел бы к лорду Даральду, как мужу дочери Наместника. По счастью для меня, Дар уже был женат на человеческой женщине. Тогда, кстати, я и познакомился с Кейтором, в то время еще принцем.

— И из-за этого...

— Нет, все случилось намного позже, — отмахнулся Карадор. — Мы вернулись на Остров без Даральда, Каллирель очень скоро выскочила замуж за нужного ее отцу лорда и родила дочь. Я воспрял духом — дочь дочери не может наследовать власть, а Кэллегор — полукровка, да еще и со способностями к магии. Совет Наместников ни за что бы не допустил к власти детей Каллирель, и венец все равно стал бы моим. Но тут началась последняя война с темноволосыми... ну та самая, вы знаете... Когда орки подошли к границам Аметистового Острова, они выслали парламентаров — мол, склонитесь перед Золотой Ветвью добровольно, или мы вас атакуем. Муж Каллирели тут же нацепил доспехи, помчался на войну и погиб, причем довольно нелепо — убили его лошадь, она упала, и лорд сломал при падении шею. Дядя стал готовить второе ополчение, и тут я заявил, что не стану сражаться против Золотой Ветви. Готов признать своим императором орка, только бы не губить сородичей. Ведь к тому времени уже были захвачены Коралловый, Янтарный, Сапфировый и Изумрудный Острова, война подступила к границам Нефритового,

Рубинового и Бирюзового... Судьба Радужного Архипелага висела на волоске, и я считал, что мы должны покориться. Вот тогда-то меня и изгнали.

— Да?

— Официально это называлось: «Возглавить операцию по спасению наследника Наместника», то есть эвакуировать Кэллегора в безопасное место, в Паннорию, к его отцу-человеку. А неофициально — вышибли под зад коленом, обозвали трусом и орочьей подстилкой и запретили появляться на территории Аметистового Острова. Даже указ где-то валяется. — Карадор цыкнул и сплюнул сквозь зубы на дорогу. — Я честно собирался исполнить свой долг — Кэллегор мне нравится, да и побывать в Паннории хотелось... Но на самой границе с Ничейной Землей на нас напали — отряд орков вместе с людьми и гоблинами. Половину перебили, а остальных захватили. Но тут нам повезло в первый раз — нас не разделили, а оставили всех вместе и вместе же погнали в Ирматул, на рабский рынок.

Я вспомнил свое собственное путешествие в столицу работорговли и содрогнулся. Карадор вспоминал о случившемся с легкостью, как о большом приключении.

— Меня выставили на торги первым, — продолжал юноша. — Ступив на помост, я заорал во все горло, что являюсь эльфийским лордом и близким другом принца Кейтора Паннорского, что со мной вместе в плен попал его родственник — Кэллегор, сын Даральда, двоюродного дяди Кейтора, так что тут я не соврал! Заорал, что это международный скандал и все такое... Я сам не помню точно, что кричал с перепугу, но тут мне повезло второй раз — мимо проходили орки...

— Орки? — Я не поверил своим ушам.

— Угу. Вы знаете, что князю Ирматульскому служат орки? Уже более сотни лет там существует орочья диаспора. Вот я и попался на глаза кое-кому из орочьей сотни. Меня тут же сняли с помоста и доставили к князю Терезию Ирматульскому. Он заставил меня повторить рассказ и послал гонца в Паннорию — дескать, знают ли в Альмраале Карадора по прозвищу Шутник и его племянника Кэллегора, сына принца Даральда. Лорд Даральд сам приехал за нами и доставил всех в Альмрааль. Оказывается, Кейтор уже несколько лет как стал королем — его старший брат, король Клеймон Третий, отрекся от престола в его пользу после скандала с королевой. Она приревновала короля к собственной дочери от первого брака и совершила покушение. Девушка умерла сразу, короля Клеймона Даральду еле-еле удалось вытащить с того света, но он остался инвалидом.

Я посмотрел на обрубок своей руки.

— Король Клеймон прикован к постели, — объяснил Карадор, проследив за моим взглядом. — Он пытался закрыть собой девушку, королева ударила его в спину и повредила позвоночник. Лорд Даральд вернул подвижность его рукам, но ходить король Клеймон не сможет уже никогда. Королеву казнили, несмотря на то что у нее остались три дочери-принцессы. Ее бы помиловали, но главным обвинителем выступал лорд Веймар дель Тирс, у которого, оказывается, на супругу монарха давным-давно было собрано огро-омное досье... Короче, я рассказал все Кейтору, он вошел в мое положение и предоставил политическое убежище. Вот уже шесть лет, как я неофициально возглавляю посольство в Великой Паннории. Мы с Кеем по мере сил выкупаем всех эльфов, которых продали в Паннорию. Некоторые с помощью Эльфина вернулись домой, другие пока еще живут здесь. Думаю принять гражданство Паннории, жениться и осесть в этой стране навсегда — дорого-то на родной Остров для меня закрыта!

— А вы хотели бы вернуться? — осторожно поинтересовался я.

— Очень хотел бы, — вздохнул Карадор. — Эльфин советует подать прошение на имя императора — дескать, пусть прикажет Наместнику Калливару разрешить мне вернуться. Да только я не уверен, что императору есть дело до единственного отдельно взятого эльфа! Так что пусть все остается как есть!

За разговором незаметно доехали до эльфийского посольства.

Перед нами оказался небольшой замок, стоящий в центре густого тенистого парка, где вековые деревья вытянулись вровень с крышами. Замок был полон народа — одних только

женщин и девушек в нем жило более полусотни, — и почти все высыпали на двор или на парадную лестницу, чтобы встретить меня. Особенно восторгались женщины — две сразу вцепились мне в локти, буквально повисли на вашем покорном слуге с видом победительниц и совершенно не замечали того, что у меня нет руки. Еще две атаковали Карадора, чему он ни капельки не сопротивлялся. Среди эльфов я увидел и нескольких женщин-эльфаров, которые энергично приветствовали Горо. Слуге с большим трудом удалось отбиться от соплеменниц и занять место подле меня.

Жизнь в замке кипела повсюду — от подвалов до чердака. Часть эльфов и эльфаров собирались в ближайшее время отправиться домой, на Радужный Архипелаг, вместе с Эльфином Невозможным, но некоторые желали остаться тут надолго. В основном это были женщины, потерявшие в войну всех своих близких и не желающие возвращаться на пепелище.

Замок был переполнен — достаточно сказать, что многие девушки и почти все дети и подростки жили в комнатах по двое-трое, а большинство эльфар и вовсе ночевали под лестницами, — но для меня Карадор нашел небольшую комнатку на первом этаже. Она оказалась возле выхода в парк, в котором я сразу полюбил гулять. Компанию в этих прогулках мне составлял только Горо.

Сам парк был небольшим — всего шагов тридцать-сорок от забора до окаймляющей замок гравийной дорожки, — но в нем вместе с дубами, липами, тополями и буками высадили деревья волшебного Белого Леса, так что изнутри парк был намного больше, чем могло показаться. Пока я болел, началась зима, но среди деревьев, благодаря магии Белого Леса, почти не виднелось снега, на многих кустах набухали почки, а кое-где под кронами мелькали белые, желтые и голубые первоцветы. Тропинок как таковых имелось очень мало, и я чаще ходил напрямик. Так можно было блуждать по парку целый день и всякий раз выходить на новое место.

Не желая попадаться кому бы то ни было на глаза — в первую очередь из-за соболезняющих взглядов, которые кидали на висящую на перевязи культу, я нарочно старался забраться в такие уголки, что потом сам не раз терялся, отыскивая дорогу назад. И вот, во время одной из прогулок, пробираясь вдоль ограды через густые заросли, увидел за кустами какое-то нежно-золотое пятно. Это могли быть только распущенные девичьи косы, а слабый дрожащий шепот подсказывал, что их обладательница не одна.

— Ух ты, — слышался восторженный мальчишеский голос, явно принадлежавший Норрику, потому что второй эльфар стоял рядом со мной и стремительно заливался краской, — какие они красивые... Можно потрогать?

Там, видимо, кивнули, потому что некоторое время были слышны только вздохи.

— Это чудо, — благоговейным тоном промолвил Норрик, и я, не готовый услышать от этого болтуна и балагура таких речей, невольно придвинулся ближе, чтобы посмотреть, что или кто заставил его так перемениться. — Ты это... ну... не заплетай их больше, ладно?

Стараясь двигаться как можно осторожнее, я подобрался достаточно близко, чтобы узнать в спутнице Норрика леди Ленирель, сестру Эльфина. Девушка сидела на камне, распустив свои длинные волосы почти до земли, а Норрик стоял рядом на коленях и гладил их рукой. И выражение лица у него было такое, что я ущипнул себя здоровой рукой.

— Почему я не должна их заплетать? — промолвила девушка.

— Потому что... — Норрик вдруг взял пряди ее волос в ладони и уронил в них лицо, — они как солнечные лучи, как лепестки цветов, как осенние паутинки на ветру, как вино, как родниковая вода, текущая между пальцев... как... как... ну... дотронешься, и словно мама поцеловала...

— Нет! — вскрикнула Ленирель и попыталась вскочить, но забыла, что ее волосы в руках у эльфара, и только встрепенулась, как раненая лань. — Ты сам не знаешь, кому ты это говоришь! Ты не должен мне этого говорить!

— Почему? — Норрик так и остался стоять на коленях, но теперь я видел его убитое и в то же время словно светящееся изнутри лицо в профиль.

— Ты сам не знаешь, что со мной было, что пришлось пережить... и сколько мужчин прошли через меня, — с горькой улыбкой шепотом закончила Ленирель.

— А ты не знаешь, через что пришлось пройти мне. — Альфар по-прежнему стоял перед эльфийкой на коленях. — Если бы не твой брат, меня бы давно либо повесили как грабителя, либо расстреляли из луков как дезертира. Тебя сделали рабыней, а я родился рабом. Но если все время оглядываться назад, никогда никуда не придешь. Пожалуйста, не уходи!

Ленирель, сделавшая было шаг прочь, остановилась. Девушка стояла ко мне спиной, длинные волосы закрывали ее почти до колен, Норрик подполз, обнял сзади ее ноги, зарылся лицом в ее волосы.

— Не отталкивай меня, — глухо пробормотал он. — Ты мне очень нравишься. Я — альфар, я намного ниже тебя по происхождению, да и по росту тоже... Но если бы ты хоть на минуточку, хоть один раз... я бы умер счастливым!

Они стояли неподвижно так долго, что я уже успел несколько раз обругать себя за праздное любопытство и решил уйти, чтобы не мешаться, но в момент, когда я сделал первый шаг, Ленирель обернулась, и мне на миг стали видны слезинки в уголках ее глаз.

— Ты тоже хочешь умереть? — прошептала она дрожащим голосом.

— Умереть в одиночестве, потому что никогда больше не встречу такой девушки, как ты! — воскликнул Норрик, вскакивая.

— Но я же... я...

— Это все в прошлом. — Он крепко взял ее за руки. — А в будущем...

— Ты уверен, что оно будет?

— Конечно! — Альфар усмехнулся своей обычной веселой ухмылкой и вдруг притянул Ленирель к себе, встав на цыпочки, чтобы хоть сравняться с нею ростом. — Я всегда в этом уверен! А ты?

Эльфийка не ответила, и я понял почему. Опустив глаза, попятился, чтобы не мешать этим двоим целоваться.

Горо следовал за мной по пятам и вздохнул с облегчением, когда мы отошли на безопасное расстояние. У моего слуги были совершенно малиновые уши, да и на щеках цвели яркие пятна, словно это его я застукал с поличным и успел примерно отругать. Но я молчал, уставившись на ближайший кусты.

— Какие будут приказания, мой господин? — через некоторое время нарушил молчание слуга.

Приказание вырвалось у меня прежде, чем я успел сообразить, чего прошу. У Горо округлились глаза.

— Меч? — прошептал он, не веря своим ушам. — Вы просите, господин, чтобы я принес вам меч?

— Да, — ответил я, не отводя взгляда от куста. — Норрик прав — все в прошлом. А будущее непременно будет. И я хочу быть к нему готовым.

С тех пор я не просто бродил по парку. Облюбовал небольшую полянку и упражнялся там до изнеможения, до дрожи в плечах и руке, снова учась сражаться. Всю жизнь, кроме раннего детства, я сражался двумя руками — или, как мастер Теор, двумя мечами или полутора-, а то и двуручным мечом. Теперь мне требовалось переучиваться, вспоминать или изобретать новую технику фехтования для одной руки. Первые попытки выходили неловкими, какими-то детскими, но постепенно я приспособился и даже понял, что мог бы достичь особого мастерства, если бы удалось чем-то занять культию. Например, как-то приспособить к ней щит.

— Великолепно!

Я даже вздрогнул, не ожидая столь лестного отзыва. Тем более от Норрика. Скажу правду — увлекся и полностью забыл, где нахожусь. Сегодня мне едва ли не впервые больше не мешала моя культия, и фехтование опять стало приносить удовольствие.

— Я тебя повсюду ищу, — как ни в чем не бывало заявил этот прохвост, подходя

ближе. — Хорошо, Горо раскололся — выдал, где ты торчишь в последние дни. Привыкаешь?

— Привыкаю, — осторожно ответил я, сверху вниз глядя на альфара. Тот никого не называл на «вы» и с титулованием, даже Эльфина. Единственным исключением был, кажется, король, хотя сам не слышал и ручаться не могу.

— Это хорошо. — Меня по-приятельски похлопали по локтю — выше этот мальчишка просто не доставал. — Я за тобой!

— В чем дело?

— Да так. — Он дернул плечом. — Тебя Эльфин ищет. Нужен ты ему. Пошли?

— Пошли. — Я сунул меч в ножны на бок.

— Ого! — Норрик даже забежал с той стороны, чтобы все лучше видеть. — Ловко у тебя получается!

— Я весь день тренировался, — не удержался ваш покорный слуга от похвалы. — Знаешь, как трудно все делать одной рукой? Не пробовал? И не надо! Приходится задействовать вот это!

Я поднял культю, которой только что прижал к боку свою перевязь, чтобы всунуть меч в ножны.

— Молодец! — воскликнул Норрик. — Жалею, что не поспорил...

— Ты о чем?

— Ну надо было с Карадором поспорить, долго ли ты пробудешь таким... ну... сам понимаешь... Ходил тут как в воду опущенный! Долго ли выдержишь и как скоро возьмешься за ум?

Сказать откровенно, мне было легко болтать с Норриком, особенно после того, как он сам невольно способствовал тому, чтобы я, по его словам, «взялся за ум».

Мы прошли к парадным дверям замка, и я увидел, что кроме Эльфина там еще находится и лорд Карадор, а слуги держат под уздцы нескольких лошадей. Эльфин и Карадор уже сидели в седлах, ждали только нас с Норриком.

— Мы куда-то едем? — догадался я.

— Конечно! И уже опаздываем, — ответил Карадор.

— Ты, прохвост! — напустился я на Норрика. — Не мог предупредить? Я бы хоть переоделся!

Сказать по правде, с одеждой у меня, самого высокого эльфа в Паннорской диаспоре, были большие проблемы. Если тунику я еще худо-бедно носил свою старую, ту самую, с низким вырезом горловины, приспособленным для того, чтобы всем был виден ошейник, который с меня, слава Покровителям, сняли еще перед операцией, то штаны, куртку и сапоги долго не могли найти. В конце концов для меня подобрали все это из человеческой одежды, а именно — выдали запасную форму кого-то из королевских гвардейцев, которые тоже не отличались маленьким ростом. Одежда была старая, и рядом с Карадором и Эльфином я смотрелся не слишком презентабельно. Ни дать ни взять старый, битый жизнью наемник, который временно оказался не у дел.

— Это совершенно лишнее, — отрезал Карадор. — Кроме того, мы действительно опаздываем. А король ждать не любит.

Король? Нас хочет видеть король? Но зачем? Почти полтора месяца с тех пор, как переступил порог этого замка, я не видел короля Кейтора и вообще никого из людей. Даже лорд-врач Даральд Паннорский не приезжал к нам, оставив жить своей жизнью.

Мы и правда спешили — пронеслись по улицам Ветхого города, даже не осмотревшись как следует. Впрочем, Эльфин и Карадор наверняка успели налюбоваться на красоты Альмраала раньше и научились не замечать их, но я совсем другое дело. Я только успел дать себе слово, что в один прекрасный день не спеша проеду или пройду по этим улицам, а наш небольшой отряд уже въехал на территорию дворца. Выскочивший вперед Норрик помчался докладывать о прибытии, и, когда мы поднялись по широким ступеням парадного крыльца, нас уже ждали.

— Вы вооружены? — Эльфин смерил меня взглядом. — Это хорошо, милорд. Идите рядом с нами так, чтобы всем был виден ваш меч!

И моя культа, ага! Однако спорить я не стал и пристроился рядом.

Вслед за вышедшим навстречу слугой мы прошли в приемный зал, где я наконец увидел всю королевскую семью, за исключением старшего брата короля Кейтора, который, насколько я помнил, уже почти пятнадцать лет был прикован к постели и не покидал своих покоев во дворце. Здесь присутствовала его младшая дочь, единственная еще не выданная замуж, девушка лет семнадцати. Она стояла между своими кузенами — старшим сыном короля и его кузеном Гайвороном, сыном лорда Даральда, и, судя по тому, как крепко принцесса держалась за локоть последнего, с ее замужеством уже почти все определилось.

У самого короля Кейтора было три сына, но здесь возле отца присутствовали только старшие, Даральд и Сейлор. Младший принц, тринадцатилетний Клеймон, был за что-то наказан и находился под арестом в своей комнате. Судя по выражению лица, с которым Карадор на ухо шепотом поведал мне эту подробность, эльф принимал активное участие в развлечениях малолетнего принца, но ухитрился уйти от ответственности — в силу того, что у него явно был большой опыт в подобных делах.

Кроме королевской семьи присутствовал и лорд Даральд, издав кивнувший мне. Карадор поспешил занять свое место слева от тронного возвышения, чуть ниже наследника и его братьев. Эльфин и я встали рядом с ним — молодой маг ближе, а я чуть дальше.

Каюсь, я много времени потратил на то, чтобы рассмотреть членов королевской семьи и их советников, которые находились тут же, а потому пропустил самое начало церемонии и опомнился, лишь когда в приемную залу, чеканя шаг, торжественно вступили...

Орки!

Их было десять, и по законам этой воинственной расы все они носили оружие. Восемь из них, как на подбор, оказались высокие, плечистые, с завязанными в хвосты черными волосами. Двое, шаман и относительно молодой еще мужчина без доспехов, шагали впереди. Самым интересным было то, что из восьми воинов двое были женщинами, отличавшимися от мужчин только длинными волосами, наличием груди и не такими выдающимися вперед челюстями.

— Правитель Империи Ирч Хаук Первый Золотая Ветвь нашими устами приветствует короля Паннории Кейтора Первого и желает, чтобы между нашими странами был мир, — гортанным голосом промолвил безоружный орк, сделав шаг вперед и коротко поклонившись.

— Это — Ультр аш-Тарда, — прошептал мне на ухо Карадор, — он уже четвертый год возглавляет посольскую миссию в Великой Паннории.

С этими словами эльф вышел вперед, подошел к орку и протянул ему руку для рукопожатия!

Скажу сразу — я вытаращил глаза и даже ущипнул себя здоровой рукой, не в силах поверить тому, что вижу. Эльф и орк спокойно стояли рядом и негромко разговаривали! Не ругались, не угрожали, а спокойно обсуждали какую-то проблему, как старые друзья! Для меня, всю жизнь воевавшего с темноволосыми, это было невиданное зрелище. Казалось, что мир перевернулся.

Обменявшись несколькими словами с Карадором, посол сделал шаг вперед.

— Ваше величество, — промолвил он, — нам стало известно, что в скором времени на север отправляется еще одна группа светловолосых, которые решили вернуться домой. Согласно приказу императора я готов предоставить в ваше распоряжение отборных воинов, которые будут обеспечивать охрану в пути!

Король Кейтор выслушал посла с таким видом, что мне стало ясно — подобный ритуал уже несколько раз проходил в этих стенах. Когда орк закончил говорить и широким жестом повел рукой в сторону вооруженной до зубов восьмерки, его величество вывернул шею, взглядом обращаясь к мастеру Эльфину, стоявшему в первых рядах советников.

Тот сделал шаг вперед, оперся на посох.

— Я благодарю вас, ваше величество, — промолвил он своим мягким негромким

голосом, — и вас, господа, — это относилось к оркам, — но у нас уже есть превосходный защитник. Думаю, ему я вполне могу доверить охрану эльфов. Разрешите представить — лорд Данкор из Дома Дармира, известный также как Данха-и-Нур, бывший гладиатор, не проигравший ни одного боя!

С этими словами маг взял меня за локоть больной руки и вывел вперед.

Какое-то время посол орков сверлил меня оценивающим взглядом. Я не сомневался, он сразу углядел мою культю.

— Да, — промолвил воин после короткой паузы, — я слышал это имя. И рад увидеть воочию того, кто его носит! Он стоит восьми наших воинов!

С этими словами посол прищелкнул каблуками, и, к моему удивлению, все восемь орков одновременно обнажили оружие, салютуя мне.

В день отъезда ко мне опять пришел Ухарь. Мы встретились у парадных ворот замка, где я проверял лошадей. Полуорк был в точно такой же форме, как и я — в мундире королевских гвардейцев, — только его одежда оказалась новой, с иголки.

— Данкор, — издалека окликнул меня товарищ, не решаясь подойти.

— Здравствуй, Ухарь! — Я махнул здоровой рукой. — Ты чего так долго не приходил?

— Не знал, хочешь ли ты меня видеть, — пожал тот плечами. — Я же тебе жизнь сломал... А тут услышал, что вы возвращаетесь на родину, и не смог устоять. Хоть попрощаться...

— Как ты будешь теперь? — помолчав, спросил я.

— Нормально! — усмехнулся полуорк. — Пока ты болел, я нашел теплое местечко — в королевской гвардии полукровок пруд пруди. А то, что я близко знал самого Данха-и-Нура, послужило такой прекрасной рекомендацией, что меня сразу сделали десятником. Так что думаю осесть в Паннории надолго.

— Ты... Мы... — Я прикусил губу. — Ты приедешь ко мне на Радужный Архипелаг?

— Если пригласишь, — усмехнулся Ухарь.

— Как только обживусь, сразу пришлю тебе приглашение! — обрадовался я. — Напишу лорду Карадору, он передаст.

— Ты только не затягивай с этим делом, ладно? А то знаю вас, долгожителей!.. И вот еще что, — полуорк вдруг толкнул меня в грудь кулаком, — если я женюсь и у меня будут дети, первенца назову в твою честь.

— Спасибо. — Я обнял друга одной рукой. — Мы обязательно увидимся!

Ухарь оставался во дворе, пока собирались остальные путешественники, и проводил нас до самых городских ворот, шагая вровень с моим конем. А потом долго махал рукой вслед...

История восьмая

Наставник наследника

К границе Радужного Архипелага мы прибыли в конце зимы, первую остановку сделали на границе Изумрудного и Нефритового Островов. Эти Острова сходились в одной точке, на которой стояла та самая застава, которая была первой атакована орками почти семь лет назад. Именно на ней служил медиумом Эльфин, и я догадывался, что он подъезжал к этому месту с особенным чувством. На заставе мы решили задержаться на некоторое время — несколько эльфов оказались с этих Островов, так что надо было отправить гонцов к Наместникам, чтобы те выслали сопровождающих. Как объяснил Эльфин, именно на плечи Наместников легли хлопоты по встрече и размещению бывших рабов. Они проводжали прибывших в поместье-столицу и посылали гонцов к их родичам. Если родственники обнаруживались, спасенного раба передавали им. Если же нет, ему или ей предлагали остаться в столице и начать жить сначала.

Неожиданно в дорогу засобирался и Норрик. Он несколько часов ходил хвостом за Эльфином и звенел на одной ноте. Альфар не давал магу покоя ни днем ни ночью и

последовал за молодым эльфом во двор, когда тот решил спастись на крепостной стене.

— Нупусти меня! Пусти, а? Ну пожалуйста, что тебе стоит? — повторял Норрик то и дело. — Я маму больше двух лет не видел! Она уже, наверное, и думать обо мне забыла!

— А ты не забыл, что тут кое-кто о тебе тоже должен помнить? — всякий раз осаживал Эльфин. — Вряд ли с лордом Инвемаром случилось что-то такое, что он о тебе забыл!

— Так я же не буду к его замку и близко подходить! — Норрик чуть не падал на колени. — Я только на маму и Озрика одним глазком гляну — и все!

Я уже слышал, что где-то в лесах Сапфирового Острова у Норрика остались мать и младший братишка, которых он не видел с того самого дня позднего лета, прошедшего два с лишним года тому назад, когда отправился разбойничать на большую дорогу и встретился там с Эльфином.

— Это же мой родной Остров, — уверял он. — Я возьму хорошего коня и нигде не буду останавливаться. Я все дороги и перелески знаю. Ну пожалуйста! Ну что тебе стоит?

— Мне уже стоило связаться с тобой, — в сердцах бросил Эльфин, — еще тогда, на болоте! А что будет, если ты натолкнешься на лорда Инвемара? Или, того хуже, не найдешь семью на прежнем месте? Что, если они решили куда-то перебраться? Где ты будешь их искать?

Норрик опустил голову и вздохнул.

— Если так, — промолвил он, — значит, судьба. А насчет лорда Инвемара... — альфар опять улыбнулся, — дай мне какой-нибудь амулетик, чтобы я кинул в него, а он взорвался!

— Откуда в тебе столько кровожадности, — вздохнул Эльфин. — Впрочем, учитывая, что с тобой хотел сделать этот лорд, я тебя понимаю. Нет у меня таких «амулетиков». Так что просто будь осторожен!

Отставив посох, молодой маг крепко обнял приятеля. Я, случайно оказавшийся поблизости, почувствовал себя неловко оттого, что подсматривал за сценой прощания, и попытлся, но, как оказалось, это еще был не конец.

— Ленирель! — выпутавшись из объятий Эльфина, вдруг заорал Норрик, глядя куда-то вниз, и я, дышавший воздухом родины на той же стене, почувствовал себя в ловушке — спускаться сейчас означало попасть на глаза девушке, которая не спеша шла через двор вместе со своими подругами. Она остановилась, подняла голову. Ее лицо озарилось слабой улыбкой.

— Представляешь, Эльфин меня отпустил! — заорал Норрик на весь двор. — Поднимайся сюда! Я тебе кое-что покажу!

Девушка переглянулась с подругами и стала подниматься по крутым ступеням на крепостную стену. Попавшийся ей на пути стражник вежливо подал руку.

— Ленирель? — изумился Эльфин. — А почему разговариваешь на «ты» с моей сестрой, Норрик?

Тот быстро шагнул к девушке и взял ее за руку.

— Надеюсь, ты не будешь орать на меня, как лорд Оссир? — промолвил альфар, блестя глазами из-под челки. — У нас все взаимно, честное слово... Я знаю почему хочу маму найти? Чтобы спросить ее...

— Что-о? — вытаращил на него глаза Эльфин. — Ты хочешь сказать, что ты и моя сестра... что ты с нею...

— Эль, пожалуйста, — пролепетала девушка.

— Я серьезно, Эльфин! — заторопился Норрик. — Я жениться хочу... только нужно, чтобы все согласились. Я хотел предложение сделать, чтобы все было по-честному!

— Так ты... ты и она...

Я решил выйти на свет, пока эти мальчишки чего-нибудь не натворили, и, подойдя, положил здоровую руку на плечо Эльфина:

— Ты лучше спроси у своей сестры, готова ли она принять предложение Норрика?

Мы вдвоем уставились на девушку. Та стояла, потупившись и рассматривая носки своих туфель.

— Ленирель? — позвал Эльфин. — Что ты скажешь? Вместо ответа девушка просто несколько раз кивнула.

— Ох... — Молодой маг покачнулся, и я выставил локоть, на который он оперся. — Моя старшая сестра... и мой друг... Я никогда не думал... Что же мне делать?

Он спрашивал совета у меня, и я сказал:

— Если ты остался старшим мужчиной в семье, можешь сам решать, отдавать ли тебе сестру замуж. Если у тебя жив отец или старший брат, все это будут решать они.

— Я старший, — проворчал Эльфин с таким недовольным видом, что мне пришлось невольно улыбнуться. Ему, видимо, не пришлось расти вместе с четырьмя сестрами, две из которых старше его!

Влюбленные тем временем устали друг на друга, взялись за руки. Сейчас было ясно видно, что альфар ниже ростом избранницы, но, похоже, это никого не волновало.

— Я вот тебе хотел... — выпустив одну ее руку, он стал судорожно шарить за пазухой, — давно хотел тебе подарить, да стеснялся... На, возьми. Эта брошка «чистая». Я ее не украл. Она сама мне в руку прыгнула... Вон Эльфин не даст соврать!

На руке у альфара лежала большая округлая брошь такой изумительной красоты, что я невольно почувствовал зависть. Никогда ни одна из моих сестер не носила ничего подобного — у нашего отца не было средств на подобные украшения.

— Мы нашли ее в старых развалинах еще два с половиной года назад, — шепотом промолвил Эльфин. — Он все это время таскал ее с собой. Я был уверен, что Норрик ее где-то потерял или продал.

— У меня больше ничего нет, — смущенно промолвил тем временем альфар, — но, надеюсь, ты не откажешься выйти за меня замуж?

— Не откажусь, — улыбнулась Ленирель, принимая подарок и прикалывая его к груди.

Два часа спустя, поцеловав на прощание невесту и взяв коня, Норрик ускорился в самое сердце Сапфирового Острова. Мы с Эльфином долго стояли на крепостной стене, провожая отчаянного всадника взглядами. Со слов молодого мага я знал, что у альфара там остались не только мать и младший брат, но и смертельный враг, и оба гадали, чем закончится поездка.

Первым прислал гонцов Нефритовый Остров — его молодой Наместник, лорд Эльдар, был легок на подъем и всегда держал под рукой десяток всадников на всякий случай. Вторым нашу заставу посетил гонец самого лорда Шандиара Изумрудного. Забрав своих, он уехал, а мы остались ждать, когда же появится Норрик, которому уже пора было возвращаться. В ожидании на крепостной стене теперь простаивали трое — Эльфин, беспокоившийся за друга, леди Ленирель, тревожившаяся о женихе, и ваш покорный слуга, которому между обязательными ежедневными тренировками просто нечего было делать. Иногда к нам присоединялись Горо и Татва — они тоже ждали возвращения Норрика.

— Скачут! Скачут!

Крик взбудоражил всех. Даже многие рыцари, жившие на заставе, побросали дела и поспешили присоединиться: нам.

Несколько всадников мелькали между перелесками, то ныряли за рощи, то выскакивали на открытое пространство. Все вокруг было покрыто островками леса, так что ничего удивительного не было в том, что всадники приближались отнюдь не по прямой. Но прошло несколько томительных нут, прежде чем мы узнали переднего.

— Норрик!

Пригнувшись в седле, скорчившись, чтобы уменьшить площадь поражения для стрелков, альфар скакал к заставе, преследуемый по пятам десятью всадниками. Никто не нал, кому принадлежит герб на их плащах, разве что синяя одкладка и синие же обшлага на одежде свидетельствовали о том, что эти эльфы — жители Сапфирового Острова.

— Лорд Инвемар! — воскликнул Эльфин, взглядевшись в среднего всадника. Ленирель рядом с ним тоненько пискнула и вцепилась в брата. Тот сердито стряхнул руку сестры — было ясно, что Норрик все-таки попался, и нужно думать, как его выручать.

Альфар тем временем приближался к заставе, и Эльфин бросился бегом вниз. Ворота

все еще оставалась распахнутыми настежь, но в проеме уже суетились стражники. Они отогнали любопытных во двор и поспешили занять оборону.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался маг у одного из воинов.

— Между нашими Островами мир, но, если они атакуют, мы будем вынуждены принять бой, — ответил эльф. — Нападение повлечет за собой нарушение мирного договора, но мы обязаны следовать инструкции — всякого, кто приближается к заставе с внешней стороны, надлежит встретить в полной боевой готовности!

— Вы не можете запереть ворота перед Норриком, — заявил Эльфин. — Он ищет у нас помощи!

Приятель уже скакал в прямой видимости от заставы, не останавливаясь, он ворвался в ворота, едва не разметав эльфов и чудом не задев Эльфина конем.

— Закрывай ворота! — кричал десятник.

Тяжелые створки стали сходить, повинаясь натяжению цепей. Я кивнул Горо, который все это время приплясывал возле меня, и тот бегом бросился вниз, прыгая через три ступеньки.

На дворе Норрик тяжело осадил роняющего пену, наполовину загнанного коня, и только тут стало ясно, почему он скакал, согнувшись в три погибели. Спина всадника прикрывал мальчишку со светлыми эльфийскими волосами, из которых торчали кончики длинных альфарьих ушей. Мальчик вцепился в Норрика так, что судорожно сведенные детские ручонки пришлось разжимать силой.

Я не успел как следует насмотреться на эту странную пару — преследователи подсккали к запертым воротам, прогрохотав конскими копытами по подъемному мосту, который в спешке не успели поднять, лорд Инвемар заколотил кулаком по створке ворот.

— Эй, вы там! — заорал он. — Отворите! К вам проник преступник, дезертир и грабитель, дважды приговоренный к казни за свои злодеяния. Отоприте немедленно, иначе мы будем вынуждены атаковать вас!

В доказательство серьезности намерений несколько всадников вскинули луки — и любопытствующий я поспешил убраться под защиту каменных зубцов. На мое счастье, стреляли они не прицельно, иначе эта история могла бы закончиться прямо тут, на крепостной стене.

— Вы проникли на территорию Изумрудного Острова, атаковали его заставу! — крикнул в ответ десятник. — Вы понимаете, что это означает?

— Выдайте нам преступника, и мы уйдем! А иначе атакуем!

Я быстро спустился со стены во двор. Там Норрик, все еще прижимающий к себе мальчишку, стоял в окружении Эльфина, Татвы, Горо и Ленирель. На меня он не смотрел — взгляд его был прикован к воротам и десятнику, ведущему переговоры. Я пораился перемене, происшедшей в нем. Он словно повзрослел на несколько лет и стал выше ростом.

Десятник обменялся с лордом Инвемаром еще несколькими словами, после чего подошел к ним. На Норрика воин не смотрел, обращаясь к Эльфину.

— Он прав, — вздохнул эльф. — По закону преступник не имеет права искать на соседних Островах защиты от правосудия. Другое дело, — боец бросил взгляд на ворота, словно те должны были вот-вот распахнуться под натиском конников, — что мы сами можем казнить его. В этом случае могу обещать, что казнь будет быстрой и легкой. А этот лорд явно мечтает сначала как следует поиздеваться над осужденным.

— Нет! — чуть ли не хором выдохнули леди Ленирель и Горо и с двух сторон вцепились в локти Норрика.

Тот сверху вниз посмотрел на мальчика, не отходящего от него, а потом с усилием оторвал его от себя и сунул Ленирель.

— Его зовут Озрик, — сказал альфар. — Позаботься о нем. У него больше никого не осталось, кроме меня... Мама умерла. Еще той зимой. Я не мог оставить его одного.

Мальчишка весь дрожал и цеплялся за Норрика, не желая отпускать даже на минуту.

— Погодите, — остановил я всех.

На меня воззрились так, что я чуть было не извинился и не отошел в сторонку, чтобы не мешать прощаться.

— Погодите, — повторил, опомнившись. — У меня есть идея... Горо, немедленно неси мне щит!

— Что? — Оруженосец округлил глаза.

— Щит, — повторил я. — Коня, меч, доспехи. Быстро! Альфар и десятник округлили глаза еще больше и кинулись в разные стороны.

— Я понимаю, что вы хотите сделать, — сказал Эльфин. — Но сможете ли?

— Должен попробовать, — кивнул я.

Вместе с Горо десятник быстро облачил меня в боевые доспехи. На культию я надел металлическую перчатку, десятник туго-натуго примотал ее к предплечью, эту импровизированную «руку» я всунул в ремень щита. С помощью придерживавшего стремя Горо взобрался в седло и выехал за ворота.

Снаружи меня ждал десяток воинов, а впереди — рыцарь, придерживающий напряженно приплясывающего коня.

— Что это? — Вскинулся он, когда я в одиночестве проехал по опущенному мосту и поравнялся с ним.

— Предлагаю поединок, — спокойно ответил я ему. — Один на один. Победителю достается спорный альфар.

— Что? — Рыцарь сдвинул забрало шлема вверх, позволяя увидеть свое лицо.

— Если одолею я, то вы, высокий лорд, отправитесь восвояси и оставите альфара наедине с его судьбой. Если одолеете вы, то никто и ничто не помешает вам сделать с ним все, что пожелаете.

Лорд Инвемар с интересом посмотрел на меня:

— Не имею чести знать ваше имя, лорд... э-э...

— Я никогда не был на Сапфировом Острове, но до войны на Коралловом Острове мое имя было широко известно. Я — лорд Данкор из Дома Дармира, один из телохранителей Наместника Дейтемира Кораллового. — Я не вдавался в подробности. — По закону чести после смерти моего господина должен был оставить ремесло телохранителя и дал себе слово никогда не возвращаться на Коралловый Остров. Я путешествую по миру и всюду, где могу, предлагаю свой меч.

— Наемник? — скривился лорд Инвемар.

— Я — лорд, по происхождению равен вам. Мое предложение никоим образом вас не обесчестит!

— Хорошо, — помолчав немного, произнес рыцарь. — Но биться мы будем здесь и сейчас, не сходя с этого места.

— Принимаю, — кивнул я. — Начнем?

Лорд Инвемар позвал оруженосца и вместе с ним в считанные минуты приготовился к бою, то есть поверх легкой кольчуги надел броню и наручи. Ему тоже подали щит и меч, что было встречено мною с одобрением, ибо я при всем желании не мог воспользоваться другим оружием. После этого его спутники рассредоточились, заключив нас в кольцо.

Последний раз техникой конного боя я пользовался много лет назад, еще когда служил в Коралловых Зубах, но надеялся, что ничего не забыл. Крепко сжав коленями конские бока, шенкелями послал скакуна вперед, решив атаковать первым.

Мечи ударили о щиты практически одновременно — лорд Инвемар тоже не был настроен на долгие хождения вокруг да около. Наши кони закрутились на месте, осыпая противника укусами и ударами копыт. Встав на стременах и держась только коленями, мы с лордом Инвемаром рубились. Я забыл обо всем на свете, о том, что у меня нет руки, о том, что я дал себе слово не сражаться, что боялся сражаться. Я сейчас опять был великолепным Данха-и-Нуром, который не может уйти с арены, не победив. У моего противника имелись две руки, но он не сражался за свою жизнь на протяжении нескольких лет. У него не было моего опыта выживания, он не прошел через то, через что пришлось пройти мне. Я был

сильнее, несмотря ни на что.

Сверху за нашим боем, затаив дыхание, наблюдали заинтересованные лица. Не оборачиваясь, я чувствовал их взгляды — зрители всегда оказывали на гладиаторов особенное влияние. Спутники Инвемара переживали за своего лорда, но с их стороны не прозвучало такого испуганного вопля, какой раздался с крепостной стены, когда от страшного удара мой щит треснул.

— Бой не окончен! — воскликнул я прежде, чем лорд Инвемар открыл рот. Противник тут же обрушил на мой щит новый удар. Во все стороны полетели щепки — сил лорду было не занимать. Страхнув с кисти обломки щита, я метнул их прямо в коня соперника, заставив его заплясать на месте.

— Силы не равны, — сказал я. — Предлагаю вам избавиться от щита, спешиться и продолжить поединок на земле одними мечами.

Лорд Инвемар не стал сопротивляться. Оставив коней, мы встали друг напротив друга. Я спрятал левую руку за спину, как делал все время на тренировках, но легче моему противнику от этого не стало. На него обрушился такой град ударов, что он сначала был вынужден отступить, а потом и вовсе перехватить меч двумя руками, чтобы хоть как-то удержать взятый мною темп.

Впрочем, у лорда не имелось шансов. За моей спиной стояли десятки гладиаторских поединков не на жизнь, а на смерть, я был выше ростом, сильнее, моложе. Этот бой просто не мог закончиться по-другому. Улучив минуту, я выбил меч из руки лорда и приставил острие к его горлу:

— Сдавайтесь!

Он стрельнул в меня недовольным взглядом из-под шлема:

— Сдаюсь!

— Признаете ли вы свое поражение?

— Признаю...

— Признаете ли, что я победил честно, без использования запрещенных приемов и посторонней помощи, соблюдая все условия поединка?

— Признаю...

— Признаете ли вы мое право распоряжаться судьбой альфара по имени Норрик?

— Приз... — он заскрежетал зубами, но ритуал требовал ответа на все вопросы, — признаю...

— В таком случае не смею больше вас задерживать. — Я убрал меч и откланялся. — Наш договор предписывает вам немедленно покинуть место поединка. Желаю удачи!

С этими словами я развернулся и направился к своему коню. Я не опасался превосходящих сил противника, его рыцарей — после того, как лорд трижды признал мою правоту, никто из них и пальцем не шевельнет, чтобы чинить преграды.

Я скорее догадался, чем услышал и тем более увидел, что собирается сделать лорд Инвемар. И еле успел развернуться, взмахнув рукой — брошенный Инвемаром стилет впился и застрял в примотанной к культе перчатке, не причинив мне особого вреда.

— Вот как вы чтите законы поединка? — промолвил я, глядя прямо в перекошенное лицо противника. — Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что теперь я могу вас убить, и никто не станет мне мешать! Ваше счастье, — продолжал я, наблюдая, как постепенно вытягивается лицо знатного вельможи, — что я дал клятву никогда не убивать эльфов. Нас и так осталось слишком мало после той бойни, которую учинили темноволосые. Поэтому я лишь приказываю — именно приказываю, потому что ваша жизнь находится в моих руках! — немедленно покиньте это место. Иначе я за вашу сохранность не дам и ломаной подковы! Убирайтесь, если вам еще дороги остатки вашей жалкой чести! И молитесь Покровителей, чтобы они уберегли вас от подобных поступков впредь! Ну?

Ворча сквозь зубы, лорд Инвемар стал собираться. Я молча наблюдал, как он подбирает со снега меч, как ругается на оруженосца, помогающего господину снять шлем, как, волоча ноги, идет к своему коню. Он не пытался больше на меня напасть и хоть как-то спорить,

отстаивая свои права, хотя я видел по глазам, что ему очень хочется меня придушить. Но собственные рыцари не дадут ему трепыхнуться, либо закроют меня своими телами, перейдя на мою сторону, либо спеленают лорда по рукам и ногам. Так что сейчас Инвемар спасал не только свою честь, но и верность присяге собственных спутников.

Я застыл неподвижно, наблюдал, как уезжает лорд. Выстроившись двойной колонной позади, некоторые рыцари бросали на меня взгляды — то ли хотели запомнить получше, то ли колебались, проверяя верность своего выбора. Я не шевелился и стоял столбом, пока они не отъехали на приличное расстояние, после чего взял коня за узду и пошел к заставе.

Меня встретили распростертыми объятиями. Первым, кто подлетел приветствовать меня, был Норрик. А поскольку мальчишка так и цеплялся за него, на моей шее повисли сразу двое. Я выдержал, но, когда таким же манером меня захотела отблагодарить леди Ленирель, взмолился:

— Задушите!

— Спасибо вам, милорд. — Девушка отступила назад. — Вы рисковали собой...

— Ерунда, — отмахнулся я. — Данха-и-Нур никогда не проигрывал поединки.

— Но этот стилет... мы все видели!

Я поднял левую руку. В перчатке так и торчал стилет, застрявший между пальцами.

— Ничего... — Примерившись, вытащил его. — Перчатка от этого не выйдет из строя.

— Благодарю вас, — подошел и Эльфин. — Норрик мой друг. Мне было бы жалко его потерять. Но лорд Инвемар... Если бы вы знали... Он действительно однажды чуть было не казнил Норрика...

— Причем за дело, — хихикнул тот, снова обретая живость характера. — Я его остановил на большой дороге и не просто хотел грабануть, но и прикончить заодно, чтобы не оставлять свидетеля. Но потом лорд дважды меня спас, так что я перед ним в двойном долгу. А теперь еще и перед вами...

— Я просто выполнял долг воина. Да и не мог оставить несчастной такую девушку. Простите, леди Ленирель. — Оборвав разговор, откланялся и отправился в казармы, чтобы немного отдохнуть.

Буквально на другой день приехали посланцы лорда Раванира Сапфирового, увезли своих, так что на попечении Эльфина остались лишь трое девушек-эльфик и двое альфаров — женщина и подросток ненамного старше Озрика. Две эльфийки оказались с моего родного Кораллового Острова, а третьей была Ленирель, так что мы могли больше не задерживаться на заставе и двинулись дальше. Что же до альфаров, то по традиции ими никто не интересовался. Оставшиеся женщина и подросток решили следовать за нами. Вернее, за Горо — в последнее время я заметил, что он и альфара очень часто обмениваются нежными взглядами. Признаться, я начал даже ревновать — мы с Горо столько времени оставались одиночками, что сейчас мне было жаль думать, будто и он может захотеть создать свою семью.

По календарю зима уже кончилась, но на деле она и не думала заканчиваться. По-прежнему ночами было довольно холодно, временами шел снег, а солнце еле-еле проглядывало из-за низких туч. Зима явно не спешила уступать свои права. Впрочем, по словам Эльфина, холода задержались ненадолго, так что нам стоило поторопиться, чтобы распутица не застала в пути.

А путь был неблизким. Далеко не все Острова Радужного Архипелага имеют общие границы. Большинство отделено друг от друга полосами так называемой Ничейной Земли. Где-то они узкие — можно пересечь буквально за час неспешного шага, а в других местах путь от одного Острова до другого занимает несколько дней. Самый западный, Жемчужный, так и вовсе отделен от остальных герцогством Эвлар. А Серебряный отгорожен от соседнего Обсидианового горным массивом, сердце которого занимает Плоскогорье, в сторону которого и в лучшие времена эльфы опасались поглядывать. Так что сейчас наш путь лежал по Ничейной Земле.

Формально эти места сейчас тоже принадлежали к Империи Ирч, но на самом деле тут за шесть лет господства орков ничего не изменилось. Ничейная Земля представляла собой лесные массивы, перемежавшиеся лугами, болотами и старыми пожарищами. Здесь жили люди, бежавшие из Ирматула, Вольных Княжеств и северной Паннории, попадались поселения гоблинов, урюков, вольных светлых и темных альфаров, лесных и болотных троллей и некоторых других ныне малочисленных, вымерших в остальных местах племен. Ни эльфы, ни орки не спешили занимать Ничейную Землю. Как память о былых временах, тут кое-где еще высились развалины старых эльфийских замков, но уже во времена короля Торандира Последнего царили безвластие и хаос.

Впрочем, орки-то как раз и начали понемногу заселять пустоши. На второй день пути ближе к вечеру мы наткнулись на довольно большое поселение темноволосых — на холме высилось девять низких, в три-четыре венца, бревенчатых сруба под соломенными крышами, а рядом стояли клетки для скота, высотой превышающие жилые дома. Все поселение было огорожено от диких зверей тыном.

Когда мы поравнялись с деревушкой, солнце уже коснулось краем макушек деревьев. Я бы ни за что не стал останавливаться тут на ночлег, но Эльфин заметил странную суету за тыном и решительно свернул в ту сторону. К моему удивлению, ему сразу открыли ворота, и он, сделав нам знак подождать, спешился и вошел внутрь.

День успел догореть и погаснуть, а мага все не было. Мы устали ждать. Горо и Норрик натаскали хвороста, мы разожгли костер, на котором стали готовить ужин — разогревать подстреленную вчера дичь и остатки лепешек, которыми нас снабдили на заставе. Потом устроили из лапника навесы от ветра и возможного снегопада и уселись вокруг костра.

Норрик и Ленирель уселись напротив вместе с мальчишкой Озриком. Тот так и цеплялся за старшего брата, и лишь леди Ленирель вызывала у него чувство, близкое к восхищению. Ко всем остальным, включая Эльфина, мальчишка относился с настороженным любопытством, а меня так и вовсе побаивался, несмотря на то что я спас жизнь его брату. Но в глазах маленького полукровки я был в первую очередь эльфом-воином, а они с самого конца войны охотились на беглых альфаров, как на дичь, чтобы силой вернуть в замки и заставить работать.

Эльфин появился поздно ночью, когда все женщины и подростки уже спали, а бодрствовали только я и клевавший носом Горо. Вместе с ним пришли три орка. Принесли выделанные шкуры, молоко в глиняном горшке, несколько кусков сыра и хлеб грубого помола. Все это с поклонами было предоставлено нам, после чего орки растаяли в темноте.

— Что там было? — мигом подсели мы к Эльфину, который, отставив посох, протянул к костру чуть подрагивающие ладони.

— Ничего особенного, — промолвил маг. — Трудные роды. Я слышал, что орчихи справляются сами, но тут дети застряли в матери так, что пришлось заталкивать их назад и разворачивать в утробе. Кроме того, рожала сноха старейшины, это были ее первые роды, и все считали, что в дело вмешались злые духи. Своего шамана у них пока нет, так что помочь им мог только я. Конечно, я никаких духов не почувствовал, но пришлось немного подыграть. Зато на свет появилась отличная двойня. Не сомневаюсь, что одного из мальчишек они сделают шаманом. А это все, — он обвел рукой шкуры, молоко, хлеб и сыр, — дары от благодарных орков. И еще я ужасно устал, так что давайте отдыхать!

С этими словами он взял одну из шкур, завернулся в нее и устроился с краю под навесом.

Два дня спустя мы оказались на развилке, нужно было выбирать — либо свернуть влево к Рубиновому и соседнему с ним Аметистовому Островам, либо двигаться прямо, к Коралловому. До Рубинового Острова было ближе, всего несколько часов пути. А до границы с Коралловым пришлось бы добираться еще полдня. И путь этот пролегал отнюдь не по широкой накатанной дороге.

— Признаюсь, я лишь однажды ездил этими местами, — сказал Эльфин. — Чаше мы останавливались на границе Рубинового Острова и ждали там. А уж Наместник Моррир

Рубиновый сам обеспечивал беженцам с Кораллового Острова охрану и проезд до дома.

— Что ж, последуем вашему совету, — кивнул я. — И отправимся на Рубиновый Остров. Это близко?

— Да. — Эльфин показал рукой. — Вон, видите реку? Вдоль ее берега всего пара часов хорошей рыси. Правда, из этих двух часов один придется проехать краем болота. Впрочем, сейчас еще слишком холодно для троллей...

— Там водятся болотные тролли? — догадался я.

— Да, но обычно мы ездили большими группами по двадцать и более эльфов и пять-шесть альфаров, так что они опасались нападать на нас. Сейчас нас всего, — маг окинул взглядом маленький отряд, — одиннадцать, из них пятеро мужчин и двое детей. Так что стоит смотреть в оба.

— И надеяться, что тролли недостаточно оттаяли от спячки, — кивнул я. — Кроме того, не стоит забывать, что среди нас — горный тролль и настоящий маг!

Болотные тролли — существа довольно агрессивные и тупые, отличаются не только уродливой внешностью, но и дурными наклонностями. Питаются не только теми, кого подкарауливают на болоте, но и своими сородичами. Болотные тролли владеют магией, могут мастерски отводить глаза, менять облик и окружающий мир, так что без волшебника в походе на этих существ не обойтись. С территории Радужного Архипелага их выбили много веков назад, но небольшими группами они иногда прорывались в приграничье, проходя вместе с гоблинами и людьми, так что иногда желающие показать свою доблесть молодые эльфы устраивали на них облавы. Случалось и мне поприисутствовать на подобном мероприятии — через несколько дней после свадьбы старшей сестры ее новоиспеченный муж, Эти-рир, отправился на охоту за болотными троллями и взял меня с собой, чтобы я, тогда еще оруженосец, полюбовался на этих тварей.

Такие воспоминания владели мною, когда наш маленький отряд двинулся в путь.

Впереди широким быстрым шагом, позволявшим лошадям поспевать за ним рысцой, двигался тролль Татва, держа на плече дубину, а на поясе, вместо ножа, меч. Весь его облик был настолько внушителен, что он мог одним своим видом распугать половину грабителей. Эльфин надеялся, что присутствие горного тролля удержит болотных соплеменников от нападения.

Сам молодой маг ехал за ним, держал уши и глаза открытыми, чтобы вовремя почувствовать магию болотных обитателей. За ним спешили девушки, женщина-альфара и Горо, который отчаянно трусил и, если бы мог, вообще не поехал этой дорогой. Но в случае чего именно он должен был увести девушек прочь, подальше от беспокойного места.

— Эй, вы там! Особо не волнуйтесь! — кричал время от времени Норрик. — Тут самое главное, чтобы с тропы не сворачивать. Чем дальше в болото заберемся, тем лучше — тролли не успеют перекрыть всю дорогу, так что вам останется лишь скакать вперед. Покинете болото, а там заставу и слепой найдет. Главное — с тропы никуда не сворачивайте!

— Умеешь ты подбодрить, — не удержался я от подколки.

— А что? — невинно округлил глаза собеседник. — Я же просто так! Да ты сам посмотри, Данкор, тропа ровная, правда, малоезжая, ну да это понятно — с такими-то соседями... Ее обычно патрулируют... то есть, наверное, должны патрулировать, раз она проходит так близко от границы и...

— Должны, — кивнул я, вынужденно соглашаясь, — вернее, должны были в мирное время. Сейчас, после войны, у Наместника Рубинового может просто не хватать воинов. Десяток, который сидит на заставе, контролирует разве что тот участок приграничья, который непосредственно виден с крепостных стен. А болотные тролли так близко не подбираются. Я знаю, я один раз принимал участие в облаве...

— Ух ты! — так и подпрыгнул в седле альфар. — Расскажи!

— Потом, — отрезал я, озираясь по сторонам. — Они где-то здесь!

— Где? — Норрик тоже завертел головой. — Эльфин ничего не чувствует! Он бы давно поднял тревогу...

— Или тролли его обдурили, — подумал вслух я. — Что-то мне тут не нравится...

— Да пустяки! — отмахнулся Норрик, однако улыбаться о весь рот прекратил и опять махнул рукой ехавшим впереди девушкам: — Ленирель! В случае чего береги Озрика! У него никого нет, кроме меня!

— Норрик, я хочу к тебе, — тут же раздался мальчишеский голосок.

— Не орать, — пришел мне на помощь Эльфин. — Всех болотников приманить хотите? Они на крики идут!

— Да уж, — себе под нос проворчал я. — Помню ту облаву...

Норрик уже открыл рот, чтобы что-то спросить, но я решительным жестом дал понять, что не настроен на долгие разговоры. Вот проедем болото, тогда и поболтать можно будет!

Мы с альфаром оказались замыкающими, и я изо всех сил старался быть полезным Эльфину, который, кажется, делал все, чтобы, с одной стороны, вовремя обнаружить магию болотных троллей, а с другой — не дать болотникам обнаружить нас. Судя по тому, что болотом мы пробирались уже почти полчаса, либо его попытки до сих пор были успешны, либо тролли просто заманивали нас поглубже в свои владения, откуда дороги назад могло и не оказаться. А вполне вероятно, что правдив был третий вариант — сейчас, в конце зимы, когда повсюду лежал снег и водоемы еще не вскрылись ото льда, для болотников просто-напросто не наступил сезон. Они могли спокойно спать в своих подводных пещерах, или где они там живут на самом деле!

— Смотрите! — вдруг закричала одна из девушек, указывая на большой валун.

Я встрепенулся. Готов поклясться всеми своими победами, что несколько секунд назад, когда я мельком бросил взгляд на те березки, среди них не было никакого валуна! Не заметить камень высотой мне по пояс, чем-то похожий на задравшего морду медведя, я просто не мог! Тем более что валун был такой пятнистый от лишайников — зеленых, желтых, серо-голубых, бурых...

Я поймал себя на мысли, что тупо рассматриваю пятна на шершавых боках валуна и даже, кажется, пытаюсь их сосчитать.

Тролля магия в действии! И явно рассчитанная на меня одного — отвлекшись от валуна, я заметил, что остальные как ни в чем не бывало продолжают путь, бросив меня в березняке. Там, впереди, среди берез попадались чахлые елочки и сосенки. По отдельности хлипкая преграда, но когда их много... даже слишком много... даже для заболоченного леса...

— Эльфин! — закричал я во всю силу легких. — Оглянись! Тролли пришли! Они...

Голос мой почему-то сорвался на визг. Легкие обожгла короткая боль, я закашлялся. Не знаю, что это было — очередной виток враждебной магии, или мой собственный организм подвел меня.

Спас амулет, о котором я и думать забыл. Перед началом похода Эльфин сделал из сухих травинок и ниточек своего плаща по паре амулетов — мне и Норрику, надел их на запястья. У альфара амулет сработал — тот успел отъехать на несколько шагов, а вот мой почему-то «включился» только что.

Как бы там ни было, думать о странностях работы магических штучек было некогда. Я запястьем прижал болтающиеся ножны, обнажил меч и завертелся в седле, высматривая опасность.

Кроме странного валуна, который так и лежал на прежнем месте, никаких признаков болотников не было. Помнится, на той облаве все начиналось совсем не так, да и дело происходило в конце весны, сразу после половодья, когда у троллей еще мало запасов, они голодны и нападают на все, что движется.

И только я так подумал, как краем глаза заметил движение.

Это была елочка, такая кривая и уродливая, что поневоле притягивала взгляд. Оставалось лишь удивляться, как такое кривое и словно завязанное узлом дерево могло здесь вырасти. Ветки этой елочки шевелились! Сами по себе, хотя вокруг не было ни ветерка.

— Тролли, — прошептал я, заставляя коня отступать дальше по тропе, — тролли

пришли.

Елочка двинулась за мной. Я видел, как она по одному вытаскивает из снега ярко-розовые с зелеными разводами корешки и снова погружает их в снег, целенаправленно перемещаясь ко мне. Стоять и смотреть на это было жутко, я развернул скакуна и, не жалея плети, погнал его вдогонку за остальными.

Мне прекрасно были видны спутники, слышны негромкие голоса — Норрик окликал меня, но сам я почему-то оставался невидимым, хотя пару раз взгляд альфара скользнул прямо по мне. Стало ясно, что я попал в троллиную ловушку и назначен в жертву. Наверное, болотники действительно еще не проснулись до конца и решили не рисковать, атакуя весь отряд. Выбрали самого последнего, с точки зрения хищников самого слабого, и сосредоточились на нем. Но у этого «слабака» в запасе имелось кое-что, о чем они не подозревали! «Слабак» умел не только драться!

Дотянувшись до левой руки, я пальцем подцепил амулет и порвал его, как следует дернув. Запястье словно оледенело, в ушах раздался противный звон, левая рука повисла никчемной плетью, но зато отбросило и магию троллей.

— Данкор! — меня тут же увидели. — Чего ты отстал? Догоняй!

Я прищиприл коня, посылая его в галоп, скорее, пока тролли не опомнились.

— Он не может, — услышал я голос молодого мага. — Его держат тролли!

Из-под копыт коня летели ошметки снега, уже даже показалась грязь, но скакун практически не двигался с места.

— Ой, мама! — взвизгнул Норрик. — Мы должны его спасти! Сделай что-нибудь, Эльфин!

— Делаю, что могу, — отозвался маг, прикрывая глаза, и тут словно что-то лопнуло в воздухе, моего коня буквально швырнуло вперед. Мы с разгону едва не пролетели мимо отряда, врезавшись в самую его гущу.

— Тролли атакуют! — во все горло заорал Норрик. — Татва! К оружию!

Завизжали девушки. Озрик рванулся из рук Ленирель поближе к старшему брату, но тот пихнул его назад.

— Сидеть! А ты, — его гневный взгляд относился к девушке, — уезжай!

— Куда? — испуганно пролепетала она.

— По тропе! Скачи, как ветер! Ты должна добраться до заставы во что бы то ни стало!

Они даже не поцеловались на прощание — не было времени. Кивнув, леди Ленирель пригнулась к гриве коня, крепче прижала к себе Озрика и поскакала прочь. Женщина-альфара, подхватив в седло второго подростка, молча последовала за нею. Горо бросил на нее последний взгляд через плечо.

Их выпустили легко — ведь две другие девушки, онемев от страха, остались под нашей сомнительной защитой. «Сомнительной» потому, что я не знал, насколько Эльфин силен, как маг, против болотных троллей. Если окажется, что его силы недостаточно, нам останется только надеяться на чудо. И на то, что с собой мы унесем на тот свет как можно больше троллей.

Мы встали в кольцо, наблюдая, как со всех сторон ковыляют болотники. Каждый был под маской, скрывающей уродство и заодно делающей своего обладателя неуязвимым для обычного оружия. В самом деле — много ли толку от меча, если им рубить валун? Или от стрелы, когда на лучника надвигается дерево? Или от копья, когда прямо из снега вырастает странная ледяная фигура? Только в сумерках можно увидеть истинные облики болотных троллей, а сейчас был белый день. Впрочем — мелькнула посторонняя мысль — мы сможем увидеть их настоящее обличье, если убьем их.

И мы приняли бой.

Безнадежный и отчаянный, если судить по тому, что у нас имелись всего три меча, дубина и копьё против десятка троллей. Впрочем, на нашей стороне была еще и магия.

— Пригнись, — услышал я голос Эльфина, и я тут же послушно склонил голову прежде, чем прозвучало:

— Меанор! — и над моей головой прошла волна жара. Шлем резко нагрелся — все-таки я был слишком высок.

Но и для троллей это не прошло бесследно. Волна огня ударила вокруг, отделяя нас от преследователей. Для четырех валунов она оказалась безвредной — они лишь остановились, пережидая, — но вот две «елочки» и «сосенка» вспыхнули ярким пламенем. Ужасный, сводящий с ума вопль раздался на тропе, от него у меня заболели зубы, а девушки и Горо бросили поводья и скорчились в седлах со слезами на глазах. В считанные секунды от деревьев остались только обугленные остовы, которые на глазах стали меняться, принимая облик странных уродливых существ, похожих на огромных, вставших на задние лапы лягушек. Дергая перепончатыми конечностями, твари упали наземь.

Волна огня растопила снег на десяток локтей вокруг нас, обнажив болотную траву. Три снеговые фигуры, выросшие было из сугробов, тоже растаяли с противным шипением, но вскоре появились опять, теперь уже земляными, с чавканьем и чмоканием.

— Ага, — радостно приветствовал сие событие Норрик, указывая на неподвижные тела. — Три — ноль в нашу пользу!

Тролли, которым хватило ума прикинуться деревьями, теперь валялись на дымящейся земле без признаков жизни. Для них все действительно было кончено.

— Эй, вы! — Норрик физически не мог долго молчать. — Если вам так есть охота, забирайте вот этих и проваливайте! А мы вам не по зубам!

— Не сомневаюсь, — процедил сквозь зубы Эльфин, — они так и сделают, но немного позже. Эти трое — самки. Самцы будут мстить! Зря вы не уехали, девушки. Теперь уже поздно!

— Дайте нам оружие, — дрожащим голосом попросила одна из спутниц, — мы будем сражаться!

— К сожалению, у меня только ритуальный кинжал, — быстро ответил Эльфин, вертя головой, чтобы отследить перемещение земляных фигур. — Им можно разве что принести жертву...

— Я убью себя, — сказала девушка, протягивая руку, — но добычей болотников не стану!

— Они тебя все равно съедят, — осадил ее Норрик и тут же чуть не получил посохом волшебника по спине.

— Нашел чем подбодрить! — цыкнул Эльфин. — Для нее теперь действительно лучше попасть к ним в лапы мертвой, чем живой, — но нож все-таки дал.

— Да замолчите вы! — рывкнул я. — Разболтались! Все остальные тут же вспомнили, где находятся, и замолчали.

Семь оставшихся болотных троллей некоторое время стояли неподвижно, то ли совещаясь на своем языке, то ли поминая погибших самок, но потом опомнились и пошли в наступление. Странно и страшно было видеть валуны, которые ползли вперед, скрипя и скрежеща, не менее жутко выглядели земляные фигуры, то пропадающие, то опять возникающие, но уже на другом месте.

Одна из них выросла как раз перед моим конем, вырастив сразу три конечности, которыми намеревалась обхватить меня. Привстав на стременах, я косо взмахнул мечом, отсекая кочку, торчащую у нее вместо головы. «Кочка» покатила в сторону, и я поскорее ударил еще раз в то же место, чтобы «голова» не начала расти снова.

За моей спиной против второго земляного тролля сражался Норрик, кроша его так, что только мелкие ошметки летели во все стороны.

На долю Эльфина и Татвы остались три каменных болотника. Дубина Татвы высекала из них искры, но каменные уродцы держались и постепенно теснили противников.

Отчаянный визг лошади подсказал нам, что мы упустили из виду еще двух троллей, которые не стали лезть под мечи и дубины, а предпочли просочиться по земле и напасть на лошадей, опутав их ноги землей, слово зыбучими песками. Испуганно завизжала всадница, цепляясь за гриву лошади, которую неведомая сила постепенно оттаскивала в сторону.

— Держись! — кричали ей. Девушка отчаянно цеплялась за лошадь и явно ничего не слышала. Ее подруга попыталась перебросить нож, чтобы девушка, по крайней мере, не досталась троллям живой, ибо неизвестно, что сделают они с живыми пленниками после того, как лишились трех своих самок, но та даже не заметила броска, и нож упал на снег. Правда, это движение все равно возымело свое действие — видимо, в клинке была заключена собственная магическая сила, потому что земляные тролли разом отпрянули от него, высвободив ноги лошади. Та не замедлила воспользоваться этим и поскакала прочь с диким ржанием, унося на спине вконец перепуганную всадницу.

— Назад! Пропадешь! — хором закричали ей Эльфин, Норрик и вторая девушка.

Но мы были еще живы и сдаваться не собирались. Я и Норрик обрушились на двух земляных троллей с такой яростью, что комья земли полетели в разные стороны. Правда, тролли пытались восстановить отрубленные части тела, но делали это гораздо медленнее нас. С каждым удачным взмахом меча куча земли, камней, грязи и торчащих из нее прошлогодней листвы и веток становилась все меньше и меньше. Вскоре мне уже приходилось свешиваться с седла, чтобы отрубить очередной кусок от этой «туши». Норрик со своей стороны справлялся не менее продуктивно, громко комментируя каждый свой удар:

— Ага! Не нравится? А если мы вот так? И вот так? Что, так лучше?... Тоже нет? Шевелимся? Высказываемся резко против? А мы вот так? На такое согласны? Ну тогда...

И так далее, пронзительным, срывающимся на визг голосом. Порой мне самому хотелось его пристукнуть, но я понимал альфара — в душе он все-таки не являлся воином. Это обстоятельства заставили его взяться за оружие, а так он был мирным жителем и предпочел бы, чтобы наше путешествие вообще прошло без каких-либо приключений. А тут, кажется, мы попали в приключение страшнее всех предыдущих. И даже неизвестно, спаслись ли леди Ленирель с Озриком и альфара. А что, если дальше по тропе их поджидала засада? Об этом не хотелось даже думать.

За моей спиной ситуация складывалась немного лучше. Татва сцепился врукопашную с одним из каменных троллей, а остальных как-то сдерживал своей магией Эльфин. С его стороны на нас больше никто не нападал — тролли стояли как вкопанные, не делая резких движений. То ли они почуяли мощного мага и не знали, что делать, то ли тупо ждали, когда он выдохнется. Кроша податливую гору земли и грязи, в которую окончательно превратился мой противник, я успел еще подумать, что, покончив с одним врагом, смогу оказаться перед лицом сразу нескольких, если болотники вздумают позвать на помощь...

Мой противник вдруг задрожал и стал ввинчиваться в землю с такой скоростью, что я, забыв осторожность, спешился и кинулся добивать врага на земле, пока он еще не ушел. С другой стороны от меня возмущенно заверещал Норрик:

— Ку-уда? Мы с тобой еще не закончили! Назад! Я кому сказал? Ах ты, кучка навоза! Вот я тебя...

С этими словами неугомонный альфар присоединился ко мне и от полноты чувств стал пинать ногами кучу мусора, в которую превратился противник. Его трясло, и я понял, что Норрик действительно очень испугался.

В это время мы оба слышали стук копыт. Он приближался с той стороны, куда усакали леди Ленирель и альфара.

— Наши возвращаются? — первым догадался Норрик. — Ой, дуры! Решили полюбоваться на бой? Полюбуются из тролльих желудков! Она хотя бы Озрика ос...

Голос его прервался, ибо приближались вовсе не наши беглянки.

Семеро всадников на светлых эльфийских скакунах, пригнувшись к гривам коней и выставив вперед копыта, наконецники которых сверкали, как маленькие солнышки, мчались нам навстречу, постепенно расходясь широким веером и захватывая место сражения в кольцо.

— Ура! — хором завопили Горо и Норрик. Ободренный подмогой, я двумя ударами добил «своего» тролля и попытался присоединиться к Эльфину, который стоял один против двоих. Именно стоял — опустив меч и посох почти до земли, откинувшись в седле и

прикрыв глаза. Со стороны он ни на что не реагировал, но Норрик успел дернуть меня за локоть:

— Куда магу под руку суешься?

Подскакавшие конники сразу включились в дело, напав на троллей, которых силой своей магии держал Эльфин. Маг внезапно бросил меч, перехватил посох двумя руками, нацелил его на каменные глыбы, зашептал что-то — и те тут же стали меняться, обретая истинный облик лягушкоподобных уродливых тварей. Зеленовато-бурая кожа пульсировала, вздымаясь и опадая в такт дыханию, из многочисленных пор сочилась какая-то слизь, на плоских мордах торчали навывкате глаза, а лоб украшали рога и наросты. В общем, выглядели обитатели болот преотвратительно и такими остались, пронзенные копьями. Недобитый Норриком тролль, приняв облик волосатого шара с торчащими из него голыми суставчатыми ногами, кинулся бежать. Что до туши «моего» болотника, то оказалось достаточно всего одного удара светящегося копья, чтобы она превратилась в совсем уж неаппетитное месиво, на которое я даже не захотел смотреть.

Примерно в это время Татва неимоверным усилием воли поднял своего противника в воздух, подержал немного, сжав в объятиях, а потом с силой опустил — прямо на подставленные копья.

Жуткий вой потряс окрестности — четыре копья вошли в, казалось бы, неподатливую плоть. Но в тот самый миг, когда острия коснулись его тела, каменный тролль сменил облик и превратился в точную копию мертвых собратьев. Я думал, что копья сломаются под его тяжестью, но не тут-то было — они с хрустом и скрежетом вышли у болотника из груди. Державшие их эльфы еле успели отскочить в стороны, чтобы позволить туше упасть на землю.

— Готов! — спокойно констатировал один из всадников, спешиваясь и пиная ногой тушу. — Против этой магии у них нет сил... Благодарите спутниц, которые точно указали ваше местонахождение!

— Они живы? — встрепнулись Норрик и Горо.

— Все четверо живы и находятся под охраной наших воинов. Тролли очень коварны. На наше счастье, для них пока еще слишком рано. Мы вообще не думали сегодня выезжать на охоту, но нашей Видящей приснился какой-то странный сон, и она буквально пинками погнала нас на тропу.

— Видящей? — Эльфин спешил и поднял меч. — У вас есть Видящая?

— Да. Мы отбили ее у темноволосых еще во время войны, — не без гордости сообщила женщина-воительница. В том, что с нами разговаривала именно женщина, я не сомневался — ее выдавали голос и жесты. Да и сам голос... Где-то я его уже слышал?

— А моя подруга? — вылезла третья девушка. — Она где?

— Какая подруга? Та, что с маленьким полукровкой?

— Нет, нас было трое. Она испугалась, и ее лошадь понесла... вон туда! — Дрожащей рукой девушка указала в болото, в сторону от тропы.

— Торор, Эйвар, Альтинар! — тут же скомандовала предводительница. — Живо туда! Разведать, что к чему!..

Три всадника молча отсалютовали командирше и поспешили по следам одинокой всадницы.

— Так у вас есть Видящая? — продолжал расспросы Эльфин.

— Да. Наш отряд отбил ее в самом начале войны. Она попала в плен вместе с остальными обитателями замка, в котором жила. Мы спасли всех его уцелевших в той бойне жителей, а Видящая осталась с нами. Она помогала, лечила раненых, устраивала засады на темноволосых. А сегодня послала нас в этот район болота...

— Передайте ей от нас благодарность, леди... э-э...

— Вы тоже догадались, что я — девушка? — послышался смехок из-под шлема. — Никто не обманывается... Мое имя — Шаллорель.

Она протянула магу руку для пожатия, тот церемонно ответил на приветствие.

— Шаллорель? — воскликнул я. — Не может этого быть! Когда-то я знал Шаллорель. Она служила в Коралловых зубах...

— Погодите! — Девушка развернулась в мою сторону, забыв о недавнем собеседнике. — Снимите шлем!

Одной рукой это сделать довольно трудно, поэтому я провозился долго. Девушка вся извелась и разве что на месте не прыгала от нетерпения, зато когда я предстал перед ею во всей своей слегка взлохмаченной красе, одним рывком обнажила голову и раскинула объятия:

— Глазам не верю! Данкор!

Потом мы долго сидели рядышком на моем плаще, глядели, как суетятся остальные, готовя маленький лагерь. Трое оставшихся в запасе рыцарей привезли леди Ленирель, альфару и двух подростков, так что суеты и дел хватало всем. Спасшие нас воины срезали с туш трех самок полоски мясного филе, чтобы поджарить на костре. Хотя мясо троллей считается несъедобным, сейчас никто не удивился такому угощению. Татва — тот и вовсе счел, что так будет правильно.

— Убить врага — вкусить его плоть, — изрек он. — Тогда его сила стать твоей силой. Ты стать сильным и умным, как твой враг!

Норрик тоже не особенно этому удивлялся.

— Мы в болотах, особенно в первую зиму, чего только не ели! Даже кору с деревьев глодали, даже падаль выкапывали, когда невмотогу было, — припомнил он. — А что? Жить захочешь — и не такое жрать станешь! — Альфар принялся к развешанному над костром бледно-розовому мясу: — Курятиной пахнет... Эй, Горо! Тащи свои приправки! Сейчас посолим, поперчим, и есть можно будет!

Мы расположились буквально в десятке шагов от места сражения. Как объяснила Шаллорель, успевшая неплохо изучить повадки болотных троллей, они практически никогда не возвращаются на место побоища — за исключением тех случаев, когда уничтожат всю дичь и сразу не смогут унести в логово. Но чтобы вот так, отступая, вернуться за телами убитых сородичей — такого никогда не было. Кроме того, у каждой семьи троллей есть своя охотничья территория, так что должно случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы сюда заглянул кто-то еще. Короче, пока мы были в полной безопасности и могли спокойно поболтать.

— Я всех растеряла, — говорила девушка. — Не осталось ни одного из Коралловых Зубов, с которыми я служила. Кто погиб, кто пропал без вести... Мориль и Лариль помнишь? Мориль погибла в бою под стенами поместья-столицы, и Лариль как с цепи сорвалась. Лезла в самое пекло, первая кидалась на врага... Попала в плен. Отбить мы ее так и не смогли... Мой прежний командир рассорился со мной, когда мы начали партизанить. С ним ушла половина наших... В общем, это все. Про остальных мне сказать нечего.

— А что ты сама? Чем занималась?

— Партизанила, — ответила девушка. — Под моим началом три десятка мечей, копий и луков. Из них почти половина — просто рыцари из спасенных замков. Конечно, многих унесла война... Мы нападали на небольшие отряды темноволосых, отбивали полон и продовольствие, устраивали засады... Кто-то приходил, кто-то уходил... А потом случайно встретили гонца от Наместника Янтарного. Он передал нам, что война закончена и мы можем вернуться домой. Это правда?

— Правда, — от костра отозвался Эльфин. — Вот уже шесть лет как царит мир...

— Я не верю, — горячо отозвалась Шаллорель. — Гонец от лорда Наринара сказал, что Золотая Ветвь обретаена, но обрели ее именно темноволосые?

— И это тоже правда, — кивнул Эльфин. — Хаук аш-Гарбаж — возрожденная Золотая Ветвь.

— Не верю, — повторила Шаллорель. — Так не бывает! Мы что, проиграли?

— На этой войне нет победителей и побежденных, — ответил молодой маг. — По сути дела, мы сражались сами с собой. Ведь на Золотую Ветвь мы имеем одинаковые права. В

жилах некоторых каст течет кровь эльфов или альфаров. Так что мы — пусть дальняя, но родня.

— И все равно я не верю, — тяжело покачала головой Шаллорель. — Наши товарищи... Они отдали свои жизни напрасно? Все это, — она обвела рукой лагерь, — все это зря? Получается, мы...

Я прервал ее горестную тираду, положив здоровую руку подруге на плечо. Шаллорель тотчас замолчала, уставилась на меня круглыми глазами.

— Ваша борьба была не напрасной, — сказал я. — Вы помогали десяткам пленников обрести свободу! Страшно подумать, что было бы с теми несчастными на чужбине, если бы не вы и ваша отвага. И сегодня днем... вы спасли нам жизнь. Значит, в том, что вы не сложили оружие, есть свой глубокий смысл.

— Да, — по-детски шмыгнув носом, промолвила Шаллорель, — после того как нам сказали, что война закончена и мы можем возвращаться домой, многие захотели вернуться. Остались лишь те, кому некуда было идти. Вот Альтинар — он был наследником замка. Стоял на крепостной стене, когда туда ворвались темноволосые. Отказался сдаться в плен, и тогда его расстреляли из луков. Альтинар упал в ров, по счастью, в росшие на краю кусты, и пробыл там до ночи, пока орки убивали, насиловали и грабили. Он остался единственным выжившим. На этом свете нет никого из числа тех, кто когда-то жил в замке, — ни эльфа, ни альфара. Поэтому Альтинар кочует с нами. И таких историй я могу рассказать очень много.

К нам незаметно подсел Эльфин. Я понял, что молодой маг внимательно слушает, только когда он задал вопрос:

— А если таким несчастным, как Альтинар, предложить дело, они вернутся?

— Дело? Какое еще дело?

— Есть у меня одна мысль, — уклончиво ответит маг. — Насмотрелся в дальних странах... Если доложу о ней императору и он ее одобрит... Скажи, где вас можно будет найти?

— Тут. — Шаллорель обвела рукой болота. — Тролли совсем распоясались. Они отваживаются даже переходить границу, а сил нашей Видящей недостаточно, чтобы удерживать магический барьер. Раньше на заставах находились мощные амулеты, которые не давали незванным гостям, тем, в чьих жилах не течет эльфийская кровь, входить во Врата, а теперь ничего этого нет. И очень многие лорды приграничья вынуждены жить, постоянно обороняясь от шаек гоблинов и людей, которые решили, что им все дозволено. Они как крысы. Только те бегут с тонущего корабля, а эти устремились на Радужный Архипелаг в надежде чем-нибудь поживиться. Так что кроме троллей у нас хватает и других забот.

— Я подумаю и об этом, — пообещал Эльфин.

Наш разговор был прерван возвращением беглянки и ее лошади. Коня вели на поводу — лошадь еле перебирала исцарапанными в кровь ногами. Девушку нес на руках тот самый лорд Альтинар. И лошадь, и всадница были с ног до головы перепачканы в грязи и гниющих водорослях. Но на девушке никаких повреждений заметно не было. Ее, мелко дрожащую, усадили поближе к костру, и Альтинар укутал узкие плечи своим плащом. Ленирель и вторая девушка захлопотали вокруг несчастной, а альфара помчалась за водой, чтобы умыть страдальицу.

— Они провалились в подземную пещеру троллей, — объяснил один из охотников. — И угодили прямо в лапы стариков и детворы, которая дожидалась возвращения охотников. Так что им повезло — будь там хоть один настоящий взрослый тролль, нам бы некого было спасать. А так пострадала всего лишь лошадь!

— «Всего лишь лошадь!» — передразнила одна из девушек. — А о моей подруге вы подумали? Что пережила она?

— Ее не начали есть живьем — и это главное! — пожал плечами эльф и отошел.

Эльфин встал, оперся на свой посох.

— Я — целитель, — представился он. — Правда, мне всего однажды пришлось лечить коня, но ран, нанесенных когтями, я видел достаточно.

С этими словами эльф направился туда, где была привязана раненая лошадь. Мы с Шаллорель смотрели ему вслед.

— Он правда хороший целитель? — поинтересовалась девушка, когда Эльфин, отставив посох, стал осматривать длинные косые царапины, оставшиеся на задних ногах кобылы. — Он же моложе нас с тобой!

— Я слышал его историю, — вздохнул я. — Во время нашего совместного путешествия Норрик часто рассказывал из нее занимательные отрывки. Судя по этим рассказам... Да, он один из самых сильных магов среди эльфов!

— Но ведь мужчин-магов не бывает! Есть только медиумы...

— По словам Эльфина, медиумы — это просто маги, которых никто никогда ничему не учил. К слову сказать, меня лечил именно маг!

С этими словами я показал свою культю.

По своему опыту общения с девушками я заметил, что они сначала загораются здоровым любопытством и только потом, разглядев как следует, шарахаются в сторону, словно это что-то изменит. Но Шаллорель взяла мою культю в ладони безо всякой брезгливости, с оттенком уважения.

— Где это тебя так угораздило? — промолвила она.

— Выступал на арене, — честно ответил я.

— Расскажи!

Мой рассказ затянулся — пришлось сначала поведать, как я вернулся с севера на разоренную родину, как мы с мастером Теором сколотили партизанский отряд, как сражались, как я остался прикрывать отход и попал в плен.

Девушка слушала меня, открыв рот. Мы увлеклись настолько, что нас трижды звали к столу, но это не помогло, и поджаренные кусочки троллятины нам отнесли прямо на место. Мы ели чуть отдающее рыбой и тиной мясо, а я продолжал свой рассказ.

— Ты изменился, — произнесла Шаллорель, когда я иссяк, и посмотрела на меня. — У тебя совсем другие глаза, голос... И твои волосы, — она запустила пальцы в короткие пряди на затылке. — Раньше у тебя была такая роскошная грива!

— Это потому, что меня продали в рабство, — напомнил я. — Всем мужчинам-рабам коротко стригут волосы, чтобы не скрывали ошейника. А потом я просто привык.

— Знаешь, — задумчиво промолвила Шаллорель, — а тебе идет...

Она не спешила вынимать пальцы из моих волос, продолжала перебирать пряди, и я обнял ее здоровой рукой за талию, подтянул девушку ближе. Помнится, еще пожалел, что у меня нет второй руки и я не могу точно так же запустить пальцы в ее косы.

Если бы несколько минут спустя меня увидел Ухарь, он бы понял, что я не всегда шарахаюсь от женщин. А иногда совсем даже наоборот...

Благодаря искусству Эльфина за ночь от ран на ногах лошади остались только шрамы, поросшие белой шерстью, и она вполне оправилась для того, чтобы нести на себе всадницу. Истосковавшиеся по общению с девушками, рыцари Шаллорель наперебой сыпали комплиментами и норовили поухаживать за спасенными эльфийками. Свою долю внимания и нежной заботы получила и Ленирель, так что Норрик извелся — невысокого ростом альфара никто не воспринимал всерьез. Кроме того, он был существом второго сорта. Пришлось Эльфину самому вступаться за друга. Да и Ленирель довольно быстро расставила все по своим местам, обняла и поцеловала Норрика на глазах у всех.

Мы с Шаллорель не принимали во всем этом участия. Так и сидели на нашем облюбованном еще вчера пригорке, прижавшись друг к другу.

— А куда ты теперь? — спрашивала она.

— В поместье-столицу, — честно отвечал я.

— Ты будешь служить темноволосым? После всего, что они сделали для нас и нашего мира?

— Я еду туда не ради них и даже не ради императора, которого я в глаза не видел, но который, если верить Эльфину, самолично выплатил выкуп за многих рабов, — сказал я. —

Я еду туда ради маленького мальчика, у которого не осталось никого на этом свете... Никого, кроме меня!

— Понятно, — кивнула Шаллорель, опустив глаза.

— И я не знаю, есть ли у меня самого кто-то еще, кроме него, — продолжал я. — Когда-то у меня была большая семья — целых четыре сестры. Но наш замок разрушили до основания. Вряд ли уцелел хоть кто-то из живших там альфаров. Горо — вот моя единственная память о доме...

— Мне еще повезло, — вздохнула Шаллорель. — Я точно знаю, что три мои сестры живы и здоровы.

— А четвертая? Ты говорила, что их четыре?

— Я тебе не рассказывала? Она перед самой войной стала послушницей. Ее забрали от нас ровно за год до того, как темноволосые напали на Архипелаг. Я ничего не знаю о судьбе моей самой младшей сестренки. Но наша Видящая искала по крови и нашла, что сестра жива. Вот только где она теперь? Боюсь, что потеряна для нас навсегда! Но это так здорово — сестра-Видящая!

Я невольно покосился на Эльфина, который вместе с остальными собирал лагерь, ничем не выдавая, что слышал последние слова. Я уже знал, что рождение девочки с магическими способностями всегда счастье для семьи, но вот рождение мальчика-мага — почти всегда позор. Что он чувствует, слыша такие слова? Впрочем, опять-таки, зная его историю, я мог предположить, что ему все равно — он слишком силен, чтобы обращать внимание на сплетни.

К нам подошел один из рыцарей:

— Госпожа, все готово!

— Отлично! — Шаллорель вскочила и подала мне руку: — Пора в путь.

Но ее ладонь задержалась в моей, и к своим коням мы прошли, держась за руки, как влюбленные подростки. Не знаю, что чувствовала Шаллорель, но воспоминание о прошедшей ночи наполняло мою душу горечью — я изменил Ленимирель.

В дорогу пустились с шутками и прибаутками — рыцари развлекали девушек, которые, хоть и переночевали на болоте, продолжали испуганно вздрагивать от каждого шороха. На наше счастье, выглянуло солнце, и все вокруг заиграло яркими красками. Лошади ходко рысили по тропе.

Мы ехали строем. Впереди, вместе с Шаллорель и мною, скакал юноша-лучник. По знаку девушки он вдруг выпустил сразу две стрелы по группе корявых сосенок.

— Засада соседнего логова, — объяснила девушка. — Мы вступили на их территорию. Нужно сразу дать понять, что с нами шутки плохи. Болотники не такие тупые, как о них говорят. Они способны учиться... Мы даже хотели поймать одного детеныша, чтобы выдрессировать его, но потерпели неудачу. Совсем маленьких они прячут в логове, а когда те вылезают, становятся слишком большими, их нелегко поймать. Да и поодиночке они не ходят.

На наше счастье, болота вскоре кончились. Естественной границей служила неширокая речка, сейчас пока еще замерзшая и покрытая толстым слоем льда. Лед хрустел и шел трещинами под копытами коней, но мы все перебрались без приключений и углубились в березняк, росший на холме.

— Сюда тролли не заглядывают, — объяснила Шаллорель, когда отряд сосредоточился на вершине холма. — Слишком сухо. Однако прошлое лето выдалось мокрым, да и дождь пошел, так что один неугомонный тролль так и гнался за нами до этого места. — Она ткнула кончиком меча в землю под копытами своей лошади. — Опомнись, когда попытался уйти под землю, а она оказалась слишком твердой. Бедняга так старался, что мы даже не стали его убивать — просто стояли и смеялись. Так и отпустили.

— Надо было добить, — проворчал один из ее подчиненных, — лучший тролль — мертвый тролль.

Татва что-то проворчал себе под нос, и говорун сразу отыграл назад:

— Я имел в виду болотных троллей!

Миновав березняк, оказались на лесной опушке. Чуть левее на невысоком холме стояла крепость. Огибая лес, вправо уходила наполовину заросшая дорога.

— Вот мы и приехали, — улыбнулась Шаллорель. — Нам налево. Это застава Рубинового Острова, которую нам выделил для проживания лорд Моррир, а за тем лесом — застава Кораллового Острова. Там никто не живет.

— Не хотели бы вернуться? — К нам с Шаллорель подъехал Эльфин. — Хотя бы для того, чтобы снова жить на родине?

— А что нам там делать? — фыркнула девушка. — Мы всю жизнь сражались против новой власти. Вряд ли нас встретят с распростертыми объятиями.

— Но ведь кто-то же из ваших вернулся!

— Им было куда возвращаться, а мы?

— У вас есть сестры.

— Они прекрасно обходятся без меня, — отрезала девушка.

— Но неужели нет на свете никого, ради кого вы бросили бы заставу и вернулись на Коралловый Остров?

Шаллорель повернулась ко мне и посмотрела таким долгим взглядом, что я все понял и почувствовал себя неуютно.

Она, наверное, разглядела в моих глазах что-то такое, потому что вдруг распахнула объятия и, свесившись с седла, прижалась к моей груди.

— Если бы... если бы меня позвали, — пробормотала девушка, — то... наверное...

Через ее голову я увидел Эльфина. Маг делал мне знаки — мол, кивни, скажи хоть слово. Я молчал. Сердце мое было занято. Правда, с тех пор прошло много лет...

— Все будет хорошо, маленький Зубок, — сказал я просто для того, чтобы хоть что-то сказать.

Она поняла меня по-своему, выпрямилась и резким движением убрала за ухо выбившуюся прядь волос.

— Ты такой же, как твоя левая рука, — сказала она. — Прощай, желаю удачи!

— А я желаю тебе счастья! — отозвался я.

С этими словами мы стали прощаться. Девушки вздыхали и то и дело бросали взгляды назад, туда, где остались спасшие их воины. Те и другие махали друг другу руками, кричали нежные слова, и мне было горько их слышать. Особенно тоскливо прозвучал чей-то голос: «Ленирель!» — но девушка даже не оглянулась.

— Могли бы сложиться счастливые пары, — сказал я Эльфину. — Почему ты настоял на разлуке?

— Именно для того, чтобы они были счастливы! — ответил тот. — Девушки должны вернуться на Коралловый Остров. Если мужчины последуют за ними, они тоже будут вынуждены вернуться. Остров обезлюдел. Нужны эльфы. Кстати, я посматривал на вас с леди Шаллорель. Вас тянет друг к другу.

— Мое сердце занято, — ответил я. — Я люблю леди Ленимирель.

— Вернее, ты любишь память о ней, — поправил молодой маг. — Верность — это хорошо, но что-то подсказывает мне, что вы никогда не встретитесь.

Наш Коралловый Остров сильно вытянут в длину, так что нам волей-неволей какое-то время пришлось двигаться на восток, никуда не сворачивая. Я послушно следовал за прокладывающим путь Эльфином, но, когда впереди показались знакомый пруд и роща, вырвался вперед, поравнявшись с молодым магом:

— Позволь, но куда мы едем?

— Кажется, ты это знаешь, — улыбнулся он, глядя вдаль.

— Именно что знаю и не испытываю ни малейшего желания снова оказаться там. Посмотри вокруг, мастер Эльфин, всюду только разоренные замки...

— Не все, — парировал он.

Мы приближались к моему родному замку Дармир. Несколько лет назад, в разгар

войны, мой отряд уже побывал здесь и нашел только голые стены и развалины. Тогда у меня не хватило смелости даже подъехать к мосту — оказалось достаточно вида распахнутых настежь ворот и десятков холмиков орочьих могил вокруг. Но сейчас Эльфин направлялся к моему родному замку с таким уверенным видом, что я запрятал панику как можно глубже и приготовился посмотреть правде в глаза. Как же хорошо, что рядом никого нет! Я даже не сразу вспомнил про Гору, чьи родственники жили тут на протяжении нескольких поколений. Ему тоже будет больно видеть опустевшее родное гнездо.

Темная громада замка показалась за деревьями, и Эльфин вскинул руку:

— Данкор? Ты ничего не слышишь? Я прислушался и едва не свалился с седла. Где-то совсем близко раздался звук рога. Кто-то оповещал хозяев замка о своем приезде! Что это означало? Что в замке кто-то живет? И сейчас этот «кто-то» готовился принять гостей!

— Я думаю, мы должны поспешить, — торжественно сказал Эльфин.

Сходные мысли владели и мною, я пришпорил коня, чуть ли не галопом преодолевая последние ярды до замка, уже когда до подъемного моста осталось всего несколько шагов, первым осадил коня, запрокинул голову и разглядывал крепостные стены, которые слишком долго были мне родным домом. На надвратной башне трепетал стяг Дома Дармира.

Замок был обитаем!

Понукаемый сзади Эльфином и остальными спутниками, я подъехал ближе, а Норрик, поднеся руки ко рту, пронзительным голосом возопил:

— Немедленно отворите прославленному герою, который после долгих странствий вернулся домой!

На стене кто-то задвигался, после чего одинокий рыцарь прокричал, тоже поднеся руки рупором ко рту:

— А как зовут прославленного героя, вернувшегося домой после стольких лет странствий?

Норрик открыл рот, но на сей раз я его опередил. Кто бы ни жил в моем родовом замке, я вернулся и имею право назвать свое настоящее имя:

— Данкор из Дома Дармира вернулся после тридцати лет странствий и желает отдохнуть под кровом родного дома!

— А чем вы докажете, что именно вы — Данкор из Дома Дармира?

— Если в замке есть кто-то, кто жил тут до войны, меня легко могут узнать.

Некоторое время на стене слышались шевеление и приглушенные голоса, а потом ворота начали не спеша расходиться, открывая мне путь.

Я оказался во дворе, который был знаком мне до мельчайших подробностей. С закрытыми глазами я мог сказать, где была коновязь для лошадей, где стояли бочки с водой, где между клетями проходила тропинка на задний двор (там мы любили играть детьми), где располагались казармы... Правда, сейчас все переменилось. Клетки когда-то были сожжены и разломаны, а потом отстроены, но занимали вдвое меньше места, чем раньше. Совсем другой была коновязь, а вместо ряда бочек, в которые собирали дождевую воду, стояла всего одна, у самого колодца. Кривого дерева, которое давало колодцу тень, больше не существовало — вместо него к небу тянулся обгорелый ствол, лишенный коры, веток и листьев. Сам замок уцелел, но выглядел так, словно испуганно присел и съежился.

— Что здесь произошло? — вслух подумал я.

— Война, — ответил подъехавший сзади Эльфин. — Война не щадит никого и ничего.

— Что же мне делать?

— Быть гостем.

С этими словами он спешил, поскольку с двух сторон к нам уже спешили альфары-слуги, чтобы, как в старые добрые времена, принять у усталых путников лошадей и отвести их на конюшню. Я остался сидеть, с высоты седла и своего роста озираясь по сторонам. От меня не укрылось то, что просмотрел Эльфин — у коновязи уже стояло несколько лошадей, и на них были чужие попоны. Напрягши память, я вспомнил, что у одного из наших соседей похожий герб. Но что он тут делает?

— Глазам не верю! — послышался знакомый голос. — Снимите шлем, милорд рыцарь!

Я подчинился и во все глаза уставился на свою сестру, леди Дайнериль, которая замерла на пороге, прижав руки к груди.

— Дайне!

— Данко!

Я кубарем скатился с седла, едва не отдавив ногу какому-то сунувшемуся перехватить повод моего коня альфару, взбежал по ступенькам, поднял сестру на руки. Как в старые добрые времена, она визжала, словно маленькая девочка, и болтала ногами в воздухе. Я проделывал со старшими сестрами такую игру неоднократно, чтобы доказать, что хотя и младше, но намного сильнее. И они всегда этого ужасно боялись.

— Дорогая, кто это?

Игра закончилась. Дайнериль выскользнула из моих объятий и, как маленькая девочка, взяла меня за руку:

— Мой младший брат, Данкор. Помнишь, я о нем тебе рассказывала? У нас в зале еще висит мамина вышивка с его портретом, которую она сделала, когда брат отправился служить в Коралловые Зубы! Помнишь?

Незнакомый эльф, ничуть не похожий на Этирира, смотрел на мою Дайнериль хозяйски, с долей ревности, но сумел спрятать свои чувства под маской учтивости и раскланялся с нами, приглашая войти:

— Прошу меня простить. Я забыл свой долг и, будучи всего лишь гостем, держу хозяев на пороге! Вы очень похожи с леди Дайнериль. Как я мог не разглядеть этого раньше? С вами ваша свита?

Мы оба обернулись на трех девушек — эльфиек, тролля, волшебника и четырех альфаров.

— Нет. — Я решил сразу расставить все точки над «и». — Это великий маг Эльфин Невозможный и мы, путешественники, решившие воспользоваться его покровительством. Не так давно наш отряд прошел через болота, на которых Эльфин помог нам одолеть целую толпу болотных троллей.

Дайнериль ахнула, прижала руки ко рту. Еще в прежние времена она любила такие истории, хотя и боялась страшно. Сестра первая подошла и схватила Эльфина за руку:

— Вы нам расскажете? Я буду очень ждать! У нас в глуши так редко что-нибудь происходит!

— Непременно, благородная госпожа, — раскланялся Эльфин. — Буду рад усладить слух прекрасной дамы!

Все вместе мы поднялись по истертым от времени ступеням в зал, где обычно хозяева развлекают гостей до обеда. Здесь тоже многое изменилось — с пола исчезли циновки, и он блистал первозданным камнем, многие ковры на стенах тоже исчезли и были заменены простыми полосами ткани. А оставшиеся явно носили следы пожара. Из шести окон витражи уцелели только в двух, да и то в верхней части. Остальные четыре светились простыми стеклами. Я не говорю про мебель, которая вся была новой. Она была лишена знакомых мне с детства резьбы и инкрустаций, как, например, на мамином любимом кресле, которое вечно стояло возле камина. Там же горой были навалены подушки специально для нас. Мы детьми любили сидеть рядом с матерью и слушать ее бесконечные рассказы. Редко рассказывались сказки — чаще мама вспоминала истории, слышанные на балах и пирах, и придавала им элемент волшебства, щедро населяя троллями, орками, злыми и добрыми волшебниками и сказочными чудовищами.

И сейчас, остановившись, я словно услышал голос матери.

Дайнериль дала мне постоять рядом с камином, а потом усадила в кресло.

— Теперь я рассказываю здесь истории своим детям. У меня двое детей, — улыбнулась сестра. — Хочешь на них посмотреть?

Прежде чем я кивнул, она махнула рукой, и пробежавшая мимо служанка-альфара кинулась в глубь замка. Сопровождавший нас лорд встал за спинкой моего кресла, а мои

спутники окружили нас. Несколько минут спустя служанка привела двух детей — мальчика и совсем маленькую девочку. Эльф за креслом подался вперед, впился в нее взглядом.

— Познакомься, Данкор, это твои племянники, — с улыбкой произнесла Дайнериль. — Диарир и Саллориль. А это, — она подняла глаза на мужчину, державшего на руках девочку, — отец Саллориль, лорд Саллор. Наш сосед.

— Он — отец твоей дочери? — ошетинился я. — А как же Этирир? Ты изменила мужу?

При этих словах лорд Саллор встал передо мной и упер руки в бока.

— Я признал в вас пропавшего брата леди Дайнериль, — ледяным тоном промолвил он, — я позволил ей впустить в дом вас и ваших спутников, но я не могу позволить вам оскорблять хозяйку. Немедленно извинитесь, или я буду вынужден вызвать вас на поединок!

— Это не моя дочь, — произнесла сестра. — Саллориль — моя племянница, дочка Диарель.

— Вот как? — Я развернулся, стараясь держать в поле зрения и свою сестру, и этого типа. — Но как же тогда...

— Диарель умерла, — промолвила Дейнериль, — при родах. За несколько дней до того я сама родила мертвого ребенка и взяла сироту к себе, выкормила, как родную дочь. Это очень долгая история, Данкор, но, пока готовят ужин, может быть, ты согласишься ее выслушать?

Я молча кивнул, всем своим видом давая понять, что готов слушать. Диарель умерла... Кого еще из моих сестер постигла та же участь? Как они расстались с жизнью? Как умерли мои родители? Я не сомневался, что из всей семьи в живых остались только мы с Дайнериль, и желал узнать подробности.

Лорд Саллор опять занял свое место позади моего кресла и время от времени вставлял замечания. Как-то незаметно и остальные гости подтянулись к камину, поскольку больше развлекаться было нечем, так что печальный рассказ зазвучал для всех.

...Это был действительно печальный и страшный день, хотя о нем все знали заранее. До последнего в сердцах жила надежда, что как-то пронесет, что беда пройдет стороной, что орда темноволосых атакует сегодня другой замок, даст всем возможность прожить еще один день. А там — случится чудо, и их спасут.

Но чуда не произошло.

Осада продолжалась недолго — бой начался перед полуднем, а на закате, когда пала большая часть защитников замка, орки пошли на последний приступ. Отец и лорд Этирир погибли на стенах, мать сражалась наравне с мужчинами и, когда враги ворвались на двор, раненая, бросилась со стены, чтобы не попасть в их руки живой. Младшие сестры, видя, что происходит, поспешили на самый верх башни, забрались на крышу и, взявшись за руки, прыгнули вниз, предпочтя смерть рабству.

— Я не успела их остановить, — качая головой, скорбным голосом промолвила Дайнериль. — Я была на последних днях беременности и еле передвигалась. А Диарель слишком боялась всего этого. Она от страха не могла сдвинуться с места...

— Я отослал жену в замок ее родителей перед тем, как мой собственный замок попал в осаду, — пояснил лорд Саллор. — Надеялся, что там ей будет лучше...

— В общем, наши с тобой сестренки погибли, разбились насмерть, — вздохнула Дайнериль. — От страха я начала рожать. Малыш родился прямо на лестнице, упал и... умер. — Ее лицо исказилось от боли. — Мой младший сынок...

Сметя последних защитников замка, орки ворвались внутрь и схватили всех, скрывавшихся в этих стенах. Как ни странно, никого из тех, кто был без оружия, они не убили, и даже задержались ровно настолько, чтобы Дайнериль вырыла в саду под кустом могилку для своего мертворожденного сына. После чего погнали пленников прочь.

В первую же ночь несколько альфаров попытались совершить побег. Судя по тому, в какой ярости пребывали их конвоиры наутро, попытка оказалась удачной. Но Дайнериль было не до того — она поддерживала свою сестру Диарель, которой стало совсем плохо.

Сестра начала рожать в походе. В ту ночь еще кто-то из пленников совершил удачный побег, и, вымещая злобу, орки жестоко избили беременную женщину. У нее открылось страшное кровотечение, и, если бы не отвага Дайнериль, ее бросили бы на земле умирать.

— Так сестра и родила девочку, а сама скончалась от тяжелых родов, — пустым голосом рассказывала Дайнериль. — Я сидела рядом и смотрела, как умирает последнее родное существо. Последнее, кроме Диарира. — Она кивнула на мальчика, который все это время стоял рядом с ее креслом. — Орки торопили нас, они куда-то спешили и могли бросить мертвую мать рядом с новорожденным, мол, дикие звери сумеют обо всем позаботиться. Но я уже взяла малышку и сказала, что они могут убить всех троих, но без девочки я с места не сдвинусь. Меня послушались... Даже дали немного времени, чтобы я закидала мертвую сестру ветками и камнями.

— Похоронили мою Диарель, как животное, — пробурчал лорд Саллор. — Я потом ездил на то место и не нашел даже костей. Хищники действительно хорошо позаботились обо всем... Так что у меня осталась только дочь моей Диарель...

— А нас отвели в Ирматул, где сначала хотели продать порознь, потому что сын был достаточно взрослым. Так многие поступали... Я еле-еле упростила не разлучать нас. Мне даже пришлось отдаться караванщику, чтобы он вывел на помост сразу всю нашу семью... Как оказалось, не напрасно. Через четыре года нас выкупили всех сразу.

— Кто? — спросил я, уже зная ответ.

— Эльфин, кто же еще? — не развеяла моих подозрений сестра. — Правда, за нас троих ему пришлось отдать сумму, равную стоимости четырех человеческих девушек-рабынь, но я не жалею. Главное, что мы выжили и вернулись домой...

— А дома их уже поджидал я, — вступил в разговор лорд Саллор. — Мне повезло — при штурме замка я упал со стены, сломал руку, ногу и три ребра. Одно из них чудом не проткнуло легкое. Как бы то ни было, в тот момент я не сильно отличался от убитого — на мне были еще и раны от стрел... В общем, орки сочли меня мертвым, я видел, как они ходили вокруг нашего захваченного замка, как копали могилы покойникам, как обирали трупы, но никто не проверил, дышу я или нет. Провалился там до ночи, пока уцелевшие альфары не спустились за мною. Как ни странно, орки всех слуг оставили на месте и убивали лишь тех, кто сражался наравне с хозяевами. Но стоило альфару бросить оружие, враги просто отбрасывали его в сторону. А сложившего оружие эльфа в лучшем случае брали в плен, в худшем — добивали на месте, как труса. Такая участь постигла моего среднего брата — когда убили отца, он бросил оружие в надежде, что в душах орков проснется хоть капля милосердия. Но мальчишку разрубили на части на моих глазах. Брат... он терпеть не мог оружия, фехтовал хуже, чем наш третий, самый маленький братишка, которого вообще не было на стенах. Он, наша мать и маленькая сестренка вместе с немногими женщинами и детьми прятались в подвалах. У нас в замке не было Портала, поэтому я и спрятал жену у ее родни...

— В нашем замке тоже нет Портала, — вспомнил я. — Вернее, был, но испортился очень давно.

— Из-за тебя, глупый мальчишка, — с улыбкой перебила Дайнериль, — наша Видящая сломала его нарочно, чтобы больше никто из детей туда не лазил. Это было просто чудом, когда тебя удалось вытащить оттуда живым и невредимым!

— Ух ты! — подскочил Норрик. — Расскажи!

— Потом, — отмахнулся я. — После ужина. Это слишком жуткая история, и кое-кому она здорово сможет испортить аппетит!

— Он прав, — вступил в разговор Эльфин. — А ваша Видящая? Где она теперь?

— Наша Видящая погибла в бою, — вздохнула сестра. — Иначе, думаю, она спасла бы жизнь Диарель.

— А наша — жива и здорова, — улыбнулся лорд Саллор. — Кто снимал меня с колючих кустов и лечил мои раны? Моя мать первое время лежала пластом, оплакивала погибших отца и брата. От нее не было никакой помощи... Нас в замке вообще выжило

семеро, не считая детей. Если бы не сироты, которые остались на руках у матери, и не умирающий я, она бы не оправилась. Мне почти три года пришлось заново учиться ходить и пользоваться обеими руками, а когда смог сесть на лошадь, отправился сюда, чтобы своими глазами увидеть, что осталось от моего семейного счастья...

— Тут я его и встретила, — вспомнила Дайнериль, — когда вместе с тремя другими эльфийками и их детьми вернулась в родные места.

— С тех пор я стал приезжать так часто, как только мог, — снова заговорил лорд Саллор. — Здесь живет моя дочь. Я уже один раз возил малышку в свой замок, показать бабушке, но она все время просится к матери. К леди Дайнериль. Я не могу их разлучать. — Он сверху вниз посмотрел на маленькую эльфийку, которая как раз в это время прильнула к моей сестре. — Но и оставить их — выше моих сил. А сейчас явились вы. Вы разрешите мне и дальше продолжать визиты? Ручаюсь, я...

— Я согласен, — быстро сказал я.

— Простите за нескромный вопрос, — вмешался в разговор долго молчавший Эльфин, — а ваша Видящая, та, которая лечила вас, где она теперь?

— Живет с нами. Ее звали обратно в Орден, но она осталась, тут у нее слишком много дел, — ответил лорд Саллор. — А почему вы спрашиваете?

— Имел дело с Орденом несколько лет назад, — уклончиво ответил Эльфин. — И больше не желаю с ним связываться. Но получить лишние знания не откажусь. Я ведь самоучка. Официально стою только на второй ступени обучения, хотя постепенно самостоятельно поднялся на третью. Хватаю знания там и тут, ищу учителей даже среди людей...

— Вы — волшебник? Но мужчин-магов не бывает!

— Долгое время не было, — поправил Эльфин. — Впрочем, это слишком длинная и довольно мрачная история, окрашенная кровью и приправленная смертью. Позвольте я расскажу вам ее в другой раз!

Со своего места я сделал Дайнериль знак, и сестренка правильно меня поняла.

— Чего же мы ждем? — вскочила она и сунула дочь в руки подбежавшей придворной даме. — Давно пора садиться за ужин! Благодаря лорду Саллору у нас сегодня настоящий пир!

Настоящий пир состоял из привезенной лордом дичи — нескольких зайцев и тетеревов, а также молодого козленка, которым явно пожертвовала сестра ради меня и моих спутников. Кроме того, подали кашу с небольшим количеством сушеных яблок и хлеба. Из напитков имелись только один бочонок вина, из которого разливали всем по очереди, и грушевый компот, а также немного простокваши — она досталась детям.

— Мы живем очень скромно и довольно тяжело, — шепотом, словно извиняясь, говорила Дайнериль, наклонившись ко мне. — Первые дни вообще приходилось питаться только тем, что находили в лесу. Потом пришла помощь. Помнишь лорда и леди Тиориль? Их замок захватили темноволосые и теперь обитают там. Дочь леди Тиориль живет с нами, вместе с ребенком, которого прижила от человека... В общем, те орки прислали нам домашний скот, несколько тюков тканей, нитки для вязания и домашние безделушки. Как ни странно, орки продолжают нам помогать. Вот эти скамьи, на которых мы сидим, и даже сам стол — их рук дело. А большой котел на кухне запаял некий орк-кузнец.

— Они все это делают по приказу императора, — вступила в разговор бледная печальная девушка, на коленях которой пригрелся ребенок-полукровка. — Мол, наш повелитель не хочет, чтобы его новые подданные жили в нищете!.. Не надо было приходить на нашу землю с войной, тогда и нищеты бы не было!

— Что поделает, леди, — Эльфин придвинулся ближе к говорившей. — Это война. Сменяется эпоха. Ушла в прошлое эпоха Рирена-Зверя, и теперь наступает эпоха Эля-Человека. Мир всегда встречает новую эпоху катаклизмами и войнами. Если вспомнить историю, то эпоха Рирена-Зверя, начало которой совпало с рождением принцессы Торандирель, тоже была ознаменована природными катастрофами. А что последовало потом —

просто вспомнить тяжело! Эта первая война с темноволосыми... И Смутное время, во время которого государство эльфов перестало существовать. Теперь все тоже меняется, и, как знать, может, нашим детям будет лучше! Ведь уже сейчас жизнь понемногу налаживается! Многие из тех, кого все считали пропавшими без вести, возвращаются на родину. И может быть, вы еще обретете свое счастье!

— Да кому я нужна, — опустила голову эльфийка, — с ребенком-полукровкой?

— Хотя бы этому ребенку! — убежденно воскликнул Эльфин. — Ваш малыш станет магом. Орден Видящих изменил свое мнение относительно того, могут ли мужчины обладать магическими способностями. Ребенок станет полноправным волшебником, а не жалким медиумом, позорищем своего рода. Вы еще встретите своего суженого, который полюбит вас несмотря ни на что. Может быть, даже увезет вас в свой замок, там вы забудете прошлое...

Мы с сестрой не принимали участия в их разговоре. У нас были свои темы.

— Весной я пришлю виноградные лозы, чтобы и у вас рос свой виноград, госпожа, — говорил лорд Саллор. — Жаль, что ваш сын слишком мал — я бы мог взять его с собой на охоту. Пусть уже сейчас привыкает к делу, достойному настоящего мужчины! Печально и то, что я не могу выучить его фехтованию — у него теперь есть свой учитель!

При этих словах оба посмотрели на меня, и я поспешил покачать головой:

— Прошу простить, но я здесь проездом. Мой путь лежит в поместье-столицу.

— Ах да, — воскликнула сестра. — Ты служил в Коралловых Зубах! Говорят, их больше нет?

— Есть, раз есть я. — Мне не хотелось говорить на подобные темы. — Кроме того, там меня ждет, — я покосился на Эльфина, но тот увлеченно беседовал с дамами, — ...там меня ждут...

Лорд Саллор внезапно взял меня под локоть и увлек в сторону от пирующих.

— Прошу меня простить, лорд Данкор, — заговорил он, убедившись, что нас никто не подслушивает. — Если бы не ваше появление, я бы поступил по-другому, но раз здесь оказался последний представитель рода Дармира, я решил попросить у вас руки вашей сестры, леди Дайнериль.

— Что?

— Это очень просто! Я — вдовец, она — вдова. Леди воспитывает мою дочь, я успел привязаться к ее сыну. Моя мать уже знает о моем решении. Мне трудно было решиться и произнести это вслух, но раз вы приехали, решил озвучить его. Вы согласны?

— Это так неожиданно. — Я повернулся и посмотрел на пирующих гостей и ни о чем не подозревающую хозяйку. — Можно подумать?

— Думайте, — согласился лорд Саллор.

Мы вернулись к столу и сразу были атакованы леди Дайнериль.

— О чем вы говорили? — накинулась она на нас.

— О тебе. — Я со вздохом опустился на свое место и пристроил на коленях левую руку. — Лорд Саллор только что просил у меня твоей руки.

Дайнериль побледнела и покосилась на нашего соседа:

— Это правда?

— Самая чистая! — воскликнул он. — Я люблю вас уже давно. Сначала это была простая благодарность за то, что вы спасли мою дочь, потом — уважение и преклонение перед вашим мужеством, и, наконец, пришла любовь. Я не просто так приезжаю к вам постоянно. Мне необходимо видеть вас, говорить с вами, касаться при встрече вашей руки, но я хочу большего. Я хочу иметь возможность обладать вами. Смею надеяться, что и я вам не безразличен... Конечно, я сейчас не могу дарить вам дорогие подарки — наша сокровищница разграблена... Но смею надеяться, что рано или поздно смогу осыпать вас золотом, как вы того заслуживаете! Вы согласны?

Лорд переводил взгляд с сестры на меня, а я смотрел на Дайнериль:

— Что скажешь? Я совсем не знаю этого лорда, мне трудно однозначно решить твою

судьбу. И потом, как же верность Этириру?

— Этирир мертв, — вздохнула сестричка, — прошло почти семь лет со дня его смерти. Я думаю... скажи, а ты сам никого не любишь?

Такой переход меня озадачил:

— При чем тут я?

— Во время войны мы все потеряли родных и близких, — произнесла Дайнериль. — Эта боль никогда не утихнет, но те, кто выжил, не должны оглядываться. Жизнь продолжается. Дети уже забыли ужасы войны и играют в эльфов и орков как ни в чем не бывало. — Она кивнула в сторону камина, возле которого юный Диарир на палках сражался с Озриком, альфаром-полукровкой, и, судя по всему, проигрывал. — Надо жить. Жить с открытым сердцем, — продолжала сестра. — Я собираюсь открыть свое сердце. Откроешь ли ты свое, Данкор?

— Откуда ты знаешь, что мое сердце закрыто? — ошетинился я.

— Ты ни разу не посмотрел ни на одну девушку в зале, — вздохнула сестра. — Кем бы ни была твоя избранница, она осталась в прошлом. Надо жить будущим.

— А если в будущем вернется она? — Застигнутый врасплох, я не придумал ничего лучшего, как сказать правду.

— Она не вернется. — К нам тихо подошел Эльфин. — Я знаю, кто она. Могу сказать, что сделаю все для ее возвращения, но... я не всемогущ. Не стоит надеяться на чудо. Я волшебник и потому могу сказать — чудеса создаем мы сами. Ничто в мире не происходит само по себе.

— Что же мне делать? — Я сидел, понутив голову, во власти тяжелых дум.

— Сначала — решить судьбу леди Дайнериль и лорда Саллора, — улыбнулся Эльфин, — а потом продолжить путь. Тот мальчик ждет тебя.

— Мальчик? — оживилась сестра. — Ты мне про него ничего не рассказывал! Кто он? Кто его мать? Как вы познакомились? Это и есть она?

Дайнериль буквально закидала меня вопросами, и я, бросив «благодарный» взгляд на Эльфина, начал рассказывать.

Проехать мимо поместья-столицы мы не смогли бы в любом случае. Пробирались по старой, заросшей дороге, и я с трудом узнавал места, по которым путешествовал много лет назад с отцом и Этириром. По пути нам попались четыре замка, но только в двух из них жили эльфы. По странной случайности один из опустевших замков, в котором только уцелевшее семейство светлых альфаров продолжало влачить жалкое существование, когда-то принадлежал одной из наших спутниц. Но хотя мы переночевали под его крышей, оставаться в отчем доме девушка не захотела и наутро последовала за нами.

Поместье-столица встретила нас неприветливо. Крепостные стены, которые огораживали ее от остального мира, стояли без присмотра. Многочисленные брошенные замки пришли в запустение, а сады и парки превратились в заросли, где не только человек — привыкший к лесным чащам эльф сломает ногу. Дорожки заросли, тропинки скрылись под травой и опавшей листвой, за кустами и лужайками никто не ухаживал, а посреди буйных зарослей красного шиповника неожиданно встретился замок, окна которого были заложены камнями так, что оставались только узкие щелочки. В самом шиповнике к дверям была прорублена широкая дорога.

— Что это? — спросил я, памятуя о том, что белый шиповник обычно вырастает в тех местах, где слишком много смертоносной магии. Красный шиповник служил символом неразделенной любви. Но что он означал здесь, да еще в таком количестве?

— Здесь живут орки, — спокойно объяснил Эльфин. — В каждом поместье-столице на Радужном Архипелаге есть теперь своя диаспора — от двадцати до пятидесяти воинов и ремесленников. Таково решение императора — когда-то орки жили в этих местах наравне с эльфами, но их сначала превратили в рабов, а потом и вовсе выгнали в горы. А орки, как оказалось, все-таки равнинные жители. Вот они и возвращаются домой.

Мне не пришлось долго ломать голову, гадая, чем орки занимаются на Коралловом Острове: буквально через несколько шагов мы встретили одного из них.

— Кто, куда, откуда и зачем? — поинтересовался он, выставив копьё и талгат. Спокойствие и ловкость, с которыми темноволосый все это проделал, говорили либо о немалом опыте, либо о полном отсутствии страха — ведь наш Татва мог вбить воина в землю одним ударом кулака.

— К наследнику Наместника лорду Данемиру, — спокойно ответил Эльфин, выезжая вперед. — Мое имя — Эльфин Невозможный. Я странствую по свету согласно приказу императора. Дела заставили завернуть сюда. Со мной беглецы из человеческих земель.

— Я слышал о вас, шаман, — кивнул орк. — Вы можете проехать!

С этими словами он отступил в сторону, показывая, что все формальности соблюдены, но, когда мы уже проезжали под аркой, поднял рог и трижды протрубил какой-то сигнал.

— Отлично, — улыбнулся Эльфин, услышав звук, — теперь нас встретят как положено.

Он оказался прав. Когда мы подъехали к широкой парадной лестнице дворца Наместников Коралловых, там уже стояли парами четверо детей — два мальчика и две девочки. Впереди застыли девочка-подросток и маленький мальчик, чье лицо мне было смутно знакомо. Чуть в стороне замерла другая пара — в ней постарше был мальчик, а девочка казалась совсем крошкой. Я поискал глазами взрослых, но нашел только нескольких эльфов, которые вышли следом за детьми и остановились в отдалении. Всего нас встречало чуть более десяти сородичей.

Неприятной деталью в происходящем стало очередное появление орков. Три смуглых татуированных великана в неизменных безрукавках, которые оставляли открытыми их руки, грудь, плечи, стояли стеной между нами и детьми. Они были вооружены до зубов и смотрелись весьма внушительно.

— Эти дети — сироты, — спокойно объяснил мне Эльфин, спешиваясь. — У них не осталось никого из родни, и орки взяли на себя охрану.

Я только кивнул, не сводя глаз с маленького мальчика, который крепко держался за руку сестры. Внезапно я узнал в нем того самого малыша, которого видел шесть лет назад на рабском торгу вместе с матерью. Это был сын Ленимирель!

— Сын Наместника Дейтемира и леди Ленимирель? — спросил, делая шаг вперед и не сводя с ребенка глаз.

— Да, — послышался голос Эльфина, — это он и его сестра. Взгляд невольно обратился на девочку. Сейчас передо мной стоял просто подросток, но в будущем эльфийка обещала стать настоящей красавицей.

— Как тебя зовут, милая? — обратился я к ней. Орки-телохранители заворчали, обнажая оружие, и Эльфин поспешил остановить меня:

— Два года назад маленький лорд подвергся нападению. Его жизни угрожала опасность. Орки дали клятву оберегать юного наследника ото всех напастей.

— Передайте им, что здесь я, и ни один ребенок теперь не останется без защиты.

— Орки понимают, — проворчал самый старший охранник, чье скуластое лицо пестрело татуировками. — Нет нужды в переводчике.

— Я прибыл специально, чтобы стать защитником юному Данемиру, — заявил я. — Мое имя — Данкор!

— Сотник Дедих, — проворчал тот. — В случае чего вам придется иметь дело со мной.

— Вам — тоже! — в тон ему ответил я.

Я был готов обнажить оружие прямо тут, на ступенях, и доказать свою правоту, но тут еще один орк подошел ближе и принялся что-то шептать в ухо сотнику.

— Запах... — услышал я обрывок фразы.

— Вот как? Эй, милорд Данкор, подойдите ближе!

Я послушно сделал шаг, еще недоумевая, для чего это надо. Сотник чуть-чуть наклонился и внимательно обнюхал меня, точно огромный зверь.

— Странно, но ты прав, — промолвил он своему молодому помощнику и поднял голову: — Вы можете войти и приступить к своим обязанностям!

Орки расступились передо мной, пропуская к мальчику и его сестре. Взгляд упал на другую пару детей:

— А это кто?

— Дети их тетки, леди Свирель, — оскалился сотник Дедих. — Она должна была оберегать своих племянников, но вместо этого предпочла убить мальчика на алтаре, чтобы с помощью черной магии открыть дорогу к власти собственному сыну! И кажется, я догадываюсь, почему у нее были причины желать смерти именно этому ребенку. — Орк выразительно шмыгнул носом.

— Я вас не понимаю, — холодно ответил я.

— Я объясню, — ответил сотник. — Вы пахнете почти так же, как юный наследник. По обычаям орков, это дает вам определенные права... Но учтите, пока мы тут, никто не причинит вреда мальчику!

— Я желаю этого не меньше вашего, — холодно ответил я и подошел к ребенку. — Как вас зовут, юный лорд? И представьте мне вашу сестру!

— Мое имя — Данемир, сын... сын... мама говорила, что мой отец вовсе не лорд Дейтемир, — запнулся мальчик.

— Ты это знаешь? — изумился я, не готовый к такому повороту событий.

— Да, — кивнул мальчик. — Мама говорила, чтобы я не печалился о лорде Наместнике, что он мне не родной и что мой отец — совсем другой эльф.

— Понятно, — вздохнул я.

Оказывается, меня помнили...

— А это моя сестра — леди Эльдирель, — продолжая мальчик.

— Очень приятно, — улыбнулся я. — Вы станете настоящей красавицей, леди Эльдирель. Жалею, что не мог знать вас раньше!

— А вы раньше были тут? — спросила девочка. У нее оказался приятный голос.

— Да. Я какое-то время провел в поместье-столице и прекрасно знал вашу мать.

— Значит, вы знали и моего отца? — воскликнул Данемир.

— Мм... Да.

— Расскажите мне о нем. Какой он? Мама говорила, что отец был самым лучшим и непобедимым воином?

— Твоя мама была права, малыш, — промолвил я. — Он был непобедим. Он был...

Я замялся — что рассказывать этому мальчишке? Историю о самом себе или все-таки красивую сказку?

— А правда, что отец однажды вызвал на бой моего старшего брата и победил? — огорошил меня вопросом мальчишка.

— Правда.

— Расскажите! Я тогда еще не родился, и никто мне ничего не рассказывает... А где сейчас мой папа?

— Очень далеко. Но он спешит к тебе изо всех сил, а пока прислал меня...

— Чтобы я был готов к встрече с ним, да? — закивал мальчик.

Я услышал сзади легкое покашливание, обернулся и увидел Эльфина, который скептически качал головой. Маг явно не одобрял моей лжи. Но не мог же я так, с порога, признаться этому ребенку, что я и есть его настоящий отец?

Мы стояли и смотрели друг на друга, пока старшая сестра Данемира не вышла вперед со спокойной важностью хозяйки.

— Дорогие гости, — промолвила она, — вы сильно устали с дороги. Прошу простить меня за то, что я заставила так долго стоять на пороге. Скоро будет готов ужин, а пока приглашаю вас пройти в парадный зал, где можно отдохнуть. Для желающих вот-вот будет готова ванна, для детей — комнаты, где они смогут вздремнуть.

Юная эльфийка повела рукой, приглашая гостей проследовать за собой, и все стали

подниматься по ступеням мимо нас. А мы с Данемиром все стояли и смотрели друг на друга, пока проходивший мимо Эльфин не кашлянул предупредительно.

— Может быть, вы позволите предложить вам прогулку? — спросил я у мальчика.

— Конечно! — так и засиял он. — А то меня уже два года никуда не выпускают одного! Я всегда хожу под конвоем орков! А они не разрешают даже бегать!

Он улыбнулся, и детская ладошка доверчиво устроилась в моей руке, после чего мы отправились бродить по близлежащим зарослям. Сначала за нами следовала пара вооруженных орков, но потом они отстали.

Мы долго бродили по окрестностям замка, и Данемир рассказывал, как играет с уцелевшими мальчишками — в войны, осады, спасения принцесс, мячи, салки-догонялки и другие мальчишеские игры.

— А иногда меня забирают, сажают за стол и читают всякие скучные указы, — жаловался он. — Я так не хочу этим заниматься, а мне говорят, что должен, потому что я будущий Наместник и все такое... Только как же я буду Наместником, если я не сын предыдущего Наместника? Мама говорила, что однажды мой отец вернется, и все будет хорошо. Только она обманывала, — вздохнул мальчик.

— Ты считаешь, это так?

— Еще бы! Ведь мамы нет, а вместо отца — приехали вы.

Я почувствовал болезненный укол в груди:

— Тебе было бы лучше, чтобы я уехал?

— Нет, — так же легко пожал плечами мальчик. — С вами спокойно. Даже орки — и те за мной уже не ходят.

— Ты не любишь орков?

— Раньше не любил, но потом они спасли мне жизнь, когда тетя Свирель хотела меня убить, и с тех пор я их уважаю! — со взрослыми интонациями ответил Данемир.

Устав бродить кругами, я привел его на то место, где раньше стояли казармы Коралловых Зубов. Еще на подходе Данемир вцепился в мою руку так, что я закрипел зубами.

— Что случилось?

— Это плохое место, — прошептал мальчик. — Мы лазили туда. Там много мертвецов.

— Там служил твой отец, — возразил я. — И мне хочется от его имени поклониться праху погибших воинов.

Юный наследник Наместника пошел за мной, тихо ступая и стараясь не дышать.

Вокруг казарм трава бугрилась десятками орочьих могил. Как я выяснил впоследствии у сотника Дедиха, здесь орки устроили свое кладбище, но это же привело к тому, что эльфам был закрыт путь внутрь казарм, в которых заперлись и нашли смерть последние из Коралловых Зубов. Мои товарищи сражались и погибли именно здесь — отступить им было некуда.

— Им не могли помочь? — прошептал мальчик.

— Орки тогда ушли дальше. Я виню в этом нас самих — я ведь был здесь буквально через пару дней после их ухода. Тогда в казармах еще кто-то оставался в живых... Если бы я знал тогда... Пошли отсюда. Нужно поговорить с Дедихом — может быть, он согласится провести нас по своему кладбищу? В конце концов, война не завершена, пока не похоронен последний воин. Так говорят в Вольных Княжествах, а там постоянно идут войны.

— Вы были так далеко? Расскажите!

— Я все тебе расскажу, юный наследник...

— Не называйте меня наследником!

— Но ты станешь Наместником!

— Потом! А сейчас — нет! — Мальчик притопнул ногой. Странно, но этим жестом он напомнил мне меня самого в детстве.

После этого мы отправились на плац для тренировок, там давно уже росла трава, торчащая сейчас из снега. Я утоптал небольшую площадку, показал Данемиру несколько

боевых приемов. Он остался в полном восторге — мальчик как раз входил в возраст, когда его пора было начинать учить фехтованию, но настоящих учителей в замке не было. Эльф-мужчина тут имелся примерно один на пятерых женщин, и, пока мы прогуливались, я заметил поблизости двух-трех одиноких эльфиек, пытающихся обратить на себя мое внимание.

В результате мы прогуляли обед и явились к столу только к ужину. На резонный вопрос старшей сестры, где мы были, Данемир махнул рукой:

— Да ну! Мне с Данкором спокойно! Он так много знает! Ты можешь сказать, например, почему у него левая рука не шевелится? И ему совсем не больно, сколько ее ни сжимай?

Я невольно поежился.

— Это потому, что он потерял руку в битве! — торжественно провозгласил мальчик на весь зал. — Он сражался и был ранен! А потом стал носить на руке боевую перчатку и... Я правильно рассказываю? — Малыш преданно посмотрел мне в глаза.

— Правильно, — кивнул я, — только после боя я долго болел, и руку пришлось отрезать, чтобы я не умер...

— Нет, так неинтересно! — воскликнул ребенок. — Пусть ее отрубят в битве! Ладно?

Я только усмехнулся. Вот так и рождаются легенды.

Это был необычный ужин. Данемир болтал без умолка, чем заслужил несколько замечаний от сестры и даже от меня. Хотя, согласно новому правилу этикета, малочисленные мужчины сидели так, чтобы на каждого приходилось по две дамы, на Эльфина этот закон явно не распространялся. Он устроился по левую сторону от меня и, улучив минуту, шепнул:

— Мальчик явно от вас в восторге. Не жалеете, что приехали?

Я покосился направо, там уютно устроилась какая-то леди, вззирающая на подруг с видом победительницы:

— Нет.

После ужина долго сидели у камина — Эльфин и я по очереди рассказывали разные истории из жизни. Данемир слушал до тех пор, пока не начал клевать носом, после чего я отнес мальчика в его комнату. Там нас поджидали две служанки — альфара и орчиха. Заметив меня, орчиха поклонилась и удалилась прочь, а мы с альфарой раздели сонного мальчика и уложили в постель.

Маленькая детская ладошка вцепилась в мою правую руку:

— А ты завтра будешь?

— Буду.

— И когда меня опять позовут учиться и работать с документами?

— Обязательно буду! — ответил я и неожиданно для себя добавил: — Я приехал навсегда!

— Это хорошо, — вздохнул Данемир и через несколько секунд заснул, так и не выпустив моей руки. Я устроился прямо на полу, прислонился спиной к стене, стараясь не выпустить детскую ладонь.

Не помню, чтобы я любил детей. До сих пор как-то обходился без этого чувства, но мальчик, упрямо ждущий своего настоящего отца, тронул в моей душе какую-то заветную струну. Возможно, я просто повзрослел и дождался необходимости иметь семью. Как знать! Я так и просидел у постели сына всю ночь, хотя служанка-альфара несколько раз заглядывала и звала меня отдохнуть. Конечно, утром болело все тело, но я старался не обращать на это внимания, потому что Данемир опять тянул меня куда-то.

Миновало несколько дней. Мне постелили прямо на полу спальни наследника, а орочий пост у дверей сняли. Вместе с Данемиром мы излазили все, что только можно, несколько раз ненадолго выбирались из поместья-столицы. Оба мечтали о лете, тогда можно будет ходить на речку, протекающую невдалеке. Мальчик просил, чтобы я научил его плавать, и я дал клятвенное обещание исполнить его просьбу. В свободное время мы занимались физическими упражнениями, фехтованием и приглашали на занятия других детей — эльфов,

альфаров, даже двух старших орчат. В результате дети вытоптали занесенный снегом плац до земли, тем более что весна вступала в свои права, и снега таяли буквально на глазах. Решили и вопрос о перезахоронении останков Коралловых Зубов — мертвецов погребут по эльфийскому обряду, едва просохнет земля и закончится половодье.

Идиллия закончилась на самом пике.

Эльфин уехал накануне — одна из спасенных нами девушек согласилась остаться в поместье-столице, как многие до нее. А у другой нашлись родственники и взяли ее к себе. Кроме того, надо было вернуть матери леди Ленирель и заодно испросить согласие на брак эльфийки и альфара. Так что в один прекрасный момент молодой маг отбыл с Кораллового Острова. Прощание было коротким и сухим — у Эльфина оказалось слишком много дел на Радужном Архипелаге и вне его, чтобы он мог позволить себе долгие прощания. Юноша пообещал заглянуть позднее, да и то в случае, если будет проезжать мимо поместья-столицы.

Итак, маг скрылся за поворотом, а на другой день нас посетил высокий гость.

Мы играли на заднем дворе — Данемир, второй мальчик, которого я видел на ступенях и который оказался его двоюродным братом, еще несколько детей эльфов и альфаров. К нам, запыхавшись, прибежала Эльдирель.

— Чем вы тут занимаетесь? — не переведя духа, выкрикнула она. — Там приехал лорд Мирадар!

Данемир испустил горький вздох, зато его кузен приободрился:

— Дядя Мерри! — воскликнул он. — Где он?

— Идет сюда!

Данемир немедленно придвинулся ко мне и взял за перчатку на культе. За те несколько дней, которые мы пробыли вместе, это стало означать, что он оставляет мне свободной здоровую руку, чтобы я мог сражаться.

Лорд Мирадар оказался представительным эльфом, выглядел намного лучше меня, поскольку ваш покорный слуга одет был неважно и щеголял в куртке с орочьего плеча и в орочьих же сапогах — из-за моего роста я пока не мог носить то, что предлагали мне наши швеи. Разве что штаны и туника являлись моими собственными, но такими заношенными, что казались старше, чем были.

— Что здесь происходит? — первым делом спросил лорд Мирадар. — Почему шум и гам?

Он обращался ко всем сразу, и я решил принять удар на себя:

— Мальчики играют...

— А вы кто такой?

— Я... э-э... воспитатель...

— Данкор — мой друг! — запальчиво воскликнул Данемир и сжал мою культю повыше перчатки.

— Очень странный друг, — меня осмотрели с ног до головы, — почему я раньше о нем ничего не слышал?

— Я прибыл всего несколько дней назад и...

— Вы должны были дожждаться моего приезда, чтобы я побеседовал с вами и решил, достойны ли вы считаться другом наследника Наместника! — высокопарно произнес лорд Мирадар.

— Простите, а кто вы?

— Я — опекун юного лорда Данемира и юного лорда Межамира. — Он положил руку на плечо кузена. — Я — старший брат его отца, супруга покойной матери, леди Свирель, и должен отвечать за осиротевших племянников.

Кто такая леди Свирель и какую роль она два с половиной года назад сыграла в судьбе Данемира, я уже слышал от орков и Эльдирель, так что сразу почувствовал недоверие к прибывшему.

— Если вы опекун, то почему не живете здесь? Почему бросили подопечных на произвол судьбы?

— У меня имеются и свой замок, и своя семья, которые тоже нуждаются во мне, — свысока бросил лорд. Несмотря на нашу разницу в росте, он ухитрился выглядеть выше меня. — А вот где ваш замок и почему вы отираетесь тут, хотя должны жить там?

— Мой замок здесь, — ответил я.

— Вы — высокий лорд?

— Я простой лорд, но...

— Вот и молчите, когда говорит высокий лорд! Благородный наследник, я прибыл, чтобы заняться с вами текущими делами. Налоги снова следует поднять, ибо...

— Но я не хочу! — Мальчик спрятался за мою спину. — Я хочу играть...

— Нормальное желание для ребенка его возраста, — вставил я. — И потом, что мальчик понимает в налогах? Не рано ли учить ребенка искусству управлять?

— Этому учить никогда не рано и не поздно, — отрезал лорд Мирадар. — Иначе, когда вырастет и возложит на свои плечи бремя власти, он просто не будет знать, что и как делать!

В этих словах была своя правда, но я что-то в нее не слишком верил. И то, как прятался за мою спину Данемир, укрепляло меня в сомнениях.

— А мне кажется, что как опекун вы бы сами легко справились с задачей! — возразил я.

— Ха! Чтобы с меня потом спросили за то, что тут произошло, пока Наместник был еще мал? Чтобы я отвечал за слова и поступки малолетнего правителя?

И тут мне все стало ясно. Так ясно, что я выхватил меч:

— Защищайтесь!

— Что? Вы угрожаете мне?

— Именно вам! Не позволю делать из ребенка козла отпущения и валить на него ваши грехи!

— Да я... да вы...

— Дядюшка! — бросился к разгневанному гостю Межамир, но лорд Мирадар оттолкнул племянника и тоже выхватил меч.

— Бой! Бой! — радостно закричали вокруг нас дети. Для поединщиков немедленно расчистили площадку.

Судя по тому, как накинудся на меня лорд Мирадар, он считал себя непревзойденным бойцом. Но он не подозревал, что однажды судьба сведет его с самим Данха-и-Нуром, который не умеет проигрывать. Мой меч просто пел, летая вокруг. Я сразу задал такой темп, что противник еле дышал и постепенно перешел в глухую оборону. Еще чуть-чуть, и я мог бы сказать, что счастлив, но внезапно бой остановился.

— Мастер, — если лорд Мирадар хотел меня унижить, он этого добился, — а почему вы действуете только одной рукой?

— Потому, лорд, что у меня и есть только одна рука! — не счел нужным врать я.

— Вот как, — протянул он, — это существенно меняет дело... Я отказываюсь драться с калекой!

— Данкор — не калека! — запальчиво воскликнул Данемир. — Он — великий герой!

— Скорее — великий обманщик! — парировал лорд Мирадар. — Как бы то ни было, честь запрещает мне продолжать бой! Я советую вам немедленно покинуть поместье-столицу, иначе вас вышвырнут силой!

— Докажите сначала, что я не имею права тут находиться!

— Я ничего доказывать не буду. — Лорд Мирадар попятился. — Докажет все император!

— Дядя! — крикнул маленький Межамир. — Куда же ты?

— За справедливостью, — пылко воскликнул тот, опасаясь, однако, поворачиваться ко мне спиной. — Если нас не смогли рассудить мечи, пусть рассудит сам император!

Отойдя на достаточное расстояние, опекун споткнулся, все-таки повернулся и потрусил прочь, забыв о солидности, приличествующей высокому лорду. Я смог только усмехнуться ему в ответ. Дети повели себя совсем по-другому — они провожали гостя смехом и

улюлюканьем, но юный Данемир смолк, едва я взял его за руку:

— Нельзя смеяться над взрослыми!

— Но я его не люблю! — воскликнул мальчик. — Он такой противный! Ты его прогнал — и это здорово! Пошли играть!

Что до меня, я отнюдь не разделял оптимизма воспитанника. Гнев высокого лорда и в прежние времена был опасен, а тем более сейчас, когда за его спиной стоял император! В прошлом высокий лорд мог обратиться к своему Наместнику, и тот издавал указ, по которому преступнику не было хода на Радужный Архипелаг. Отменить наказание мог только другой Наместник, соглашавшийся дать изгнаннику приют. Но к кому обращаться, если, как сказал Эльфин, Совет Наместников теперь лишь формальная организация, а все вопросы решает император? Что со мной будет, если он примет прошение лорда Мирадара и меня изгонят с Острова?

Примерно такие мысли владели мною в тот день. Мальчик почувствовал мое настроение. Прощаясь — я, как всегда, проводил его до постели, — он заставил меня нагнуться и прошептал:

— Я люблю тебя, Данкор!

— Я тоже люблю тебя, малыш, — ответил я.

Через несколько дней наступила теплая дружная весна. Снег растаял буквально на глазах, из земли полезли первоцветы. Они чудом уцелели на клумбах и в парках, большие охапки цветов приносили к столу, плели из них гирлянды и развешивали между колоннами. Все это виделось приветом из той, прошлой жизни, в которую никому не было возврата.

Весной всегда развозит дороги. И вот в самый разгар распутицы, сразу после первых весенних дождей, когда тропинки и тропы превратились в грязь и нечего было думать о путешествии, к нам в поместье-столицу пришло письмо. Доставил его эльф-вестовой. Это был приказ императора Хаука Первого немедленно прибыть в Цитадель всем Наместникам вместе со своими наследниками, достигшими определенного возраста.

Я к тому времени успел поставить себя так, что эльф-вестовой не удивился, вручая конверт мне.

— Что там такое? — Данемир тут же от любопытства привстал на цыпочки.

— Нас призывает к себе император, — сообщил я.

— Кого — нас?

— Тебя и, наверное, меня!

— Ух ты! — Мальчик запрыгал. — Мы поедем вместе...

— Поедем-то мы вместе, — вздохнул я. — Вот как бы возвращаться не пришлось порознь!

Но ребенок не разделял моего пессимизма. Он тут же помчался искать сестру, чтобы сообщить ей радостную новость — он наконец-то отправится в Цитадель, и Данкор будет с ним.

Я поспешил показать письмо сотнику Дедиху. Не то чтобы у нас с ним сложились особенные доверительные отношения, но все-таки мои нынешние куртка и сапоги раньше принадлежали ему. Да и кое-какие его советы оказались очень ценными.

Сотника отыскал на крыльце орочьего замка, тот внимательно смотрел, как учатся биться десять новобранцев — император недавно сдержал слово и усилил его гарнизон, так что теперь под началом сотника было сорок воинов и полтора десятка орков других каст. Одним глазом следя за новобранцами, другим орк прочел письмо.

— Это подлинный вызов, — сказал он. — Если бы вы, светловолосые, умели различать запахи, ты бы понял, что указ пахнет лично императором.

— Значит, я должен ехать? — догадался я.

— Боишься за свою шкуру? — догадался сотник.

— Боюсь за Данемира. В дороге все может случиться!

— Ты прав, — сотник немного помолчал, — я дам сопровождающих. Десяти орков должно хватить. И ты подбери эльфов, которым можешь доверять! Двадцать лучше десяти.

Вопреки мрачным прогнозам единственными нашими проблемами были распутица, грязь и бездорожье. Только по Радужному Архипелагу мы могли путешествовать по дорогам: стоило пересечь границу — торные пути исчезали. Орки не пользовались дорогами в прямом смысле этого слова. Дорогой они называли ту местность, по которой собирались пройти. Несколько раз в день нам приходилось спешиваться и вести лошадей на поводу, на привалах сначала искали сухое место, где можно было разжечь костер, потом в ближайшем ручье набирали воду и шли отмываться.

Данемиру поездка казалась одним большим приключением. Он послушно спешивался, если поступало распоряжение, сам тянул своего скакуна за узду, таскал хворост и бегал к ручью умыться. И все это с такой неизменной улыбкой, что расцветали все вокруг. На девятый день пути впереди показалась цитадель.

Эпилог

Я надеялся, что нас, эльфов, пригласят в один из тех замков, которые высились на вершине горы, но орк-привратник сообщил, что всех ждут в тронной пещере.

Пещера была не просто велика — она была огромна. Сводчатый потолок терялся далеко вверху и был усыпан необработанными самоцветами так, что камни как бы складывались в звездное небо. Двойной ряд факелов освещал пространство. Стены украшало оружие всех известных рас, в том числе и эльфов, а также шкуры диких зверей. В центре пещеры на огромной шкуре дракона были установлены два каменных трона — большой и поменьше. За тронами неумолчно шумел водопад.

Из четырех арок, украшенных резьбой, один за другим выходили эльфы. Каждый Наместник или Наместница привели с собой хотя бы одного придворного, так что скоро стало тесно от ярких и пышных одеяний.

— Лорд Данкор!

Я, державший Данемира за руку, встрепенулся и поспешил задвинуть мальчика подальше за спину — вдруг придется драться? — но это оказался Эльфин со своим неразлучным Норриком.

— Я все время вас искал, — заявил молодой маг с мальчишеской улыбкой. — Что же вы держитесь в тени? Это высокое собрание затеяли ради вас!

Я с любопытством вытянул шею, рассматривая лордов и леди.

— Но я никого тут не знаю...

— О, я вам сейчас кое-что расскажу. — Эльфин поудобнее перехватил посох. — Вон, видите стаю эльфов в белом? Это семейство Эритара Жемчужного. Лорд Тиндар из этого Дома женился на орчихе, и, хотя он наследник Наместника Эритара, семья отказалась от него. Теперь у лорда Эритара нет официального наследника, и они все ходят за ним толпой... А вон — лорд Моррир Рубиновый с сыном Тинамиром. Два года назад император утвердил его развод с леди Тинатирель Карбункуловой, и, кажется, он уже собирается жениться снова... А там — лорд Калливар Аметистовый, дядя лорда Карадора. Интересно, как он будет выкручиваться, если император поинтересуется, где его наследник? Я ведь рассказал ему об изгнании Карадора!.. А вот — лорд Шандиар Изумрудный. Милорд! Милорд! — замахал Эльфин крупному плечистому лорду как близкому другу. Его сопровождала женщина очень пышных для эльфийки форм.

— Эльфин! Ужасно рад тебя видеть! — воскликнул тот, подходя. — Что же ты не заезжаешь в гости?

— У меня много дел. Отсюда я опять отправлюсь в странствия по миру!

— Но вы обещаете заглянуть к нам и полюбоваться на наших сыновей? — вступила в разговор леди Наместница.

— Обещаю, госпожа Ллиндарель!

— Лорд Эльфин?

Мы все невольно вздрогнули — столько решимости прозвучало в этом голосе. К нам

приближался невысокий молодой эльф с регалиями Наместника. Цвет его одеяний говорил о принадлежности к Нефритовому дому.

— Лорд Эльдар, — почтительно кивнул Эльфин. — Какими судьбами?

— Теми же, что и все остальные, — ответил тот. — Я ужасно рад вас здесь встретить. Почему вы за два года ни разу нас не посетили?

— У меня были дела...

— Вот как? А мы вас очень ждали! Наш брачный союз с леди Эльсирель был заключен без должного оглашения, мои дети считаются бастардами...

— Дети? — оживился Эльфин. — У вас есть дети?

— Буквально за день до того, как прислали приглашение от императора, леди Эльсирель подарила мне двойню, сына и дочь, — с гордостью ответил лорд Эльдар. — Но вас ждет кое-кто еще!

— Кто же?

— Год назад, — голос Наместника Нефритового задрожал, — личная служанка моей Эльсирель, как раз накануне нашей с нею свадьбы, родила сына. Полукровку! Она назвала мальчика Эльфином, и по некоторым признакам я склонен считать, что вы — его отец!

Признаться, я с удовольствием наблюдал, как смутился великий маг и опустил глаза.

— Это было случайностью, — промолвил он.

— Согласен, однако я надеюсь, что вы хоть раз навестите своего сына?

— Постараюсь... Кстати, а как ваша мать, леди Ганимирель?

Теперь пришел черед смущаться лорду Эльдару, и я подумал, что в прошлом этих людей связывали очень непростые отношения.

— Миледи уединилась в одном из своих замков и не принимает моих посланцев, — мрачней, промолвил лорд Эльдар. — Она отказалась присутствовать на нашей свадьбе и еще не знаю, ответила ли на письмо о родившихся у нее внуках. Мама вообще не отвечает на мои письма. Я только со слов слуг знаю, что она день-деньской упражняется в фехтовании и извела всех пажей своими придирами. Боюсь, как бы ее не одолела скука. Все-таки она — моя мать!

— Почему же она осталась одна? А как же леди Отрирель?

При этих словах лорд Эльдар обернулся через плечо. Я, благодаря своему росту, через его голову увидел высокую красивую леди в переливающемся черно-фиолетовом платье, расшитом белыми и серебряными звездами. Волосы ее были уложены в причудливую прическу, что обозначало женщину, побывавшую замужем. Вокруг нее вилось несколько блестящих кавалеров, но красавица обращала на них внимания не больше, чем на выставленные вдоль стен чучела.

— Леди Наместница Отрирель Обсидиановая и есть самая главная причина скуки моей матери, — со вздохом произнес лорд Эльдар. — Она сразу после похорон Эльгидара вернулась на свой Остров, аннулировала брак и была официально объявлена императором наследницей. Новым Наместником должен был стать ее супруг, но леди Отрирель заявила, что никогда не выйдет замуж. Дело в том, что она оказалась беременна и в положенный срок родила мальчика. Моя мать кинулась было на Обсидиановый Остров, чтобы посмотреть на сына Эльгидара, но ей пришло письмо от бывшей невестки. Та запрещала свекрови даже близко подходить к ребенку. Назвала мальчика Меандаром и заявила, что ее сын не будет иметь никаких связей с Нефритовым Островом. Я сам узнал обо всем полгода назад, на церемонии объявления нового наследника. А все эти высокие лорды, — он кивнул на окружающих леди Отрирель эльфов, — до сих пор лелеют надежду, что она одумается.

— Я навещу ее, — прошептал Эльфин.

— Не думаю, что это — хорошая идея. Я сам писал леди, и мне тоже запретили видаться с племянником.

— Я имею в виду вашу мать, — поправился молодой маг. — Может быть, мне удастся чем-то ей помочь?

Лорд Эльдар открыл рот, чтобы что-то спросить, но гулкие голоса орочьих труб

возвестили о приходе императора.

Тот вышел из бокового хода, плечом раздвинув толпящихся Наместников и их приближенных. За ним в окружении знатных девушек следовала императрица.

— А вон та, видите? — завертелся Норрик, толкая всех локтями. — Вон та, в розовом платье? Это моя невеста! Ленирель! Привет! — Он замахал было рукой, но был остановлен Эльфином.

Девушки расселись на подушки вокруг трона императрицы, за спиной императора встали три эльфа и четыре орка. Один из эльфов практически ничем не отличался от орков, кроме цвета волос и кожи, двое других были одеты не скромнее собравшихся гостей.

— Вон тот, одетый и татуированный, как орк, — свистящим шепотом просветил меня всезнайка Норрик, — и есть лорд Тиндар, бывший наследник Наместника Жемчужного Острова. А двое других — Бальгор, мастер Смысла, и лорд Паномир, брат императрицы. Из орков я знаю только вон того, помоложе. Это Эйтх. Просто Эйтх...

Больше он ничего не успел сказать — снова взревели гнусавые орочьи рога, и Наместники по одному стали подходить к трону, преклонять колено и провозглашать клятву верности императору.

— Этот церемониал был введен всего два года назад, — опять вылез неугомонный Норрик. — До этого Наместники просто здоровались. Но после попытки мятежа император стал каждый раз требовать от подданных клятву верности. Тут поблизости есть шаман. Он и выясняет, кто сказал правду, а кто солгал.

Я, впервые видевший всю эту толпу Наместников и Наместниц, смотрел во все глаза и слушал во все уши, в результате чего чуть не пропустил миг, когда надо было выходить нам. Десятник Хорст толкнул меня в спину, приказывая поторопиться. Я взял Данемира за руку, сделал шаг вперед и преклонил колено перед троном императора.

— Мой император...

— Я не знаю тебя, — тут же перебил меня он, наклонившись вперед. — Назовись, кто ты, откуда и почему претендуешь на право присутствовать тут?

Рука Данемира шевельнулась — я взял мальчика здоровой рукой, — но не успел и рта раскрыть, как меня перебили.

— Мой император, — вперед протиснулся лорд Мирадар, он тащил за руку юного Межамира, — этот самозванец, пользуясь тем, что по ошибке получил от вас письмо с приглашением, явился сюда, чтобы захватить власть на Коралловом Острове!

Хорст, стоявший за моей спиной, зарычал:

— Мой император, здесь присутствует наследник Кораллового Острова, юный Данемир...

— Назначенный вами до тех пор, пока не будет найден и назван истинный Наместник или его наследник! — опять перебил лорд Мирадар, подходя ближе. — Вам известны наши обычаи. Только кровное родство дает право претендовать на звание Наместника! Род Дейтемира Кораллового прервался — погиб он сам, погибли его сын Дейтемир-младший и его брат, пропали без вести его дети. Видящие установили, что не осталось в живых никого из этого Дома. Но есть Дом его сестры, леди Свирель, чьего сына, родного племянника Дейтемира Кораллового, я представляю! С этими словами он вытолкнул мальчика вперед:

— Вот истинный наследник Наместника, а не этот самозванец!

— А что скажешь ты? — Император вдруг посмотрел на меня в упор.

— Император, — я сделал глубокий вдох, ибо признаться сейчас, что рядом со мной стоит мой сын, означало отдать победу лорду Мирадору и его племяннику, — я когда-то служил в Коралловых Зубах, личной гвардии Наместников Коралловых... Мне стало известно, что некоторое время назад на мальчика было совершено покушение, и я вернулся на Остров исключительно для того, чтобы защищать его!

— Это поступок настоящего мужчины, — кивнул сидевший на троне орк. — Я хвалю тебя за это. Назови свое имя, чтобы присутствующий здесь Бальгор, мастер Смысла, внес его в списки как имя официального защитника наследника! Или как там это у вас называется?

Первого поединщика?

— Но, мой император, — в третий раз вылез лорд Мирадар, и я почувствовал горячее желание придушить его на месте, — посмотрите на его левую руку!

— А что с нею? — живо заинтересовался император.

— Ее нет! — патетически воскликнул лорд. — По закону калека не может быть Первым поединщиком, ибо это звание дается только настоящим бойцам...

— Он прав, — упали тяжелые слова императора. — Есть такой закон. Но я даю тебе поблажку, бывший Коралловый Зуб: назови того, кто вместо тебя станет Первым поединщиком наследника!

— Мой император! — Сзади стукнул посох, и я по голосу угадал Эльфина. — Эта война принесла на нашу землю слишком много горя. Слишком много вдов и сирот оставила она. Еще не все пленники вернулись на родину, и подозреваю, что некоторые из них так никогда и не увидят родных мест. Этот мальчик потерял мать. Не отнимайте у него еще и отца!

— Что? — хором выкрикнули сам император и лорд Мирадар, а я встал с колен, с некоторой гордостью почувствовав, что оказался выше даже самого императора.

— Это правда. Мое имя — Данкор из Дома Дармира, я — настоящий отец этого ребенка! И я готов, даже с одной рукой, бросить вызов любому, кто встанет между мной и моим сыном!

— Да будет так. — Тяжелая императорская длань шлепнулась по подлокотнику кресла. — Поединок, здесь и сейчас, между Данкором из Дома Дармира и тем, кто решится оспаривать его титул Первого поединщика. Победитель получит все. Уведите детей!

Межамир послушно отступил в сторонку, а Данемир, которого тянул за руку Хорст, вскинул на меня глаза:

— Это правда? — Что?

— Что мой отец — ты?

— Да, малыш. Я хотел сказать тебе об этом сразу, но как-то так получилось...

— Хорошо...

— Что?

— Хорошо, что это все-таки ты! Ты постарайся победить, ладно?

— Ладно. — Я почувствовал, что улыбаюсь. — Я тебя люблю!

— Я тоже все равно буду тебя любить, только ты постарайся победить!

Мы встали с лордом Мирадаром друг напротив друга — у него не появилось желания выставить вместо себя кого-то другого. Однажды мы уже скрещивали мечи и знали возможности друг друга, поэтому бой начался классически — с обманных выпадов, когда каждый старается прощупать брешь в обороне противника. Я действовал спокойно и уверенно — в конце концов, кто тут из нас знаменитый Данха-и-Нур? Кто провел больше смертельных поединков, чем этот лорд — турниров? Шесть лет я только и делал, что сражался на гладиаторских аренах, а этот воин знает о гладиаторах только то, что когда-то таковыми были орки.

Лорд Мирадар не стал ходить вокруг да около чересчур долго. После нескольких обманных выпадов последовал настоящий. Перехватив меч двумя руками, он кинулся вперед, но я увернулся с линии атаки, сбил на сторону летящий мне в голову клинок. При этом оказался сбоку от противника и не замедлил коснуться кончиком лезвия его бока:

— Убит!

— Ура! — закричал из рядов зрителей Норрик. — Наша взяла!

— погоди! — Лорд Мирадар снова встал в позицию. — Император еще не сказал своего слова.

Тот действительно подался вперед, поджал ноги так, словно желал спрыгнуть с трона, на который забрался с ногами. Глаза его жадно блеснули. Я успел подумать, что в правители нам достался настоящий воин, когда лорд Мирадар атаковал вторично.

Эта атака состояла из целой серии выпадов и ударов, так что мне пришлось попотеть,

показывая свое искусство. Пожалуй, даже на арене не всегда было так жарко — впрочем, там у меня действовали две руки. Здесь же я мог лишь иногда подхватывать меч левой культией, но не перехватывать его, как делал противник. Мои удары были слишком однотипны, чем лорд Мирадар не преминул воспользоваться. Он быстро изучил мой стиль и старался бить в одни и те же места.

«Используй преимущества своего роста! — помнится, говорил мастер Теор, незнатный эльф, тем не менее ставший таким искусным фехтовальщиком, что я, лорд, учился у него сражаться. — Бей сверху. Оттуда твой противник никогда не достанет тебя!»

Свой следующий удар я обрушил на лорда Мирадара именно сверху. Сверкающая полоса стали прочертила воздух, и мой противник закричал.

Лорд еще мог отбить этот удар, но понимал, что я собираюсь делать дальше, как буду выводить меч из этого падения, и знал, что против этого удара у него нет спасения. В следующий миг он будет разрублен надвое...

И я остановил меч как раз на его поясе, разрезав его вместе с пряжкой.

— Когда-то давно мне много пришлось убивать, — сказал я. — Шесть лет я был убийцей, на моем счету сотни жизней, и, переступив границы Радужного Архипелага, я поклялся, что ни один эльф не падет от моей руки. Если желаешь, лорд Мирадар, мы можем продолжить бой. Но сомневаюсь, что тебе с твоими двумя руками удастся хотя бы ранить меня.

Тот смотрел на мой меч. Мы оба знали, что под распоротым поясом он касается голой кожи эльфа. Если бы я не остановил удар, сейчас лорд Мирадар был бы нанизан на лезвие, как бабочка на иглу.

— Признаешь ли ты свое поражение, высокий лорд Мирадар? — услышали мы за спиной голос императора. — Твой противник явно сражается лучше тебя!

— Признаю, — проскрипел тот, скрежеща зубами.

— Признаешь ли ты, — вперед вышел Бальгор, мастер Смысла, — права юного Данемира как наследника Наместника?

— Признаю, — второй раз повторил лорд Мирадар.

— Признаешь ли ты права присутствующего здесь Данкора из Дома Дармира как Первого поединщика и наставника юного Данемира?

— Признаю...

Последнее слово прозвучало очень тихо — после трех признаний только очень бесчестные эльфы или люди способны нарушить данное слово.

— Итак, — император поерзал на троне, — сим объявляю, что юный Данемир из... из Дома Дармира назван новым наследником Наместника Кораллового Острова. Наместником до его совершеннолетия объявляется его отец, Данкор из Дома Дармира!

Я посмотрел на мальчика, которого крепко держал за руку орк по имени Хорст. Мальчишка был бледен и кусал губы. Я попытался улыбнуться. Теперь безвестный прежде Дом Дармир будет вознесен над всеми прочими Домами Кораллового Острова. Не это ли предсказывала Видящая, когда я родился?

— Данкор?

Я остановился не сразу, еще находился во власти терзающих душу дум. Церемония после нашего поединка закончилась довольно скоро — просто-напросто меня заставили дать клятву верности как новому Наместнику Коралловому, после чего император сказал присутствующим несколько слов и удалился. Меня, впрочем, задержали — но исключительно для того, чтобы предложить другую должность. Из Наместников мне предлагали «перешагнуть» сразу в Гвардию личных телохранителей императора и его наследника, натаскивать молодых эльфов и орков. Я обещал подумать — в конце концов, я Наместник только до совершеннолетия Данемира.

— Данкор! — подбежала неизвестно откуда взявшаяся Шаллорель, воительница тяжело дышала и сверкала глазами. — А я смотрю — ты или не ты? — выпалила девушка. — Что ты тут делаешь?

— Неважно, — отмахнулся я. — Лучше скажи, что здесь делаешь ты! Ты же клялась никогда не возвращаться на Коралловый Остров!

— Клялась, — кивнула девушка. — Но после твоего ухода я поговорила с парнями. Оказывается, многие мечтали хоть одним глазком увидеть родные места... Ну, в общем, мы покинули Ничейную Землю. Дали троллям передышку... Дома мне ужасно обрадовались. Представляешь, две мои младшие сестры дождались мужей с войны. У них все хорошо, они родили по ребенку. Моя третья сестра — представляешь? — вышла замуж за орка из какой-то касты кузнецов. А помнишь мою самую младшую сестру, у которой нашли волшебный дар? Она сейчас здесь, в Цитадели. Императрица учит ее и других послушниц вместе с несколькими уцелевшими волшебницами. Так что здесь я в гостях у сестренки. Ну а ты? Нашел свою семью?

— Нашел, — улыбнулся я. — И даже более того... — Я вспомнил слова своей старшей сестры о том, что нужно жить с открытым сердцем, и улыбнулся стоящей напротив девушке: — Пошли, познакомлю тебя с сыном!